

ФОРПОСТ

Александр Ищук

СПЕЦГРУППА «АЛТАЙ»

Недалекое будущее. Третья мировая война.

Возвращаясь с задания, разведывательная группа «Урал» капитана Трофимова случайно берет в плен полковника румынской армии. Полученная от «языка» информация оказывается настолько интересной, что проверить ее за линию фронта отправляется усиленный отряд разведчиков-спецназовцев.

Так, по приказу командования, группа «Урал» ввязывается в самую опасную операцию из всех, что были за эту войну.

Александр Ищук
«Спецгруппа „Нечисть“»

— Трофимов, на выход. — В открытую дверь камеры заглянул мордастый конвоир.

— С вещами? — привычно поинтересовался я.

— Тебе, смертнику, какая разница? — так же привычно ответил он и добавил: —

Остальные тоже готовимся.

— Командир, — раздался голос Зямы из угла, — да пребудет с тобой еврейское счастье!

— Зяма, ты его благословил или проклял? — с улыбкой поинтересовался Марсель. —

Судя по твоей морде, тебе оно не сильно помогло.

Зяма потрогал заплывший глаз, хмыкнул и подытожил:

— Видимо, грешен я сильно. Чего можно ожидать от судьбы, если все мои друзья гои?..

— Молчи, неверный, — с усмешкой заявил с верхних нар Вартанчик.

— Так, — прикрикнул конвоир, — закончили базар. Трофимов, шевели копытами.

— До встречи, парни, — попрощался я и вышел в коридор.

— Лицом к стене! Руки за спину!

Я послушно выполнил его требования.

— Сашок, — вдруг зашептал конвоир, — тебе привет от Барона. Он просил передать, что от «вышака» он вас отмазал. Его замысел о признании вас психами сработал. Сегодня комиссия, скорее всего, выдаст «желтые справки» — и домой, на лечение.

— Спасибо, Борисыч, — прошептал я в ответ.

— Не за что, сынок, — вздохнул конвоир и рявкнул: — Чего встал-то! Вперед! Вперед!!!

Я — псих! У судьбы странное чувство юмора! «Желтая справка»... Вот угораздило! Но она все равно лучше, чем военно-полевой трибунал, высшая мера, расстрельная команда и финальный залп. Я — псих. Придется как-то свыкаться с этой мыслью. Единственное, что радует: потом — домой, лечиться. И не голову лечить, с которой у меня все в порядке, а потрепанный и поломанный организм. Первые две недели после начала следствия нас дубасили два раза в сутки, выбивая нужные оппонентам Барона показания. Но не успели...

Вот такие невеселые мысли крутились в моей голове, пока Борисыч вел меня к «воронку».

Во дворе обнаружилось, что у «воронка» спущено колесо. И пока водила, чертыхаясь, его менял, я мог чуть-чуть отдохнуть от камеры.

— О, капитан, тебя уже на расстрел повезли? — раздался за спиной голос и ржание трех глоток.

Я обернулся. На крыльце стояли три сотрудника оперативно-следственной группы, именуемые в народе палачами. Именно эти товарищи, которые нам вовсе не товарищи, и выбивали из нас показания.

— Ты, сука, лучше молись, чтобы нас грохнули, — с усмешкой ответил я, — потому что, если мне или кому-то из моих парней удастся выжить, вы недолго задержитесь на этом свете.

— Ой, напугал, — усмехнулся тот же палач.

— Я еще не пугал. Ты, видать, не в курсе, что нам «вышака» на «желтые справки» будут менять? Не в курсе?! Очень хорошо! Считай, что я тебя напугал...

— Трофимов, пасть захлопнул и в машину, — крикнул Борисыч. Перед тем, как войти в «воронок», я обернулся и с чувством искреннего и глубокого удовлетворения констатировал

факт изменения цвета лица палача с розового на пепельно-серый.

Через полчаса я предстал перед светлыми глазами группы психиатров. Из посторонних в зале был заместитель начальника особого отдела фронта, курировавший наше дело и головой отвечавший перед противниками Барона за наш расстрел, и Барон (он же генерал-майор Ивлев, он же наш ангел, мать его, хранитель, он же адвокат).

— Заседание психиатрической комиссии медицинской службы вооруженных сил РФ считается открытым. — Майор медицинской службы, эдакий бегемотик с козлиной мордой и большим синяком под глазом, зевая, объявил присутствующим: — На повестке дня вопрос об определении степени психического расстройства капитана вооруженных сил РФ Трофимова А. В., в состав комиссии входят... — «Епа-мама, меня, командира лучшей разведгруппы, пытаются признать психом!» — ...комиссия не будет учитывать показания старшего лейтенанта Сунгатова М. Г. и остальных бойцов подразделения «Урал». В их отношении также будет проводиться психиатрическая экспертиза... — «Да, и Марсельку психом будут признавать, и моих головорезов... а как все начиналось...»

Война началась, война — за нефть. Америкосы начали передел мира. Стартовала на Востоке и тихонечко докатилась до нас. Бывшие страны Варшавского договора, а ныне ярые члены НАТО то ли сдуру, то ли умышленно атаковали наших — и закрутилось... Все как всегда: ускоренный марш в глубь России, Смоленск и топтание на месте под его стенами. На этот раз дальше Смоленска не прошли. Армия, как ни странно, была готова к такому развитию сюжета. Потоптавшись восемь месяцев, эти идиоты были вынуждены отступить. Мы начали продвижение на Запад, как когда-то наши деды и прадеды. Ничему людей история не учит...

Меня призвали в армию на второй день войны. Высшее образование и значок КМС по боевому самбо сделали свое дело. Первое дало мне офицерские погоны, а второе привело в спецназ. Совокупность того и другого занесла в разведку. Марселя забрали вслед за мной. Лейтенантов нам дали одновременно, а здоровье и потрясающая физическая сила позволили ему оказаться в той же части, что и я. К тому моменту, когда мы вырезали недружественные нам народы Восточной Европы на их земле — ну, обиделись мы на них, народ должен платить за действия людей, которые им руководят, — я уже был капитаном, командовал группой таких же головорезов, как я сам, имел награды за отличное истребление мирного и не очень мирного населения бывших союзников.

— Капитан, ты хоть понимаешь, какую честь оказало тебе командование? — Полковник из «верхнего» штаба таращился на меня, видимо, ожидая, что я если не зарыдаю, то хотя бы запрыгаю от восторга.

— Так точно, — вяло ответил я.

— Ничего ты не понимаешь, наглец! — вдруг перешел он на крик. — Тебе... щенку... да если бы мне...

Стараясь не слушать его ор, я вопросительно посмотрел на своего полкана. Тот сидел чуть позади представителя штаба и двух его прихлебателей, поэтому высунутый полканом кончик языка, прикушенный зубами, красноречиво призывающий меня к молчанию, остался штабными незамеченным. Я вздохнул и вернулся к своим невеселым мыслям. Честь мне они оказали... и Родина мне тоже честь оказала... командование и Родина... «Галантерейщик и Кардинал — это сила!!! Франция в опасности!!! Я спасу тебя, Франция!!!» — пришло на ум и невольно вызвало у меня усмешку. Оратор воспринял усмешку на свой счет, и его словесный понос усилился...

Честь они мне оказали... Эта оказанная честь была из цикла «пойди туда, не знаю куда, принеси то — не знаю что», а в современной обработке: проникнуть в глубь вражеской территории, найти на площади хрен знает во сколько квадратных километров засекреченный объект, провести разведку и по возможности (считай: в обязательном порядке) его уничтожить. И срок исполнения — «вчера». Проникнуть — не проблема, найти — тоже не проблема. Если эти «гении» все правильно описали, то искомый объект мы случайно обнаружили еще в прошлом месяце. А вот с уничтожением вырисовывалась проблема. Охраняли его серьезнее, чем бордель в местном городке, а уж тут охрана была первостатейная!

— Товарищ полковник, — перебил я оратора, — судя по вашему описанию, этот объект очень важен для румын. Поэтому рискну предположить, что охраняется он соответствующе.

— Естественно! — все тем же повышенным тоном ответил штабной.

— Так, может быть, имеет смысл отправить на поиск еще и группу Коваля?

— Ты что, капитан? — поправляя галстук неуставного цвета и фасона, влез в разговор один из прихлебателей штабного, лощеный майор, красавец-мужчинка, высокий и широкоплечий, с ярко выраженным нарциссизмом. — Испугался или Родину не любишь?

Он весь был небольшим отступлением от Устава. От ботинок до фуражки. Отступления выгодно подчеркивали сильные стороны во внешности майора и скрывали недостатки. Трусы, небось, тоже «неуставные». Не такие, как у меня и моих бойцов: черные «парашюты», ниже колен, а что-нибудь эдакое. Стринги, например. Я попытался представить майора в стрингах, и меня затошнило.

— Не любить можно государство, а Родину не любить нельзя, — ответил я и поморщился, так как тошнота не проходила. Ненавижу свое воображение. Богатое оно у меня. А «стреноженный» майор (нет, «стрингованный» майор) умолк, осмысливая мой ответ. Осмыслив, выдал фразу, которую я слышал на протяжении последних двух лет:

— И как таких в разведку берут?!

Как, как? Добровольно-принудительно... Вихрем пронеслись в голове: военкомат, железнодорожный вокзал, слезы жены, дочери и матери, два дня пьянства в поезде и,

Восемь утра. Перед строем стоял толстый прапор и пытался добиться нашего внимания. Строю было не до него. Все, кто находился в строю, делились на две категории: еще пьяные и уже опохмелившиеся. Мы с Марсей относились ко второй. Промучившись минут десять прапор плюнул на все и повел нас в столовую. Кормили, на удивление, неплохо; жаль, что не все это оценили. К одиннадцати утра начали таскать в кабинет, где сидела распределительная комиссия. Заводили по три человека. Посмотрев на наши похмельные рожи и заслушав наши анкетные данные, комиссия задумчиво почесала в затылках и вынесла свой вердикт: этих двух, Штепселя и Тарапуньку, — в спецназ.

Нас вывели в другую комнату, где сидело всего восемь человек из более пятидесяти уже «просеянных». К вечеру нас, слава Богу, накормили и в составе группы из десяти мобилизованных отправили на грузовике «куда-то дальше». В «куда-то дальше» мы прибыли под утро. Заведение оказалось тренировочным лагерем, но, очевидно, секретным. У нас отобрали все документы, выдали «камуфляжку» и ботинки и отправили... правильно, пред светлы очи очередной комиссии. Как и в предыдущий раз, нашу судьбу решили быстро, сообщив нам, что мы курсанты группы «четыре», после чего отправили на медосмотр.

Медосмотр! Нет, не так. МЕД-ОС-МОТР!!! Такого внимания к своему организму со стороны врачей я не ощущал никогда! Меня пощупали во всех местах, взяли анализы всех биологических жидкостей, выделяемых моим организмом, ну, кроме спермы, разумеется. Залезли хитрыми приборами во все полости и отверстия, какие во мне были. А куда не смогли залезть (точнее, я не дал), осмотрели визуально. Четыре часа продолжалась эта канитель. Под конец, задолбавшиеся и голодные, мы попали на растерзание двум замечательным женщинам неопределенного возраста — психологу и психиатру. Они устроили нам тестирование, заключающееся в ответе на четыреста пятьдесят вопросов, смысл которых постоянно повторялся, но в разных интерпретациях. Вопросы задавались в быстром темпе, отвечать тоже нужно было быстро. В конце концов, моим любимым литературным персонажем стал Колобок, последнюю книгу, которую я прочитал, — тоже «Колобок», на Колобка я бы хотел походить, и колобкообразные формы ягодич привлекали меня в женщинах. Марся двигался по «горькому и слезливому пути Чиполлино».

Потом был тест Люшера, еще один тест, где показывали абстрактные картинки, а мы озвучивали свои ассоциации. Звучало «сиськи», «жопа», «гриб, только он у вас перевернутый». В итоге, промучив нас еще кучей тестов, докторши остались очень довольны нашими результатами и нарисовали черным маркером на наших картах какие-то иероглифы: у меня — с двумя палочками, у Марси — с одной, и отправили нас отдыхать.

Утро преподнесло очередной сюрприз: нас отправляют в офицерскую школу. После этой новости Марся пошутил: «Саня, нас пока распределят — война закончится». Опять грузовик, опять четыре часа дороги, опять какой-то секретный (на этот раз стационарный) объект. Нас выгрузили возле проходной, выдали документы, и грузовик вместе с сопровождающим офицером уехал.

Мы подошли к часовому:

— Послушайте, военный, тут, что ли, в генералы записывают? — поинтересовался я.

Часовой, открыв от удивления рот, смотрел на нас и молчал. Подождав минуту и не получив никакого ответа, Марся решил зайти с другой стороны:

— Вы не подскажите, как пройти в библиотеку?

— Куда? — выйдя из ступора, переспросил тот.

— Ну, слава Аллаху, — вознес хвалу Всевышнему Марся, — он говорить умеет!!! Куда нам с этими бумажками топтать, малахольный?

Часовой глянул на наши бумаги и вызвал дежурного офицера. Дежурный долго сверял наши лица с фотографиями в документах, задал несколько вопросов из биографии и, убедившись, что мы не фальшивые, провел к начальнику школы. Начальником оказался генерал-лейтенант. В кабинете он был не один, напротив него сидел здоровенный полковник. Между ними шел не то спор, не то напряженная беседа. В любом случае, начальник что-то доказывал полкану уставшим голосом:

— Петрович, сотый раз тебе повторяю, нет у меня для тебя людей. Нет!!! С той системой выбраковки, которую придумал твой шеф, не к ночи будь он помянут, — он поплевал три раза через левое плечо, — вам для работы подходит в лучшем случае один из трехсот. Последний раз ты у меня забрал одного в прошлом месяце. Где я тебе еще возьму? Набор курсантов только завершается. Вон двух последних привезли. Ну и рожи!!!

Мы с Марсей переглянулись. Ничего криминального друг у друга не обнаружили. А генерал продолжал:

— Зимин, ну подожди ты хоть месяц, по первым предварительным итогам уже что-то будет понятно.

— Нет у меня месяца, меня Барон порвет, если пустой приеду.

— А сколько у тебя есть?

— Две недели.

— Ну, подожди две недели. Комнату мы тебе выделим, харчами обеспечим, водку сам купишь, а бабу среди связисток найдешь. Договорились?

— Ладно, хрен с тобой, уговорил. Чтобы через десять дней были «предвариловки». Где, говоришь, у вас узел связи?!

Полкан поднялся со стула. Рост под два метра, шире Марси раза в полтора. Глаза серые, но раньше, мне показалось, они были голубыми. В глазах читались насмешка и глубокий ум. Движения плавные и скупые. Создавалось ощущение, что любое его движение может закончиться мгновенным и смертельным ударом. Он внимательно нас рассмотрел, неоднозначно хмыкнул, потер правую мочку уха, точнее ее остатки, и вышел. Скорее всего, ушел искать узел связи. С его уходом спало напряжение, висевшее в кабинете. Я иногда встречал таких людей, в присутствии которых начинаешь чувствовать себя неудобно: появляется беспричинная тревога и возникает желание уйти подальше от такого человека.

— Слава Богу, отстал, — облегченно выдохнул генерал. — Документы давайте.

Он оперативно пролистал наши бумаги, «спотыкаясь» только на странном иероглифе, поставленном психологом и психиатром. Наличие этой закорючки заставило генерала среагировать неожиданно для нас:

— Дежурный, — позвал он. Мгновенно в кабинет влетел лейтенант.

— Да, товарищ генерал-лейтенант!

— Святогор... тьфу ты, мля, Зимин далеко ушел?

— Не должен.

— Тащи его обратно!

— Есть!

Генерал внимательно посмотрел на нас и поинтересовался:

— Парни, вы до мобилизации знакомы были?

— С горшков, — ответил я.

— В каком смысле? — не понял он.

— Мы в яслях познакомились, — пояснил Марся, — с тех пор и дружим.

— Пить, курить и материться учились вместе, — добавил я.

— Удивительно! А как же вы вместе-то досюда добрались?

— А нас никто не спрашивал! Как в военкомате сгребли, так на пару и посылают.

— Удивительно! — повторил генерал и с видимым удовольствием еще раз посмотрел на иероглифы в наших делах.

— Ольха, какого черта ты меня вернул? — В дверь, ворча, вошел Святогор-Зимин. — Ты мне уже бабу нашел?

Ольха (он же генерал-лейтенант Ольховский, как мы узнали чуть позже), не обратив внимания на то, что полкан в присутствии курсантов обратился к нему по прозвищу, оборвал его ворчание:

— Заткнись и смотри сюда. — Он ткнул пальцем в загадочные иероглифы в наших делах. — Узрел?! Тогда получи, распишись, и валите отсюда к нехорошей маме!

Судя по всему, под словом «валите» Ольховский понимал убытие не только Зимина, но и нас с Марсей в том же направлении.

— Это я удачно зашел! — весело воскликнул Зимин и начал нас разглядывать гораздо внимательнее. — Так, Ольховский, их личные дела мне оставь, а их отправь пока в роту. И сам где-нибудь погуляй часа два.

Ольховский, ни капли не обидевшись на нахальный тон Зимина, вывел нас из кабинета и объяснил, куда нам идти.

— Слышь, друже, — обратился я к Марсе, когда мы топали в нужном направлении, — чувствует мое сердце: огребем мы еще неприятностей с этими закорючками.

— Это факт, — поддакнул он, — знать бы только, что они означают?!

— Не переживай, завтра, судя по всему, узнаем!

Завтра мы ничего не узнали. Завтра был ранний подъем, легкий завтрак и решение тестов. Не таких, какими нас мучили во время комиссии, а на определение умственных, так сказать, способностей. Два часа мы решали ребусы и прочую канитель. Когда мозги уже начали кипеть, всех подняли и отправили на легкий кросс. Не спеша — действительно, не спеша — мы пробежали три километра, после чего нас привели в тренажерный зал. Разбили на группы по четыре человека и к каждой группе прикрепили инструктора по какому-нибудь единоборству. Нашей группе достался молодой, но, судя по иероглифам на черном поясе и дорогому кимоно, маститый айкидошник. После приветствия он сделал то, что делали все преподаватели в данном учебном заведении, — спросил, глядя на меня и Марсю:

— Это вас, что ли, Святогор планирует забрать?

— Нас, — дуэтом ответили мы. Мы уже задолбались отвечать на этот вопрос. Самое смешное — официально никто никому не объявлял, что полковник Зимин куда-то нас должен забрать. Но вся школа, от старших офицеров до рядовых на воротах, знала, что именно мы те два смертника, которых страшный и безжалостный Зимин должен забрать туда, где обитает Великий и Ужасный Барон! Кто такой Барон, мы знать не знали, ведать не

ведали, как и большинство здесь присутствующих, но нас все жалели с удвоенной силой.

— Да, парни, — сочувственным тоном продолжил инструктор, — не завидую я вам.

— Почему? — вяло поинтересовался я и услышал в который раз все тот же ответ:

— У них какой-то свой учебный центр. Там из вас или сделают карателей, или вы там сдохнете.

— Подробности будут? — не надеясь услышать что-либо новое, вяло спросил Марся.

— Нет, там все очень секретно, — как и предыдущие сочувствующие, ответил инструктор, — ну, не будем отвлекаться и грустить, приступим к тестированию.

Он велел нам по очереди хватать его за ворот кимоно. Дождавшись, когда нападающий схватит его покрепче, фиксировал кисть нападающего на вороте своей кистью, делал движение назад, вытягивая руку противника, после чего бил по локтевому суставу, выворачивал запястье, и соперник укладывался лицом в мат. Все четко и красиво. Было. Пока не подошла очередь Марся. Марся являет собой ту категорию людей, про которых говорят: «Проще перепрыгнуть, чем обойти». На эти параметры накладывалась еще и потрясающая физическая сила. Особенно были сильны руки. Он один из немногих, кто позже смог не сразу проигрывать Миколу в борьбе на руках. В общем, Марся ухватился за ворот, инструктор зафиксировал его руку и дернул. Точнее, попытался. После трех попыток Марся потянул его на себя, тот начал упираться. Марся поднажал и подтянул инструктора вплотную. Подтянул и поинтересовался:

— Дальше-то что?!

Инструктор пыхтел и пытался вырваться.

— Марся, да брось ты его, — посоветовал я, не задумываясь о последствиях. Он и бросил. Инструктор усиленно тянул на себя, а Марся этим воспользовался и придал ему ускорение. Совместные усилия отшвырнули инструктора в стену. Приложился он душевно, но вида не подал. Отряхнувшись и потеряв ушибленные места, он жестом показал мне, что теперь спарринг будет со мной.

— Слышь, болезный, я самбист.

— Разберемся. Атакуй.

Инструктор начал медленно двигаться вокруг меня, ожидая, что я начну движение первым. Ну, что ж, нужно уважить человека. Только жаль, человек не внял моим предостережениям. Двигаться на него всем корпусом я не стал, незачем такие козыри ему давать. Я вытянул руку и ухватил его за предплечье. Как и ожидалось, он начал хитрый прием по выходу из захвата с последующим выведением меня на болевой. Но кто ж ему позволит это сделать?! Как только у него обозначилось движение, я просто и незатейливо сделал подсечку, и он упал. Но упал он мягко, я его придержал. После этого последовали еще две попытки с аналогичным результатом. Четвертый раз я ухватил его за ворот кимоно. Он даже обрадовался и уже собрался сломать мне руку, но я шагнул к нему, обнял, как любимую девушку, и оторвал от пола. Стандартных борцовских контрдействий не последовало, и «вознесение» продолжилось. Когда я уже перехватился и собрался покрутить его в воздухе, чтобы он потерял ориентацию в пространстве, позади меня раздалось:

— Курсант, а со мной так сможешь?!

— Капитан, почему вы хотите привлечь группу Коваля? — вернул меня в суровую действительность голос второго из «нукеров» полковника.

Вторым «нукером» был рахитичный капитан. Он был не только рахитичным, но еще и с плохим зрением, гнилыми зубами и реденькими сальными волосиками, которые зачесывал назад. Увидев его первый раз, я сразу вспомнил приключения нашего «першего хохла» Миколы на соревнованиях по рукопашному бою. Микола тогда, вопреки приказу, усугубил сверх меры и пребывал в самом добродушном расположении духа. Перетекая в сторону родного «КАМАЗа», он наткнулся на группу военнослужащих. Группе военнослужащих он чем-то не понравился, и они сказали все, что думают о нем и его родственниках.

Микола был очень добродушным (а по пьяни это свойство увеличивалось многократно), поэтому на первый раз он им это простил. И на второй, и на третий... и на седьмой. После седьмого его добродушие неожиданно кончилось, и он начал их бить. Не драться, а именно — бить. Потому что человек, ростом два метра десять сантиметров, имеющий чуть меньший размах в плечах, весящий сто тридцать килограммов, завязывающий гвоздь «сотку» пальцами в узел и на боевые выходящий с крупнокалиберным пулеметом, может только бить.

Пока патруль искал меня, пока мы бежали к месту побоища, Микола положил почти всех. Последнюю жертву он держал в воздухе на вытянутой руке и с любопытством рассматривал. Жертва слабо дергала конечностями и пыталась что-то сказать. При ближайшем рассмотрении жертвой оказался солдатик самой что ни на есть азиатской наружности. Тут внимание Миколы переключилось на бегущих к нему офицеров, произошла идентификация меня как командира.

— Сашкоооо!!! — взревел Микола и повернул жертву лицом ко мне. — Ты токмо глянь, яка гарна кака!!! Вин м-нэ ножкою лягнуть пытався...

Начальник патруля, галопирующий вместе со мной в сторону Миколы, заржал, споткнулся и упал. Мне же было не до смеха, и я заорал:

— Микола, крюк тебе в дышло, брось солдатика, задушишь ить его!!!

Микола сфокусировал взгляд на противнике и разжал пальцы. Жертва упала плашмя... Когда начальник патруля проржался и мы оказали первую помощь пострадавшим, выяснилось, что Микола чуть не придушил четвертьфиналиста проводимых соревнований... Отмазал я его с большим трудом...

Так вот, глядя на рахитичного капитана, я и вспомнил «гарну каку». Ну «кака» стопроцентная. Патентованная, я бы сказал. Но было одно «но». При всей своей невзрачной внешности и сволочном характере капитан был одним из немногих, кто понимал специфику профессии. И понимал очень хорошо. Поэтому с ним приходилось мириться и прислушиваться к его мнению. А еще он был интеллигентом. В четвертом поколении.

— Группу Коваля я бы привлек для усиления. Объект такой значимости, стопроцентно, имеет усиленное охранение. Обнаружить его силами одной группы сложно, но возможно. А вот на штурм у меня элементарно может не хватить людей. Поэтому бойцы «Заката» были бы кстати. А еще лучше — после обнаружения бросить на уничтожение объекта штурмовиков из бригады морпехов Комарницкого. Это их «хлеб».

— Морпехов ему подавай... — начал было майор.

— Способ доставки штурмовиков? — обратился ко мне капитан, перебив майора.

Интересное у них распределение «ролей». Тон, которым был задан вопрос, наталкивал на мысль о бесперспективности моего желания привлечь морпехов. И причина

бесперспективности заключалась вовсе не в том, что капитан жаждет сделать мне «подлянку»: скрытно до объекта могут добраться только разведчики морпехов, штурмовиков вычислят еще при переходе линии фронта — специфика у них другая.

— Хороший вопрос, — высказался я. — Можно парашютным способом.

— Это же морпехи, а не десантники! — с усмешкой опять влез майор.

— Нет времени на подготовку, — поморщившись, ответил капитан. Тупизна майора, судя по всему, его тоже достала.

— Владимир Григорьевич, — обратился капитан к майору, — при всем уважении, но у меня к вам большая просьба: не высказывайте своих оценок относительно подготовки десантников рядом с десантниками. И упаси вас Бог сделать то же самое рядом с морпехами.

— Это еще почему? — набычился майор.

— Сильно опасаясь за ваш внешний вид, не говоря уже про целостность вашего «богатого внутреннего мира». А вам, для общего развития, я спешу сообщить, что в стандартную подготовку наших морпехов в обязательном порядке входит и парашютно-десантная подготовка.

Майор густо покраснел. Мой полкан тихо смеялся, я улыбался.

— Соответственно, капитан, — продолжил рахитный, — как мы уже пришли к выводу, ДШБ — не подходит; разведгруппы морпехов — подходят, но они все работают; Коваль уходит сегодня в другом направлении. Как вы уже догадались, придется этот «подвиг» совершать вашими силами. Приказ уже утвержден «наверху». Хочу пожелать вам удачи. Вопросы есть?

— Информация о степени охранения объекта есть?

— Вся информацию вы получите сегодня вечером от вашего непосредственного командира. На этом все. Свободны.

Я так обалдел от слов капитана, что не успел ничего сказать в ответ.

— Капитан, — моментально вклинился в разговор мой непосредственный командир, — вы рыбного супа, часом, не переели? Вы в одном звании и приказывать ему имеете право ровно столько же, сколько и он вам. То есть ни шиша вы не имеете!!!

Капитан уже понял, что переборщил, и поспешил извиниться.

— Саша, — обратился ко мне чуть подобревший полкан, — иди, готовь группу, а в девятнадцать часов ко мне.

— Добро.

Улица поприветствовала меня ярким летним солнцем и отцом Алексием — капелланом морпехов. Солнцу я порадовался, а от батюшки постарался улизнуть.

— Александр! — крикнул он, заметив меня. — А ну, иди ко мне.

До посвящения в сан отец Алексей был военно-морским офицером, капитаном третьего ранга. Я не знаю, какая злая сила затащила его в священники, но у меня складывалось впечатление, что батюшку с «Крейсера „Аскольд“» Пикуль писал именно с него. Став священником, он и не подумал отказываться от порочных привычек, приобретенных на службе. А прослужив с морпехами год, он нахватался всякой гадости еще и от них. Кроме того, он курил, имел любовницу в штабе и воевал наравне с морпехами. За это ему прощали всё и все. Был он ростом около метра семидесяти, имел щуплое телосложение, черную с проседью бороду и отвратительный голос, не говоря о полном отсутствии слуха. Когда он пел псалмы, в обморок падали даже вороны.

— Что случилось, святой отец?

Он окинул меня строгим взглядом и поинтересовался:

— Сын мой, а давно ли ты исповедовался?

Началось... У батюшки кончились деньги, выпить хочется, а занять не у кого. И я, ешкин кот, первый, кто попался ему на глаза. Его стандартное разводилово на деньги обычно начиналось с требования об исповеди. И заканчивалось, как всегда, предложением «обмыть очищение души воина от грехов тайных и явных». В другой день я бы не только одолжил ему на пузурь, но и выпил бы с ним, но не сегодня.

— Батюшка, — наклонившись, зашептал я ему, — сегодня, часов в шесть вечера, заскочи ко мне, я тебе все свои грехи в литровую емкость ссыплю, а ты, как найдешь силы, отпустишь их.

— А чего до вечера тянуть? — моментально сообразил он. — Давай сейчас и отсыплешь!

От святого отца пахло таким перегаром, что стало понятно: не выпить он ищет, а опохмелиться.

— Сейчас не могу, мне бойцов к выходу готовить — завтра в бой. А к вечеру я еще нагрешу и оптом тебе их отдам.

— Сын мой, как же ты будешь исповедоваться, если тебе завтра на боевой выход?! — заподозрил он подвох.

— Святой отец, так я о чем толкую: я насыплю грехи в емкость, а ты, именно ты, их отпустишь...

— Я тебе что, алкаш — в одну харю грехи отпускать? — обиделся капеллан.

— Едрить твою, — выругался я, — почему в одну харю? Вечером, да еще и в пятницу, с тобой кто угодно чужие грехи отпустит. А уж на халяву...

— Ага, — сообразил он, — верно глаголешь. А до вечера мне что, так и не исповедовав, ходить?

У меня аж рот открылся от такой наглости.

— Слышь, падре, ты что, об угол храма головой стукнулся?

Поняв, что ляпнул лишнего, батюшка тут же «включил заднюю».

— Сашко, ты меня не так понял. Я должен постоянно с бесом бороться, вот и задумался:

кого до вечера мне еще можно исповедовать...

— Скоро из штаба Зимин выйдет, — я ненавязчиво сдал своего полковника, — он вчера денюжку получил, посему греховных мыслей у него — как у собаки блох. Исповедовать его нужно срочно, дабы бессмертная душа его...

— Зими́на исповедовать... — неуверенно промямлил батюшка. — А в «фанеру» не зарядит?

Моего полкана боялись все. Даже морпехи. Даже капеллан морпехов.

— Не дрейфь, святой отец, — обнадежил я его, а сам поспешил в расположение своей группы. Буквально через минуту я услышал рык любимого командира:

— Ты что, каптри, с колокольни упал? Исповедовать он собрался! С утра! Да я тебя, червоточина морская...

Чем закончился их диалог, я так и не узнал, так как был достаточно далеко.

В расположении меня уже ждали мои головорезы.

— Санек, — увидав мой сосредоточенный вид, начал Марсель. «Саньком» Марся называл меня еще с детского сада. С самой младшей группы. С тех же времен я называл его «Марсей». — Только не говори, что мы тоже пойдем подвиг совершать?

— Почему «тоже»?

— Так Коваль заходил. Посоветоваться с тобой ему надо. Он вкратце описал, что для него приготовили.

— Штабные?

— Нет, Михалыч.

— Он еще зайдет?

— Да, минут через сорок. Так, что, тоже геройствовать пойдем?

— Пойдем, родной. Пойдем. И думается мне, что наш «подвиг» позабористее будет...

— Все так плохо?

— Ты тоннель помнишь, который мы в прошлом месяце обнаружили?

— Ну?

— Так вот его нам и нужно найти.

— И все?! — оживился Марсель.

— Держи карман шире. Уничтожить его нужно.

— Они там что, с ума сошли, — он повернулся в сторону штаба, — нас еще на подходе всех перестреляют.

— Не каркай. Термит, дуй на склад и получай пластик. Чем больше — тем лучше.

Сапер, к которому я обратился, задумчиво почесал щеку и поинтересовался:

— А ч-ч-чего рвать б-б-будем?

— Тоннель.

— Т-т-тот самый?

— Именно.

— П-п-понял.

Проводив сапера взглядом, я обратился к своим:

— Чего стоите? Дружно готовить снарягу и получать боеприпасы!

Народ, тихо ворча, пошел выполнять указание.

— Нет, Санек, — Марся никуда уходить не собирался, — ты серьезно считаешь его уничтожить? Это же самоубийство чистой воды.

— Война — это вообще одно сплошное самоубийство. Ты чего стоишь?

— У меня давно все готово. Ты, как в штаб ушел, так я все и приготовил. А парни еще над моей паранойей смеялись.

— Тогда иди, спать ложись.

— Не хочу. Выспался уже.

— Тогда не отсвечивай. Чапай думать будет.

— Ну-ну, — хмыкнул он и пошел в палатку.

Я уселся за стол перед палаткой и налил себе чаю. Мне не нужно было дожидаться вечера для получения информации от штаба. Возле тоннеля мы сутки пролежали в прошлом месяце. Под первой линией оцепления. И как к нему скрытно подойти, я уже знал. Но вот как его уничтожить и остаться в живых — ответ на эту загадку еще не нашел.

Через двадцать минут вернулся Термит. Пластита он набрал столько, что вез его на тележке.

— Леня, а на кой черт столько?

— Т-т-там ить ск-к-калы кругом и б-б-бетона много. Я еще т-т-тогда прикинул, ско-о-олько нужно.

— Ладно, распредели между парнями.

Термит кивнул и пошел раздавать взрывчатку. Не прошло и минуты, как из палатки медиков раздался возглас Зямы:

— Леонид, а вы часом не опухли со своим «пластилином»?

— К-к-командир п-п-при...

— Что «командир», что «приказал»? Я, между прочим, врач! А не ломовая лошадь. Так что идите в сад вместе с «пластилином» и командира туда же заберите.

— Н-н-но... — попытался настаивать Термит.

— Так, Термит, — услышал я голос второго врача. — Зяма направление движения тебе задал, так и вали туда скорым шагом, и замазку свою заberi. Не понесу я ее. Мне и так за Зяму его добро таскать.

А это стало для меня неожиданностью. Зяма и Ильдар, два медика группы, хоть и «друзья не разлей спирт», но никогда не сачковали за счет друг друга.

— П-п-почему тебе т-т-таскать? — так же, как и я, удивился Термит.

— По кочану, — ответил Зяма, — Ильдарище, не гони волну, я в норме.

— Зяма, — людоедским голосом начал Ильдар, — я что-то не слышал, чтобы среди евреев были камикадзе. Я тебе сказал: вали в госпиталь!!! Леня, собирай; собирай свою амуницию, у Зямы аппендицит, и с нами нынче он не пойдет. На больничном он.

А вот это была новость! Притом плохая. Я вошел в палатку, где два медика отбивались от сапера.

— Так, эскулапы, я чего-то не знаю?!

Зяма, который лежал на кровати, попытался встать для приветствия, но получил кулаком в грудь от Ильдара и снова лег.

— Командир, — Ильдар повернулся ко мне, — у Зямы аппендицит. Сто процентов. Этот мудака вчера терпел и молчал, а сегодня он встать не может. Я его уже осмотрел. Минут через десять «таблетка» приедет, увезут этого героя.

— Зяма, ты кретин, — высказался я. — Что за детский сад?!

— Командир, я в норме, — и тут же вскрикнул, потому что Ильдар ткнул пальцем ему в живот.

— Татарин, зараза, ты что делаешь?!

— В «норме» он, — проворчал Ильдар, — заткнись и жди машину!

— Вашу мать! Ильдар, замену искать будем?

— Во-первых, сейчас ты ее не найдешь, во-вторых, врача квалификации Зямы уже не найти в принципе, и, в-третьих, я никого не подпущу к парням. Они же из насморка пневмонию за сутки сделают.

Ильдар был прав. Квалифицированных медиков катастрофически не хватало. В госпиталях еще можно найти грамотного специалиста, а на передовой это редкий экземпляр. Нам повезло: Зяма — кандидат медицинских наук, нейрохирург. Ильдар тоже КМН. До войны он был гинекологом, но быстро «переквалифицировался». Мне завидовали все: иметь в составе группы двух врачей, да еще такой квалификации! Когда мы отдыхали после выходов, эти двое постоянно оперировали в госпитале, поэтому группа никогда не испытывала недостатка в спирте...

— Леня, — обратился я к саперу, — ты чего тут встал, родной? Вали, раздавай «подарки» остальным. А Ильдара не трогай.

Термит ушел. Не прошло и тридцати секунд, как возражения, аналогичные возражениям медиков, раздались от соседей.

— Так, — не выходя от медиков, рявкнул я, — кто-то оспаривает гениальные решения любимого командира?! Заткнулись и, радостно капая слюной, разбираем пластит.

Возражения моментально прекратились. Но раздался голос Марсея:

— Санек, тут «таблетка» приехала. У нас кто-то простудился?

— Ага, Зяме животик продуло...

— Беременный что ли? — Марсель вошел к медикам. Глянул на зеленое лицо Зямы, почесал затылок и резюмировал: — Зяма, я тебе всегда говорил: жадность тебя погубит. Нехорошо жрать сивуху в одну харю! Глянь, как отравился.

— Марся, — ответил вместо Зямы Ильдар, — заткнись и тащи сюда носилки из «таблетки». Не принесешь — я тебя, как и нашего еврея, разрежу пополам.

Тон был убедительный, и Марся ломанулся выполнять указание Ильдара. Через мгновение вошли Марся и два санитары с носилками.

— Так, бойцы, — скомандовал Ильдар, — нежно берете капитана и тащите его в машину. Уроните — препарировать обоих. Марся, проследи за транспортировкой.

При помощи санитаров Ильдар уложил Зяму на носилки. Марсель начал руководить эвакуацией:

— Так, гои, аккуратно несем тело. Не забывайте: в ваших криворуких руках лежит тело «избранного»...

— Марся, заткнись... — послышался голос Зямы.

— Подносим, подносим, — продолжал юродствовать Марсель на улице, — машина, надеюсь, кошерная? А почему головой вперед? Ах, «ногами» еще рано... Опускаем, руки берегите. Да не свои руки, дятлы! Еврейские руки. Ему ими еще дро... вас, бакланов, резать!

— Ильдар!!! — вдруг раздался крик Зямы. — Ты где, друже?! Не бросай меня, не отдавай на поругание неверным!!! Спаси, ради Авраама и детей его...

Ильдар, собирая свои причиндалы и с улыбкой слушая вопли друга, выронил из рук какой-то хитрый инструмент.

— Не оставь меня в трудную минуту!!! Эти «кандидаты в доктора» вырежут же мне все, кроме аппендикса!!! Нас же так много связывает, — продолжал стенать Зяма, — совместно украденный спирт, два порножурнала у тебя под подушкой, пять кило свинины в

холодильнике, наконец, клятва... этого... как его... Гиппократы!!!

— Зяма, заткнись, — сквозь смех крикнул Ильдар, — сейчас я приду.

— Ты его сам резать будешь?

— Так, командир, он же никого больше к себе не подпустит.

— Это долго?

— Нет, через два часа приду. — Ильдар наконец собрал все, что ему требовалось, и пошел к машине.

— Так, правоверный, — послышался крайне заинтересованный голос Марсея, — я чего-то насчет журналов и спирта не понял?!

— Чего ты его слушаешь? — ответил Ильдар. — У него уже бред! Зяма, ты же бредишь?!

— Кто?!! Я?!!! Конечно!!!

Выйдя на улицу, я проводил взглядом отъезжающую «таблетку», в которой продолжал скулить Зяма.

— Санек, как ты думаешь, где они занькали спирт?

— Не о том думаешь, родной. Ты, кстати, у Термита пластит получил?

— Нет.

— Так вали, получай. И не приставай ко мне. Тем более, вон Коваль идет.

— Зяма до «белочки» допился? — вместо приветствия кивнул в сторону уехавшей санитарной машины Коваль. — Или печень отказала?

— Аппендицит.

— Вот хитромудрый еврей! — восхитился Коваль. — Даже на войне умудрился по гражданской болезни закосить.

— Леха, не сыпь мне соль на сахар. Мне завтра подвиг совершать, а врач всего один остался.

— Тебе тоже подвиг?!

— Именно.

— Тогда давай объединим наши мозговые усилия.

— Какие усилия? — не понял я.

— Блин, чего к словам цепляешься? На двоих, говорю, давай подумаем. Глядишь — и найдем решение проблемы.

— Понял. Что тебе нужно сделать?

— «Языка» привезти.

— И все?!

— Точно. Только есть одно «но»: у «языка» есть имя, фамилия, воинское звание и куча фоток его рожи лица...

Через час объединенными усилиями мы нашли более-менее приемлемые решения для выполнения наших боевых задач, и Коваль, довольный, ушел.

Вернулся Ильдар.

— Саня, Зяму я вскрыл, вырезал лишнее и зашил.

— Жить будет?

— А куда он денется...

— Надолго он «залег»?

— Через десять дней будет в строю. Я его на попечение двум медсестричкам оставил...

Там такие «кошечки» — мертвого поднимут! Кстати, ты не знаешь, чего морпехи с

танкистами не поделили?

— С чего ты взял, что не поделили?

— Судя по остаточному кипишу в лазарете и наличию ментов, морпехи здорово вломили танкистам.

— Нет, не в курсе. Я ж с обеда тут торчу...

Со стороны крайней палатки раздал хохот, как минимум, пяти глоток и возглас:

— Святой отец, где тебя ударили балкой двутавровой?!

— Пошел ты, — огрызнулся отец Алексей.

— Ох, мать ети, — продолжал хохотать тот же боец. Судя по голосу, Пашка, — уважаемые, вы чего, бабу не поделили?

— Пошел ты, — отправил Пашку некто по тому же маршруту голосом муллы Булата Арсланбекова.

Арсланбеков был вторым капелланом, если так можно сказать, морпехов Комарницкого. Единственным «военным муллой» на всю армию и первым на все вооруженные силы РФ, кто был на передовой. Если православных священников редко, но можно встретить в войсках, то с представителями ислама в армии — полный напярк. Мулла, как и батюшка, раньше тоже был военным, только летчиком. Поэтому истину «где начинается авиация — там заканчивается дисциплина» оправдывал на сто процентов. Но в отличие от Алексея — не курил. Во всем остальном он был братом-близнецом священника.

— Ильдар, погоди, не уходи. Мне думается, что мы сейчас узнаем, из-за чего подрались морпехи и танкисты.

В сопровождении хохочущих бойцов из-за палаток вышли оба служителя культа. Если Алексей имел только сломанный нос и синяки под обоими глазами, то Булат — свежий шов на лице, подозрительные синяки на шее и правую руку в гипсе. При этом священник толкал муллу впереди себя.

— Булик, шагай, тебе говорю. Токмо тут мы найдем хороших врачей, постную пищу, «живую» воду и офицеров, которые боятся гнева Господа.

— Леша, — отвечал подталкиваемый Булат, — не толкайся, сволочь. И так голова кружится.

Наконец молочные братья дошли до нас и остановились. Я не выдержал и заржал. Ильдара прорвало тоже. Подождав, пока мы успокоимся, Алексей обратился ко мне:

— Сын мой, великая беда привела нас к тебе и воинству твоему. Безбожники в солдатском облики (да поглотит их геенна огненная!), забыв страх Божий, подняли руку на двух уважаемых людей, слуг Господних. Памятуя о том, что только под твоим началом служат два богатыря... — после «богатыря» Ильдар начал ржать еще сильнее, — ... два заступника Веры и Отчества... — Ильдар уже катался в истерике, — ...которые дюже умеют врачевать, мы пришли скорбно молить тебя о помощи.

Я обалдело посмотрел на батюшку, потом — на муллу, потом — на катающегося по земле Ильдара.

— Батюшка, ты молока, что ли, выпил? Ты что несешь? Какие, на хрен, «богатыри» и «заступники веры»? Это ты сейчас про еврея и татарина говорил, или я чего не понял?

— Неразумный сын мой, — обратился ко мне Булат. Ильдар, который уже успокоился, снова начал ржать. — Бог — он один. А то, что мы называем Его по-разному, не имеет значения...

— Час от часу не легче! С каких пор я, православный, для муллы «сын мой»? Так,

заканчиваем прикрываться именем Всевышнего и коротко сообщаем: на кой болт приперлись. Сначала Булат.

— Помощи медицинской нам надо.

— На кой вам она? Судя по всему, тебе уже помогли. И сдастся мне, звездишь ты, родной. Батюшка, твоя версия.

— Так это... — начал мямлить он, — нам бы полечиться...

Ильдар тем временем проржался и мог стоять ровно.

— Саня, ты кому-то из них налить обещал?

— Алексею. Утром еще. У штаба.

— У штаба!!! — взвизгнул тот. — Ты меня, паразит, зачем под Зимины подставил?

— Только не говори мне, что это он тебе нос сломал...

— Нет, конечно! Он хоть и командир, но набожен местами...

— Короче, святые отцы, — перебил я батюшку, — сейчас вы все рассказываете. Начиная от утренних бузюлей от Зимины и заканчивая побоищем с танкистами.

— А про танкистов ты откуда знаешь? — насторожились оба.

— Так я ж разведчик, а не штурмовик.

— А спиртяшки для компресса нальешь? — робко спросил Алексей.

— Я ж обещал...

— А, черт с тобой, слушай.

Очнувшись утром, оба священнослужителя поняли, что вчера они приняли лишнего. Этот факт подтверждался тремя обстоятельствами: они проснулись с ужасным похмельем, без денег и в борделе. У Булатки, до кучи, вся шея была в засосах. Кое-как выбравшись на улицу, они огородами отправились к себе. По дороге возникло нескромное желание поправить здоровье, но денег не было. Сообразили, что разводить прапорщиков и лейтенантов на деньги в конце месяца — бесполезная трата времени. В качестве оптимальной жертвы им виделись служивые в звании «капитан» и «майор». Разделившись, они договорились встретиться у штаба.

Первым, кто попался на глаза Алексею, оказался я. Добившись относительно положительного результата со мной (капитан готов налить, но — вечером), Алексей рискнул дождаться Зимины. Полковник Зимин, увидав батюшку в таком виде, захохотал. Однако, услышав предложение «исповедоваться», мгновенно забыл, что он христианин, и вспомнил, что он командир, притом один из самых грозных. Порвав батюшку на британский флаг, он вспомнил про его кореша. Будучи разведчиком, ему не составило труда отыскать второго «страждущего» и морально его изнасиловать. Поглумившись над обоими, добив их фразой «так почему опиум для народа?», Зимин ушел.

Не успев сильно расстроиться, «ловцы человеческих душ» наткнулись на двух капитанов-танкистов. Мгновенная атака — и вот грустные «трактористы» уже ведут к себе двух морпехов. Через час поправившим здоровье и пребывающим в приподнятом настроении «ловцам» захотелось любви. Но не любви к Господу, а любви плотской и желательно с красивой «прихожанкой». У танкистов с «прихожанками» и так дефицит, а уж с красивыми — дефицит в квадрате. Единственная красивая «прихожанка» при штабе, заместитель командира танкистов по каким-то мутным вопросам, в нерабочее время согревала его холодными ночами теплом своего тела.

Получив целеуказание, они выдвинулись в заданный квадрат, где пробыли минут сорок. В течение которых изложили «прихожанке» цель своего визита, получили от нее отказ в

нецензурной форме, попробовали настоять, но были взяты под белые ручки штабными, выведены на задний двор и жестоко избиты. «Жестокое избиение» выразилось в двух затрещинах и двух поджопниках. Не вняв голосу разума, ни своего, ни чужого, они продолжили нарываться и получили уже по полной.

Кое-как отскребя друг друга от земли, молочные братья направили свои стопы в расположение морпехов. Сивуха танкистов, тяжело легшая на «вчерашнее», а также полученные побои привели к тому, что двигались они «противоторпедным» маневром, временами переходящем в «противозенитный». Морпехи, увидев своих попов в таком состоянии, офонарели. А эти кадры, воспользовавшись отсутствием Комарницкого и двух других старших командиров, толкнули проповедь, смысл которой сводился к тому, что «поганые безбожники» (они же танкисты) все одержимы нечистым, Всевышнего ни во что не ставят, равно как и слуг его, а посему кара Божья должна их постигнуть незамедлительно.

У морпехов с танкистами (впрочем, как и с остальными) отношения и так отвратительные, а тут «трактористы» обидели их любимых «боевых попов». «Ангелы возмездия» немедленно выдвинулись в расположение танкистов. К счастью, массового побоища удалось избежать: через три минуты после «начала боевых действий в тылу противника» на место «крестового похода» прибыл главный архангел морпехов, ум, честь и совесть, Хранитель и Ревнитель Веры, наместник Бога на земле и главный Инквизитор по совместительству, полковник Комарницкий.

Не став отделять зерна от плевел, полковник начал лупить всех, кто попадался ему на пути. Через минуту враждующие стороны трусливо бежали с поля боя. Проведя оперативно-следственные действия с пленными бойцами, полковник моментально вник в ситуацию, поймал обоих «пострадавших за веру» и, пользуясь тем, что он Хранитель и Ревнитель, наместник и главный Инквизитор, отметил обоих попов прямо у штаба танкистов. От того же штаба сердобольные танкисты увезли пострадавших в госпиталь, где Алексею вправили сломанный Комарницким нос, зашили порез на лице Арсланбекова и наложили гипс на поврежденную Комарницким же руку.

Сказать, что мы ржали над рассказом попов, — значит не сказать ничего. Мы катались от смеха. Но передо мной встала другая проблема: напоив попов, я мог нарваться на гнев Комарницкого. А ему будет трижды наплевать, что я офицер, разведчик и вообще из другого рода войск. Порвет и как звать не спросит. А габариты и уровень подготовки полковника наталкивали на мысль о нарушении слова, данного Алексею утром.

— Санек, — все еще смеясь, ко мне подошел Марсель, — к гадалке не ходи, у морпехов и сейчас идет следствие, суд и казнь!

— Это с гарантией. Только следствие и суды давно закончены. Там сейчас репрессии полным ходом идут, — задумчиво ответил я. — Не завидую я офицерам морпехов. Комарницкий о рядовых руки теперь мараить не будет. Он их командиров, которые «допустили», пытать начнет.

— Так что с «компрессом»? — заискивающе поинтересовался Алексей.

— Батюшка, я не против налить тебе, но уж лучше я спрошу разрешения твоего командира...

— Отлучу... — пригрозил тот, понимая, что, скорее всего, я получу запрет от Комарницкого.

— Отлучение, батюшка, я переживу. А разбор с вашим полканом — навряд ли. Не говоря уже об испорченных с ним отношениях. Я тебя, конечно, уважаю, но не настолько,

чтобы конфликтовать из-за тебя с Комарницким. Петюня, — позвал я нашего радиста, — дай мне морпехов.

— Комарницкого нет, — скоро ответил мне радист, — говорят, вышел куда-то.

— А кто есть?

— Подполковник Кравченко.

— Ну, давай его.

— Здравия желаю, Остап Кондратьевич, — начал я в трубку. На заднем фоне слышался разъяренный рев Комарницкого.

— Привет, разведка, — с усмешкой ответил он, — чего тревожишь? Чего от дел отвлекаешь?

— Да у меня тут неразрешимый вопрос этико-теологического характера...

— Какого характера? — не понял Кравченко. — Шура, не полощи мозги. Я академиев не кончал, говори прямо.

— Я насчет драки с танкистами...

— О! Ты только узнал?! Медленно работаешь, разведка! — Задумался и осторожно спросил: — А что драка? Неужто и твои под замес попали? Быть не может! Дураков у тебя нет. Так, что случилось?

— Сегодня днем, еще до драки, я пообещал одному набожному индивидууму, что накапаю ему чуток спиртика. А сейчас, в свете произошедших событий, нахожусь в затруднительном положении, ибо: с одной стороны — слово дал, а с другой — опасаясь гнева твоего командира.

— Что ты мелешь? — опять не понял Кравченко. — Какой, в пень, набожный индивидуум... Ты про Алексея, что ли?

— Про него, стратотерпца!

— Так эта плесень морская выжила и к тебе прибежала?

— Прибежала.

— И второй малахольный с ним?

— С ним.

— И, говоришь, спирта ему обещал?

— Обещал.

Кравченко задумчиво загудел в трубку.

— Вот что, Саша. Если эти два лаперуза моченых появятся на глаза Барину до того, как он остынет, боюсь, он их не в больничку, а в морг отправит. Так что пусть они у тебя отлежатся. Поэтому слушай приказ: напоить обоих бакланов до отключки. Чтобы всю ночь, аки агнцы Божьи, храпели и приключений не искали. И так сегодня из борделя звонили. Денег они должны остались. Поэтому слово офицера приказываю держать, а Барину я скажу, что ты их «во спасение» напоил. Он тебе еще спасибо потом скажет. Вопросы есть?

— Вопросов нет.

— Вот и умничка. Конец связи.

— Ну что, защитники Веры, Царя и Отечества, — обратился я к притихшим попам. — Кравченко дал добро. Микола, выдай им закусить и литр спирта.

— А не многовато будет? — поинтересовался крохобор Микола.

— Нормально, пусть помнят нашу доброту!

Еще минут пять бойцы отдирали от меня попов, желающих меня обнять и расцеловать. Наконец попов, размазывающих по щекам слезы счастья, утащили на кухню, попутно

предупредив, чтобы были тише воды, ниже травы, а я пошел к Зимину думу думать.

Штаб встретил меня нездоровой суетой. Несмотря на вечер, все были на местах и изображали бурную деятельность.

— Проверка приехала? — спросил я у первого попавшегося офицера.

— Хуже, — ответил тот.

— А что может быть хуже проверки? — удивился я.

— Ивлев! — испуганным шепотом выкрикнул тот и поспешил по своим делам.

Я ухмыльнулся и продолжил движение. Ивлев — это не страшно. Ивлев — это хорошо! Ивлев — это решение многих сложнейших задач. Жаль, что штабные этого не понимают. Не понимают и боятся генерал-майора. До дрожи в коленках и поноса. Хотя, чего его бояться?!

— Я тебя повешу, дуболома, — раздался из-за двери Зими́на крик Ивлева. — Тебе, скотина, кто дал право распоряжаться моими людьми?!!

— Кого он там третирует? — поинтересовался я у присутствующего Зими́на.

— Полковника Жеребенкова, — ответил Зими́н, сидящий на месте дежурного офицера. Самого дежурного не наблюдалось. Зими́н сидел, закинув ноги на стол, и со счастливым видом курил здоровенную сигару.

— А кто такой Жеребенков? — поинтересовался я.

— Саша, ну ты совсем... — улыбнулся Зими́н. — Большой начальник, спустился с Олимпа, чтобы лично сообщить тебе... Да, да, тебе, — полковник ткнул сигарой в мою сторону, — приказ «партии и правительства». А ты даже не удосужился узнать его фамилию!

— Петрович, — не понял я, — так Конь — это и есть Жеребенков?!

— Да, — заржал Зими́н, — а ты не знал?!

— Так мне на кой? Меньше знаешь — крепче спишь. А «нукеры» его где?

— За тобой сидят, — еще громче заржал Зими́н.

Я обернулся. Действительно, за моей спиной сидели «нукеры» Коня, то есть Жеребенкова, оба потрепанные и бледные. Капитан тупо смотрел в одну точку, а майор, судорожно кивнув мне в знак приветствия, начал складывать в папку какие-то бумаги.

— Майор, оставь ты бумаги в покое, — посоветовал ему Зими́н. — Ты их скоро в труху превратишь! Чего ты мандражируешь, как девственница перед первой брачной ночью?!

— Я не мандражирую, — чуть заикаясь, ответил он.

— Вижу, вижу, — ехидно улыбнулся Зими́н.

— Петрович, — отвлек я полковника, — чем вызвана такая нелюбовь к штабным товарищам? На чем они «залетели»? Приняли участие в местном «крестовом походе»?

— Ты уже слышал про морпехов? — усмехнулся Зими́н.

— В подробностях. От главных «руководителей концессии». От идейных вдохновителей, так сказать.

— И где эти братья Гапоны? — заинтересовался он.

— Сидят у меня, кушают тушенку и пьют спирт.

— А Комарницкий?

— В курсе. Даже одобряет.

— И как они?

— Я думал, будет хуже...

— Барин был не «в форме»?

— Думаю, он оказался излишне гуманен. Им же еще до него танкисты «наломали». А что особысты по поводу случившегося говорят?

— Ничего не говорят. Барин пообещал, что он «каленным железом» проведет разъяснительную работу среди личного состава.

— Да, не завидую я морпехам... Но все-таки — на чем «подзалетел» Конь, то есть Жеребенков?

— Не на «чем», а на «ком»! — поправил меня Зимин.

— И на ком? — поспешил поинтересоваться я.

— На тебе!

— На мне?! Не может быть! Я убежденный гетеросексуал!

— Ты-то, юморист, может, и гетеросексуал, а вот Жеребенков — патентованный гомосекс, да еще и с суицидальными наклонностями. Ивлев еще два месяца назад приказал твою группу и группу Ковалю на «выходы» отправлять только с его письменного разрешения.

— И-и-и?! — заинтересованно протянул я, хотя догадывался, каким будет ответ.

— Конь, воспользовавшись отсутствием Барона, решил выслужиться перед «верхним» штабом. А именно: кто-то из его спецов проанализировал снимки «летунов» и снимки со спутников, пришел к верному логическому заключению, что у румын где-то в горах имеется очень секретный тоннель, через который (в самых крайних случаях) они перебрасывают не менее секретные машины. Конь за эту идею ухватился и через «голову Барона» доложил «верхнему» штабу. И ладно, если бы он, дурак, на этом бы и успокоился. Так ить нет!!! Он сообщил, что у него готова группа для уничтожения этого тоннеля. Что группа уже два месяца тренируется перегрызать зубами этот самый тоннель на макете, изготовленном в натуральную величину. Что для выполнения задачи ему требуется максимум, Саша, я подчеркиваю — максимум семь дней. «Верхние» его расцеловали, план согласовали и назначили его ответственным за выполнение «блестяще подготовленной операции». И, как ты понимаешь, Конь «встрял». Он-то рассчитывал доложить о проделанной аналитической работе, получить благодарность и дальше сибаритствовать, а тут такой облом!

— Инициатива поимела инициатора...

— Именно, родной мой. Именно. Конь начал метаться в поисках свободной группы и наткнулся на тебя и твоих головорезов. Ковалю он задействовать не смог, так как Ивлев еще неделю назад его «подписал» в «верхнем» штабе на «адресный захват языка», а тебя задействовать он не успел. Конь, пользуясь моментом, несмотря на запрет Барона, вчера днем утвердил тебя в качестве исполнителя. Сегодня утром наш с тобой любимый и до дрожи в коленях обожаемый генерал-майор на докладе у шефа сообщил о своем очередном наполеоновском плане. План не касается тоннеля. Кроме того, Барон добавил, что лучше тебя с задачей никто не справится. И каково же было его удивление, когда шеф взял план Коня, утвержденный шефом вчера, разложил его на твердом столе и долго возил Ивлева мордой об эти бумажки. После совещания оплеванный Барон бешеным сайгаком скакнул сюда, поймал Коня и уже час насилует его в моем кабинете.

— Повесит?

— Очень на это надеюсь!

— А мне куда?

— Как куда? Тоннель искать! И зубками его, зубками...

Я грустно уставился на «нукеров» Коня. Майор выглядел еще хуже, а капитан спокойно

выдержал мой взгляд. Держался он хорошо.

— Капитан, — обратился я к нему, — признайтесь: тоннель вычислили вы?

— Да, а как вы догадались?

— В вашей конторе грамотных специалистов больше нет.

— Спасибо, — сухо ответил он. — Капитан, я не знал об инициативе Ко...

Жеребенкова.

— Теперь это уже не имеет значения. Теперь нужно...

— Дежурный, чаю!!! — раздался рык Ивлева из-за закрытой двери.

— А вот хренушки, господин хороший. Чаю нет, — заорал в ответ Зимин, — могу предложить вазелин и плетку!

Дверь резко распахнулась, и на пороге появился Барон. Раскрасневшееся лицо, покрытое капельками пота, взлохмаченная шевелюра, расстегнутый китель, узел галстука в районе пупа, рукава закатаны выше локтей, а костяшки пальцев не только сбиты, но и в крови. Таким я Барона уже видел, но мне все равно стало не по себе. Каково стало «нукерам» Коня, я даже не пытался предположить.

— Петрович, — прорычал Ивлев, — где этот бездельник, дежурный офицер?

— Я его отослал от греха подальше, — безмятежно ответил Зимин. Позу при этом он не изменил и даже сигару изо рта не вынул, — во избежание человеческих жертв, так сказать.

— Шутить извольте... — прорычал Ивлев. Он подошел к Петровичу, выдернул у того изо рта сигару, сделал несколько хороших затягов, вставил сигару обратно в рот Зимину и задумчиво выпустил дым в потолок. — Хороший табак. Где нарыл?

— У Сашки пачку реквизировал, — Зимин кивнул в мою сторону. Ивлев обернулся.

— А! Прибыл, «опричник»!

— Так точно, товарищ генерал-майор, — на всякий случай прогорланил я и встал по стойке смирно. Зимин рассмеялся, а Ивлев, недоуменно глянув на меня, а потом и на него, удивленно спросил:

— Сашок, ты чего выеживаешься?

Он подошел ко мне и задумчиво покрутил пуговицу на моей куртке. Ивлев, он же Барон, был не выше метра шестидесяти пяти, да еще и худощавенький. Глядя на него, у непосвященных возникала мысль, что такого соплей перешибешь. Волосы, когда-то черные как смоль, были прорежены благородной сединой. Зеленые глаза смотрели точно в душу. Тонкий нос, от рождения прямой, был сломан, как минимум, в двух местах. Лицо украшало четыре шрама разной длины и элегантная эспаньолка. Не будь кителя генерал-майора, Ивлева можно было бы принять за светского льва, случайно забредшего в штаб. У Барона был голос Шарля Азнавура; когда он что-то рассказывал или пел романсы, присутствующие дамы, вне зависимости от возраста и семейного положения, моментально в него влюблялись. Барон знал в совершенстве пять языков. Играл на рояле, на бильярде и... на нервах подчиненных. Судя по наградам, которые я пару раз видел на его парадном кителе, в его жизни были не только мозговые, но и реальные штурмы. Об огневой подготовке Барона я ничего сказать не мог, ибо не доводилось, а вот рукопашником он был превосходным. И скорее не рукопашником, а мастером, владеющим системой Кадочникова.

— Так, ты чего выеживаешься, салага? — повторил свой вопрос Ивлев.

— Это он перед прихлебателями Коня дурачится, — ответил за меня Зимин.

Ивлев грозно глянул на «нукеров» и усмехнулся:

— Сашка, перед майором можешь уже не выпендриваться. Его, нарцисса, скоро и так

«кондратий приобнимет». А вот капитан — молодец. Молодец! Держится! Вот его в замес следующим и пустим, а, Зимин?

— Да, хоть в расход...

— Дмитрий Михайлович, не нужно капитана трогать, — из стойки смиренно я уже «перетек» в стойку «оборзевший капитан, опёршийся на стену».

— Чейта?! — встрепенулся Ивлев. — Денег он тебе должен или ты сам его порвать желаешь?

— Ни то, ни другое. Именно капитан вычислил, что есть некий тоннель. Его бы не в расход, а к вам в аналитики. Отмыть, откормить, пару раз устроить «темную», и получится хороший человек и специалист.

Ивлев изумленно переводил взгляд с меня на капитана и обратно.

— А «темную-то» на кой устраивать? — не удержался Зимин.

— Да, Сашка, а лупить-то его на кой?

— А чтобы спесь штабную сбить...

Рассматривая капитана, Барон задумчиво обхватил подбородок рукой. Сделал шаг назад, чуть приблизился. Он напоминал ценителя искусства, рассматривавшего новую картину.

— Ишь ты, насекомое, — протянул Барон. — Ладно, капитан. Живи пока, раз Сашка за тебя слово замолвил. А что вы имеете сказать за майора, молодой человек? — повернулся он ко мне.

Майор испуганно выдохнул, в очередной раз вспотел и часто заморгал глазами.

— Я не знаю, что вы сделали с Конем... Приблизительно то же самое. Вы только по лицу его не бейте, он этого не переживет.

Зимин, глядя на майора, в очередной раз расхохотался. Я тоже усмехнулся, глядя на его лицо, которое меняло цвет, как хамелеон.

— Саша, — назидательно поднял указательный палец Ивлев, — как бывший юрист, ты должен знать, что телесные наказания в нашей армии запрещены. Поэтому бить подчиненных я не имею права.

— А кто Коня почти тридцать минут «месил»? — ехидно спросил Зимин.

Барон усмехнулся, быстро глянул на Зимина и ответил:

— Полковник сам несколько раз упал лицом на столешницу, а потом сам стукнулся ребрами о кромку стола.

— Ну, майор у нас не такой «талантливый», как его шеф, — продолжил издеваться над майором Зимин.

— Ты это к чему клонишь? — спросил Ивлев.

— К тому, что «сам» он не справится. Помощник нужен.

— Помочь хочешь?

— Приехали, — удивился Зимин. — Кое-кто минуту назад сожалел о том, что у нас в армии подчиненных бить нельзя, а меня на преступление толкаешь?

— И чего делать?

— Пусть его Сашка отметелит. А еще лучше — Марсель с Миколой.

— Зимин, я всегда подозревал, что ты скрытый садист, — ответил Барон, настороженно глядя на майора, который, похоже, находился на грани обморока.

— Почему скрытый? — обиделся тот.

— Потому что, если Марсель или Микола ему хоть раз вломят, он будет умирать долгой мучительной смертью. И его никто уже не откачает. Даже Зяма с Ильдаром.

Ивлев еще раз посмотрел на майора, пришел к выводу, что с него хватит, и скомандовал: — Так, закончили пустой треп. Все заходим в кабинет, только аккуратно: не споткнитесь и не испачкайтесь. И Зимин, с конца на конец, вытащи из шхеры дежурного, пусть сообразит чаю.

В кабинете царил легкий беспорядок. Выражался он в разбросанности предметов. Самым крупным предметом оказалось тело полковника Жеребенкова. Тело лежало на полу возле стола. Лицо было сильно разбито. Подчиненные Жеребенкова, увидав, что стало с их шефом, замерли в дверях.

— Чего встали? — недовольно проворчал Зимин, который склонился над телом и изучал повреждения. — Проходите. И дверь закройте. А ты, Конь, заканчивай корчить из себя безвинно убиенного и поднимайся. На твоей морде еще есть место для парочки синяков.

«Нукеры» закрыли дверь и, опасливо косясь на Барона, прошли к дивану. Я, по привычке, уселся на сейф в углу, Зимин сел на свое место за столом, а Барон примостился на краю подоконника.

— Шевелись, полковник, — рявкнул Барон, — долго мы тебя будем ждать?!

— Не бейте меня, пожалуйста, — прошамкал разбитыми губами Конь.

— Вставай, вставай, гнида, — поторопил его Зимин, — никто тебя бить не собирается. — И чуть тише добавил: — Пока...

Конь кое-как встал и уселся на стул, с которого не так давно упал. Барон брезгливо посмотрел на него и начал «мозговой штурм»:

— Господа офицеры...

«Нукеры» резво вскочили с дивана.

— Сидеть! Перхоть тыловая, — скомандовал Зимин. Те так же быстро сели.

— Заседание совета дружины считается открытым, — продолжил Ивлев, все еще удивленно глядя на штабных. — На повестке дня вопрос... э-э-э... «способы решения боевой задачи капитаном Трофимовым в свете идиотизма вышестоящих командиров». Слово предоставляется полковнику Зимину. Петрович, жги!

— Товарищи, — начал Зимин, — партия и правительство... — Он сбился, сплюнул, усмехнулся. — Михалыч, чтоб тебя... Короче, в квадрате номер четырнадцать имеет место быть суперсекретный тоннель, который, по милости отдельных мудаков, здесь присутствующих, нашему Сашку предстоит обнаружить и уничтожить. Если с обнаружением у него сложностей не возникнет, то над второй частью задачи придется поломать голову. Саня, какие есть идеи?

— Как я уже докладывал в прошлом месяце, требуемый тоннель на выходе имеет три линии оцепления. — Услышав про доклад в прошлом месяце, капитан ошарашенно уставился на меня. — Первая линия оцепления представляет собой заборчик из колючей проволоки под напряжением. Через каждые двадцать метров стоят наблюдательные вышки. Вторая линия отдалена от первой метров на пятьдесят. Представляет собой сплошной окоп. В окопе через каждые десять метров пулеметное гнездо. Последняя линия — это сплошной трехметровый бетонный забор. Перед забором стоят противотанковые ежи. Что за забором — на данный момент неизвестно. Наблюдение за траекторией движения немногочисленных машин натолкнуло на мысль, что пространство между линиями оцепления заминировано и автомобили двигаются по заранее известному маршруту. Маршрут каждый раз разный, даже для машин с одинаковым тоннажем. Соответственно, рискну предположить, что мины не

простые, а управляемые. Судя по воротам, а также по скальной породе, Термит предположил, что снаружи тоннель взорвать практически невозможно. Еще хочется добавить, что лобовая атака без привлечения артиллерии приведет к большим потерям. С Ковалем мы эту тему «перетерли», есть кое-какие соображения, но перед тем как их озвучить, я бы хотел услышать мнение капитана на этот счет.

Капитан сразу вскочил и удивленно, но в то же время с благодарностью посмотрел на меня.

— Да сиди ты... — проворчал Барон. — Не на параде.

Капитан послушно сел.

— Я признателен капитану Трофимову за неожиданное доверие. Но, если позволите, для начала я бы хотел задать ему вопрос.

— Валяй, — соизволил Барон.

— Капитан, вы действительно обнаружили тоннель еще в прошлом месяце?

— Действительно.

— А почему про него нет ни слова в сводках?

— Это не ко мне вопрос. — Я многозначительно посмотрел на Барона.

Капитан стушевался, но через мгновение продолжил:

— Кто такой Термит?

— Мой сапер.

— Вы доверяете его квалификации?

— Абсолютно.

— С его слов получается, что взорвать тоннель сверху — невозможно?

— Возможно, но для этого его нужно бомбить до усеру. Но и в таком случае нет гарантии того, что он будет полностью уничтожен.

— Понятно. Скажите, вы рассматривали вопрос взрыва тоннеля изнутри?

— Молодца, капитан, — похвалил его Ивлев, — считай, что место у моих аналитиков ты уже заработал.

— Рассматривали, — продолжил я, — это единственный вариант его уничтожения.

Румыны, судя по всему, думают так же, поэтому выставили соответствующую оборону.

— И как ты собираешься проникнуть внутрь? — поинтересовался Зимин.

— Я не собираюсь проникать внутрь. Я не камикадзе.

— Хорошо, — согласился Барон, — как ты доставишь взрывчатку внутрь?

— У меня есть только один вариант: затолкать машину с взрывчаткой не через выход, а через вход.

— Интересная идея! — Ивлев оторвался от подоконника и начал нарезать круги. — Ты думаешь, что румыны со стороны входа выставили наименьшее охранение?

— Сомневаюсь, — ответил я. — Тоннель, скорее всего, охраняется одинаково со всех сторон. Но есть один нюанс: машины румын въезжают в тоннель только с «их» стороны, а с «нашей» только выезжают. То есть движение ведется в одном направлении — от них к нам. Соответственно и взрывчатку нужно закидывать с их стороны.

— Но машины перед въездом наверняка досматривают, — высказался Зимин.

— Ну, я на их месте досматривал бы обязательно, — согласился я. — Соответственно, нам нужно сделать так, чтобы ни желания досматривать, ни времени на досмотр у них не было.

— Предлагаешь устроить диверсию, — прищурился Ивлев.

— Что-то вроде того. Подождать, пока машина подъедет к точке досмотра, и поднять шумиху.

— А если румыны тупо оставят машину снаружи?

— Есть и такой вариант. Для этого минировать нужно не грузовик, а машину с какими-нибудь офицерами, желательно старшими.

— У меня следующие вопросы, — вновь включился в разговор Зимин. — Где ты возьмешь легковую машину, и где ты возьмешь старшего офицера румын? Не своих же ты посадишь?

— Нет, конечно. Машина должна быть настоящая, и офицеры тоже. Более того, они не должны знать о «сюрпризе».

— И какие будут варианты?

— Либо накидать на дороге магнитных мин, чтобы они прилипли к днищу машины, но это плохой вариант, либо, под видом румынского патруля, тормознуть нужную машину и потихому напихать им взрывчатки.

— А когда появится нужная машина? И появится ли она вообще? — настойчиво продолжал Зимин.

— А это вопрос не ко мне, а к Дмитрию Михайловичу.

Барон согнал меня с сейфа, где я сидел, достал оттуда папку и начал перебирать листы, на каждом из которых красными чернилами было написано «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТОЛЬКО ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ. ЗА ПЕРИМЕТР НЕ ВЫНОСИТЬ». Барону, по ходу дела, было плевать на предостерегающие надписи.

— Так, что мы имеем на сегодняшний день... — пробубнил он, пытаюсь найти нужную бумагу.

В этот момент в дверь постучали.

— Кого там черт принес? — громко спросил Зимин.

— Товарищ полковник, — раздалось из-за двери, — вас беспокоит следователь отдельного следственного управления военной прокуратуры Солодянкин. Нам приказал сюда прибыть генерал-майор Ивлев.

Зимин вопросительно глянул на Ивлева.

— Все правильно, — подтвердил тот.

— Входите, — разрешил Зимин.

В дверь вошел майор и двое солдат с автоматами в форме комендантского взвода.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор, — отдал честь Барону майор.

— Здравия желаю, товарищи полковники, — обращение в сторону Зимина и Коня. На Коня взгляд следователя ненадолго задержался.

— Товарищи офицеры, — приветствие мне, капитану и майору. Не дожидаясь ответного приветствия, Солодянкин обратился к Ивлеву: — Товарищ генерал-майор, какие будут распоряжения?

— Вот что, голубчик, — обратился к нему Барон, — видите тело в форме полковника? — Ивлев показал на Коня.

— Так точно.

— Так вот, забирайте его к себе в «пыточный приказ» и сделайте так, чтобы из полковника он «превратился» в рядового штрафного батальона. И на передовую его.

Конь рухнул на колени и пополз к Барону.

— Дмитрий Михайлович, — завыл он, размазывая кровавые сопли, — не губите... не

виноват я... я же хотел как лучше...

Барон наклонился к нему, взял его за ухо и зло зашептал:

— Не виноват?! Не хотел?! Когда ты, сука, стучал на меня в управление — это было нормально. Для этого они тебя сюда посадили, для этого я тебя, козла, и держал. Когда ты, урод, попытался подставить меня в деле «Высоткинского котла» — это тоже было ожидаемо. То есть пока ты, гнида, гадил — это было нормально. Но людей моих тебе трогать никто не разрешал!!! Ни я, ни в управлении. Там, конечно, редкостные мудаки сидят, но даже они понимают, что солдат нужно беречь. Особенно таких, как Сашка. И помощи от них не жди. И молись, чтобы следствие не докопалось до твоих махинаций с продовольствием.

Услышав про продовольствие, следователь тут же сделал «стойку».

— Если они докопаются, ты, баран, штрафбатом не отделаешься. Тебя «вышка» будет ждать. Поэтому кайся. Сразу и убедительно.

Конь уже тупо выл на одной ноте.

— Солодянкин, — Барон обратился к следователю, — забирайте этого «красавца».

— В чем будем обвинять? — уточнил тот.

Барон вопросительно глянул на меня.

— Начните с «невыполнения приказа командира», а там и до «предательства» недалеко... — предложил я.

— Хорошо, — легко согласился следователь. — Забирать только полковника?

Майор и капитан испуганно вжались в диван. Барон с прищуром посмотрел на них, хмыкнул и подытожил:

— Да, только полковника.

— Как скажете, Дмитрий Михайлович. Конвой, — он повернулся к сопровождающим его солдатам, — уведите полковника.

Конвой молча надел наручники Коню и попытался его поднять. Не получилось. Тогда бойцы ухватили его за руки и потащили волоком. Конь продолжал выть.

— Разрешите идти? — обратился следователь к Барону.

— Идите.

Дверь за следователем закрылась. В кабинете повисла тревожная тишина. Особенно тревожно она висела возле майора и капитана.

— И все-таки ты сатрап и душегуб, — обратился Зимин к Ивлеву.

Ивлев проигнорировал замечание. Он молниеносно метнулся к майору, схватил его за горло и резко дернул вверх. Майор испуганно засучил ногами и начал вставать. Удерживая майора за горло, Барон припечатал его к стене. Схватил за волосы и наклонил к себе.

— Теперь ты, сучонок, займешь место Коня, — прижав лоб майора к своему, быстро зашептал Барон. — Теперь ты будешь моим замом. Теперь ты будешь стучать на меня в «управу», но говорить будешь только то, что я тебе скажу. И теперь ты будешь мне гадить, но только тогда, когда я скажу, и как я скажу.

Майор, всхлипывая, испуганно таращился на Барона.

— Ты меня понял?!! — рявкнул Барон.

— Да, — истерично взвизгнул тот.

— Точно?!! — еще громче рявкнул Барон.

— Да-а-а-а, — завизжал майор.

— И помни, тля, сегодня я не отдал тебя на «растерзание». Благодаря мне ты и дальше

будешь дышать. И только моя доброта спасла твою распрекрасную морду от кулаков «палачей». Ты будешь это помнить?!!

— Буду!!! Я буду помнить, товарищ генерал-майор!!! — уже рыдал тот.

Вербовка майора завершилась. Барон, как всегда, удачно выбрал момент. Очень удачно. Подобный спектакль я уже видел. Я посмотрел на капитана. Тот испуганно смотрел на происходящее, вжавшись в угол дивана; Барон меж тем отпустил голову майора, вытер руки о его китель и распорядился:

— Петрович, проводи товарища майора в туалет. Пусть он приведет себя в порядок.

А вот это стало для меня неожиданностью. Судя по всему, последует второй акт.

Зимин медленно подошел к майору, неторопливо достал из кобуры пистолет. Глаза майора расширились от ужаса, а Петрович быстрым движением передернул затвор и приставил ствол к голове майора. Майор начал оседать, поэтому Петровичу пришлось его поддержать.

— Ты запомнишь, — многообещающе, так же как и Барон, зашептал Зимин, — ты на всю жизнь запомнишь!!! А чтобы память была тверже, я тебе напоминалку оставляю. — Зимин еще раз передернул затвор, поймал выскочивший из патронника патрон и начал им тыкать майора в лоб. — Вот эта пуля, именно эта, должна была раскидать твои мозги. Так вот, красавец, я дарю тебе ее. Храни вечно и носи с собой. Всегда носи. Буду проверять наличие пули лично!!! — И затолкал патрон в открытый рот майора. — А теперь — пошел вон!!! — Приподняв майора, он толкнул его в сторону двери. Толчок получился сильным: майор так приложился о дверь, что сполз по ней. — Дежурный! — рявкнул Зимин. Дверь тотчас распахнулась, и на пороге возник дежурный лейтенант, которого, видимо, Зимин и прятал от Барона. — Отведи этот кусок дерьма в туалет. Пусть подмоется, — распорядился он. Дежурный схватил лежащего майора и быстро выволок в коридор. Как только дверь за ними закрылась, Зимин повернулся к капитану и приставил ствол пистолета к его лбу. — А теперь твоя очередь, голуба.

Капитан испуганно скосил глаза на ствол и быстро заговорил:

— Не нужно меня запугивать. Я все понял. Абсолютно все!!!

— Точно? — недоверчиво поинтересовался Зимин.

— Точно!!! — поспешил заверить его капитан. — Точнее не бывает!!!

— Ну, смотри, — пригрозил Зимин и, не убирая ствол от головы капитана, передернул затвор. Как и в предыдущем случае, он снова поймал выброшенный пистолетом патрон и засунул его в нагрудный карман капитана.

— Это тебе на память, — и похлопал его по карману.

Капитан судорожно сглотнул. А Зимин, не убирая пистолета, медленно повернулся ко мне. Опа!!! Неужели и я приму участие в этом спектакле?! Ну, уж нет, граждане командиры!!! Идите в пень!!! Такие номера откалывайте с другими. Я незаметно вытащил из заднего кармана «сюрприз». Им было кольцо от противопехотной гранаты. Оно давно лежало в кармане. Как раз для «таких» случаев. Зимин медленно подошел ко мне и медленно направил ствол пистолета мне в лоб.

— А что скажешь ты, капитан?! — небрежно поинтересовался он. Я глянул на капитана. У того от происходящего глаза вылезли из орбит, а челюсть висела в районе пищевода...

— Оцълок то ытанарг.

— Что?! — не понял Зимин.

— Кольцо от гранаты, — «перевел» я и показал ему кольцо. — Убери ствол, Петрович.

А патрон, который ты мне приготовил, можешь себе в дуло затолкать. И поглубже. Я не пацан сопливый. Меня Богомолловским «Моментом истины» не возьмешь. И главное — я не пойму, из каких яиц мне это счастье вылупилось?!

Зимин аккуратно опустил пистолет и медленно повернул голову к Ивлеву.

— Нет, Барон, ты видел этого оборзевшего сопляка? Как ты думаешь: у него есть граната?

— Не уверен, — ответил Барон, — но пистоль на всякий случай убери.

Зимин убрал пистолет и сделал два шага назад.

— Сашенька, — продолжил Барон, — ты почто, паскудник, мне весь спектакль обговнил?

— Так, настроения нет, — в тон ему ответил я.

— А гранату на кой припер?

— Какую гранату? — притворно удивился я. — Нет у меня гранаты. С чего вы взяли? У меня есть только кольцо от нее. О чем я вас и предупредил.

— Ах, ты, гаденыш мелкий, — крикнул Зимин, подскочил ко мне и схватил за ухо. — Я тебе уши-то пооткручиваю!!! Настроения у него нет!!! — Он продолжал крутить мне ухо. — Тебе мама в детстве не говорила, что нельзя над старшими издеваться?!! Тем более над командирами?!!

— Моя мама, — я оторвал руку Петровича от своего уха, — и в кошмарных снах не видела, что я буду служить под началом двух престарелых извращенцев с садистскими наклонностями...

Зимин отошел от меня и засмеялся. Сидя на столе, хохотал Барон. Я улыбался, потирая красное ухо. Только капитан сидел молча. Видимо, происходящее не укладывалось у него в голове. Совсем не укладывалось.

— Так, — Барон вдруг стал серьезным, — пошутили и хватит. Возвращаемся к делам нашим скорбным. Хотя, нет. Дежурный!

Дверь моментально открылась. Тот же лейтенант, что утащил майора, преданно глядел на Барона.

— Как там майор? Отмылся?

— Никак нет, товарищ генерал-майор. Не отмылся. Товарищ майор в туалете лежит. Тошнит его сильно. Уже четыре раза рвало.

— Перестарались, — пробурчал Ивлев. — Так, лейтенант, за майором приглядывай, а нам сообрази чаю. Только покрепче.

— Есть. Разрешите идти?

— Бегом, — скомандовал за Ивлева Зимин.

Через три минуты мы уже сидели возле стола и пили крепкий горячий чай с баранками. Барон рассказал свежие сплетни из штаба, Зимин попросил меня рассказать про «крестовый поход» морпехов. Ивлев хохотал долго и громко. А вот капитан... Капитан молча пил чай. И такое ощущение, что пил он его, не чувствуя ни вкуса, ни температуры напитка. Он был где-то далеко от нас... Зимин, заметив это, ласково вынул из рук капитана кружку с чаем и выбил из-под него стул. Падение «вернуло» капитана из «астрала».

— Капитан, ты где? — поинтересовался Ивлев.

— Тут я, — ответил он. — Виноват, задумался.

— О чем ты задумался, голубь сизокрылый? — вкрадчиво спросил Зимин.

— О превратностях судьбы, — философски ответил капитан, — о психологии людей, о твердости характера и о стрессоустойчивости.

— О стрессоустойчивости, — повторил Зимин. — Тебе, капитан, еще повезло, что не ты был основным объектом игры. Сашку нашего Ивлев в свое время еще жёстче, чем майора, попытался «прокачать».

— А почему «попытался»? — уловил главное капитан.

— Потому что я плохо его просчитал, — ответил Барон, — не учел специфику его гражданской профессии. Решил, что «стандартным» методом смогу его «прокачать».

— Не получилось? — спросил капитан.

— Не то слово, — усмехнулся Зимин. — Если бы я вовремя не приехал к Барону, Сашку или подстрелили бы, или он всех «костоломов» Ивлева переломал бы. Сашко, ты помнишь?

* * *

Я помнил. Сразу после возвращения с задания меня, вместо доклада Зимину, отправили в управление разведки. К Ивлеву. За те полгода, что я провоевал, Ивлева видел всего два раза, но очень много про него слышал. Первое, что меня насторожило: что отправили меня не на местной машине, а на штабной. И не просто с водилой, а в сопровождении двух комендантских офицеров. И чем ближе мы подъезжали к управлению, тем сильнее крепла в моей голове мысль о приближающейся «жопе». У меня, как и у многих моих бойцов, отходняк от «войны» длился сутки после возвращения. В эти сутки я не выпускал своих бойцов из расположения и не давал им спиртного. На доклад, если только он был не срочным, ходил только на следующий день. Именно сутки требовались мне и моим парням на переход из боевого режима в режим «ожидания». В эти сутки мы были излишне агрессивны, интуиция работала на максимуме, а рефлексy управляли наравне с мозгом. Опасны мы были для всех. За исключением Коваля и его головорезов. Потому что они — такие же, как мы. Они все прекрасно понимали. А мы понимали их.

На входе меня обыскали. Обыскали плохо. «Выкидуху» под ремнем не нашли. Странно. Завели в подвал и закрыли в одиночной камере. В камере было тепло и темно. У стены я обнаружил шконку, куда немедленно улегся и попытался уснуть. Ломать голову о причинах моего помещения в камеру я не стал. Все равно не угадаю. Придет время — все сами скажут.

Разбудили меня через два часа.

— Ты уснуть умудрился?! — офигел конвоир.

— А почему бы и не поспать?! — удивился я. — Тепло, сухо, мухи не кусают.

— Я не об этом, — ответил он. — Я б на твоём месте головой об стенку бился или чистосердечное писал, а ты дрыхнешь.

Я чуть задумался, а потом ответил:

— Не в чём мне каяться, совесть у меня чистая, поэтому и сплю крепко.

— Ну-ну, — прокомментировал тот. — Тебя сейчас к следователю, а потом, скорее всего, в пыточную. Дети-то есть?

— А это тут причём? — не понял я.

— После пыточной — точно не будет!

Странно. Непонятно. Над словами конвоира можно было задуматься. Нужно было бы, но не поверил я ему. Чувствовалась в них фальшь. Очень наиграно все. Ладно, решил я про себя, «будем подождать».

Поднявшись выше на этаж, меня завели в камеру. Стандартная камера для допросов: металлический стол и две табуретки. Все наглухо прикручено к полу. В камере меня уже ждал офицер. Судя по погонам и форме, следователь военной прокуратуры. Ещё интереснее.

— Старший лейтенант Трофимов доставлен, — доложил конвоир.

— Свободны, — скомандовал прокурорский.

Конвоир ушел. Офицер продолжал сидеть, а я — стоять.

Не обращая на меня внимания, он продолжал изучать толстую папку. Минуты через три наконец вспомнил о моем существовании, поднял глаза и скомандовал:

— Присаживайтесь.

Я сел на табуретку и выжидающе посмотрел на него. Следователь демонстративно захлопнул папку. Как и ожидалось, папка оказалась моим личным делом. Толстая она стала, однако же...

— Лейтенант, — ожил он, — почему вы не спрашиваете, в связи с чем вы тут оказались?

— Здесь вопросы задаете вы, — ответил я и зевнул.

— Ох ты какой! — удивился он. — Доводилось уже тут бывать?

— Внимательнее нужно быть, гражданин следователь, — посоветовал я.

— В каком смысле? — насторожился он.

— В моем деле, — я кивнул на папку, — черным по-русски написано про образование и про место работы до войны. Поэтому у меня к вам нечеловеческая просьба: заканчивайте ваши психологические прелюдии и переходите к сути. Только про процессуальные нормы не забывайте.

— Наглеешь, лейтенант! — угрожающе сказал он.

— Натура такая, — легкомысленно ответил я, — натура и профдеформация. Поэтому не тяните за хрен ежота: или спрашивайте, или ведите в камеру. Я не выспался.

— Ты у меня выспишься... — многообещающе пробубнил следователь. Он встал, прогулялся вдоль стола и продолжил: — Я — следователь военной прокуратуры Солодянкин. В производстве у меня находится дело о шпионаже в пользу румынской разведки одним высокопоставленным офицером нашей армии. В ходе следствия был установлен приблизительный круг его сообщников. В него входят не только офицеры штаба...

«Вот только шпионов мне для полного счастья и не хватало», — возникла в голове

мысль. Я думал, на уголовщине будут вязать... А шпионаж — это пожизненный расстрел, без права переписки...

— Лейтенант, — вернул меня в реальность следователь, — вы будете сотрудничать со следствием?

— Кто? Я?! Конечно!!! — Я включил дурака.

Следователь недоверчиво посмотрел на меня: видимо, ожидал другой реакции.

— Что вы можете показать по данному делу?

— Все!!!

— Что «все»?! — не понял следователь.

— Могу показать все! — жизнерадостно заверил его я.

— А что вы знаете о вышеупомянутом деле?

— Что какой-то козел при штабе за бабосы или за печенюшки с вареньем сливал проклятым буржуинам секреты секретные...

— Прекратите паясничать!!! — завизжал Солодянкин. Вот только неубедительно завизжал. Казенно как-то...

— Статус?!! — завизжал я в ответ.

— Какой статус? — чуть спокойнее переспросил он.

— Не какой, а чей, — еще спокойнее ответил я.

— Чей? — ровным голосом спросил он.

— Мой.

— Не понимаю.

— Мой процессуальный статус, — пояснил я. — Кто я? Свидетель? Подозреваемый? Обвиняемый? Или, не дай Бог, потерпевший?

— Э-э-э... — замаялся следователь. — Вы будете допрошены в качестве свидетеля.

Я молча смотрел на него. Он тоже молчал. Но смотрел он не на меня, а чуть выше и левее. Я обернулся. За спиной не было ни окна, ни зеркала, только обшарпанная стена. Тем не менее ощущение, что за моей спиной сидит суфлер, который руководит капитаном, у меня возникло.

Следователь начал допрос:

— Фамилия, имя, отчество, дата и место рождения?

Я ответил. Прогнав меня по анкетным данным, он вдруг предложил:

— Расскажите о вашем последнем задании.

— Что, простите, рассказать? — Я не ожидал такого перехода.

— Что вы и ваша группа делали на последнем задании?

— А категория допуска к секретам секретным у вас какая? — ответил я вопросом на вопрос.

— Лейтенант, я бы на вашем месте не строил из себя умника. Глядишь, штрафбатом бы и отделались.

— Наконец пошли угрозы!!!

— Это не угрозы. Это предупреждение.

— Ну-ну, мера прокурорского реагирования... Гражданин следователь, — не дав ему и рта открыть, продолжил я, — перед тем как сделать процессуальное заявление, я бы хотел обрисовать картину, которая у меня сложилась.

— Извольте, — усмехнулся он.

— Думается мне, дело про предателя-офицера, если оно вообще существует, — это

предлог. Люди, которые за вами стоят, желают проверить уровень моей моральной устойчивости или, что еще хуже, пытаются склонить к некому сотрудничеству. Так вот, поспешу вас заверить, что «стучать» не собираюсь. У нас за это можно и финку под лопатку поймать. Так что, — я повернулся к стене, на которую поглядывал следователь, — облезлую культяпку вам промеж глаз, а не меня в качестве информатора.

— Лейтенант, с кем вы общаетесь? Я тут, — ехидненько заметил следователь.

— Да так, «вьетнамский синдром» открылся, — озадачил я его.

— Вы будете говорить?

— Все, начальник, — ответил я, — я в несознанке. Веди меня в камеру, там баланду скоро принесут.

Капитан снова поглядел на загадочную стену и «обрадовал»:

— Пыток не бойтесь?

— Конечно, боюсь.

— Так, может, будете сотрудничать?

— А может, вам отправиться в пеший эротический тур?

— Напрасно, напрасно. Конвой!

Вошел конвоир.

— В шестнадцатую его.

— Так точно. Трофимов, на выход.

В коридоре конвоир меня «порадовал»:

— Ну, что, довыпендривался? В пыточную тебя приказано.

— Веди давай.

В шестнадцатой меня ожидала картина маслом: на полу лицом вниз, лежало тело офицера. Судя по неподвижности тела и крови вокруг, оно подвергалось многочисленным побоям. Помимо тела, в комнате находились еще трое. Все трое плотного телосложения, в расстегнутых форменных рубашках. Руки в крови. По локоть. Буквально.

— Принимайте свежее «мясо», — сообщил им конвоир и закрыл за мной дверь.

И снова меня посетило ощущение нереальности происходящего. От лежащего тела столько крови быть не может, форма офицера запятнана лишь в «нужных» местах, руки «палачей» испачканы слишком картинно, а на обуви нет следов крови. В общем, бутафория.

— Здорово, бычье, — поприветствовал я присутствующих, — меня к вам на помощь прислали.

Я повернулся, закрыл засов камеры изнутри, чем вызвал возглас протеста со стороны бычьего, и достал нож.

— Эй, ты чего?! — удивленно раздалось из угла.

— Этот, что ли, Родину не любит? — спросил я, указав рукой на лежащее тело. — Ну, ничего, сейчас он заговорит.

Я подошел к лежащему офицеру и со всей дури пяткой ударил в район коленного сустава. Ботинки у меня тяжелые, удары хорошо поставлены, хруст раздался чуть раньше, чем лежащий заорал. Хорошая реакция для человека без сознания... Лежащий попытался перевернуться, но я навернул ему в ребра ногой, и он снова прилег. Тем временем тройка быков вышла из ступора и начала неуверенно двигаться ко мне.

— Назад, петушня, — махнул я в их сторону ножом. И еще раз зарядил лежащему по ребрам. Он снова закричал.

— Старлей, ты чего? — попытался наладить со мной диалог один из быков.

— Вам, мозгоклюям, помогаю, — ответил я. — Вы же не справляетесь. Еще чуть-чуть — и он признается, что убил Кеннеди!

— Отойди от него, придурок, — потребовал тот же бык.

— Ты за базаром-то следи, козленьщ, — посоветовал я, — а то сейчас рядом ляжешь.

— Мужики, по ходу, он бешеный, — сделал вывод кто-то из быков. — Вяжи его, а то действительно всех порежет.

Они двинулись на меня. Я отошел к двери, чуть подпустил их, а потом, заорав дурным голосом, прыгнул в сторону самого быстрого. Нож в моей руке отвлек внимание противника, поэтому удар ногой в голову он пропустил. Пропустил и прилег рядом с офицером. Я сделал шаг вперед, и нападающие оказались на одной линии, мешая друг другу, чем я и поспешил воспользоваться. В очередной раз, отвлекая внимание ножом, наворачнул противнику в колено. Противник подсел на поврежденную конечность. Последний из нападавших уже вышел на «оперативный простор» и бросился мне в ноги. Видимо, борец. Странно, что он забыл про нож. Я резко сместился в сторону, и противник пролетел мимо меня. Мимо меня, но не мимо стены. Парнем он оказался крепким. Несмотря на удар головой, попытался встать, но я подскочил к нему и ударил рукой в затылок. Два ноль в мою пользу. Я развернулся к третьему. Третий не стал ждать продолжения «банкета» и заорал:

— Конвой, тревога!!! Задержанный напал на сотрудников!!!

— Леха, козел, если ты опять прикалываешься... — слышался из-за двери голос конвоира. Звякнул щиток глазка. Конвоир очень долго, на мой взгляд, оценивал увиденную картину. В конце концов, он поверил в происходящее и, звеня ключами, завопил: — Задержанный Трофимов, прекратить!!! — Он долго возился с дверью. Наконец до него дошло: — Леха, на кой вы изнутри закрылись?!! — заорал он.

— Это не мы, это старлей.

— Так открой.

— Не могу, он мне колено сломал.

— А остальные?

— Он их вырубил.

— Трофимов, не делай глупостей, — завизжал конвоир, — я сейчас следователя приведу.

Судя по удаляющемуся топоту, он действительно побежал за следяком. Соответственно, времени у меня было минуты две. Должен успеть.

— Леха, — обратился я к палачу, — говори.

— Что говорить-то? — не понял он.

— Правду, родной. Правду. Не доводи до греха. Мне же все равно ничего не будет. Любой психиатр подтвердит, что я сегодня невменяемый. Я сегодня только с задания пришел.

— А если расскажу, ты меня не тронешь?

— Не трону. А будешь волынку тянуть — порву как Тузик грелку.

— Мы должны были тебя запугать. Максимум — чуть-чуть по ребрам настучать.

— Это я уже понял. Цель какая?

— Не знаю. Если бы ты начал рассказывать про последнее задание, то считалось бы, что мы выполнили задачу.

— А если бы не начал?

— Прессовали бы до тех пор, пока нас бы не остановили.

— Кто остановил бы?

— Сигнализация.

— Камера наблюдения?

— Да.

— Как наблюдают?

— Тут в каждой стене спрятано по видеокамере.

— Кто командует парадом?

— Напрямую Солодянкин, но он без ведома Ивлева ничего не делает.

Ну, наконец-то мозаика сложилась. Значит, господин генерал-майор устроил мне проверку на «вшивость». Вот только интересно зачем?

— Трофимов, немедленно откройте дверь!!! — раздался из-за двери голос Солодянкина.

— А мусорка своего отдашь нам на растерзание?! — вспомнил я классику советского кинематографа.

— Какого мусорка? — не понял он. — Ты что, совсем умом тронулся? Открывай, тебе говорят!

— Капитан, у меня чисто теоретический вопрос: а что будет, если не открою?

— Как не откроешь? — удивился он. — Чего ты добиваешься?

— Чего мне нужно было, я уже добился. Мы теперь развлечься пытаемся. Скучно нам!

— Кто «мы»? — опять не понял капитан. — У тебя что, раздвоение личности?

— Типа того, — насмешливо фыркнул я. — Короче, начальник. Слушай мои требования. Хочу миллион рублей мелкими монетами, пароход к подъезду и секретчицу Танечку из штаба в костюме женщины-кошки. Ах, да... еще ящик водки и закусить.

Судя по лицу «пленного» Лехи, до него начало доходить, что я издеваюсь над следователем. Я подмигнул ему и прижал указательный палец к губам. За дверью послышалось бормотание — следак пересказывал кому-то мои требования. Кто-то засмеялся. И смех очень сильно походил на смех Петровича.

— Трофимов, — снова раздался голос Солодянкина, — так ты будешь открывать или нет?

— Капитан, ты глухой что ли? Ты мои требования слышал?

— Да.

— Ну, так шевелись.

За дверью опять послышался бубнеж капитана. Я подошел к Лехе. Он затравленно посмотрел на меня.

— Не бойсь, палач. Добивать не буду. Колено действительно сломано?

— Не знаю, но очень больно, и на ногу встать не могу...

— Ладно. Если через десять минут эти придурки ничего интересного не предложат, будем сдаваться.

— А я бы сейчас выпил... — мечтательно пробормотал Леха, — и на секретчицу бы тоже посмотрел...

— Да-а-а-а, — протянул я, — ради Танечки, в костюме, я бы и от выпивки отказался. Насколько я понимаю, она под Ивлевым «ходит»?

— И не только ходит...

— Ну, тогда точно придется выходить. Барон своих не сдает. Ни при каких раскладах.

В дверь кто-то мощно ударил.

— Сашка, террорист долбаный, открывай давай!!!

— Петрович, — а это был он, — выпить есть?

— Ты оборзел, салага!!! Открывай, говорю!

Я отодвинул засов и отошел от двери. Нож спрятал. Дверь медленно приоткрылась. В образовавшуюся щель заглянул Петрович.

— Зимин, мать твою, чего ты тут жмешься? — раздался из коридора командный рык.

— Михалыч, — ответил командному рыку Зимин, — не беги впереди паровоза. С ним лучше перебдеть. Вдруг он еще бешеный. Я ж говорил: не трогать его сегодня. Опять меня не послушал.

Зимин оценил картину внутри пыточной и мое состояние.

— Так мы заходим? — поинтересовался он у меня.

— Чувствуйте себя как дома, — широким жестом предложил я.

— Шутник, едрить твою.

Петрович полностью открыл дверь. За ним стоял сам генерал-майор Ивлев. За Ивлевым переминался бледный Солодянкин, а за Солодянкиным — конвоир и группа вооруженных штурмовиков в полной выкладке.

— Привет честной компании, — поприветствовал я всех, — нам бы доктора.

Зимин вошел в камеру, пристально посмотрел на меня и жестом пригласил генерала. Тот вошел, оглядел присутствующих, поднялся с пяток на носки и обратно, сплюнул в сторону палача Лехи и скомандовал:

— Конвой, раненых в лазарет. Солодянкин, личное дело Трофимова и чаю мне в кабинет.

Он еще раз посмотрел на меня, прищурился и выдал:

— Танечку, говоришь... в костюме женщины-кошки, говоришь... а это мысль! — Потом повернулся к Зимину: — Петрович, на твой взгляд, когда он понял, что это проверка?

— А кто его, убийцу, знает. У него и спроси.

— Так когда? — спросил меня генерал.

— Подозрения появились еще во время обыска. В процессе допроса они усилились, ну, а тут — возникла уже уверенность.

— Хорош, спец, хорош, — одобрил Ивлев, — значит, сработаемся.

* * *

— Помню, помню, — ответил я Петровичу. — Может, вернемся к делам моим прискорбным?

— Да, вернемся, — засуетился Барон. — И так, что тут у нас интересного? Согласно шифровкам агента Доцент, — забубнил он, — на территорию, контролируемую противником, прибывает большая группа американских армейских археологов... — Барон перестал читать и вернулся к «преамбуле», — ...армейских археологов... — повторил он и замолчал. Мы молча ожидали продолжения. Барон почесал затылок и посмотрел на Зимина: — Петрович, ты что-нибудь понял?

— Ты бы, друг ситный, полностью бы бумажку прочитал...

Барон задумчиво посмотрел на Зимина и начал:

— Согласно шифровкам агента Доцент, на территорию, контролируемую противником, прибывает большая группа американских армейских археологов. Целью археологической

экспедиции является изучение руин замка, находящегося в квадрате «пять». В замке, судя по некоторым источникам, проживал Влад Цепеш. Экспедиция имеет большой запас оборудования и хорошее охранение. Доцент рекомендует обратить пристальное внимание на данную экспедицию, а при возможности — ее уничтожить еще до прибытия к месту раскопок.

Барон закончил и снова уставился на Зимина.

— Михалыч, — обратился к Барону тот, — что ты на меня смотришь, как гимназистка на гинеколога?! Ты этого румына завербовал, ты и расшифровывай его катехизисы!

Ничего не ответив Зимину, Ивлев посмотрел на меня, ожидая версий.

— «Аненербе» жив! — вякнул я.

— Вот и мне в голову те же мысли пришли... — протянул Барон.

— А кто такой «Аненербе»? — робко поинтересовался капитан.

— Молчи, салага! — одновременно рыкнули Барон и Зимин. Капитан весь сжался.

— Михалыч, — заговорил Зимин, — если бред твоего Доцента не касается тоннеля, давай отложим его доклад и посмотрим, чего есть полезного в работе твоих аналитиков.

— Дмитрий Михайлович, — не позволяя Барону переключиться на другую тему, влез я, — а Доцент именуется «Доцентом» потому, что он Доцент?!

— Чего?! — не понял Барон.

— Видимо, это заразно, — пробурчал Зимин, намекая на загадки в шифровке Доцента и мой вопрос.

— Я интересуюсь: агент под псевдонимом Доцент получил свой псевдоним потому, что он матерый урка, ну, как в «Джентльменах удачи»? — пришлось пояснять мне.

— А-а... Не-е-ет, — протянул Барон, а Зимин заулыбался, — еще до войны я познакомился с одним замечательным румыном, профессором истории, который преподавал в одном из Бухарестских университетов. Очень интересный товарищ! Убежденный коммунист, ярый противник НАТО в целом и Америки в частности. Познакомился я не просто так, а с подачи наших «чекистов», он им еще при СеСеСеРе периодически стучал. Так этот профессор сразу понял, кто я и что от него требуется. И согласился сотрудничать не за материальные блага, а за идею, так сказать.

— А почему Доцент, а не Профессор или Академик? — не отставал я.

— Зимина спроси, — посоветовал Барон, — это он придумал.

— Он очень похож на Евгения Леонова, актера, — пояснил Зимин, не дожидаясь моего вопроса, и тут же обратился к Ивлеву: — Михалыч, судя по всему, твой профессор на башку ослаб. Так что его или вытаскивать сюда нужно, или там зачистить, а то «всю малину попалит».

— А зачищать ты поедешь? — с прищуром поинтересовался Барон.

— Могу и я, — легко согласился Зимин.

— Господи, — Барон закатил глаза, — с кем я работаю?! Мокрушник на мокрушнике...

Возникшую тишину робко нарушил капитан:

— А кто такой...

— Влад Дракула это, бестолочь! — опередил Зимин вопрос капитана.

— А почему...

— Фамилия у него такая, — пояснил я.

— Так, завершили экскурс в историю, — отрезал Барон. — Вы, двое, — он ткнул пальцем в меня и Зимина, — закончили понтоваться перед капитаном, а ты, капитан, через

неделю лично мне сдашь зачет по народным и ненародным сказкам Румынии. Все понял?

— Так точно!

— Умница. — Барон потряс головой и снова углубился в секретные документы. Минуты три он перебирал бумажки, читая их «по диагонали». На одной из них Барон снова «споткнулся». — В рот вам потные ноги! — выругался он. — Опять нечисть!

— Чего-чего?! — заинтересовался Зимин.

— А фамилия-то какая препоганая!

— У кого? — Зимин встал и начал через плечо Барона читать докладную. Дочитав до конца, он рассмеялся: — Чего ты ждешь от офицера с фамилией Мерзяев?!

— Твою мать! — повернувшись в сторону, где располагалось управление, раненым кабаном взревел Барон. — Где этот Мерзяев?! Где этот недонюханный капитан?! Дайте мне его сюда, я его донюхаю!

— Я тут, товарищ генерал-майор, — раздался осипший от страха голос капитана.

— Что тут? — не понял Барон.

— Я, — пояснил капитан.

— Головка от... курвиметра, — рявкнул Зимин. — Внятно объясни.

— Капитан Мерзяев — это я, — проблеял тот, — и докладная, которая у вас в руках, тоже моя.

Барон удивленно уставился на капитана, а Зимин уселся за стол и захохотал.

— Зимин, — наконец ожил Барон, — что ты там про зачистку говорил?

Я посмотрел на капитана — вид у него был похуже, чем у нарцисса-майора.

— Так я, — сквозь смех выговорил Зимин, — про Доцента говорил, а не про капитана, Господи, прости Мерзяева...

Барон глубоко и медленно вздохнул, после чего смял докладную и положил ее перед капитаном.

— Еще раз сказки без голых фактов увижу — разделишь участь Коня. Понял?

— Так точно! — сорвавшись на фальцет, отрапортовал капитан.

— Ух ты, мать вашу, какой у меня сегодня насыщенный день! С утра как началось... —

Барон углубился в папку и почти сразу обнаружил то, что искал. — Так, согласно данным моих яйцеголовых, через пять дней, то есть 26 июля, в распоряжение третьей пехотной дивизии румын должен прибыть заместитель командующего. Из штаба он должен отбыть наземным транспортом 25 июля. А теперь внимание — правильный вопрос: на чем должен ехать указанный румын, чтобы за сутки преодолеть расстояние, которое на машине преодолевают за двое суток? И это в лучшем случае.

— Он пойдет через тоннель? — робко спросил капитан.

— Есть такая вероятность, — согласился Барон.

— А если его возле гор будет ждать самолет или вертушка? — продолжил капитан.

— И такое может быть, — не стал спорить Ивлев, — но шансы, что он пойдет через тоннель, очень велики. Так, по крайней мере, утверждают мои аналитики.

— Данные на этого красавца есть? — поинтересовался я.

— Конечно! — обрадовал Ивлев. — Вот тебе очень секретная папочка, выучи все наизусть. Как выучишь, запихай ее в сейф. Как ты понимаешь, из здания не выносить, перед прочтением съесть. Если вопросов нет, то остальные свободны.

— Капитан, — я окликнул Мерзяева на выходе, — если вас не затруднит, дождитесь меня в коридоре.

— Хорошо, — удивленно ответил тот, не заметив хитрых ухмылок Зимина и Барона.

С документами я управился довольно быстро и убрал их в сейф. Замок у сейфа кодовый, так что закрылся он без проблем. В коридоре сидел напряженный Мерзяев.

— Пойдемте, капитан, на воздух. — Я ухватил его за локоть, и мы вышли на улицу. Отойдя метра на три от крыльца, я обратился к нему: — Капитан, как вас, кстати, звать по имени?

— Станислав.

— Александр.

— Очень приятно.

— Взаимно. Так вот, Станислав, скажу сразу: о содержании нашей с вами беседы Зимину и Барону очень скоро станет известно. Если этого не сделаете вы, это сделаю я. Не нужно делать таких честных и удивленных глаз. От этих двух, — я ткнул пальцем в сторону штаба, где остались Зимин и Барон, — у меня секретов нет. Почти нет. Один процент из ста можно не считать. И то этот процент не тайна, а версия без фактов. А версий без фактов, как вы уже поняли, командиры не любят.

— Да, понял, — согласился он.

— Так вот, — продолжал я втираться капитану в доверие, — если до ухода за линию фронта я не успею слить информацию шефам, или они вас о ней спросят, настоятельно рекомендую говорить правду.

— Спасибо за предупреждение.

— Теперь о главном: прежде чем спросить о содержании вашей докладной записки, я хотел бы поделиться с вами информацией как раз из разряда нечисти.

У капитана от удивления открылся рот. Я не стал заострять на этом внимание и продолжил:

— На протяжении последних полутора месяцев меня, моих бойцов, а также Ковалья и его банду не покидает ощущение, что за линией фронта за нами кто-то постоянно следит. Но ни одна проверка не выявила слежки, и ни одна операция не была сорвана. Пока мы списываем это на психологическую усталость, но устать все разом и в одинаковой степени — это, согласитесь, маловероятно. И, самое интересное, ощущение слежки усиливается по мере приближения к горам. В долине все относительно спокойно. Это все, что я имею вам сказать. О нашей паранойе я устно докладывал Зимину. Коваль тоже. А теперь скажите, Станислав, ваша докладная не о том же?

Капитан глубоко вдохнул, шумно выдохнул и, часто заморгав, выпалил:

— В лесах предгорья бойцы видели привидения.

— Кто именно?

— Пехотинцы, из одиннадцатой гвардейской.

— А кроме них?

— Информация исходила только от них.

— Рассказали сами или их «слили»?

— «Слили».

— О привидениях можно подробнее?

— Если мой информатор... — Он смутился и замолчал.

— Стас, не строй из себя целку. Мы взрослые люди.

— В общем, — вздохнул капитан, — со слов пехотинцев, в предгорье параллельным с ними курсом двигалось нечто необычное. Какие-то сгустки темноты, перемещающиеся от

дерева к дереву. На сближение не шли, атаковать или привлечь внимание не пытались. Как только бойцы удалились от гор, таинственные объекты исчезли.

— Какие предположения у тебя лично, что это может быть?

— Не знаю, у меня всего один вариант — неизвестная природная аномалия.

— Это все?

— Да. Александр, ты встречал подобное?

— Нет. И не видел, и не слышал. Спасибо за информацию.

— Пожалуйста.

Распровавшись с капитаном Стасиком Мерзьевым, я остался на том же месте и закурил. Как только Мерзьев скрылся из виду, из штаба выскочил Зимин:

— Говори, — потребовал он.

— Среди рядового или младшего командного состава одиннадцатой гвардейской у нашего Стасика есть стукачок. Скорее всего, тыловик.

— Почему ты так решил?

— С воюющей частью гвардейцев капитан не смог бы наладить нужный контакт, а вот среди тыловиков — легко. Об этом косвенно говорит и тот факт, что стукачок передает рассказы других, а не повествует сам.

— Это все?

— Все.

— Ай, маладца!

— Сам знаю.

— Он тебе про привидения рассказал?

— А зачем, по-твоему, я его тут обхаживал?

— Тоже хорошо.

— Петрович, — тормознул я собирающегося уходить Зими́на, — как ты думаешь, что это за привидения?

— Сань, вот, ей-богу, не знаю. Как только появится информация, тебе и Ковалю первым сообщу.

Зимин ушел к Барону, а я пошел собираться. «Коридор» через линию фронта будет в четыре утра. У соседей намечался артобстрел противника, который будет прикрывать разведку боем, которая, в свою очередь, прикроет наше проникновение.

Расположение встретило меня разухабистым «Варягом». Судя по тому, что у исполнителя присутствовали и голос, и слух, пел Булатка. Не стал мешать певцу и пошел упаковываться.

В начале пятого начался артобстрел. Отработав положенные пятнадцать минут, царица полей ушла спать, а доблестная пехота ломанулась в бой. Выждав еще тридцать минут, мы засемили в тыл противника. В нашу задачу входило: незамеченными проникнуть на территорию противника, таким же манером добраться до гор, перебраться через них, не нарвавшись на горных стрелков противника, выйти в назначенную точку и дожидаться машину с многозвездным румыном. С проникновением и прочей ерундой сложностей не ожидалось, а вот процесс закладки мины в машину меня сильно беспокоил.

Румынским языком в совершенстве владел только Макс — наш штатный переводяга. Также в совершенстве он говорил на английском, польском и венгерском. Говорил на румынском, но с дичайшим акцентом, Петюня, радист. Сносно понимал, но еще хуже говорил Термит. Остальные, в том числе и я, не говорили вообще. Даже со словарем. Мы знали несколько слов, а о правильном произношении оставалось только мечтать. Поэтому самая важная часть задачи ложилась на этих троих. Именно они будут изображать офицеров военной полиции румынской армии, а остальные будут рядовыми. Под камуфляжем на нас была форма румын, наше штатное оружие покоилось в рюкзаках, а в руках у нас были НАТОвские «игрушки». Кому-то из моих парней оружие противника нравилось больше, но я был консервативен, поэтому родному «Никонову» старался не изменять.

Как и ожидалось, к заданной точке добрались без сюрпризов за сутки до нужного часа.

От точки базирования до входа в тоннель — около пяти километров. Взяв с собой Марсю и Олега, поползли смотреть вход. Через полтора часа нам открылась радостная картина: румыны переплюнули все мои самые смелые надежды. Вход в тоннель имел всего одну линию обороны, выраженную в двух наблюдательных вышках и хиленьком заборе из колючей проволоки. На вышках, как ни странно, солдат не наблюдалось. Тяжелые ворота на входе в сам тоннель имелись, но одна створка была полностью открыта.

— Они чужих вообще не ждут, — сделал глубокомысленный вывод Марся.

— Я бы сказал, они не только не ждут, они, видать, не верят, что про тоннель вообще кто-то узнает в ближайшее время, — поддакнул Олег.

— Так нам же легче! Ты глянь, какая замечательная поляна перед въездом. Трава по пояс до самой колючки!

— Марся, друг мой наивный, вот на их месте что бы ты сделал с этой поляной? — попытался «приземлить» его я.

— Скопил бы, на хрен, всю траву!

— Или? — продолжил я.

— Или мин бы наставил, — задумчиво ответил тот.

— Или парочку «секретов» разместил, — поддержал идею Олег.

— По-моему, вы оба льстите румынам, — не сдавался Марсель. — На их месте я бы тут такую линию обороны забодяжил — муха бы не пролетела.

— Очень может быть, — неопределенно протянул я. — Ждем еще пару часов: может, чего любопытного и заметим.

Любопытное началось минут через сорок. Вначале мы услышали шум приближающегося дизельного автомобиля. Двигатель работал неровно и постоянно «чихал». Вскоре на дороге, ведущую к тоннелю, выполз небольшой армейский грузовичок с тентованным кузовом.

Именно ему принадлежал «больной» двигатель. «Чихнув» в очередной раз, грузовик заглох. Из кабины вышли двое солдатиков и, крича друг на друга, начали поднимать кабину. Подняв ее, один отошел от машины и начал справлять малую нужду.

— Санек, — зашептал Марся, — у дороги мин или нет, или они дальше.

Я кивнул в знак согласия. Закончив «сливать жидкость», солдатик вернулся к машине, где его сослуживец ковырялся в движке. Совместными усилиями они его подчинили, опустили кабину и продолжили движение. Подъехав к шлагбауму, грузовик начал сигналить. Спустя три минуты из тоннеля появился заспанный солдат. Он начал что-то недовольно выговаривать прибывшим. В конце концов, поднял шлагбаум, и машина въехала в тоннель. Без досмотра.

— Однако служба войск поставлена архискверно, — сделал вывод Олег, — чувствуется, что ребята давно в тылу сидят.

— Или никогда не были на передовой, — поддержал его Марся.

— Ты завтра на сегодняшнее раздолбайство охраны сильно не надейся. Завтра они как на параде будут.

Не прошло и двадцати минут, как ситуация перед тоннелем стала еще интереснее: из-за ближайшей горы показалось стадо коров. Позади оно верхом на лошади двигался сонный ковбой местного разлива. Что особенно порадовало — отсутствие у пастуха собак. Стадо медленно двигалось вдоль колючки. Когда до дороги осталось метров десять, из тоннеля выскочила группа солдат и ломанулась отгонять коров от дороги. От толпы отделился офицер и, размахивая пистолетом, побежал к пастуху. На пастуха ни солдаты, ни офицер с пистолетом не произвели никакого впечатления. На коров, кстати, тоже. Они так же медленно, не обращая внимания на солдат, пересекли дорогу, порядком ее загадив, и продолжили свое неспешное шествие.

Поняв тщетность своих усилий, солдатня переместила свое негодование на пастуха. А тот, звонко щелкнув кнутом, показал орущему воинству средний палец, пересек дорогу, смачно на нее плюнул и продолжил движение. Поорав еще минуты три вслед пастуху, солдаты попытались вернуться в тоннель, но были остановлены офицером. Он тыкал рукой на дорогу и что-то насмешливо говорил. Судя по жестикуляции солдат — те сильно возражали. Возражения не возымели результата, и солдатня, достав из-под вышек лопаты, принялась очищать дорогу и обочину от коровьих лепешек.

— Видать, не впервой тут коров гоняют, — улыбаясь, проговорил Марся.

— С чего ты взял? — не понял Олег.

— Лопаты под рукой. Если бы «бомбометание» было в первый раз, лопаты бы искать пришлось. А тут все наготове. И это, Санек... мин, похоже, нет.

— Или нет, или они радиоуправляемые. В любом случае, прежде чем «закапываться» завтра, все проверьте.

Не успели солдаты убрать «художества» крупного рогатого скота, как из тоннеля показался знакомый «чахоточный» грузовик. Проехав под открытым шлагбаумом, грузовик снизил скорость, и оба солдатика, наполовину высунувшись из окон, начали, по всей видимости, давать ценные советы охране, задействованной не по прямому назначению. Охрана отвечала криками, неприличными жестами и киданием в борт грузовика продуктами жизнедеятельности коров (разумеется, поднятыми на лопаты).

Пронаблюдав еще час и не увидев больше ничего интересного, мы вернулись к схрону. Хозяйственный Микола тут же сунул нам обед. Отобедав и чуть передохнув, решили

осмотреть дорогу, на которой предстоит минировать. Глубокий тыл и форма военной полиции позволяли нам руководствоваться принципом «чем наглее, тем незаметнее». Поэтому, оставив снарягу в схроне, мы выстроились в поисковую цепь и пошли вдоль проселочной дороги. Далеко уйти не успели: через сорок минут на обочине был замечен знакомый армейский грузовичок с поднятой кабиной. Под кабиной возился солдатик, а его сослуживец сидел в тени и курил.

— Командир, не про этот грузовик вы рассказывали? — поинтересовался Петюня.

— Если борта в дерьме, то про этот, — улыбаясь, ответил Олег.

Макс дождался, пока нас заметят, дал команду остановиться и, прихватив Петюню, пошел узнавать, в чем там дело. Мы остались в пятидесяти метрах от машины. Солдатики приветствовали Макса, как и положено приветствовать офицера, а уж офицера военной полиции... Выполнив все необходимые формальности, он, видимо, поинтересовался, что случилось, потому что солдатня начала показывать на грузовичок и пинать колеса в знак презрения к железному коню. Макс еще о чем-то переговорил с солдатами и что-то сказал Петюне. После этого Петюня неспешно направился в нашу сторону.

— Командир, — зашептал он, когда добрался до нас, — этот грузовик возит продовольствие в тоннель!!! Он сейчас оттуда едет!!!

— Это вам солдатня рассказала?

— Да, с их слов, они каждый день в одно и то же время выезжают туда и возвращаются обратно.

— Что у них с машиной?

— А хрен знает, я не силен в механике, Макс попросил Термита направить, чтобы тот посмотрел.

— Добро. Леня, дуй, погляди, только языком особо не трекай.

Термит кивнул и вместе с Петюней направился к машине. В итоге через десять минут машина заработала, и благодарные солдатики поехали восвояси. «А эта машинка очень даже вовремя сломалась», — подумалось мне. И очень удачно она тут каждый день катается. Как раз на два часа раньше ожидаемой нами цели.

— Командир, — ехидно улыбался Макс, — хорошая машина. Полезная. Завтра мы ее, даст Бог, можем удачно к нашему делу присоседить.

— Обязательно, Макс, обязательно.

Зими́на как командира выгодно отличало от остальных желание научить подчиненных полезной инициативе и умению мыслить стратегически. Мне иногда казалось, что я своим пацанам как командир особо и не нужен. Они и без меня в состоянии просчитать правильный алгоритм поведения, распределить обязанности и выполнить задание. Однажды я даже поделился своими сомнениями с Зиминим. Он, в свойственной ему манере, высмеял меня, но в итоге успокоил, сообщив, что в группах, подобных нашей, командир нужен для глобального анализа задачи. На командира сваливается весь поток информации, из которого он вычленяет суть и доводит до своих подчиненных в виде конкретных задач, а его подчиненные должны уметь сами все исполнить. Так вот, Макс правильно предположил, что завтра, перед прибытием нужной нам машины, неплохо было бы тормознуть этот грузовичок с продуктами. По «легенде», мы должны изобразить полицейский патруль, который шерстит все проходящие машины на определенном участке дороги. В тылу такое не редкость. А местная машина, досматриваемая полицией, добавит происходящему правдоподобности.

Мы вернулись к схрону, и я начал инструктаж:

— Слушаем сюда, бойцы. Вартанчик и Фич, ваша задача занять такую высоту, чтобы с нее хорошо просматривался вход в тоннель. Именно вы дадите команду Марсе на подрыв заряда. Когда найдете подходящее место, проверьте его как следует. Если польстить местному воинству, то все «вкусные» места должны быть или заминированы, или патрулируемы, или хорошо просматриваемы, а следовательно, пристреляны. Поэтому выбрали место, проверили его и, не оставляя следов, отползли метров на триста, но обязательно в пределах прямой видимости. Понятно?

— Да.

— Молодцы. Дальше. Микола, Петюня, Макс, Леня и Олег, со мной завтра изображаем патруль и закладываем взрывчатку. Ильдар, ты караулишь схрон, а Марся и остальные с утра выползают в сторону входа в тоннель, закапываются там и ждут команды на атаку.

На следующее утро, до рассвета, я отправил наблюдателей занимать позицию и Марсю «закапываться». Подучив подтверждение от обеих групп об успешном занятии позиций, выдвинулся к точке минирования. В нужном месте мы оказались около десяти утра. Прибытие продуктового грузовика ожидалось около четырнадцати часов, нужной машины с нужным румынским начальником — на два часа позже. Добрались и спрятались. До появления продуктового грузовичка светиться нам нежелательно.

Минут за десять до предположительного прибытия грузовика наш наблюдатель сообщил, что в нашем направлении движется гужевая повозка с одним пассажиром. Я тут же дал команду «занять позицию». Досмотр гражданских лиц для нас не опасен, а картина, которую, даст Бог, увидят солдатики в грузовичке, будет очень правдоподобной. Вскоре появился указанный «водитель кобыль». Глядя на них, складывалось ощущение, что лошадь и человек ровесники. Макс как офицер приказал ему съехать на обочину и начал процедуру досмотра. Он вежливо спрашивал, старик вежливо и медленно отвечал.

У меня в гарнитуре раздалось два щелчка. Это означало, что продуктовая будет в течение пяти минут. Макс неспешно продолжал беседу со стариком до тех пор, пока не услышал шум двигателя. Судя по жестам, он извинился перед стариком, попросил его подождать на обочине, а сам пошел встречать «гостей». На дорогу вышел с таким расчетом, чтобы грузовик остановился перед телегой. Вскоре показался «чахоточный» грузовик. Солдатня в машине оказалась та же, поэтому, увидев Макса, жестами приказывающего остановиться, они заулыбались и спокойно остановились там, где он им велел. Повинуясь приказу Макса, оба вышли из машины; водитель протянул ему какие-то бумажки — видимо, документы на груз и на машину. Макс жестом отказался и начал убедительно рассказывать солдатам «сказку». «Сказка» сводилась к тому, что специальная группа военной полиции, то есть мы, прислана сюда со специальным заданием для поимки офицера-предателя. Предположительно, он должен проехать по этой дороге на легковом автомобиле в сторону тоннеля. Кто именно предатель, еще не установлено, но достоверно известно, что в багажнике машины будет стоять желтая канистра, якобы с бензином. Поэтому указанным солдатам предлагается принять участие в инсценировке, призванной выявить предателя. Для этого им нужно подождать тут часа два, ничему не удивляться, а в самый ответственный момент изобразить задержанных военной полицией. В подтверждение своих слов он протянул им какую-то бумагу, заготовленную спецями Барона. После изучения оной солдатики снова протянули Максиму свои документы и документы на машину и груз. Тот переписал их данные, внес необходимые отметки в сопроводительные документы и приказал

им ожидать в машине.

Началась самая гадкая часть задания — ожидание «мишени». Макс отошел к старику и завел с ним неторопливый разговор, а Олег начал «чудить». Разделся до трусов, пристегнул к себе хитрую сбрую, состоящую из множества ремней, крепящихся на теле. На задней части сбруи, в районе лопаток, имелось небольшое кольцо. В это кольцо он вдел карабин и привязал к нему веревку. После этого Олег надел китель, вытащил веревку через ворот сзади и, достав специальный грим, начал этим гримом намазывать себе лицо и все открытые участки кожи. Через пять минут перед нами стоял человек, недавно погибший от удушения. Цвет лица и рук Олега был соответствующий. Он соорудил пару страшных гримас и полез на дерево, растущее в десятке метров от места, где стояли лошадь и повозка.

Прелесть дерева заключалась в том, что ветки росли высоко над дорогой и были очень толстыми. Присутствующие «зрители», офонарев, следили за действиями Олега. Чтобы внести ясность в происходящее, Макс начал объяснять: чтобы сбить предателя и его окружение с толку, боец, который в столь непотребном виде залез на дерево, к моменту прибытия машины изобразит жестоко убитого врагами бойца доблестной румынской армии, повешенного на дереве. К присутствующим просьба: не смеяться, руками не махать, не подмигивать. Присутствующие тут же заржали и замахали Олегу руками. Тот, сидя на ветке и смеясь, замахал руками в ответ. Этому фокусу, «повешенному бойцу», нас научил Коваль. Я не знал лучшего способа остановить любое транспортное средство. От мотоцикла до танка. В ста процентах случаев техника останавливалась, а экипажи выходили посмотреть на повешенного. Не говоря уже о пеших группах. Даже матерые американские диверсанты прекратили движение и, разинув рты, собрались тупорылой толпой под телом неизвестного американского сержанта, повешенного в тылу у русских. Судя по торчащим «кишкам», его «зверски пытали». В итоге — минутная задержка и отвлечение внимания стоили их группе жизни. Микола в два присеста положил почти всех. В случае же с остановкой машины со штабным румыном «повешенный» будет играть роль «причины задержания всех транспортных средств» и замечательным способом отвлекать внимание румын от манипуляций Термита в районе их багажника.

Приблизительно через час от наблюдателя пришел сигнал о приближении цели. Олег накинул специальную петлю на шею, которая крепилась к веревке и создавала полную иллюзию «повешенности», аккуратно слез с ветки и повис на веревке. Картина получилась очень убедительной. Макс тем временем вежливо поставил водителей продуктовой машины возле борта грузовика, попросил их расставить ноги на ширине плеч, а руками упереться в борт. Я занял место позади них с автоматом наперевес. Макс отошел, критично осмотрел «сцену задержания и обыска», остался доволен увиденным и перешел к «водителю кобылы». Петюня встал на дороге перед грузовиком, «блокируя» его движение, а Термит — за телегой.

Вскоре показалась цель. Как и говорили аналитики Барона, требуемая машина была «хаммером» в гражданском исполнении, но с камуфляжным раскрасом. И сопровождения тоже не было. Увидав развернувшуюся перед ними картину, румыны, как и ожидалось, сбросили скорость. Водитель и солдат, сидевшие на переднем сидении, вытянули шеи и озадаченно таращились на «повешенного». Макс, в свою очередь, быстрым шагом направился в сторону новых участников спектакля и жестами начал требовать остановки. Термит медленно, чтобы привлечь внимание, передернул затвор и взял винтовку в руки. Петюня, выполнив аналогичную манипуляцию, подошел к нему. После этого Термит пошел вслед за Максом.

Макс, умница, все рассчитал правильно: «хаммер» остановился, не доехав до «повешенного» метров пятнадцать. Он подошел к машине со стороны водителя, заглянул внутрь и жестом приказал Термиту занять позицию позади машины. После чего, как и положено, отдал честь и представился. Водитель что-то ему ответил и протянул документы. Макс изучил их за минуту, потом, согласно «ранее утвержденному плану», попросил документы у остальных. Судя по всему, как и ожидалось, его послали по известному всем маршруту. Макс заговорил повышенным тоном, показал на «повешенного» и рывкнул команду Петюне и Термиту. Те тут же направили оружие в сторону машины. Для «хаммера» наше вооружение не представляло никакой опасности, но сам факт угрозы со стороны «своих» же солдат, да еще и полицейских, возымел действие: через водителя Максу передали документы оставшиеся три пассажира машины. Петюня и Термит тут же опустили стволы.

На изучение документов Макс потратил минут пять. Он внимательно в них вчитывался, потом достал «специальный формуляр», еще дольше сверял данные формуляра и документов. Наконец, не найдя ничего криминального, он, не возвращая документов, попросил всех выйти из машины, чтобы мысмогли ее досмотреть. Все напряглись. Даже «повешенный». Если Максу не удастся заставить румын выйти из машины, весь план пойдет коту под хвост.

От услышанного в машине обалдели. Главный румын приоткрыл окно и начал орать на Макса. Макс спокойно выслушал долгую и гневную речь, сплюнул и заговорил не менее гневно и долго. Он все время показывал рукой на «повешенного», на «задержанных» водителей грузовика, а также в сторону тоннеля. Румын выслушал Макса и ответил очередным отказом. Макс в очередной раз рывкнул команду «подчиненным». Парни снова направили оружие на машину, но к ним на этот раз присоединился и я. Как и было согласовано с водителями продуктового грузовика, я поставил их на колени, а сам направился в сторону «хаммера». В движении я зарядил подствольный гранатомет и занял позицию в стороне от машины. Макс, увидев, что я «готов выстрелить из подствольника», тут же отошел от «хаммера» метров на пять. Термит и Петюня тоже попятились назад, не опуская оружия. Румын оценил степень опасности, посмотрел на часы, что-то приказал сопровождающим и первым вышел из машины.

Румын был в звании полковника. В его движениях читалось бешенство. Он демонстративно заложил руки за спину. Не закрывая двери, подошел к капоту и принял ту же позу, что и водители грузовика. Но на колени вставать не стал. Сопровождающие тоже вышли из машины, однако остались стоять возле нее. Макс, увидев подчинение, отдал нам очередной приказ и заговорил с полковником более вежливо. А я и парни начали финальную перегруппировку: Петюня жестами и короткими командами отвел сопровождающих полковника солдат на четыре метра вперед, я подошел к «хаммеру», а Термит открыл багажник. Макс предложил «главнюку» румын присоединиться к свите. Тот что-то проворчал, но оторвался от капота и медленно подошел к своим.

Сопровождающие, как и ожидалось, не следили за нашими действиями. Их вниманием полностью завладел «повешенный». Он раскачивался от порывов ветра и тихонько крутился вокруг своей оси. Макс, стоя возле них, что-то медленно им объяснял, я и Петюня «досматривали» салон, а Термит — багажник. Мы ориентировались на Термита и тянули вольнку как могли, а он справился на удивление быстро. Буквально через две минуты Термит захлопнул багажник и полез помогать нам.

— Ты уже?! — удивленно прошептал Петюня.

Термит с довольным видом кивнул.

— Все установил?! — продолжил шептать тот.

И снова утвердительный кивок.

— Не заметят?

— Н-н-на днище все п-п-поставил, — ответил тот и жестами показал, что закрепил всю взрывчатку под днищем багажника.

Мы провозились еще минуту, потом закрыли двери и, изобразив полную потерю интереса к машине, разошлись на первоначальные позиции: Термит — к кузову грузовичка, я — к «пленным» водителям, а Петюня, доложив Макс, что «все в порядке», занял место перед грузовиком. Макс рассыпался в извинениях полковнику, вернул всем документы и даже помог румыну погрузиться в машину, услужливо открыв ему дверь и мягко закрыв ее после посадки полковника. «Хаммер» завелся и достаточно резво стартовал. Проводив его взглядом и дождавшись, когда тот скроется из виду, Олег очень резво «ожил», отстегнулся, отвязал веревку, скинул ее вниз и спустился с дерева.

Румыны из грузовичка, искренне смеясь, подошли к нему и, тыкая пальцем в варенье на кителе Олега, что-то одобрительно ему говорили. Олег, улыбаясь, скинул грязный китель, снял «сбрую» и начал доставать из рюкзака чистую смену одежды. Термит незаметно сместился к повозке, а Петюня приблизился к водителям и занял место позади них. Макс тоже подошел к ним и предложил продолжить участие в «маскараде», так как «хаммер» оказался «не той» машиной. Румыны, улыбаясь, закивали в знак согласия. Все были на местах.

— Начали, — отдал я команду.

Термит накинул удавку на шею старику, Петюня, схватив одного из водителей сзади, свернул ему шею, а Макс ударил второго в гортань. Не допуская, чтобы оба водителя упали (тем более тот, которому перебили гортань, был еще жив), парни подхватили их и перенесли к грузовику. Олег открыл задний борт, и они загрузили трупы свидетелей в машину. Термит, оставив труп старика в повозке, полез в кабину грузовика. Пришел Микола, который был нашим наблюдателем. Бросил в телегу пулемет, посмотрел на труп старика и с сожалением спросил:

— А деда-то на кой болт завалили?

— А что с ним делать? — поинтересовался Макс.

— Вырубили бы да связали.

— А фотографии свои ему на память оставить не нужно было? Вместе с паспортными данными и отпечатками? — зло поинтересовался Макс. Ему, как и Миколу, было неприятно из-за того, что пришлось завалить старика.

— Микола, — обратился к нему я, — ты же лучше нас знаешь: свидетелей не оставлять.

— Знаю, знаю, — пробурчал он и пошел успокаивать кобылу, которая начала нервно дергаться из-за трупа в телеге.

— Чего? — спросил Петюня. — Хохла совесть мучает?

— Типа того.

— Какие мы нежные... — с издевкой протянул он. — Командир, а ты заметил, что Микола частенько забывает про хохляцкий акцент?

— Заметил. И давно.

Микола, как, впрочем, и каждый из бойцов моей команды, был не простым «кадром». В его речи вне задания, а особенно при начальстве, присутствовал такой убойный акцент и

говор, что его сложно было понять. Но, как только мы выходили в рейд, говор исчезал, акцент почти улетучивался, а вместо туповатого увальня появлялся грамотный, рассудительный и хозяйственный профессионал.

— В-в-вы г-г-грузиться собираетесь? — высунулся из машины Термит. В этот момент со стороны тоннеля раздался взрыв и стрельба.

— Теперь собираемся, — подтвердил я. — Быстро в кузов. Микола, ты на телеге, катись сразу к Ильдару.

Мы погрузились в машину и направились в сторону поворота к тоннелю. Не прошло и минуты, как раздался мощнейший взрыв. Под нами аж земля содрогнулась, а испуганная кобыла встала на дыбы. Микола выскочил из телеги и взял ее под уздцы. Успокоив, так же резво заскочил в телегу и продолжил движение. Через десять минут мы добрались до нужного поворота. Со стороны тоннеля валил густой столб дыма, в небо поднимались языки пламени.

— Термит, ты там чего наложил? — глядя на дело рук своих, а точнее — рук Термита, спросил Олег.

— С-с-секрет, — самодовольно ответил тот.

Из придорожных кустов высунулся Марсель и побежал в сторону машины. За ним выскакивали оставшиеся бойцы.

— Термит, собака бешеная, — подбежав, заворчал он, — ты туда чего наложил? Долбануло так, что нас всех подбросило, перевернуло и оглушило.

— Марся, что с бойцами? — перебил его я.

— Да нормально все. Чего с ними будет?

— А тоннель?

— Нет его больше. Я чего спрашиваю про взрывчатку: шабаркнуло так, что часть скалы внутрь провалилась.

— А горит что?

— А фиг его знает. Может, у них там склады были.

— Подробности давай!!! — Парни уже сидели в кузове, и мы продолжили движение к схрону.

— В общем, лежим, загораем. Охраны на вышках как не было, так и нет. Парни с вершины «отстучали», что нужная машина едет. Мы их пропустили мимо, а потом из «мухи» шарахнули. Они скорость на «максимум» и — к тоннелю. Так спешили, что снесли шлагбаум и парочку своих солдатиков. Мы по солдатикам постреляли, а потом — по сигналу кнопочку и нажали. Знатно рвануло.

— Да, Термит — монстр!!! — встрял в разговор Пашка. — У меня до сих пор в ушах звенит.

Тем временем въехали в лес. Народ спешился и резво побежал в сторону схрона. Сердобольный Микола начал распрягать лошадь.

— Микола, гринписовец доморощенный, бросай ты эту клячу, — рявкнул я.

— Не ворчи, — ответил он, — кобыла-то тут причем. Она ж не военная.

— Догоняй, — махнул я на него и припустил за своими.

Микола нагнал нас минут через десять. Показался скучающий Ильдар:

— Ну, что, душегубы, всех убили?

— Всех, всех, — ответил Марсель, — давай шевели копытами.

— Так у меня давно все готово, — меланхолично ответил он.

Сгребли приготовленную Ильдаром снаряду и поспешили дальше.

Через полтора часа Петюня доложил:

— Командир, наши наблюдатели семафорят.

— Что говорят?

— Что нужно уходить по «второму» маршруту, так как на «первом» есть вероятность встретить местных.

— Печально. Ладно, «отстучи» им, чтобы ждали нас в заданной точке. Бегом, парни, бегом.

— Санек, — Марся бежал рядом со мной, — нас обкладывают?

— Еще нет. Если будем телиться, то обложат.

— А чего «верхние» кипишнули?

— Вот встретимся — узнаем.

Еще через три часа Петюня сообщил, что мы в зоне видимости пары наших наблюдателей. Вскоре показались и они сами.

— Термит, ты — маньяк!!! — с ходу обрадовал Леньку Фич. — Тебя после войны в дурку нужно, на всякий случай!

— Фич, Термита потом восхвалять будешь, а сейчас говори!

— После взрыва первые два часа было тихо. Местные по радиации пытались узнать, что произошло. Но накрыло всех, поэтому в эфире была тишина. Часа через два недалеко от поворота в тоннель сработала рация: кто-то что-то докладывал. Еще через полчаса прилетела вертушка, полетала, истошно покричала в эфир и улетела. Вот тут и началось самое интересное: через час двадцать пришла большая колонна мотопехоты, расплзлась по полю перед тоннелем и стала чего-то ждать. Как оказалось, ждали большого начальника. Командир, ты помнишь, когда кто-то из бойцов Коваля в сортир у штаба дрожжей накидал, еще на Зяму долго бочку катили?

— Помню. Это тут причем?

— А как зампотыл вокруг этого сортира бегал и руками размахивал?

— Ну.

— Так вот их начальство так же бегало вокруг приехавшего офицера.

— Да, представляю я, какой там сейчас бардак и смятение. А дальше что?

— Дальше приехали пожарные и начали это дело тушить. Но интересно не это. Офицер, как приехал, отправил пехоту прочесывать местность. Но пехота так наследила и на дороге, и на поляне, что там ничего не найдут. Офицер, судя по всему, это понял и отдал в эфир еще один приказ. Так вот, после этого в районе перевала, через который мы хотели уходить, началось какое-то движение. Судя по всему — горные стрелки, которых мы по пути сюда обходили, начали перекрывать ближайшие пути отхода.

— Однако у румын не все командиры идиоты. Узнать бы, кто это такой грамотный, — проворчал я, — чтобы ему на лбу крупную мишень «нарисовать». Фич, то есть ты предполагаешь, что на данный момент у румын версия про «диверсию» не основная?

— Судя по первым шагам — нет, но очень скоро они должны задуматься о диверсии, особенно имея такого грамотного командира.

— Термит, на твой извращенный взгляд, когда они потушат пожар?

— Ч-ч-часа ч-ч-через четыре. Н-н-не раньше, — уверенно заявил он.

— Странно, не должно столько времени гореть, особенно при активном тушении. Ты, кроме пластика, еще чего-то наложил?

— Да.

— Чего?

— У П-п-прометея с-с-спроси, — важно ответил Термит.

Прометеем у нас прозвали главного сапера — майора Радкевича. Первое время, как и всех саперов, его звали Пироман, точнее Главный Пироман. А потом Радкевич имел неосторожность нажраться со «святыми отцами». Со слов Зямы, который был свидетелем огненного шоу, Радкевич с криком: «Люди, я несу вам свет», — кинул из окна световую пашку. Пашка была усилена каким-то составом, который очень ярко и долго горел. Так ярко, что некоторые неосознательные личности, а именно «святые отцы», получили ожоги сетчатки. Видимо, Термит, который ходит в любимчиках у Прометея, получил от него какую-то хитрую смесь.

— Итак, товарищи диверсанты, в запасе у нас есть четыре часа, поэтому предлагаю максимально быстро валить по запасному маршруту. Скоро стемнеет, с воздуха нас особо не найдешь, а перекрыть все возможные пути отхода у румын ни сил, ни мозгов не хватит.

— Конечно, не хватит. Особенно мозгов и фантазии, — поддакнул Марся. — У них же нет командиров-извращенцев, которые погонят своих людей по «зеркалу» ночью.

— Марся, — таким же тоном сказал я, — только не рассказывай, что тебе не нравятся подобные извращения и извращенцы!

— Пошел ты, — ответил он.

В чем-то Марсель был прав. При разработке боевых задач я всегда пытался найти нестандартное решение. Был случай, когда при «бегстве с места преступления» мы сделали большой круг и вернулись к месту проведения операции. А потом наблюдали, как преследователи, «высунув языки», уходили на второй круг. А мы пошли за ними. Был случай, когда, обнаружив очередной секретный объект и сообщив его координаты в прямом эфире, мы сразу были запеленгованы, и на нашу поимку бросили большое количество солдат. Предвидя подобные события, основную часть группы я отправил за «кольцо возможного оцепления», а Марсю с Петюней оставил на «передаче». Но не просто оставил, а заготовил им такой роскошный «секрет», что его не нашли ни тогда, ни через полгода. Мы специально проверяли. Парни отлежались в нем двое суток, а после — просочились к нам. И в этот раз я попытался сработать так же. Перевал, который перекрыли горные стрелки, конечно, очень удобен в плане бегства, но на него я сильно не рассчитывал изначально. И именно поэтому на «зеркале» — отвесном и высоченном участке местных гор — мы заготовили и замаскировали оборудование для подъема. «Зеркало» считалось непригодным для скоростного и скрытного прохождения по нему войсковых групп. А уж ночью эта непригодность увеличивалась в разы. Именно там нас никто не ждал. Именно там мы и будем уходить сегодняшней ночью.

— Командир, — подал голос Микола, — а может, ну его, это «зеркало», пойдем по «первому» маршруту?

— Микола, родной, это лень или страх высоты?

— Вам-то хорошо, вы легкие, — вздохнул он. — А я пока поднимусь, похудею килограмм на десять.

— А встреча со стрелками тебя не смущает?

— А что стрелки? Им нас еще заметить нужно. Это на той стороне гор стрелки опытные, а тут, в тылу, одна «зелень» и «отбросы». Мы сквозь них пройдем — они и не заметят.

— Микола, я бы с тобой на минутку согласился, но есть один нехороший факт в виде румынского военачальника. Судя по первым действиям этого красавца, он может усилить эту «зелень». Или еще какую-нибудь какую нам приготовит. Поэтому заканчивай ворчать и начинай морально настраиваться на альпинизм. Нам до сумерек нужно до «зеркала» дотопать. Еще мнения есть?

— Надо было этого военачальника с горы пристрелить. Нашим — это было бы раз плюнуть, — подал запоздалую идею Фич, намекая на квалификацию снайперов группы.

— Вот ты, умник, — оживился Олег, — в следующий раз «вэшку» и попрешь. А я не нанимался на такие расстояния лишних двенадцать килограмм таскать. И так под завязку загруженные ходим.

Возмущение Олега можно было понять. Крупнокалиберная снайперская винтовка «В-94», которую он называл «вэшкой», была хорошим «агрегатом», но тяжелой и неудобной для длительной транспортировки. «Винторез», с которым он и Мамелюк воевали, весил почти в четыре раза меньше. Даже меньше «Никонова».

— Закончили дебаты, — скомандовал я, — выдвигаемся. Марся, Термит — авангард. Ильдар, Микола — тыл. Смена через каждые сорок минут. Полное радиомолчание. Ломанулись, головорезы.

И мы побежали.

Два часа марафона прошли обыденно, если так можно сказать про наше «героическое отступление». А в начале третьего начались сюрпризы. «Ядро» догнал Пашка, который был в паре замыкающих.

— Командир, — доложил он, — вроде у нас нарисовался хвост.

— «Вроде» или «нарисовался»? — недовольно уточнил я.

— В том-то и дело, что непонятно.

— Паша, не тяни резину.

— В пятидесяти метрах позади нас постоянное мелькание теней.

— Теней или силуэтов?

— Не силуэтов точно. Мы и насчет теней-то не уверены.

— Паша, ты точно можешь сказать, что вы там увидели? — начал злиться я.

— Короче, между деревьев что-то мелькает. На открытую местность не выходит.

Ощущение, будто из дерева выскакивает тень и максимально быстро пытается добраться до следующего дерева. Прячется в него и секунд через двадцать продолжает движение.

Я остановился. Мне ментально вспомнилась «патентованная» кака — капитан Стасик Мерзяев и его стукачок среди пехотинцев. Пашка, приняв мою остановку и молчание на свой счет, затараторил:

— Знаю, что ересь докладываю, — начал он оправдываться, — но такая картина уже минут двадцать.

— Вы там не лешего увидели? — наивным голосом поинтересовался Микола.

— Какого лешего? — не понял Пашка.

— Обычного. Который в лесу живет.

— Это в сказках который? — уточнил он.

— Ага, — с усмешкой подтвердил Микола.

— Слышь, юморист, — начал закипать Пашка, — сходи и сам посмотри.

— Заглохли оба, — вмешался я. — Паша, за теньями продолжаете наблюдать. Если попыток сближения не будет или они вдруг не материализуются в румынских егерей, что маловероятно, то забейте на них. Смене покажите, что да как. Понял?

— Ага.

— Все, дуй до Мамелюка.

Пашка убежал к Димке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Сашко, что за хвост, думаешь? — поинтересовался Микола.

— Ты же слышал, что он тут плел. Ничего не думаю. Пока нет людей — опасности не вижу.

— А чего мордаха кислая? — наивным тоном поинтересовался проницательный Микола. — Знаешь чего?

— Перед самым выходом прилетела мне весть, что подобную мутотень видели наши пехотинцы.

— И? — напрягся Микола.

— Не было никаких «и». Увидели, запомнили и рассказали. Жертв и разрушений нет.

Впереди два раза ухнул филин, и из-за дерева вышел Вартанчик.

— Командир, — начал он, — у нас непонятки по правому флангу.

— Только не говори, что там тени от дерева к дереву мелькают!

— Вы их тоже видели?!

— Мать их за ногу!!! — выругался я. — Всем стоять. Рассредоточились. Дистанция не больше десяти метров. Внимательно ищем тени в радиусе пятидесяти метров.

Парни моментально заняли позиции согласно своим секторам. Мы с Марсей остались в той же точке и начали ждать сигнала. Через три минуты с правого фланга засемафорили трое. Мы резво к ним стартовали. Первым на пути оказался Рафа.

— Командир, видишь поваленную ель?

— Вижу. — Я отыскал в бинокль ель, стоящую метрах в ста.

— Справа от нее высохшее... э-э-э... — Рафа не мог идентифицировать указанный им сухостой, — блин, высохшее дерево.

— Вижу.

— Сейчас из него... ты видел?!

Из сухостоя вынырнула тень метра полтора в высоту, метнулась влево метров пять до здоровенной ели и исчезла в ней.

— Обалдеть! — раздался над ухом голос Марсея.

— Пошли к другим.

У других картина была аналогичной. Такие же тени. Именно такие же, а не те же. Так же мелькали от дерева к дереву параллельным курсом. Я посмотрел на левый фланг — сигналов от парней не было. Мистика. Тут на нас вышел наш арьергард.

— Парни, — зашептал Пашка, — чего, тоже леших увидели?

— Пашка, — позвал его я, — дистанция между вашими лешими не сокращалась?

— Нет, как прыгали, так и прыгают. Мы остановимся, и они замирают, мы начинаем движение, и они начинают скакать.

— Так, собрались все. — Когда парни снова скучковались, я спросил у Вартанчика: — Как долго вы наблюдали этих «прыгунов»?

— Не больше десяти минут. Как только поняли, что это не глюки, сразу тебе доложили.

— Сколько метров было до «прыгунов», когда их заметили?

— Около пятидесяти.

— Расстояние не сокращалось?

— Нет. Они двигаются параллельным курсом.

— У кого-нибудь есть предположения: что это такое?

— На кровососов похожи, — подал идею Петюня.

— На вампиров? — не понял Микола.

— Нет, не на вампиров, а на кровососов, — попытался пояснить Петюня.

Я посмотрел на пребывающего в недоумении Миколу, вспомнил про его возраст и биографию, особенно про глухой хутор, где он провел детство и юность, и пояснил:

— Микола, не слушай ты этого болтуна, который свихнулся на компьютерных игрушках. А ты, Петюня, думай, что говоришь и, главное — кому. Мы же, в конце концов, не в Зоне отчуждения.

— Где?! — опять вклинился Микола, которого начало беспокоить предположение о неизвестных ему кровососах, а также то, что все понимают, о чем идет речь, а он нет.

— Микола, расслабься, — успокоил его я, — кровосос — это выдуманный монстр из компьютерной игры, в которую Петюня переиграл в юности. Это он так шутит.

— Игра? — задумчиво протянул Микола.

— Блин, хохол, — заворчал Петюня, — вот вернемся, я тебе покажу, что да как. Тебе понравится.

— А кровосос?

— И он понравится, — ответил уже я. — Как в подвалы Агропрома спустишься, так там его и встретишь.

— Куда?! — еще больше удивился Микола.

— И кто там бухтел, что я «переиграл»? — поддел меня Петюня.

— Так, сталкеры доморощенные, — я попытался вернуть разговор в рабочее русло.

— Кто?!

— Микола, твою мать, помолчи! У кого какие идеи есть? Только не из разряда бреда.

— Может, это так свет преломляется или какие-нибудь электромагнитные аномалии.

Мы же почти в горах, — подал идею Ильдар.

— Вот, — многозначительно заявил Петюня. — Может, это «мясорубки» блуждающие.

— Так, блуждающий ты мой, еще раз глупость ляпнешь, я тебе выдам мешок с болтами и отправлю эти аномалии проверять. Микола, молчи!!!

— Санек, может, забить на них, — предложил Марся. — На сближение они не идут. Признаков агрессии нет. Звуками нас не демаскируют. Есть — и пес с ними.

— Пес-то, может быть, и с ними, но понять бы, что это?

— Засаду устроим, — предложил он.

— Так они на сближение не идут, — вклинился Пашка, — до второго пришествия их ждать будем.

— Растяжек наставим.

— Чтобы на звуки взрывов сбежались все, кто может?

— Тогда не знаю, — сдался Марсель.

— Термит, — позвал я Леньку, — ползи сюда.

Ленька материализовался рядом со мной почти сразу.

— У тебя взрыватели инфракрасные есть?

— Есть.

— А со световыми датчиками?

— П-п-пара штук.

— Короче, отрывай от них боевую часть, ставь на пути следования, только датчик выведи на дерево так, чтобы его в оптику было видно.

— Д-д-диагонально?

— Да.

— За-за-за...

— Не заметят. Ставь.

Пять минут ушло у Термита на модернизацию и установку.

— Мамелюк, шурши вперед метров на пятьдесят и займи такую позицию, чтобы видеть датчик. Твоя задача: засечь момент пересечения луча «тенью» и увидеть, как на нее среагирует луч — сработает или нет. Можешь еще стрельнуть для верности, если сможешь. Все понял?

— Да.

— Уходим. Порядок прежний.

Через десять минут нас догнал Мамелюк.

— Командир, вообще чума!!! «Тень» прошла через растяжку, но она не сработала. В том смысле, что не заметила ее.

— Ты стрелял?

— Обойму высадил! Результата ноль.

— Попал хоть раз?

— Ну, как сказать... Если бы там было что-то из плоти и крови, то было бы пять попаданий, а так только деревья повредил.

— Агрессии с их стороны нет?

— Вообще никакой реакции. Как только дистанция сократилась до сорока метров — замерли.

— Санек, что будем делать? — снова пристал Марсель.

— Двигаться максимально быстро, не пересекаясь максимально долго с маршрутом теней. Двинули.

Через полтора часа один из пары авангарда вышел к нам.

— Командир, они начинают сближение с правого фланга.

— Что? Ближе подходят?

— Метров до тридцати. Но если мы смещаемся влево, и дистанция возрастает до пятидесяти, их курс становится снова параллельным.

— Нас отжимают влево?

— Очень на это похоже.

— Да, вечер перестает быть томным... Олег, Рафа, идите сюда. Слушайте: сейчас вы выдвигаетесь в разведку. Топаете прежним курсом. Мы выдвинемся через двадцать минут. Ваша задача — проверить, что находится впереди и почему эти «прыгуны» уводят нас в сторону от основного маршрута. Следите за их поведением, если начнут и вас отжимать, постарайтесь сильно не отклоняться. При признаках агрессии уходите на безопасную дистанцию. Через два часа остановиться и ждать нас. С Богом, парни.

Ко мне подошел Марся:

— Санек, в ближайшее время румыны должны потушить пожар и увидеть результаты нашей деятельности.

— Ты им льстишь. На первичный анализ им еще час понадобится. Это как минимум. Не наличие грамотного руководителя меня сильно расстраивает. Так что давай дадим им два часа.

— А сколько нам еще до «зеркала»?

— Около трех часов, если не будет задержек в пути.

— А если будет?

— А если будет, то им один болт не хватит сил для блокировки всех направлений. Если, конечно, они не вычислят наш маршрут.

— А они смогут?

— Даже если предположить, что они найдут грузовик и кобылу, то вырисовываются два варианта отхода, с точки зрения среднестатистического румынского офицера: наш первоначальный маршрут, который они, по ходу, уже перекрыли, и ущелье, западнее «зеркала» километров на девяносто. Оно частично блокировано на выходе. Вот на этом маршруте нас и будут ловить.

— А у «зеркала» не будут?

— Очень надеюсь, что их «главнюк» не такой извращенец, как я. Но если такой, то,

видит Бог, я разверну группу и не успокоюсь, пока не грохну его. Ладно, хватит демагогии, пошли, пора разведчиков догонять.

Почти час мы двигались с небольшим смещением влево. «Тени» держали дистанцию, от разведчиков не было никаких вестей. Наконец из дерева материализовался Рафа.

— Какие новости? — осведомился я.

— Командир, вообще чума! Если бы не «тени», которые нас столкнули с маршрута, мы бы выперлись точно на лагерь каких-то партизан. Они так грамотно расположились, что обнаружить их можно только с пары мест, да и то эта пара мест расположена выше, чем сам лагерь.

— Вот это сюрприз! А чьи партизаны-то?

— А не разберешь! Форма без опознавательных знаков, простой камуфляж, оружие у всех разное, между собой почти не разговаривают, то есть, на каком языке они общаются, непонятно.

— Насколько близко вы подходили?

— Олег метров на сто подходил, дальше не пошел. Говорит, сигналки сплошняком выставлены.

— А если по рожам судить, кто они?

— Там все бородатые, но европейцы — это факт.

— Час от часу не легче...

В разговор вклинился Марся с рационализаторским предложением:

— Слышь, давай «языка» притащим?

— А на кой тебе он? А если его хватятся и искать начнут? Тебе на ночь глядя преследователи нужны? Проще — просочиться тихо.

— А в тылу такую группу оставлять не боишься?

— Какую «такую группу»? Мы ни численности, ни вооружения, ни принадлежности не знаем. Может, это наши тут обосновались? Рафа, далеко до них?

— Минут пятнадцать ходу.

— Пошли, покажешь партизан.

Через десять минут вышли на Олега.

— А ты чего скажешь?

— Непонятки непонятные, — доложил он. — Судя по лагерю, обосновались они тут давно и надолго. Если бы вышли на них в сумерках или ночью, то вообще прошли бы мимо, прямо по их головам. Ощущение, будто это перевалочная база: народу немного, почти все общение жестами, оружие в основном наше — «калашниковы». И еще один момент: одного из них я уже видел, только не помню где. Или в ориентировках, или на базе.

— Лучше бы ты его на базе видел, — пробубнил я. — Веди, посмотрим на твоего знакомого.

С пригорка в бинокль Олега я изучал лагерь «партизан». Олег прав: больше всего лагерь походит на перевалочную базу. Судя по двум люкам в земле, он представлял собой один большой подземный схрон. На поверхности почти ничего не было. А бинокль у Олега хороший. Не наш.

— Ты где такую оптику классную раздобыл? — поинтересовался я.

— У коллеги из противоположного лагеря позаимствовал.

— Давно?

— Два месяца назад.

— А коллега не возражал?

— Нет, не возражал, — усмехнулся Олег. — С дыркой в башке сложно возражать...

— Мародерствуем потихоньку? — поддел я его.

— Есть маленько, — покаялся он и тут же выпалил: — Вон он, знакомый, из левого люка вылез.

Я сместил оптику влево, присмотрелся и облегченно выдохнул:

— Это Викинг, офицер «Серых Волков»!

— Точно! — согласился Олег. — А я себе мозг до крови расчесал, все думал: где видел эту белобрысую голову? Здраваться пойдём?

— Надо бы, только разрешения для начала спросим. Они ведь ребята суровые, не то что мы. Сунемся в их секреты без спросу — пристрелят для спокойствия, и все.

— А как ты спросишь?

— Фонарем, родной, фонарем. Как в прошлый раз.

В прошлый раз, который был и единственным, этим же самым фонарем этому же самому Викингу я семафорил морзянкой про путь выхода из «клещей» америкосовских «Зеленых беретов». «Зеленые береты» частенько бродят по территории, подконтрольной противнику, изредка залезая к нам. Подготовка у них отменная, в открытом бою с ними у моей группы шансов почти не было бы, но мы не настолько глупы, чтобы идти с ними в открытый бой. У «Беретов», несмотря на классную подготовку, есть один существенный минус: они всегда мыслят шаблонно. Как и вся их нация в целом. На этом их и подавляли.

Ходили слухи, что шесть бойцов «Вымпела», которых непонятно какая злая сила занесла в тыл противника, одной ненастной ночью наткнулись на девятнадцать «Беретов» на марше. И через четыре часа у америкосов стало на девятнадцать бойцов меньше. «Вымпелы» выдали какой-то невообразимый финт ушами и «без пыли и шуму» положили всех. К несчастью, «Серые Волки» в тот памятный день нарвались на хорошо подготовленную засаду. Засада возникла благодаря раздолбайству наших штабников, которых потом Барон подвел под «вышку». И лежать бы «Волкам» в негостеприимной румынской земле, если бы в самый интересный момент к месту боя не вынесло меня с моими головорезами. Оценив силы противника, мы пришли к выводу, что даже совместными с «Волками» усилиями в открытом бою шансов у нас нет. В эфир выходить было нельзя, и я рискнул выйти на связь с «Волками» морзянкой, используя фонарь. И они мне поверили — выхода у них не было...

Олег и Мамелюк тогда повеселились на славу: лишь через пять минут после начала атаки моих снайперов америкосы сообразили, что их гасят с тылу. Как только часть бойцов развернулась в нашу сторону, мои архаровцы врезали по правому флангу «Беретов» из гранатометов и тут же совершили свой любимый маневр — «героическое отступление». А «Волки», воспользовавшись замешательством «Беретов», ушли по левому флангу. И не только ушли, а вынесли своих раненых и посредством морзянки постарались выяснить, кто же им помог. Сказать прямо, кто мы такие, я не мог, поэтому просемафорил им свою любимую присказку, принадлежащую Бармалею из фильма «Айболит 66»: «Нормальные герои, когда идут в поход, нормальные герои пускаются в обход».

Отсемафорил и забыл. И каково было мое удивление, когда через месяц к нам в расположение приехали пять офицеров «Серых Волков» и начали искать именно меня. Возглавлял делегацию белобрысый подполковник, который представился Викингом. Кстати,

их настоящих имен мы так и не узнали, хотя пропьянствовали с ними два дня. Когда прибывший Викинг убедился, что я именно тот, кто им нужен, то сообщил как бы между прочим: «В прошлом месяце, в ненастный и серый день, я услышал замечательную фразу: „Нормальные герои, когда идут в поход, нормальные герои пускаются в обход“». Я тут же понял, кто это, — и завертелось... После суток пьянства штабные хотели прекратить наш алкомарафон, но Зимин, который был уже в курсе, приказал нас не трогать.

И вот я снова увидел Викинга. Что он тут делает, мне было неинтересно: меньше знаешь — крепче спишь. Но пообщаться с ним нужно. Не дай Бог, они нас заметят и примут за румын... Мы просто можем не успеть рассказать, кто мы такие. Выбрав момент, когда Викинг был лицом к нам, я просемафорил: «Викинг, мы свои». После четвертого повтора он заметил сигнал и так же фонарем спросил: «Кто?» Выдав про «нормальных героев», я стал ждать. Минут пять он выжидал, а потом велел: «Жди. Иду».

— Олег, он, как ты видел, сейчас придет, поэтому ствол положи на землю и сиди ровно.

— Почему? — не понял тот.

— Минут через пять-семь его бойцы подойдут к нам на расстояние удара ножом. Мы этого можем и не заметить, поэтому, на всякий случай, не провоцируй их.

Олег послушно положил «Винторез» рядом с моим «Никоновым». Минуты через четыре Олег зашептал:

— Командир, сзади подходят, как минимум трое, и еще по двое с флангов. А из лагеря Викинга нас два снайпера держат под прицелом.

— А про снайперов как узнал? Оптика бликует?

— Нет, просто физически ощущаю «коллег по цеху».

Не верить Олегу про снайперов я не мог. У него и Мамелюка самые большие показатели по уничтожению именно снайперов противника. А без соответствующего чутья таких показателей не достигнешь.

Наконец к нам вышел Викинг. Хмуро осмотрел нас и поинтересовался:

— А где остальное воинство?

— Ждет в пяти километрах отсюда.

— А от нас чего нужно?

— Во-первых, испросить разрешения на проход по твоей территории.

— Барон знает о нашем местоположении? — Викинг становился все хмурее. Видать, своим появлением мы что-то им обломали, а может, профессиональное самолюбие потревожили.

— Нет, мы обнаружили вас случайно.

— Странно. Ладно, допустим, ты говоришь правду. Что «во-вторых»?

— Во-вторых, предупредить: мы в спешном порядке возвращаемся домой, за нами может потянуться хвост, который может потревожить вас.

— Хвост?! — Викинг раздраженно сплюнул. — Вашу мать, и чего вы натворили?

— Мне красноречиво промолчать, или начать врать? — в тон ему ответил я.

— Пока промолчи. Так, — он задумался, — в ближайшее время активности наших групп не было. Ни вчера, ни сегодня. Но! Сегодня у румын, судя по радиоперехватам, было какое-то ЧП на объекте «Червь». А «Червь» — это их секретный тоннель в горах. И с ним случилось что-то нехорошее. Но с диверсией наших они сей факт пока не увязывают. Отсюда вывод: так грамотно нагадить румынам мог только ты. На всякую ерунду ни тебя, ни Ковалю Барон не отправит. Следовательно, ты, поганец мелкий, что-то очень важное сломал и

теперь радостно рвешь когти, а румыны, если докопаются до правды, будут тебя ловить всем кагалом. И под эту ловлю могут и нас зацепить... Ох, и гад же ты, Саша!!

Я скромно молчал.

— Викинг, — раздался голос позади нас, — ты считаешь, что этот «пиджак» мог уничтожить «Червя»?

Тон, которым был задан вопрос, говорил о том, что его обладатель скорее поверит в существование пришельцев, чем в то, что мы взорвали тоннель.

— Ты, Воха, не смотри на их безобидную внешность, — ответил Викинг, — он из гвардии Барона. Кто такой Барон, тебе объяснять не нужно. И именно этот «пиджак», как ты выразился, получил капитана за уничтожение моста-призрака, который ты, кстати, даже найти не смог.

— Этот?! — недоверчиво переспросил невидимый Воха.

— Этот, этот, — заверил его Викинг. — Про его похождения можно долго рассказывать. А чтобы ты не сомневался в квалификации его и его бойцов, скажу тебе по секрету: именно ему и его парням я, ты и еще группа наших товарищей обязана жизнью. Это Бармалей.

— Кто?! — воскликнул по-прежнему невидимый Воха.

— Бармалей, — с грустной улыбкой повторил Викинг.

— Это — Бармалей?! — обалдело переспросил Воха. Краем глаза я заметил, что он сместился вбок и пытается меня рассмотреть.

— Бармалей, Бармалей, — еще раз подтвердил Викинг.

— Викинг, — подал я голос, — если автограф-сессию устраивать не будем, то давай вернемся к делам нашим скорбным. Короче, вне зависимости от твоих выводов, скажу еще раз: за нами возможен, я подчеркиваю, возможен хвост. Он может быть большим и пушистым и может накрыть и вас. Поэтому даю бесплатный братский совет: или залегаете на грунт, или валите в известном вам направлении.

— Ты не много ли на себя берешь, мабутей? — подал голос кто-то из бойцов Викинга, что стоял сзади. — Викинг, он нам еще советовать будет!!

— Помолчи, Христа ради, — ответил своему бойцу Викинг. — Этот мабутей таки может давать нам советы. И мы будем полными идиотами, если к ним не прислушаемся. Поэтому слушай приказ: эвакуация через десять минут. Уходим на запасную точку, тут все заминировать. Бегом!

Его бойцы резво стартовали в сторону схрона. Олег оказался прав: их было семеро.

— Сашка, за то, что ты нас, возможно, засветил — с тебя пузырь. За то, что предупредил, нарушив все приказы, — с меня ящик.

Викинг собрался уже уходить, но я его остановил:

— Викинг, еще минуту. Ты в окрестностях своего лагеря в ближайшее время ничего необычного или подозрительного не замечал?

Викинг удивленно приподнял бровь, но промолчал.

— Так видел или нет?

— Ты что-то конкретное имеешь в виду? — ответил он вопросом на вопрос.

— Вроде того. Один интересный феномен, который увел моих разведчиков в сторону от ранее проложенного маршрута и не позволил свалиться тебе на голову.

— Какой феномен? — недобро прищурился он. По ходу дела Викинг решил, что я пытаюсь выведать у него какую-то страшную военную тайну.

— Викинг, расслабься и скажи мне: ты веришь в то, что мои парни смогли бы обнаружить твой схрон, пусть даже и случайно?

— От тебя и твоих спиногрызов можно ожидать чего угодно...

— А если серьезно?

— Если на твоём месте были бы другие... Ну, кроме Ковалёва, разумеется. Он и его охламоны — тоже те ещё проходимцы. Так вот, если бы были другие, я бы дал стопроцентную гарантию, что они точно знали, куда идут, что нас кто-то «слил». Но с тобой история другая; я готов поверить, что вы действительно вышли на нас случайно, поэтому рассказывай про свой феномен, потому что мне про него ничего не известно.

Максимально подробно я изложил ему всю историю про прыгающие тени. Викинг недоверчиво смотрел на нас и молчал. Молчал долго.

— Ты, красавец, чего затих? — наконец не выдержал я.

— Пытаюсь решить для себя непростую задачу...

— Какую?

— При наборе в «Валгаллу» вы все проходили серьёзное обследование у врачей, в том числе у психиатров. Соответственно: собрать в одном месте столько психов нереально. Следовательно, массовое помешательство можно исключить. Таким образом, остается только одно логическое объяснение: этой сказкой ты пытаешься выведать у меня какую-то информацию. И при этом мне не доверяешь, так как не прямо спрашиваешь, а несешь какую-то ахинею. А это — обидно. Как минимум.

Услышав вывод, я сплюнул, а Олег начал ржать. Потом он, не обращая внимания на присутствие Викинга, поинтересовался:

— Командир, напомни: «Волки» были рождены в КГБ?

— Насколько мне помнится — нет. Они армейские от начала и до конца.

— Тогда непонятно, откуда у «товарисча солдата» «шпиёнские тараканы»!

— Короче, Викинг, — обратился я к ещё более смурному спецу, — я не Барон, чтобы с тобой в секретные игры играть. Хочешь — верь, не хочешь — не верь. Мне от тебя скрывать нечего. Пошли, Олег.

— Где вы будете пересекать горы? — вдогонку нам спросил Викинг.

— Через «зеркало» пойдём, — ответил я.

— Через «зеркало»? Ночью?! Ты псих, Сашка, и бойцы твои такие же!

— Все остальное уже заблокировано, а там нас никто не ждёт. Удачи, Викинг, не обижайся. Мы не специально.

С Олегом шли молча. Но всего минуты две, а потом он остановился, поднял голову и выдал:

— Мамелюк, слезай, Тарзан недоделанный.

С дерева тотчас слез Мамелюк.

— Чего на весь лес орешь? — окрысился он на Олега. — В матюгальник ещё поори.

— Заглохни. Чего видел?

— Два стрелка, высокий уровень подготовки, но до нас далеко. После того, как группа захвата ушла к себе, из-под земли вынырнуло ещё пятнадцать человек. Среди них был один пленный. Все ушли в сторону гор.

— У стрелков стволы какие?

— Бойцы, — вклинился я, — я вам не мешаю?! Мамелюк, ты тут откуда? Я тебе где сказал быть?

— Где? — включил дурака он.

— Командир, — вступился за друга Олег, — не ругайся. Он же все правильно сделал: и нас прикрыл, и бойцов Викинга посчитал. Это называется «стратегическая инициатива».

— Слышь, инициативный, а если бы снайпера «Волков» его засекли? И шлепнули бы на всякий случай?

— Кого? Мамелюка? — с большим сомнением в голосе переспросил Олег.

— Кого? Меня?! — надулся Мамелюк.

— Тебя, тебя, — уточнил я.

— Раньше Зяма примет православие, чем кто-то засечет Мамелюка, ползущего к позиции!

— Это нонсенс! — безапелляционно поддакнул Мамелюк.

— Вы самоуверенности поубавили бы!

— Это не самоуверенность, — гордо заявил Олег, — это реальность!

— Ладно, придем домой, накажу обоих, если не забуду, — пообещал я им.

— Забудет? — спросил Мамелюк у Олега.

— К гадалке не ходи, — заверил тот, — не впервой грозит...

Мы максимально быстро добрались до своих. Олег и Рафа продолжили разведку. Появление меня в компании Мамелюка не вызвало ни у кого удивления.

Я собрал своих и ввел в курс дела:

— Слушаем все сюда: благодаря «теням» мы ушли в сторону и не свалились на голову Викингу и его «Волкам», у которых тут какой-то секретный схрон, где он не только отсиживался, но и держал «языка». Викинг на нас немного обиделся за демаскировку, еще сильнее обиделся за возможный хвост и совсем обиделся за рассказ про «тени».

— Он считает, что ты темнишь? — догадался Ильдар.

— Именно. В любом случае про «тени» он ничего не знает.

— Командир, — поинтересовался Петюня, — получается, «тени» нас ведут безопасным маршрутом?

— На первый взгляд, именно так, но все равно — не расслабляться. Мы же так и не поняли, что это. Поэтому слушай вводные: до «зеркала» еще два часа ходу. Румыны, скорее всего, уже потушили пожар и сейчас судорожно пытаются понять причину произошедшего. Следовательно, времени у нас в обрез. Максимально быстро двигаемся к заданной точке, пытаюсь вернуться на первоначальный маршрут после того, как минуем схрон Викинга. Если «тени», конечно, позволят нам это сделать. Да, и еще один момент: в рапортах ни про «тени», ни про схрон Викинга — ни слова. Максимум — устно и только Зимину или Барону. Все понятно? Вот и славно. Вперед.

Остаток пути преодолели без проблем. Сразу после того, как мы минули лежку Викинга, «тени» начали отдаляться вправо. А когда мы вернулись на прежний маршрут — исчезли совсем. Вот тебе и задачка с множеством неизвестных. Ладно, вернусь на базу, подумаю. Может, Барон чего подскажет.

К «зеркалу» вышли перед самым закатом. Пока парни готовились к подъему, Вартанчик (как истинный сын гор, а также самый опытный скалолаз) сбросил снарягу и полез наверх. Его задача заключалась в том, чтобы подняться без страховки на семьдесят метров. Именно на этой отметке удобно установить первую станцию — блок для крепления карабинов.

Идея подъема по «зеркалу», с одной стороны, была проста как мычание: установить

несколько станций через примерно равные промежутки, а потом воспользоваться альпинистской подъемной снарягой. С другой стороны, существовали некоторые сложности. Установка станции для скоростного подъема возможна только сверху. То есть нужно заранее дойти до нужной вершины и, спускаясь вниз, установить оборудование.

При этом необходимо помнить о скрытности своих действий как при установке оборудования, так и при подъеме группы: «зеркало» замечательно просматривается снизу. Хорошо замаскировать станции. Не оставлять следов. И — самая малость: подняться ночью большой группой, да еще и со снаряжением. Все эти условия, нестрашные, на мой взгляд, — причина того, что через «зеркало» никто не ходит. Ни наши, ни румыны.

Сверху бухнулся канат: Вартанчик добрался до первой ступени. И подъем начался. Первым, как всегда, пошел Марсель. За ним — Олег. Предпоследним пойдет недовольный Микола, я — перед ним. Замыкающим пойдет Мамелюк, который должен «прибрать» за нами.

Закрепившись на канате, я начал подъем. Все нужно делать максимально быстро. Так как придется не только до рассвета подняться на вершину, но и уйти от нее максимально далеко, а после тяжелого подъема это очень непросто.

Добрался до первой отметки, перестегнулся и полез дальше. Под собой слышал тяжелое дыхание Миколы и едва слышный мат Мамелюка.

За час до рассвета мы были на вершине. Как только Мамелюк влез на карниз, он сразу накинулся на Миколу:

— Слышь, хохол, ты, зараза такая, полбеды, что двигаешься, как черепаха, так еще и ногами болтаешь. Я со счета сбился, пока считал, сколько раз мне на башку камни из-за тебя прилетали. В следующий раз сам замыкающим пойдешь!

— Пошел ты, — беззлобно отреагировал Микола на наезд снайпера.

Пока мы приводили снарягу в порядок и пытались хоть как-то отдышаться, из ближней разведки пришли Вартанчик и Олег.

— Командир, поблизости все чисто. Наши «сторожки» не тронуты. Ни «дедовские», ни электронные. А вот на дороге к тоннелю очень нездоровое оживление. Пожар, судя по всему, они потушили — зарева уже не видать, — но количество автомобильных фар наводит на мысль, что туда стягиваются большие силы. По ходу, их гадский командир понял, что его тоннельчик не просто так навернулся.

— Вертушек не видно?

— Пока не видно и не слышно. Но это пока. Как рассветет — появятся. Нужно срочно пересекать долину или сейчас лежку устраивать.

«Интересно, — пошел у меня мыслительный процесс, — кто же все-таки этот прозорливый начальничек, что завелся в командовании румын?! Почему Барон до сих пор не отправил его на тот свет? Новенький? Или пришлый? Ладно, Бог с ним. Сейчас не до его персоны, нужно обдумать дальнейшие шаги».

— Бойцы, ползите все сюда, у меня есть мысль, и мы ее будем думать.

Убедившись, что все, кроме часовых, находятся рядом, я озвучил задачу:

— Начинаем нашу любимую игру «Поставь себя на место противника».

— Это *твоя* любимая игра, — вякнул Марся.

— Заглохни, мой противоречивый друг. Итак, ставим себя на место румына. Что он имеет: взрыв на очень секретном объекте. Не имея точных данных о его причинах, он предполагает диверсию и перекрывает все удобные пути отхода. На всякий случай. Что бы мы сделали дальше?

— Пока пожарники «пожарят», я отправил бы людей прочесывать местность, — подал идею Марся, — а сам начал бы собирать оперативную информацию.

— С прочесыванием соглашусь, с оперативной информацией — нет, — возразил Микола.

— Почему? — поинтересовался Марся.

— Там сейчас такая суeta, что об оперативной информации можно только мечтать, — пояснил Микола.

— Принято. Какие еще мысли?

— Если от идеи о прочесывании мы не отказываемся, — подхватил Макс, — то данные о пропавшем грузовике я получил бы нескоро. Допустим, часа через четыре.

— Микола? — запросил я мнение опытного прапорщика.

— Принято. Макс, продолжай.

— Еще через час начал бы его ненавязчиво искать. К этому моменту пожар уже потушен, и эксперты начинают работать. Термит, он уже потушен?

Ленька посмотрел на часы и кивнул в знак согласия.

— Что они там найдут, представить сложно: пластика много, горело долго, плюс обрушение тоннеля. Прямых улик нет, запускать широкомасштабные поиски — причин нет.

— Санек, получается: можно не спеша двигаться через долину? — поинтересовался Марся.

— Пока ничего нельзя, — осадил его я. — Все, что я услышал, — это оптимистический прогноз. Пойдем по наихудшему варианту: данные по грузовику пришли быстро, поиск был качественным, найдены и лошадь, и грузовик. Термит его заминировал на неизвлекаемость.

— Но взрыва мы не слышали, — возразил Ильдар.

— Это не значит, что его не нашли и он не взорвался. Мы ушли достаточно далеко, верно, Термит? — вернулся в разговор Микола.

Термит кивком головы подтвердил слова хохла.

— Развиваем мысль, — перехватил я инициативу, — найденный грузовик взорвался, телега тоже. Значит, сработали враги, перекрываем ближайшие пути отхода и отправляем навстречу диверсантам поисковые группы.

— К закату никого не находим, — ввернул Олег.

— Собак использовать бессмысленно, — сделал экспертное заключение наш главный химик (он же доктор) Ильдар. — Сегодняшняя химия делает собак абсолютно бесполезными.

— Злимся и судорожно анализируем, — развивал я мысль, — поднимаем все данные по противнику, особенно на тех, кто способен на такую каку. Первым, кто приходит в голову, — это Барон и Зимин. Вспоминаем про его неординарность и грустно смотрим на «зеркало». Но ночью на вертушках тут делать ничего. Ждем утра. Утром закидываем на вершину поисковую группу и ждем результатов. Вертушка может приземлиться только в долине. А значит, именно оттуда они начнут поиск. Предположим, поисковики будут грамотными и начнут искать с места возможного подъема. Значит, нужно замечать следы. И очень тщательно. И в долину не соваться. На марше они один болт нас догонят. Нужно залегать здесь.

— Вводные: Олег, Мамелюк — наблюдатели. Петюня, рация на приеме?

— Да, сеанс через шестнадцать минут.

— Остальные тщательно замечают следы и готовят схрон. До ночи лежим тут...

— Ну, слава Богу, — послышался возглас Миколы.

— ...нас будут искать. Погнали.

— Блин, почему я в снайперы не пошел? — философски воскликнул Марсель и побежал готовить схрон.

Распределение на заметальщиков и прятальщиков у нас, к счастью, произошло давно, поэтому каждый знал, чем ему заняться. Я был прятальщиком, поэтому пошел готовить лежки. Через озвученные шестнадцать минут Петюня протянул мне наушники. Барон в свое время приучил нас к «выпускам новостей»: в заранее оговоренное время на оговоренной частоте барышня с узла связи эротичным голосом зачитывает в эфир информацию о положении дел.

Информация, выходящая в эфир, имела разную степень зашифрованности — в зависимости от ситуации. Иногда она шла вообще прямым текстом. На этот раз прозвучало предупреждение о «Библии». «Библией» (Господи, не гневись!) мы называли словари, которые мы таскали с собой. Смысл прост: шифровальщик на базе находит нужное слово в

словаре и шифрует его цифрами-координатами: первая цифра — номер страницы, вторая — номер строки, третья — номер столбца, четвертая — номер слова, при отсчете от верхнего края страницы. Именно эти комбинации и уходят в эфир. У Петюни имеется точно такой же словарь. Записав координаты, он по своему словарю расшифровывает послание. Связь односторонняя, то есть мы на приеме. Нас не запеленговать, расшифровать послание нереально. После каждого выхода «Библия» меняется. Соответственно, услышав про «Библию», я отдал наушники радисту и пошел дальше заниматься схроном.

Когда закончили и прибираться, и готовить лежки, начало светать. Пришел Петюня с расшифровкой. Барон сообщал:

«По поступившим данным, задание выполнено. Внимание! Прекратить движение на сутки или до получения соответствующей команды. Противник сосредоточен на вашем обнаружении. Вашей поимкой руководит генерал Попеску. Неординарен и умен. Великолепный аналитик. Предполагается, что это кто-то из специалистов итальянской разведки, залегендированный под румына. Ждать самых неожиданных шагов. Удачи. Юстас».

— Спасибо тебе, о великий вождь Дранный Бубен! От всего племени спасибо, и от примкнувших к нему бледнолицых! — воскликнул я. — Ну, Барон, ну, удружил!

— Что такое? — поинтересовался Марсель.

Перечитал «весточку из дома» вслух. Особо бурной реакции не последовало. Парни, видимо, чего-то подобного и ожидали.

— Командир, — обратился ко мне Макс, — если я не ошибаюсь, то Попеску — это румынский генерал Второй мировой войны. С нашими воевал.

— Макс, тут я тебе не подсказчик. Таких подробностей я не знаю, но если ты прав, то это прямой намек на вымышленную личность. Шутить изволит, мафиозник.

— Что теперь делать? — спросил Марсель.

— А теперь, братцы мои, будем лежать тут до завтрашней ночи. Поэтому располагайтесь удобнее.

— Саш, ты что-нибудь знаешь про итальянцев? — задумчиво поинтересовался Ильдар.

— Кроме того, что спагетти — это их религия, нет.

— А если серьезно?

— Остатки знаний про их боевых пловцов. Но этот гражданин из другой оперы. Поэтому ничего вразумительного сказать не могу. Меня же на америкосов натаскивали. Поэтому включаем пессимизм на полную катушку и ждем самого худшего. Если в ближайшее время появятся вертушки с поисковиками, домой мы точно попадем не скоро.

Со стороны карниза пришел Мамелюк:

— Командир, егеря внизу появились!

— Быстро! По следу идут?

— Непохоже. Судя по расслабленности, отбывают повинность.

— Ты внизу прибрал хорошо?

— Сейчас узнаем.

— Ты сейчас дошутишься!!

— Хорошо, хорошо, — успокоил он.

— Иди, дальше подглядывай, извращенец.

— Есть идти дальше подглядывать!

— Так, ребятки, если все готово, то залегает. Печенью чую: скоро вертушки появятся.

Как вы понимаете, до темноты — не высовываться.

Через три минуты ничто не указывало на то, что тут находится большая группа вооруженных людей. Лежки были сделаны отменно. Если бы я не знал, где кто лежит, то не догадался бы никогда. Началась долгая лежка. За это время хоть выспаться можно. Спать на камнях — не особо приятное занятие, но не «до жиру». Экипировка у нас хорошая, НАТОвская. Мы ее в прошлом году у румын украли. Специально сделали крюк и утащили по три комплекта каждый: три комплекта зимней и три — летней. В летней можно до минус десяти не только передвигаться, но и на холодных камнях спать. Уж на чем, а на экипировке и снаряжении противник не экономил. Все качественно, удобно и функционально. Не то что у наших...

В последний раз, когда нам выдавали специальное обмундирование, мои архаровцы кладовщика чуть не побили. Чехлы для машин, которые он гордо назвал «термобельем», более-менее по размеру пришлись только Миколе. Остальные могли в них залезть вдвоем. О качестве этого «термобелья» мы знали не понаслышке, поэтому парни обиделись...

Линчевание предотвратил Микола. Хитромудрый хохол взял кладовщика за шкуру, потряс в воздухе, постучал легонько о стену и потребовал от него по два комплекта «термобелья» на брата и по две пары ботинок. Кладовщик попытался торговаться, но Микола намекнул, что «сольет» особистам канал кладовщика по перекачке сливочного масла из закров Родины в частную собственность оккупированного румынского населения. Кладовщик тотчас передумал, и Микола получил требуемое.

Не обращая внимания на наши ехидные замечания, он закинул всю амуницию в «уазик» и укатил в город. Там на рынке Микола обменял полученное добро на замечательные НАТОвские разгрузки в соотношении два комплекта термобелья вкупе с двумя парами ботинок на одну разгрузку. Разгрузки он раздал парням. Парни его расцеловали и двое суток поили самогоном. Когда разгрузки увидели бойцы Коваля, они чуть от зависти не удавились. Когда разгрузки увидели штабные, нас чуть в предатели Родины не записали. А когда разгрузки увидел Зимин, он публично нас обматерил, после чего отозвал Миколу и сорок минут о чем-то с ним спорил. Потом исчез вместе с нашим хохлом на два часа. Через два часа Микола явился обратно пьяным, с новыми швейцарскими часами и двумя литрами медицинского спирта. Какую именно махинацию он провернул с Зиминым, Микола так и не признался.

«Прошло уже больше часа. Становится скучновато», — промелькнула в голове цитата из «Острова сокровищ». Где же эти долбаные вертолеты и не менее долбаные поисковики? Неужели я переоценил итальянца?! Если так, то двое суток греть тут камни смысла нет. Дождемся темноты и потихоньку потопаем «до дому, до хаты». А пока надо поспать.

Поспать удалось аж три часа. Разбудили меня долгожданные вертолеты румын. Что-то медленно реагирует итальянец. Хотя дело, скорее всего, не в нем, а в расторопности местных. Воины из них еще хуже, чем работники. По наши души явилось целых четыре транспортника. Три прошли в долину, один полетал над нами и, к моему удивлению, тоже улетел в долину. Не воспринимают румыны советы макаронника. «Ну, не могли русские попереться через „зеркало“, да еще и ночью. В окрестностях столько удобных мест. Их там нужно искать, если вообще нужно. Скорее всего, они уже ушли». Приблизительно такие доводы приводило командование своему итальянскому советнику. И тем не менее он смог

настоять на поиске в этом районе. Вот только исполнителей ему дали отвратительных, что облегчает нашу задачу, но не отменяет необходимость ликвидации итальянца.

Вот вернусь, все Ковалю расскажу!!! А уж Коваль, если Барон даст добро, найдет и пристрелит. Или в плен возьмет. Леха — большой специалист по уничтожению и отлову представителей командного состава. Судя по шуму двигателей, вертушки приземлились, а через некоторое время улетели в сторону нашего предположительного бегства. Еще и с воздуха искать будут. Ищите, граждане, ищите. Часам к трем дня вы убедитесь, что следов отхода нет, не один раз помянете недобрым словом неугомонного итальянца, поклянетесь своему командованию, что русскими тут и не пахнет, после чего с чувством выполненного долга вернетесь на базу, а итальянец будет ломать мозг, пытаясь понять, куда исчезла диверсионная группа.

Еще через час послышалась румынская речь, а потом и шаги беспечных поисковиков. И наконец апофеоз всего представления: из долины поднялись четыре солдата, смеющихся, курящих и что-то дожевывающих на ходу. Не предпринимая никаких попыток хоть что-то найти, рядовые румынской армии вальяжно дошли до обрыва, докурили, полюбовались красотами внизу и таким же коленкором ушли обратно. Свое задание они выполнили достойно!!! Я был несказанно рад за них и еще больше рад за нас. Если через полчаса не придут два ревизора, которые направили этих раздолбаев, можно вообще расслабиться. Значит, ждем.

Ни через полчаса, ни через час ревизоры не пришли, и я завалился спать снова. Проспал еще четыре часа. За это время меня дважды будили вертолеты, которые летали где-то рядом; гостей, к счастью, больше не было. В итоге к пяти вечера все шумы и шатания утихли. Вертушки улетели, забрав с собой солдат. Но мы упорно продолжали лежать до темноты.

Еще через пять часов, когда почти стемнело, из-под земли появились два силуэта, обменялись несколькими жестами, поправили автоматы и пошли в сторону долины. Прошло около получаса, прежде чем они вернулись и подали знак на «всплытие». Бойцы аккуратно раскопались и собрались возле меня.

— Вартанчик, что там? — спросил я у одного из разведчиков.

— Вокруг нас все тихо, в долине признаков румын тоже не видать. Вот только Луна, командир, сегодня против нас.

— Да, — подтвердил я, глянув на небо, — с таким светилом на открытой местности нас и слабовидящий «срисует». «Ночники» как, работают?

— Нормально.

— Санек, сегодня будем валить или еще сутки отлеживаться?

— Сегодня бы пойти, — вздохнул Микола, — я все себе отлежал.

— Хохол, блин, тебе не угодишь, — заворчал Марся. — То давайте не пойдем, то давайте пойдем. Молчи, не зли меня.

— Я, братцы мои, так мыслю: итальянец все правильно рассчитал, но не учел того, что его гениальные замыслы будут выполнять румыны. Теперь нам предстоит решить следующий вопрос: будет ли эта сволочь настаивать на повторении поисковой операции?

— Даже если и будет, кто ж ему выделит ресурсы на нее? — первым высказался Марсель.

— Поддерживаю Марсю, — подал голос Микола.

Парни по очереди высказали свое мнение. В целом, оно сводилось к тому, что итальянец будет настаивать на продолжении поиска в нашем районе, но ему не дадут этого

сделать.

— Согласен с общественностью, — резюмировал я. — А теперь следующий вопрос: что бы вы сделали на месте итальянца в таком случае?

Общественность задумалась.

— Я бы выбил небольшую группу и отправил в точку, где мы пройдем с очень большой вероятностью, — подал идею Макс.

— Точно, — согласился Микола. — А еще лучше разбил бы ее на двойки и перекрыл бы наблюдателями максимальное количество точек.

— Еще идеи есть?

Идей больше не было.

— Тогда оцените мою версию: предположим, что я итальянский... допустим... полковник. То есть я уже опытный, а судя по характеристике Барона, и умный. Меня направили в качестве подсказчика к румынам. А так как я опытный, то понимаю, с каким контингентом мне предстоит иметь дело. После того как эти раздолбай умудрились «проспать» такой шикарный объект, как тоннель, во мне крепнет уверенность, что при работе с этими гордыми птицами-ежами необходимо действовать еще и своими силами. Я бы сильно не удивился результатам поисковой операции румын. И предположил бы, что диверсанты залегли где-то на маршруте. Или в лесах перед «зеркалом», или перед входом в долину. Поэтому в направлении вероятного отхода отправил бы маленькие, но хорошо обученные группы. Одну расположил бы внизу, а вторую посадил бы на входе в долину. Задачей этих групп было бы не уничтожение противника, а обнаружение и слежение за ним вплоть до момента появления возможности уничтожить его с воздуха или заблокировать наземными силами. Для выполнения такой задачи достаточно шести человек с мощными биноклями. Четверо сидели бы в горах, двое — внизу. Как вам такой расклад?

— Ты хочешь сказать, что на данный момент мы заблокированы наблюдателями? — с сомнением спросил Марсель.

— Я хочу сказать, что я так и сделал бы. — Я достал карту и жестом подозвал Миколу. — Скажи мне, друг мой, где ты расположил бы людей, если бы перед тобой поставили такую задачу?

Микола около минуты изучал карту, а потом с уверенностью ткнул в три точки недалеко от нас.

— А четвертого я бы посадил, скорее всего, вот тут, в низине, чтобы уж наверняка.

— Вот вам и ответ на задачу с четырьмя неизвестными, — задумчиво пробубнил я.

— И что делать будем? — поинтересовался Пашка. — Лежать тут, пока наблюдатели сами не уйдут?

— Может, их поснимать? — подал идею Макс.

— А если у них отчеты каждый час? — не согласился Вартанчик. — Спалимся по полной.

— Так мы их с собой прихватим. Пусть отчитываются, — не сдавался Макс.

— Всех четырех?! — скептически возразил Вартанчик.

— Макс, ты хрень несешь, — поддержал Вартанчика Марсель. — Двоих снять и тащить — еще куда ни шло, а четверых — это перебор.

— Ты, толмач, не забывай, — встал на сторону Марси и Вартанчика Петюня, — их отчеты, как и наши, могут содержать кодировку.

— Ладно, убедили, — сдался Макс. — Так что делать-то будем?

Народ затих, видимо ожидая моего мнения.

— А они там точно есть? — зашел с другой стороны Ильдар.

Мысль оказалась неожиданной.

— Кстати, да! — оживился Мамелюк. — Марся, проверить бы нужно!

— Мамелюк, — вместо Марси ответил Микола, — ты что-то в последнее время излишне разговорчив стал. Пора тебе позывной на «Трындычиху» менять.

— И в репу настучать, — добавил Марся. — В воспитательных целях.

— Чего вы на него бочку катите? — вступился за Мамелюка Олег. — Он просто спешит озвучить гениальные мысли командира!

— Тоже мне, «Радар», — фыркнул Ильдар.

— Так это еще хуже, — не успокаивался Микола. — Подлизываться начинаешь?

— А потом и стучать начнет... — продолжил Марсель.

— Давайте его пристрелим, в воспитательных целях, — подытожил Вартанчик.

— Закончили гундеж, — заткнул я парней. — Ильдар мыслит в правильном направлении. Может, мы все-таки переоценили товарища итальянца. Рафа, Пашка, берите «ночники» и осторожно ползите подглядывать вот за этими тремя точками, — я ткнул в карту пальцем. — Через два часа сменим. И осторожнее, сами не засветитесь. Остальные — сидим тише воды, ниже травы.

Парни уползли подглядывать. Микола ради такого дела выдал им личный тепловизор, предупредив, что если они его сломают, то он ломает их. Где хохол достал тепловизор — для меня было тайной. По возвращении домой надо будет поинтересоваться...

Через час ко мне подполз Петюня:

— Командир, Коваль где-то в нашем районе работает.

— С чего ты взял?!! — удивился я.

— Десять минут назад для него по «Библии» «сказку» читали, а сейчас Кузя «обратку» морзянкой прогнал.

Кузя был радистом Ковалья.

— Морзянкой?! — еще сильнее удивился я.

— Именно! — подтвердил Петюня.

— А ты уверен, что это Кузя?

— Командир, я «почерк» Кузи из миллиона узнаю.

Кузя и Петюня заканчивали одну школу радистов. Много общались друг с другом и «почерк» друг друга — манеру передачи сообщений морзянкой — знали очень хорошо.

— О чем речь, понять нельзя?

— Нет, конечно!

— А его не запеленгуют?

— Нет, ответ был очень коротким. Скорее всего, подтверждение «сказки». Но изюмина в другом: сигнал Кузи был очень четким и качественным. А такого качества можно добиться, если передача идет с гор. То есть они где-то на высоте. Соответственно, румыны, которые засекли Кузин ответ, придут к тем же выводам и начнут его искать в горах. А теперь скажи, о мудрейший, кого Коваль только что подставил?!!

— Ох, ты ж, твою мать!!!

— погоди, командир, база нам что-то сообщает!

Пока Петюня записывал письмо, я лихорадочно прокручивал в голове варианты. Первое: валить отсюда как можно быстрее. Второе: валить вниз, в горах нас теперь поймают точно.

Третье: Коваль, сука, если вернусь — морду набью!!! Сообщение с базы было следующим: «Немедленно начать движение на север. С гор не спускаться. При обнаружении противником — в отрыв не уходить. Продолжать движение, удерживая противника на хвосте до шестнадцати часов текущих суток, в огневой контакт не вступать. После шестнадцати часов действовать по своему усмотрению. Юстас».

— Командир, Коваль кого-то ловит, а нас будут использовать как «живца»!!!

Вот такого «подарка» от любимого командира я не ожидал.

— Марся, наблюдателей сюда. Быстро!!!

Итак, что у нас? Имеет место большая игра. Большая и многоходовая. Барон, как всегда, замутил что-то невероятное. Получается, он отправил Ковалья поймать и притащить в штаб кого-то очень важного. Я не удивлюсь, что Леха со своими архаровцами топал по нашим следам. А дальше еще интереснее. Мы уничтожаем тоннель, что заставляет некоего человечка выползти из теплого кабинета и выйти «в поле». Кабинет, судя по всему, находится далеко и хорошо охраняется, а «в поле» все гораздо проще. Человечек начинает азартно ловить неведомых диверсантов, а Коваль начинает ловить его. Напряжем мозг и вспомним о выводах, к которым мы с Алексеем пришли: хорошо охраняемое тело лучше всего ловить на марше, а еще лучше, когда тело занято бегством или погоней. Вот и получается, что Коваль подождал, пока мы угрожим тоннель, засел где-то на нашем маршруте, убедился, что нужное ему «тело» прибыло для поиска и уцепилось за нас. А для того чтобы «тело» поглубже заглохло наживку, засветил нас радиопередачей. И теперь, когда все пошло по нужному руслу, любимое командование не разрешит нам соскочить раньше времени. Ай да Барон, ай да сукин сын!!! Использовать уничтожение такого важного объекта для поимки одного человека!!! Даже моей извращенной фантазии на такое не хватило бы. Восхищение своим командиром перекрыло даже злость на него. И Коваль тоже молодец: посадил на ключ именно Кузю, а не кого-то еще. Он делал это с четким пониманием того, что Петюня в один присест распознает почерк друга, поймет, что передача идете гор, и мы сможем сопоставить полученную информацию.

Тем временем вернулись Марся и наблюдатели.

— Докладывайте.

— У нас две новости: одна хорошая, одна плохая, — начал Рафа. — Начнем с плохой: в двух указанных тобой точках никого нет, а вот в третьей сидят, как минимум, два человека. Можно ли пройти мимо них незаметно — я не знаю.

— А хорошая? — не выдержал Макс.

— Хорошая, — таким же заунывным голосом продолжил Рафа, — на входе в долину появились наши знакомые «тени».

— Иди ты! — воскликнул Микола. — А как ты их увидел? Ночь же на дворе!

— А их, дорогой ты наш хохол, мы углядели благодаря твоему тепловизору.

— И что они делают?

— Судя по траектории, показывают нам маршрут, по которому нам нужно идти, — пояснил Пашка.

— Это как?

— Слушайте. Румыны, которые сидят в засаде, отсвечивают, как и положено, красным. А «тени» светятся синим. При этом «тень» начинает движение метрах в двадцати от того места, где мы лежали, проходит почти под лежкой румын, а потом уходит вниз, в долину. И думается мне, что если мы поползем по указанному маршруту, то легко просочимся мимо

наблюдателей.

— А на входе в долину есть кто?

— Мы никого не заметили ни в ночники, ни в тепловизор. А ты чего нас сдернул раньше времени?

— Сейчас объясню, — людоедским голосом ответил я. Петюня хмыкнул, парни напряглись. — Из полученной в течение получаса информации вырисовывается, что мы, как обычно, втянуты в очень большую игру Барона. И наша роль, к сожалению, в ней не главная.

— Так, а когда было по-другому? — поинтересовался Марсель.

— Помолчи. В общем, братцы-кролики, ощущение такое, что уничтожение тоннеля, а также наше героическое бегство имеет только одну цель: вытащить из штаба в поле очень важного офицера противника.

— Да-а-а, — протянул Марсель. — Наш Барон — редкостный извращенец!

— Помолчи! Так вот, первую часть его гениального плана мы успешно выполнили. То есть искомое лицо вылезло из штаба и теперь в чистом поле усиленно ломает голову, как нас поймать.

— Это, часом, не наш итальянец?! — продолжал встревать Марсель.

— Помолчи!! О чем я? А! Требуемый офицер, — тут я склонен согласиться с Марсей, — он же товарищ итальянский советник, где-то в районе обломков тоннеля пытается понять, куда мы делись, так как его поисковая операция в районе «зеркала» не принесла успеха. Наше любимое командование поняло, что мы качественно «легли на грунт» и теперь нас не найти ни чужим, ни своим...

— Тем более, оно само дало команду на «погружение»...

— Да помолчи ты! Соответственно, как только итальянец поймет, что нас не найти, он вернется в свой теплый кабинет, и там его фиг достанешь. Чтобы у него не проходил охотничий азарт и постоянно выделялась слюна от мысли о нашей скорейшей поимке, Барон приказал нам немедленно выдвигаться строго на север, чтобы итальянец сломя голову ломанулся за нами и попал в нужном месте в нужное время в теплые объятия Ковалья и его головорезов.

— Опа!

— Вот это номер!!!

— Ну, Коваль и скотина!!!

— А Барон-то какую нам опять подлянку кинул...

И еще минуты три в таком духе неслись реплики моих бойцов.

— Все высказались?! — продолжил я. — Вот и славно. Соответственно, наша задача — выдвинуться на север, посадить на хвост румын во главе с итальянцем и держать его на хвосте до шестнадцати часов. Хвост не «стряхивать», в бой не вступать, в плен не сдаваться, не погибать и не получать ранения.

— А после шестнадцати часов? — хмуро поинтересовался Микола.

— По ситуации. Я так мыслю, что к этому моменту Коваль уже должен или спеленать, или грохнуть итальянца к нехорошей маме.

— Едрить твою, — пробурчал Марся, — я бы лучше еще раз тоннель взорвал, чем при таких гнилых раскладах «живца» изображать.

— Командир, когда мы должны выдвигаться? — начал включаться в «боевой режим» Микола.

— Чем быстрее — тем лучше.

— А если продинамить приказ?

— Не получится, родной. Барон предвидел подобные желания, и двадцать минут назад радист Ковалья из нашего района выходил в эфир. С наступлением рассвета народу тут будет больше, чем у тоннеля. Итальянец сейчас на низком старте и писает кипятком.

— Вот за что я всегда уважал Барона и Зимина, — с горечью произнес Микола, — так за то, что хочешь ты или не хочешь, а будешь выполнять их желания. И качественно будешь выполнять. С рвением и, мать его, с пионерским задором!!! Когда и как будем выдвигаться?

— Хороший вопрос! Давайте прикинем. Средняя скорость нашей группы — десять километров в час. Если отсчет начинать с шести утра, когда тут рассветет, и до шестнадцати часов мы теоретически должны отмахать восемьдесят километров. Где-то на этом отрезке итальянца встретит Коваль.

— А если не встретит? — спросил Макс.

— Если не встретит, я сам придумаю, как завалить этого паразита. В любом случае после шестнадцати часов мы можем просто спрятаться. Поэтому на тот случай, если Ковалья самого «встретят», предлагаю вариант с подстраховкой.

— Не, — перебил Марся. — Коваль, он хитрый, зараза. Его просто так не поймать!

— Марся, засохни. Так вот, братцы-кролики, за ночь мы должны пересечь долину и максимально углубиться в лес, чтобы утром итальянец и его румынские прихвостни преследовали нас на комфортном для нас удалении, а не наступали на пятки. Но перед тем как мы углубимся в лес, нам нужно либо разделить, чтобы одна часть изображала «живца», а вторая на точке в семьдесят пять километров готовила бы засаду на случай провала Ковалья. Либо через одинаковые отрезки прятать по бойцу. А спрятанный после того, как мимо него проскочит погоня, начинал бы движение вслед за ней. Это так же, как мы делали с мостом-призраком.

— Не прокатит второй вариант, — безапелляционно заявил Микола. — Когда мы за мостом ходили, там кругом были камни и скалы. И следы там сложно найти. А в лесу более-менее опытный следопыт сразу просечет, что народу становится меньше.

— Согласен. Поэтому давайте решать, кто пойдет засаду готовить, а кто будет хвост тащить.

— Командир, — опять взял слово Микола, — вперед нужно отправлять тех, кто более медленный. С такой форой даже черепаха дойдет. Поэтому предлагаю для засады отправить меня, Марсю, Пашку, Олега, Рафу, Фича, Термита и Вартанчика. Остальные останутся с тобой.

— Добро. Теперь нужно решить: как будем пробираться мимо дозорных. И главное — что с ними будем делать?

— Так прирезать их — и делов, — предложил самый простой вариант Марся.

— Марся, ты когда-нибудь что-нибудь хитрое, в духе твоих предков, предложишь? Твои мысли прямые, как фонарный столб.

— Прямые, но правильные!

— А ну тебя, — махнул я, — высказываем идеи, господа разведчики.

— Прирезать их нужно, — высказался Макс, — но нужно сделать это красиво...

— Едрить твою, Макс, — притворно застонал Ильдар, — ты еще и извращенец! У тебя и родне Джеков-потрошителей не было?

— Макс, — не обращая внимания на подначку Ильдара, обратился я к переводчику, — насчет красиво прирезать ты что имел в виду?

— Ну, покровожаднее. В назидание другим.

— Он точно извращенец, — послышался возглас Ильдара.

— Так, а более продуктивные идеи, не извращенские, есть?

— Наблюдателей нужно снимать, — наконец заговорил Микола, — и снимать чисто.

Чтобы они сейчас не сообщили о нашей численности, а утром придержали погоню.

— Т-т-ты, про м-м-минирование? — мгновенно возбудился Термит.

— Дыши глубже, озабоченный, — усмехнулся Микола. — Когда я говорю «придержали», то имею в виду, что своим исчезновением они должны отвлечь преследователей от мгновенной погони, а своими трупами задержать еще на чуть-чуть. Хотя заминировать тоже можно.

— Тогда последний вопрос: почему «тени» ведут нас мимо них? Почему предлагают обход? Ведь если предположить, что они нам помогают, то получается, что пройти незамеченными для нас более безопасно, чем ломиться напрямую.

— А тебе не кажется, что в случае с Викингом они просто увели нас в сторону от первых встречных людей? — предположил Марся.

— И такое возможно, — согласился я. — Так. Какие будут мнения?

— Я бы, — задумчиво начал Микола, — сходил бы «теневым» маршрутом до леса на предмет обнаружения наблюдателей. Взял бы тепловизор и посмотрел. И если они там (а их не может не быть), то именно их я под нож и пустил бы. А ближние пусть и дальше тут сидят.

— Сам сходишь?

— Да, только Макса с собой возьму, пусть послушает.

— Добро. Макс, двигай с Миколой.

— Понял.

Я уселся на камни, привалившись спиной к большому валуну, и задумался о «прелестях» жизни. Однако мысли скатились в сторону дома, где меня ждут жена и дочь, а также мать с отцом. Ладно, хоть у отца «бронь» и он не подлежал мобилизации, а вот с женой вышло весело: она была лейтенантом медицинской службы в запасе. В свое время, учась в медицинской академии, ее дернула нелегкая «получить» офицерские погоны. Этот факт, а также то, что она была оперирующим хирургом, давал ей неплохие шансы быть призванной в действующую армию. Первое время то обстоятельство, что ее муж уже воюет, оберегало ее от призыва. Но перед моим первым и единственным отпуском она сообщила, что родная армия вспомнила про ее «долг». С этой проблемой я прибежал к Зимину, а тот сразу же поехал со мной к Барону. Барон, услышав мою просьбу, задумался, а потом предложил:

— Сашок, есть два варианта. Первый: мы ее призываем, и она стопроцентно попадает в наш окружной госпиталь, где с нее будут пылинки сдувать и целовать в белые ноги. И ближе, чем твоя палатка, к линии фронта ее никто никогда не подпустит. Как тебе?

— На хрен мне такие расклады, — уверенно выдал я. — Пусть дома сидит. Мне так спокойнее.

— Ладно, — не стал спорить Барон. — Ты через неделю убываешь в отпуск. Я тебе передам письмо, отдашь его в тамошнем военкомате главному контрразведчику. А на словах передашь свою просьбу. Этого точно хватит, чтобы про нее вообще забыли.

Я начал благодарить Барона, но он меня остановил:

— Сашок, не спеши рассыпаться в благодарностях. Я это делаю не столько для тебя, сколько для дела. Чем спокойнее у тебя на душе, тем лучше. А то, что ты свою супругу не хочешь сюда тащить, — правильно. Я по молодости свою Оксану привез... И отправил домой через два месяца... — Барон задумчиво замолчал — видимо, ударился в воспоминания. А потом продолжил: — Мне как на «боевой» идти, так она за сутки замолкала. Молчит, меня по голове гладит, а в глазах слезы стоят. Я как на нее посмотрю, так хоть стреляться иди. Два месяца терпел, а потом пошел к командиру советоваться. А Африканыч, он тогда еще полковником был, будто этого и ждал...

У Зимина после упоминания про загадочного Африканыча челюсть упала на пол.

— ...и сразу мне сказал, — продолжал Барон, — отправь жену домой. Вам обоим будет легче. И отправил. И полегчало! Хорошим мужиком был Африканыч!

Я глянул на Зимина. Судя по его лицу, с последним высказыванием Барона Зимин был категорически не согласен. Когда поехали обратно, я поинтересовался: кем же был этот загадочный Африканыч, о котором у моих командиров, судя по всему, противоположные мнения. А такого я не видел ни разу.

— Африканыч, друг мой Сашка, это генерал-полковник Юнусов. Сегодня он возглавляет одно закрытое учебное заведение для офицеров определенной специализации в звании старше майора.

— Ты его знаешь?

— Как не знать! Я за три года до войны его как раз и закончил! Полгода потом ходил с дебильной улыбкой на роже.

— Почему?

— Радовался, что смог выжить.

— Не понял?!

— Сашок, я тебе сейчас немного сверхсекретной информации солью, ты уж не засвети меня перед Бароном. Школа Юнусова — это полтора года на грани. По статистике, до десяти процентов курсантов не доживают до выпуска. Не доживают в прямом смысле. Или гибнут при обучении, или сами в петлю лезут. Не смотри на меня такими глазами. Там, помимо глубокого обучения теории, идет крайне жесткая практика. Но не это самое страшное. Половина преподавательского состава — психологи и психиатры. Ты не представляешь, что они творили с нашими мозгами... не все выдерживали.

— А самому уйти?

— Только вперед ногами. Других вариантов нет. При поступлении об этом говорят прямо.

— А почему Юнусова Африканычем прозвали?

— Вообще-то полное его прозвище — Африканский Каратель.

— Почему?!

— Когда-то давно-давно, когда Юнусов был полковником, служил он старшим военным советником в группе наших войск в одной из африканских стран. И все было хорошо, пока князек той страны не решил, что НАТОвцы дадут ему больше, чем наши, и «перекрасил» свои знамена. И хрен бы с ним. К таким поворотам не привыкать ни нам, ни НАТОвцам. Нс этот папуас (видимо, для подстраховки) взял в заложники жен и детей наших гражданских специалистов, которые там что-то нужное строили. Сообщил, что, как только наши уйдут из страны, он передаст их англичанам. Тогда Юнусов пошел к англичанам с просьбой освободить заложников сейчас, а не потом. Те почему-то не придали значения тому, кто именно их просил, и вежливо его послали.

— А потом?! — не выдержал я.

— А потом Юнусов собрал всех офицеров, объявил себя и их дезертирами и ушел в леса. Первыми пострадали англичане. В ту же ночь офицеры уничтожили их перевалочную базу и перебили всех, кто там был. А через два дня совершили то, из-за чего он и получил прозвище Африканский Каратель. Они добрались до родной деревни князька-перебежчика. И просто, без каких-либо требований, начали валить всех подряд. Ты можешь себе представить, чтобы отряд из тридцати человек смог уничтожить деревню на полторы тысячи жителей? Нет?! А они смогли. Оставили в живых только двоих и велели им передать князьку, что если он не отпустит их женщин и детей, то через два дня сгорит еще одна деревня. Короче, после третьей сожженной деревни князек отпустил заложников. Юнусов еще две недели покуражился в лесах, объясняя оставшимся в живых, что так будет с каждым, кто поддержит князька. Перестрелял английский спецназ, который был направлен на его уничтожение, а потом сжег военный аэродром и перешел границу в соседнее государство. И тут же помог тамошним товарищам в борьбе с местным правительством, которое было против строительства «социализма». При этом помог успешно.

— А почему его не посадили?

— Кто?

— Наши!

— Хотели, но в КГБ решили, что такие, как он, нужнее на свободе. Тем более что маньяком он не был. Его именем еще долго пугали тот регион, а за свержение двух неугодных Москве режимов «Героя» дали.

— А второй режим какой? — не сообразил я.

— А того князька, чьи деревни жег Юнусов. Народ справедливо решил, что в гибели их родных виноват именно князек. Поэтому, несмотря на поддержку англичан, он смог удержаться у власти всего два месяца. А теперь вообрази, какие методы обучения могут быть у такого человека!

— А Барон тоже эту школу прошел?

— Нет, когда Африканыч деревни жег, Барон, как я благодаря тебе выяснил, служил под его началом. А это в разы страшнее, но лучше любой школы.

— Вот это да!! — обалдело протянул я.

Зимин хмыкнул и поинтересовался:

— Ты думаешь, что меня и Барона боятся потому, что у нас должности такие?

— Теперь уже нет.

— Правильно, — похвалил он меня. — Непонятно другое: почему ты нас не боишься?

— А нужно?

— Иногда — очень!

— Ну, извините, что не оправдал надежд.

— Ладно, прощаю, — улыбнулся он. — И помни про наш разговор, особенно когда к тебе вербовщики от Юнусова приедут.

— Ко мне?! — в очередной раз удивился я. — А откуда они про меня узнают?

— Они уже знают. От двух твоих командиров. Фамилии называть нужно? — усмехнулся Зимин.

— Нет, догадался. Стоп, но я же не кадровый офицер, а «пиджак»!

— С твоими данными и теперешним боевым опытом тебя любая структура с руками и ногами оторвет.

— Удивительно! Но только предложений от других контор ко мне не поступало. Меня даже особисты вербовать не пытались.

— Сашка, пока ты в гвардии Барона, тебя никто соблазнять не посмеет.

В отпуск я съездил, письмо Барона и свою просьбу передал. Разведчик и особист, которые приняли меня в военкомате, увидев подпись Барона, побледнели и долго трясли меня за руку. А когда услышали мою просьбу, облегченно выдохнули и даже налили коньяка. В итоге я потратил всего двадцать минут на решение возникшей проблемы. А уже на следующий день мою супругу вызвали в военкомат, были с ней милы и вежливы, поили чаем с конфетами, после чего заверили, что ее больше никто и никогда не потревожит.

А та сука нестроевая, которая пыталась призвать ее в армию, сильно об этом пожалела, жалеет и будет жалеть. Жена уже собралась уходить, когда у нее как бы ненароком поинтересовались, кого она, как жена командира отряда «мутного» назначения, из знакомых врачей отправила бы на фронт? Супруга тут же вспомнила всех, кто ее когда-либо обижал, и выкатила список фамилий на двадцать. Как она потом писала, всех, кого она сгоряча сдала, в течение месяца отправили воевать. А врачей ее отделения военкоматовские обходили десятой дорогой...

Вот такой калейдоскоп мыслей мелькал в моей голове.

Из глубокой задумчивости меня вывел толчок в плечо. Я поднял глаза и схватился за автомат. Однако тот, кто меня потревожил, оказался быстрее и сильнее: он наступил ногой на автомат, одной рукой блокировал мою руку, а другой схватил меня за шею и зло зашептал:

— Ты чаво, сынок, удумал? Нешто можно в доверившегося тебе вот так, с автомату, пулять?

От незнакомца пахнуло влажностью леса. Я перестал дергаться и постарался его разглядеть. Передо мной стоял или стояло нечто непонятное. У пришедшего были нечеловечески тонкие и длинные руки и ноги, которые росли из бочкообразного тела. Точнее не бочкообразного, а бревнообразного. Создавалось впечатление, что взяли толстое дерево или бревно, отломили (именно отломили, а не отпилили) верх и низ, чтобы остался кусок полтора метра длиной, и воткнули в него ветки вместо конечностей. Одежда на нем была более чем странная: комбинезон, имитирующий кору дерева. Очень искусно имитирующий.

— Ты кто? — наконец ответил я, а сам поглядывал на своих бойцов. Бойцы вели себя странно... они вообще не реагировали на пришельца. Каждый занимался своим делом.

— Вестимо кто, — ответил деревянный, — леший я.

— Кто?!

— Леший, — как нечто само собой разумеющееся повторил тот.

— Э-э-э... — только и смог изречь я. — Что, как в сказке?

— Как в ней, как в ней, — подтвердил леший и подмигнул огромным глазом. При этом веко у него опустилось сплошной пластиной, как вертикальные жалюзи.

— И что тебе нужно?

— Так, предупредить тебя хочу. Стар я уже за молодыми по чужим лесам бегать, да и забот без тебя хватает. Вот и решил, что приказ Старшего — это, конечно, святое, но здоровье дороже.

— Старшего?!

— Ну, а как же, — подтвердил он. — Нам ить без старшего тоже никуда.

— А кто он?

— Если придет время — узнаешь, а пока слушай: путь, который мои племянники вам показывали в лесу, был безопасным. В этом вы уже убедились. И теперь они ведут вас по безопасному маршруту. Но это будет до момента, как вы пересечете долину и зайдете в лес. Там ни мне, ни племянникам находиться уже нельзя. Это чужой лес, и хозяин его на меня обидеться может. Поэтому запоминай: коль вы идете на север, то обязательно выйдете на болото. Оно не широкое, но длинное и очень топкое. Его обходить — кучу времени потерять, поэтому вам надо напрямик.

— Так мы же троп безопасных не знаем! — Я все еще не верил в реальность происходящего, но решил, что пообщаться с собственной галлюцинацией — это интересный опыт.

Леший, судя по всему, прочитал мои мысли (что меня почему-то не удивило) и продолжил:

— Я не глюк. Господи, прости, слово-то какое мерзкое. А насчет прямых троп не волнуйся — я с тамошним кикимором по старой дружбе договорился, он вешки поставил. Как к болоту подойдете, ищи березки. По ним и иди. Не утопнешь.

— А почему ты нам помогаешь? — поинтересовался я.

— Так я ж говорю — Старший приказал, — хмуро пояснил он. Видать, моя непонятливость его расстраивала. — Ну, все, служивый. Удачи тебе...

— Командир! Санек, ептель, ты уснул, что ли? — услышал я голос Марси и почувствовал болезненный толчок в плечо.

— А?! — очнулся я и завертел головой в поисках лешего.

— Ты уснул?! — повторил Марсель.

— Нет, задумался, — Лешего я так и не обнаружил. — Вы тут никого постороннего не видели?

— Нет! — Марся покрутил головой. — Приснилось что-то или глюк словил?

— По ходу — глюк. — Я провел ладонями по лицу. — Ты чего хотел?

— Макс вернулся. На входе в долину двое сидят. Нас, суки, ждут. Микола там остался, а Макса к нам отправил. Маршрут, который «тени» показали, действительно безопасный. Выдвигаться нужно.

— Хорошо. Все готовы? Макс, веди.

Наблюдателей, что сидели на входе в долину, мы миновали без проблем. «Тени», они же племянники лешего, действительно проложили самый безопасный маршрут. Мы проползли в пяти метрах от румын, но камни очень удачно нас скрывали. Через двадцать минут наткнулись на Миколу.

— Сашок, — зашептал он, — с собой тащить обоих или только одного?

— Я думаю, одного тут завалить, а второго в лесу, чтобы у итальянца не было сомнений, куда именно мы побежали.

— Добро, я пошел. Марся, готовься ловить «гостя».

И Микола «потек» по камням в сторону лежки наблюдателей. В «ночник» было хорошо видно, как он, несмотря на свои габариты и массу, буквально «перетекал» от валуна к валуну, двигаясь с резкими ускорениями. Через три минуты он добрался до нужного места, подождал Марсея, а потом взметнулся вверх. Наблюдатели его не ждали. Хотя кто бы ждал?! Через мгновение из лежки взлетело тело, которое Марся спокойно поймал и тут же спеленал. А Микола уже махал нам рукой, показывая, что путь свободен. Парни начали движение. Марся, чертыхаясь, тащил пленного.

Долину, с учетом темного времени суток, пересекли за три с небольшим часа. Когда подошли к лесу, я скомандовал Марсе:

— «Языка» урони мордой на камни, чтобы он ее разбил.

— На кой? — поинтересовался он.

— Чтобы те, кто нас искать будут, не сильно устали и оперативно встали на нужный маршрут. Только не зашиби его.

— Не учи ученого! — заверил Марсель, после чего заехал «языку» по носу. Убедился, что нос разбит качественно, и начал возить его мордой по камням. «Язык» застонал.

— Марся, без фанатизма! Заканчивай.

Когда углубились в лес метров на сто, я остановил своих.

— Так, бойцы, пора разделяться. Слушайте сюда: двигайтесь строго на север, по пути вам попадет болото.

— А ты откуда про болото знаешь?! — перебил меня Микола. — На картах его нет!

— Один доброжелатель нашептал, — хмуро ответил я.

— Кто?! — в один голос воскликнули Марся с Миколой.

— Доброжелатель, — пояснил я. — Марся, ты когда меня у лежки будил, я на самом деле не спал, а глюк словил.

— Какой?! — заинтересовались все.

— Явился ко мне командир, если так можно выразиться, наших «теней». Лешим

представился. На вид и вправду леший. Мультик про домовенка Кузю смотрели? Там в первой серии точно такой же был.

Бойцы слушали меня с большим недоверием, а Ильдар подошел почти вплотную и начал изучать меня очень нехорошим профессиональным взглядом.

— Так вот, он сообщил, что впереди болото. Не широкое, но длинное и топкое. Обходить его — время терять. Так чтобы мы не перли кругами, там специально для нас проложена тропа. Ориентиром являются березки. Ильдар, прекрати на меня так смотреть!!! — не выдержал я. — Сам понимаю, что бред несусь.

— Когда вернемся, — задумчиво ответил он, — надо будет тебя в поликлинику сдать, для опытов.

— Договорились, — согласился я. — А пока слушайте дальше. Если на маршруте болота не попадется, то все вышесказанное считайте бредом. Если болото все-таки будет, ищите березы и по ним, как по вешкам, пересекаете его, соблюдая все меры безопасности. В пятнадцать часов заканчиваете движение и готовите засаду. Ждать до завтрашнего утра. Если не придем — возвращаться домой, забив на все приказы командования. Вопросы есть? Вопросов нет. С Богом, друзья мои.

Дождавшись, пока «засадный полк» убежит, я направил внимание на «языка», возле которого сидел Макс, и, задумчиво глядя на пленного, поигрывал ножом. Кровь из разбитого Марсей носа уже не шла.

— Ну, что, толмач, приступим. У нас с тобой около пяти часов до времени старта, поэтому можно не спешить. Ты уже с ним общался?

— Нет, только обыскал.

— Есть что-то интересное?

— Кроме денег и сигарет — ничего.

— А в документах что написано?

— Ничего не написано, — с грустной усмешкой ответил Макс.

— В смысле? — не понял я.

— Нет у него документов.

— Ты хорошо смотрел?!

— Не сомневайся. Не это самое интересное, — продолжал «радовать» меня переводчик, — у него все оружие наше, даже нож...

У меня возникли нехорошие предчувствия:

— Макс, а Макс, как ты думаешь, мы подвиг штурмовиков Комарницкого не повторили?!

Был у штурмовиков нехороший случай, когда их бросили уничтожать один объект. И случилось же, что именно в это же самое время этот же объект пришли то ли осматривать, то ли уничтожать пехотинцы соседнего фронта. Нашим, естественно, никто ничего не сказал. Да и наши тоже промолчали. В общем, под утро встретились два «одиночества». Пехота заметила штурмовиков первыми, но это ей не помогло. Штурмовики в кратчайшие сроки зажали их в «клещи» и уже готовились всех перебить (в лучших традициях своего любимого командира), но тут пехоте повезло: Комарницкий всегда требовал от своих бойцов при уничтожении неизвестных групп противника перед полной ликвидацией брать «языка». Штурмовики отработали четко. В результате оперативно проведенного дознания было установлено, что их огнем к земле прижаты соседи-пехотинцы, а «языком» оказался лейтенант оных. Морпехи еще раз настучали лейтенанту в бубен, прекратили огонь и

отправили его успокаивать своих подчиненных. Через пять минут они объединенными усилиями раскатали по бревнышку объект, из-за которого и сцепились.

Сашка Астафьев, капитан морпехов, когда вернулся на базу после этого случая, к Комарницкому долго боялся идти. Однако тот вышел сам, задумчиво посмотрел на своего подчиненного и объявил: «За успешное выполнение боевого задания объявляю три дня отпуска домой! А за то, что чуть соседей не положил, отпуска лишаю! Вопросы, возражения есть?! И на будущее, капитан: свидетелей — не оставляй». Сашка пил два дня...

Тогда меня очень порадовали румыны: у них под боком почти двадцать минут шел бой, а эти «храбрецы» даже не поинтересовались, кто кого отстреливает, сделав логичный вывод, что раз воюют, то кто-то обязательно за них. И, глядя на «языка», я терзался нехорошими предчувствиями.

— Сейчас узнаем, — ответил Макс, а затем резко приставил нож к горлу «языка» и зло зашептал на русском: — Колись, сука, кто такой, а не то прирежу!!!

«Язык» сжался, смешно задергал ногами, но продолжал молчать.

— Ах ты, падла, — пробормотал Макс. — Ты по-русски говоришь?

— Мало, мало, — наконец ответил пленный.

— Ну, слава тебе, Господи! — молитвенно воздел руки к небу Макс. — А по-румынски?

— Хорошо, — таким же испуганным тоном прозвучал ответ.

Макс опустил нож, присел перед «языком» и начал стандартный допрос. В результате беседы выяснилось, что перед нами рядовой румынской армии, недавно зачисленный в разведку. Сюда его привел командир, которого грохнул Микола. Они ждали группу русских, скорее всего, нас. В случае обнаружения должны были сообщить в штаб, а сами двигаться за нами на безопасном расстоянии.

Я задумчиво посмотрел на Макса. Тот слегка кивнул, подтверждая мои сомнения относительно правдивости ответов «языка». Я достал фонарь, выставил его на слабый зеленый свет и поднес к пленному. Передо мной сидел боец лет тридцати, черноволосый, худощавый, со сломанным неоднократно носом и (что более всего примечательно) сломанными ушами. У парня была отменная борцовская практика или, что еще хуже, богатый опыт смешанных единоборств. Чтобы подтвердить свои предположения, я перевернул его на живот, чтобы добраться до скованных сзади рук. Мои предположения подтвердились, но потом я обратил внимание на подушечки его пальцев:

— Макс, это наемник!

Макс подскочил ко мне и тоже начал рассматривать пальцы пленного. Они были обработаны кислотой, поэтому на них отсутствовал папиллярный узор. Так на этой войне почему-то поступали наемники. Я не понимал этого мазохизма, ведь сегодня для идентификации старались использовать ДНК, а не отпечатки пальцев. А ДНК кислотой не вытравишь.

— Да, наемник, — согласился Макс. — И как только его Микола спеленал?!

— Наш Микола и динозавра спеленает, если понадобится. А такого дрища — раз плюнуть. Ты лучше скажи: допрашивать будем или сразу в расход?

Наемник лежал на животе, лицом вниз. Он нас хорошо слышал, но не видел, что позволило нам жестами согласовать линию поведения.

— Такого матерого лучше сразу в расход. Говорить он не будет, а качественно пытать у нас времени нет.

— И что будем делать?

— Давай, как с тем америкосом, — предложил Макс.

— С которым?

— А с тем, который Зяме в морду плюнул.

— А, это когда Зяма ему в брюшину гранату зашил, а кольцо снаружи оставил?

— Именно.

— Так Зямы нет!

— Ильдара попросим, он не откажет.

Пока мы трепались, я внимательно наблюдал за реакцией наемника. Судя по ней, он хорошо понимал русский. И замечательную историю про гранату в животе прекрасно слышал. И понял, к кому попал. Тот случай, про который мы говорили, действительно произошел с Зямой. Наш еврей охранял «языка» из числа американских советников. Ну, и «разговорились» они. Америкос был по происхождению арабом, соответственно антисемитом на генетическом уровне. В общем, когда мы пришли, их «беседа» была закончена. Зяма успел грамотно вскрыть ему брюшину, обколов живот пленного таким количеством обезболивающего, что того можно было пополам распилить и он бы этого не почувствовал. Обеззаразив гранату, угробив на эту процедуру весь запас спирта и половину антисептиков, он разместил ее в брюшине. Прикрепил гранату к внутренней стенке брюшины, зашил разрез, так что чека и кольцо остались снаружи. При этом кровотечение было остановлено, скончаться от потери крови «языку» не грозило. А вот от «несварения желудка или вздутия живота», как мрачновато шутил Зяма, — легко и непринужденно. Но самое интересное произошло потом. Вернулись мы, заминировав и взорвав все на должном уровне. Советника, которого «нафаршировал» наш еврей, мы поймали случайно. Сам на нас вышел... А нечего по ночам за пределами лагеря шляться! Спать надо ночью, а не моим бойцам на голову писать... Так вот, в связи с тем, что «заминированный» был нам не нужен, Зяма предложил отпустить его к своим. На мой вопрос о причинах такого «гуманизма» он пояснил: «Прославиться хочу! Этот баран до конца жизни помнить будет и внукам своим расскажет, что его заминировал русский еврей Зяма. Да, мистер?!»

К тому времени мне было плевать на мнение румын и америкосов обо мне и моей группе. Нас уже давно чуть ли не в каратели записали. На нормы гуманитарного права мне было плевать еще на третьем курсе родного УдГУ, поэтому я согласился. Мы увели «заминированного» с собой до середины нашего маршрута и отпустили. И он дошел до своих. Более того, его не только подробно допросили, но и удачно прооперировали. Наш Зяма в их сводках еще месяц фигурировал. И сбылась его мечта — прославился русский еврей. Жаль, что наше командование не оценило юмора и гнобило его целый месяц. А погоняло «русский еврей» стало его вторым позывным после «Зяма».

— Ильдар, иди сюда, — позвал я врача, продолжая ломать комедию.

— Сыворотки правды нет, — без предупреждения заявил он.

— Я не о том. Ты прославиться хочешь? — И показал ему гранату.

— Прославиться? Как Зяма?!

— Именно!

— Интересное предложение, — включился Ильдар в игру. — Мы же с Зямой после того случая Термиту мозг сломали, но вывели, как в брюшине можно установить взрывчатку на неизвлекаемость!

— На кой ты это вслух сказал? — поинтересовался я. — Он же может предупредить своих, что он смертник.

— Мда-а-а-а, — протянул медик задумчиво. — Проблемка. О! Так давайте я ему еще и язык отрежу!

— Но писать-то он умеет! — не сдавался Макс.

— Так я и пальцы ему переломаяю! — сделал «рационализаторское» предложение Ильдар.

— Ильдарище, — слегка обалдев, сказал Макс. — В последнее время я все чаще и чаще ловлю себя на мысли, что очень рад тому, что вы с Зямой воюете на нашей стороне!

— Не ты один! — с гордостью ответил Ильдар. — Ну, так что, можно начинать?

— Не нужно гранату, — ожил наемник. — Убейте. Прошу!!!

— Чтобы легко умереть, — присев к наемнику, ответил Ильдар, — нужно хорошо постараться.

Наемник задумался, а потом ответил:

— Спрашивайте.

— Молодец! — похвалил я наемника. — Как тебя называть?

— Зовите Наемником.

— А представиться не хочешь? Мы бы родственникам сообщили, что ты героически погиб за бессмертное дело капитализма.

— За что? — не понял Наемник.

— Не обращай внимания, это наш юмор, тебе не понять. Слушай первый вопрос: кто отдал приказ караулить нас?

Наемник хмуро засопел, но молчал.

— Слышь, любитель быстрой смерти, — предупредил его Ильдар, — я тебе пальцы и просто так могу сломать — ради эстетического удовольствия.

— Луиджи.

— Как?! — переспросил я.

— Луиджи Кадорна, — ответил он.

— Это случайно не Луиджи Роджер?! —

— Он самый, — чуть удивленно подтвердил Наемник.

— Командир, ты откуда про итальянца знаешь? — поинтересовался Макс. — Ты же говорил, что на америкосах специализируешься.

— Таких людей, Макс, нужно знать без специализации.

— И что ты о нем слышал? — спросил уже Ильдар.

— Бывший полковник спецназа итальянской армии. Возглавлял особую бригаду, специализирующуюся на поимке партизан. У него была татуировка в виде Веселого Роджера, а его бойцов называли «пиратами». Но за два года до начала войны он ушел в отставку. Интересно, кто его вернул? Наемник, его вернули НАТОвцы, или венгры сами ему платят?

— Насколько я знаю, венгры. Сами, напрямую.

— Сколько «пиратов» он привез с собой?

— Двадцать человек.

— Так, наверху «минус два». Где остальные?

— Внизу. Готовятся к выходу.

— Печально. Ильдар, передай парням, что выходим на час раньше. От этих гавриков нужно убежать как можно дальше. Ты знаешь, кого вы ловили?

— Когда нас сюда забрасывали, то предупредили, что мы ловим или «Урал», или

«Закат». Но теперь я вижу, что «Урал».

— Про нас так хорошо знают? — влез Макс.

— Знают про ваши группы в целом, про ваших командиров и про врача по кличке Зяма. — Помолчав, Наемник хмуро добавил: — Жаль, что не знают про того «медведя», что нас как котят раскидал.

Пришел Ильдар:

— Парни оповещены.

— Молодца. Наемник, когда у тебя связь с базой?

— Четких отрезков времени нет. На связь выходить либо при вашем обнаружении, либо в шесть утра.

— Откуда так хорошо знаешь русский?

— Научили в разведшколе.

— Кому ты паришь?! — влез Макс. — Судя по твоим гласным, говорить ты научился в районе Архангельска, поэтому не держи нас за идиотов.

— Ты — русский? — полуутвердительно спросил я.

Наемник помолчал, а потом коротко кивнул.

— Еще русские в группе есть?

— Еще четыре человека.

— Ладно, Наемник. Тебя как кончать — вырубить или оставить в сознании?

— погоди, капитан. А дальше вы куда пойдете?

— А тебе, покойнику, какая разница? — с подозрением спросил я.

— Так, может, я с вами хочу пойти.

— Хочешь в предатели записаться?

— Я ж наемник. Лучше жить подлым предателем, чем умереть честным наемником.

— Командир, не нравятся мне его расклады, — буркнул Макс. Ильдар, соглашаясь с ним, кивал головой.

— А какой мне гешефт от твоей жизни?

— Я знаю, как будет действовать Роджер.

— Это для меня не секрет. Что еще можешь предложить за свою жизнь?

— Безопасный маршрут.

— Без надобности, мы его сами нашли. Еще что-то?

— Расскажу вашим все, что знаю. Про методы и систему обучения, про все наши группы, которые здесь работают. — В голосе Наемника начали появляться истерические нотки.

— Знаешь, мил человек, почему я тебе не верю? — Я присел возле пленного.

— Почему?

— Я хорошо помню характеристики «пиратов», а также систему распространения информации, введенную Роджером среди своих. Но и это не основной мотив. Угадаешь какой?

— Предавший однажды предаст и во второй раз? — голосом, полным тоски, спросил он.

— О, да ты философ! Нет, не поэтому. Был бы ты с нами откровенен до конца — ты бы назвал свое имя. Ты отказался. Следовательно, у тебя есть идеи или надежда освободиться, поэтому светить свое имя тебе нет резона.

— Но я мог бы просто соврать!

— Так ты даже этого не сделал! — усмехнулся я в ответ. — Кончай его, «Сэмэн».

Макс, который стоял ближе всех к нему, свернул ему шею. Я жестами показал, чтобы парни шли вслед за мной, сообщив им:

— Так, этого потом закопаем, а пока пойдем, проверим, чем там наш снайпер, мать его, занимается!

Отойдя метров на десять, я зашептал парням:

— У этого жмура где-то спрятан или маяк, или микрофон. Поэтому сейчас его минируем, но говорим только о бабах, водке и видах на урожай.

— О чем?! — не понял Макс.

— О темах, не относящихся к службе и конкретно к нам.

— Понял.

— Пошли.

За двадцать минут мы уложились. Рассказывая анекдоты, повесили наемника вниз головой, установили под ним две мощные мины направленного действия и дымовую шашку, сделали несколько надрезов на теле трупа, чтобы с него стекла кровь и замаскировала следы нашего минирования, и напоследок установили на подходе к трупу хитрую растяжку. Хитрость заключалась в том, что проволока, которая шла от кольца гранаты к креплению, и само крепление были взрывателем спрятанных мин. При любом прерывании цепи, которая состояла из мин, муляжа гранаты, проволоки и крепления, происходил взрыв. И неважно, налетит на проволоку какой-нибудь ротозей-солдат или приступит к своей работе отважный сапер — мины взорвутся. А если взорвутся мины, то и дымовуха сработает. Дымовуха мощная: хвост при безветрии поднимается до полукилометра. Так что и ряды врагов проредим, и пойдем, насколько далеко мы убежали.

По-быстрому перекусили, перекурили и не спеша (пока — не спеша) пошли на север. До рассвета еще три часа, но уж очень хотелось убежать подальше от Луиджи и его «пиратов».

Ко мне подошел Ильдар:

— Как ты думаешь, Коваль будет ловить итальянца или тупо его завалит?

— Ну, он со мной обсуждал именно захват «языка». Так что ловить он его будет.

— А как? Как спеленать офицера, профессионала, в окружении солдат?

— Мне видится только один способ: просочиться в окружение итальянца и выдернуть его оттуда.

Ильдар задумался, а потом продолжил:

— Допустим, как просочиться, я еще могу представить, а выдергивать, как ты говоришь, куда? Где его прятать?

— Думается мне, друг мой, Коваль сейчас заныкался где-то на нашем маршруте. И его главная задача — так растянуть преследователей, чтобы в том месте, где окажется итальянец, было такое число солдат, которое позволило бы силами малой группы всех перебить. А итальянца можно спрятать в заранее подготовленном схроне.

— Но если «пираты» — спецы по отлову партизан, то как спрятать схрон?

— Во-первых, как показала сегодняшняя ночь, не такие уж они и спецы. Миколу они «проспали» по всем параметрам. Во-вторых, с нашими партизанами они никогда не сталкивались. Соответственно, опыта у них никакого. Ну, и, в-третьих, на месте Ковалья «пиратов» я бы отстреливал в первую очередь. На всякий случай.

Через час после начала движения небо затянуло тучами, и пошел дождь. За что никогда

не любил погоду в горах — меняется она моментально. Если дождь зарядит надолго, то дымовуху под повешенным наемником мы поставили зря, дыма все равно не будет видно. С другой стороны, в дождь следы быстрее исчезают и, самое главное, вертушки к поиску не подключить! Забросить поисковую группу в долину получится, а искать — нет. Дождь смоем все следы... дождь смоем все следы... Мозг зацепился за эту мысль. Дождь смоем... мать их за ногу!

— Мать их за ногу! — выдал я вслух.

— Кого именно? — поинтересовался Ильдар, хмуро поглядывая на небо.

— Следы.

— Следы? — не понял он. — Чьи?

— Наши.

— А, наши. — Он снова покрутил головой, оглядывая небо. — Если дождь зарядит, хрен они следы найдут!

Я посмотрел на довольного Ильдара и поинтересовался:

— А если подумать?

— А чего тут думать?! — Он никак не мог понять ход моих мыслей. — Есть дождь — нет следов; нет следов — нас не найдут... ёперный театр! — наконец дошло до него. — А что делать-то?

— Думать, родной.

— Командир, — к нам подошел Петюня, — я тут чего подумал: если дождь смоем следы, то как «пираты» пойдут в нужном нам направлении?!

— Умница ты моя, — хлопнул я его по плечу. — Какие есть идеи?

— Так, это, — он замялся, — никаких. Я к тебе за идеями и пришел.

— Уйди, уйди отсюда! Уйди, чтоб я тебя не видел!

— Я, пожалуй, тоже отойду, — Ильдар на всякий случай увеличил дистанцию.

Вот паразиты! Так, попробую самостоятельно просчитать ситуацию: труп первого наблюдателя они найдут быстро. По кровавому следу, если его не смоем дождь, быстро найдут и второго. Если смоем, то найдут медленнее. Сопоставив две точки, они смогут предположить вектор нашего движения, но при отсутствии других следов они нас могут и потерять. А с хвоста нам их стряхивать нельзя. Паскудные, однако, расклады.

— Макс, топай сюда.

Переводяга настороженно приблизился. Я быстро пересказал ему суть проблемы. Макс с минуту подумал и сообщил итог своих размышлений:

— Командир, надо бы как-нибудь наследить.

— А как это сделать, не вызывая подозрения?

— У кого? — не сообразил Макс.

— У макаронника этого недобитого! До этого мы работали грамотно, и, если сейчас оставим очевидный след, «товарисч» Роджер может не поверить! До рассвета еще два часа. Два часа — это половина седьмого. Если верить покойному Наемнику, в шесть часов пара наблюдателей не выйдет на связь, и их начнут искать. К моменту прибытия основной поисковой группы «сторожа», что проспали нас на выходе с «зеркала», должны найти труп первого наблюдателя, которому Микола свернул башку. Потом совместными усилиями они должны найти повешенного Наемника.

— Найти и подорваться! — радостно подтвердил Макс.

— Очень на это надеюсь. Так, что дальше? Пока проверят окрестности, пока

успокоятся, пока начнут искать направление, в котором мы убежали, пока доложат, что след потерян...

Макс скромно помалкивал, продолжая идти рядом. Мудрых мыслей он больше не высказывал.

— Макс!

— Тут я!

— Ты, кроме как поддакивать, еще что-нибудь можешь?

— Могу копать! — радостно сообщил он.

— А еще можешь «не копать»?

Увидев его довольную морду, я отправил его в том же направлении, что и Петюню. Помощнички, мать их... О чем это я? А! Вырисовывается, что около девяти утра нужно как-то их поманить. Как?! Подбить поисковый вертолет? А если они не будут летать в такую погоду? А если и будут, то нужно быть законченным самоубийцей, чтобы так светиться. Пришлют вместо поисковой группы пару штурмовиков и разнесут все к нехорошей маме. Нет, вертолеты отбрасываем. Завязать короткий бой? С неведомым противником? Тоже не вариант — его могут просто не заметить. Остается одно: выход в эфир с коротким сообщением, чтобы они запеленговали только то, что рация находится в долине, а уж сопоставить точки Роджер сможет. Это хорошо, только в эфир нужно выходить после того неведомого болота, о котором леший говорил.

Ладно, проблема удержания хвоста вроде решена, однако... однако! Что я сделал бы на месте Роджера?! Я бы страшное сделал! Я бы сработал на опережение: перебросил подкрепление и перекрыл бы выход из долины. Все северные выходы. А потом погнал бы нам навстречу поисковые группы. При таких раскладах засада моих бойцов не только не имеет смысла, но и отправляет их прямо в руки Роджера. Значит, выходить в эфир нельзя. Нельзя. Нельзя. Но даже если без выхода в эфир я укажу Роджеру, куда мы движемся, он все равно начнет перекрывать именно северные направления. Ох, я и идиот! Полудурок в квадрате! Возомнил себя самым умным! Кто сказал, что итальянец за мной побежит, а не поедет или не полетит?! И мои бестолочи тоже хороши: привыкли, что я за них все обдумываю... Чуть своих пацанов на убой не отправил. От такой мысли стало противно на душе, заболела голова. Так, нужно тормозить своих!

— Всем стоп!!! — рявкнул я. Парни замерли и удивленно уставились на меня.

— Сань, ты чего орешь? — поинтересовался Ильдар. — Опять глюка словил?

— Сейчас вы у меня все словите!!!

— Не понял?!

— Так, все дружно морщим мозг: вы на месте итальянца, вы знаете вектор движения преследуемых и возможные точки выхода из долины. Ваши действия?

— Перекрыть точки выхода, — ответил кто-то.

— Обложить с двух сторон.

— Накрыть с воздуха, — предположил Макс.

— А как они поймут, в какую сторону мы ломанулись? — хитро спросил Ильдар.

— Вот именно! — поддержала его общественность.

— Как, как? Жопой об косяк, — не выдержал я. — Барон приказал тащить хвост до Ковалея, а как мы их потащим, если они след скоро потеряют из-за дождя?!

— Да, неувязочка получается, — протянул Макс. — Значит, нужно им подсказать!

— Умница ты моя! — похвалил я его. — А как мы им подскажем?! Вопрос всех

касается!

— А варианты ответов будут? — попытался хохмить Макс.

— Вариантов ответов нет, а варианты развития событий могу поведать. Тебе с самых гнилых начать? Ах, не надо?! Тогда заткнись и шевели мозгами.

— У меня только один вариант, — заговорил Петюня, — выход в эфир с рации, чтобы дать им пеленг для поиска.

— Уже хорошо. Развивай мысль, развивай.

— А чего развивать? — грустно усмехнулся он. — Дать пеленг и деру.

— Хорошая идея, — поддержал Мамелюк. — Петька бегают быстро.

— Петюня, а когда именно ты собрался давать пеленг? — не обратив внимания на реплику Мамелюка, обратился я к радисту.

— Ну-у... — затыкнул он. На том его мысль и оборвалась.

— Так, головорезы, вопрос ко всем: когда именно Петюня будет нас светить?

— Он же знает ответ, — зашептал Макс Ильдару. — Чего он над нами глумится?!

— Заткнись и думай, — ответил тот.

— Скорее всего, когда итальяно-румынская диаспора нас или начнет терять, или уже потеряет, — сформулировал ответ Петюня.

— Молодец, возьми с полки пирожок. И во сколько наступит этот счастливый миг?

— Блин, командир, ну чего ты над нами издеваешься? — протянул Мамелюк.

— Чтобы думать начали, сачкодавы! Чего расслабились?! До базы еще как до Китая, и все раком!

— Я бы дал пеленг около десяти утра, — подал идею Ильдар.

— Слава Богу, хоть один начал шевелить извилинами! Согласен. Дальше что?

— Так я ж сказал — дать деру, — подсказал Петюня.

— Я не об этом.

— А о чем?

— Что сделает итальянец, когда у него будет стопроцентная точка старта и стопроцентная промежуточная точка на маршруте?

— Ох, мать твою, — только и смог сказать Макс.

— До всех все дошло? — Я обвел взглядом свое воинство. — Славненько. А теперь повторяю вопрос: как будем светиться перед противником? Принимаются любые идеи, даже из разряда бреда.

— Давай растяжек наставим, — предложил Макс. — Даже если не подорвутся, зацепка у них будет.

— А если они их не заметят? Или остановят поиск, не дойдя до них? А если и найдут, где гарантия того, что растяжки будут поставлены нам в вину? Или ты там табличку повесишь «тута был Макс»?!

— Не прокатит такая табличка, — не согласился Ильдар. — Роджер, если ты помнишь, персонально знает тебя и Зяму. Или ты распишешься, или послание будет от группы в целом.

— Кроме растяжек, есть идеи?

— Давайте засаду устроим, — предложил Мамелюк. — Шмальнем пару раз и смоемся.

— Где именно ты предлагаешь ее устроить? — тут же отреагировал я. — Еще идеи есть? Тогда двигаемся дальше и думаем, головорезы. Думаем!

И мы двинули. Парни негромко обсуждали возможные варианты удержания хвоста и подходили ко мне с идеями. Ни одна мне не понравилась.

Минут через сорок я почувствовал запах сероводорода.

— Так, негодяи, кто-то шептуна пустил, или мы подходим к болоту, про которое мне леший нашептал?

— Командир, — сразу ответил Мамелюк, шедший рядом, — это точно не я.

— Не отмазывайся, не в военкомате!

— Да точно не я!

— Не он это, — сообщили спереди. — Видать, точно к болоту подходим, тут тоже воняет.

Через полчаса лес начал редеть, деревья стали ниже, а потом и вовсе сменились торчащими гнилушками. Воняло так, что пришлось натягивать на лицо платок. Это хоть как-то спасало от вони.

— Командир, наши тут шли, — сообщил Макс. — Вон следы Миколы.

— След четкий?

— Уже нет. Еще полчаса — и фигу кто чего найдет.

— Печально. Березы видно?

— Да, у края топи одна, через десять метров вторая.

Ко мне подошел Ильдар.

— Командир, тут охренительная концентрация сероводорода. Болото нужно преодолеть максимально быстро, чтобы не отравиться. И огня не зажигать ни в коем случае. Тут так может полыхнуть, что от нас и углей не останется.

— Полыхнуть, говоришь, может, — задумчиво протянул я. — А это мысль! Так, все дружно надеваем респираторы, становимся в цепь, приготовить веревки.

Бойцы начали подготовку к форсированию болота, а я стал обдумывать, как использовать удачно подвернувшийся сероводород. Болото находится в той части плато, откуда возможен выход по всем направлениям. То есть, если мы тут «пошумим» и привлечем внимание итальянца, он будет знать, где мы, но куда именно мы движемся — просчитать будет сложно. У него не хватит сил блокировать столько направлений. Следовательно, он сядет на хвост и будет за нами плестись, пока бегство в направлении восток-запад станет невозможным. И только тогда с севера нам навстречу пойдут румыны, а наш красавец Луиджи выдвинется к месту нашей возможной встречи. Вертушкой, несмотря на погоду, это можно сделать. Вертушкой... встреча на севере... вот оно! На севере плато Коваль ждет итальянца! Барон и Зимин должны были все рассчитать! Итальянец, радостно попискивая в предвкушении нашей поимки, ломится лично руководить завершающей фазой, прибывает на север, где его будет ждать (а скорее всего — уже ждет) замечательный парень Леха, имеющий среди америкосов прозвище Траппер — Ловец то бишь.

И что у нас вырисовывается? Первое: моих бойцов нужно срочно тормозить, чтобы лишнего не пробежали. Второе: выходить в эфир нужно сейчас, так как здесь еще есть варианты ухода с плато и наш выход в эфир даст только местоположение. Третье: надо бы этот горяче-вонючий газ как-то использовать.

— Ильдар, что нужно для того, чтобы тут все полыхнуло?

— В принципе, достаточно спичку зажечь, а для гарантии световую шашку.

— Насколько далеко от болота распространится пламя?

— Все зависит от концентрации газа и здесь, и вдоль берега. Мой химический датчик ушел в красную зону в пяти минутах ходьбы до топи. Следовательно, и там, и еще дальше будет гореть хорошо. Как обстоят дела на том берегу — не знаю. Ты хочешь использовать его горючесть?

— Хочу, только не знаю как. Либо просто его поджечь, либо мину поставить с часовым механизмом.

— А как ты считаешь время выхода хвоста сюда? Тут же главное — точно выбранный момент.

— Если поджигать вместе с хвостом, то нужно видеть все происходящее.

— Предлагаешь засаду? Барон же запретил огневой контакт!

— Ильдар, глупо давать итальянцу пеленг просто так. Он же в курсе, что мы знаем о преследовании. Следовательно, отсутствие на маршруте сюрпризов может быть воспринято им как попытка пустить его по ложному следу.

— Но мы устроили сюрприз с Наемником.

— Так нужно и дальше продолжать в том же духе.

— Но приказ!..

— Мы редко «ложили» на приказы командования? Если бы мы тупо выполняли все, что нам они приказывают, то уже давно героически погибли бы.

— Сань, я это все понимаю, но, устроив тут заварушку, не сорвем ли мы «гениальные планы командования»?

— Не сорвем. Во-первых, «гениальный план командования» заключается в передаче итальянца в цепкие руки Ковалья. Во-вторых, согласно этому же плану, мы должны

удерживать погоню на хвосте. И, в-третьих, в сложившихся условиях я не вижу иного способа привлечь внимание хвоста. Ты же понимаешь, что без подсказок они нас не найдут.

— А просто дать пеленг?

— Ну, дадим мы пеленг. Ну, засекут они нас. Дальше-то что?

— Они ломанутся на него.

— Правильно. А как ломанутся? Пешком? Не смей меня. Проще на вертушка забросить в точку выхода в эфир. И от нее уже «плясать». Ты бы не так сделал?

— Так.

— Ну, и как будут развиваться события?

— Они упадут нам на хвост.

— Упадут. Но как близко? Ильдарище, не тормози! Они не просто упадут, они нас обложат. Одна группа — на этот берег болота, вторая — на противоположный, третья — километров на десять севернее. И погнались чесать. И это в лучшем случае, про худший я и думать боюсь. Положить-то мы их положим, но какой ценой? А если подкрепление прибьет?

— Ладно, убедил, — наконец сдался Ильдар.

— Как интересно! — притворно возмутился я. — И с каких это пор командир уговаривает подчиненного, да еще и пилюлькина?!

— С тех самых пор, как ты попал в разведку! — парировал он. — Кстати, все забываю спросить: а как ты попал в разведку? Ты же гражданский, да еще и без срочной.

— Нас с Марсей в спецназ отписали, а там во время отбора Зимин шархался. Вот учителя ему нас и «слили».

— Только не говори, что вы и там инструкторов «поломали».

— Нет, до этого не дошло. Мы во время психологических тестов блеснули, и на теории преподав до истерики довели, и Зимины случайно вырубили...

— Зимины вырубили?! — судя по тону, Ильдар в это слабо верил. — Как?!

Память снова вернула меня в учебный центр Ольховского...

* * *

— Курсант, а со мной так сможешь?!

Обернувшись, я увидел полковника Зимины, который улыбался и жестами приглашал меня потягаться с ним. «Ядрена кочерыжка, — мелькнула у меня мысль, — с медведем проще побороться, чем с этой машиной. Он же меня в узел завяжет и оторвет все, что захочет».

Мыслительный процесс закрутился с бешеной скоростью.

«Сбить с ног его нереально, поймать на болевой тоже. Вырубить? Тоже нереально — кабан здоровый, мой удар выдержит, если я вообще смогу дотянуться до его физиономии. А если он меня схватит — порвет как Тузик грелку! Стоп, у меня в руках около шестидесяти килограмм живого веса, которые можно...»

— Да легко, — ответил я и метнул в него инструктора.

Такого развития сюжета не ожидал ни инструктор, ни тем более Зимин. «Воспарив», инструктор попытался ухватиться за что-нибудь, дабы не приземлиться на голову. Первое и единственное, что попало ему на пути, был Зимин. В него и вцепился маститый

айкидошник. А я не стал дожидаться, когда обалдевший полкан отдерет от себя прилетевший «подарок», и бросился к «сладкой парочке».

Подскочив почти вплотную, я уже видел, в какую именно сторону пришедший в себя полковник будет откидывать инструктора. Видел, поэтому подпрыгнул и пяткой приземлился в район коленного сустава опорной ноги полковника. Сбоку приземлился. Не всем весом, чтобы не сломать колено, а по касательной. Но и касательного удара хватило, чтобы Зимин осел на атакованную ногу и начал заваливаться под своим весом и весом инструктора. Я же приземлился позади полкана, развернулся и ударил его в затылок. Ударил тоже несильно, но затылок — это такая хрупкая, я бы сказал, интимная часть черепа, его, как ни старайся, не «набьешь». В общем, Зимину хватило, и он упал, придавив айкидошника.

Я наконец смог выдохнуть и наблюдал, как подбежавший Марсель переворачивает Зимина на бок, чтобы вытащить из-под него инструктора. Тут я обратил внимание, что в зале стоит тишина. Единственными источниками звука были хохочущий Марся и матерящийся айкидошник. Я обернулся. В зале замерли все. И молча на нас таращились. Думаю, если бы в зале внезапно появился главком, тишина была бы не такой звенящей. Наконец, от дальней стены отделились два человека — Ольховский и заведующий кафедрой физической подготовки нашего учебного центра. Завкафедрой поспешил к Зимину, а Ольховский подошел ко мне, внимательно посмотрел мне в глаза и очень искренне, очень, сказал:

— Сынок, ты даже не представляешь, что ты сделал! Сегодняшний день войдет в историю нашего учебного центра. И войдет он как праздничный день! И назовем мы его «День поражения Святогора»! Я даже не мог предположить, что Зимин может проиграть в рукопашном бою. В моих самых смелых мечтах я не мог представить, что он проиграет моему курсанту! Спасибо, сынок! Уважил старика!

Он подошел, пожал мне руку и обнял, похлопав по спине.

— Обрубленную культяпку тебе поперек рыла, Ольховский! Со вчерашнего дня он не твой курсант, а мой! — начал разрушать мгновения счастья быстро пришедший в себя Зимин. — Поэтому празднику — «дробь»; пельмени разлепить, мясо — в морозилку, муку в — шкаф! — Он сидел на полу и задумчиво тер ушибленный затылок. — Ты всегда дерешься нечестно? — обратился он ко мне. В его голосе не было ни обиды, ни злости. Было только странное удовлетворение.

— Почти всегда, — осторожно ответил я.

— Почему? — чуть прищутив глаза, продолжил допрос Зимин.

— Для достижения цели мне неважны методы и средства. Мне важен результат. А когда дело касается собственного здоровья — мне трижды покласть на честность и спортивный дух.

— А кореш твой, — кивнул он в сторону Марселя, — такой же «благородный»?

— Когда он в паре со мной, то тоже пакость первостатейная, но когда оказывается один — становится честным.

— Очень хорошо. — Зимин поднялся с пола, проверил колено и, не обнаружив ничего криминального для своего организма, спросил: — По колену лупил вскользь?

— Да. Если бы приложился всей массой — наверняка бы сломал.

— Молодец, соображаешь. А почему не стал ломать?

— А зачем мне своего калечить?! — удивился я.

— Из «спортивного» интереса.

— Я садизмом не страдаю. Это не мой «спорт»!

— Еще лучше! В затылок тоже вполсили бил?

— Ага.

— Спасибо, боец. — Он повернулся к Ольховскому. — Так, дружище, слушай команду: сейчас открываешь преподавательский зал, отправляешь туда Чена, Иванныча и этих двух красавцев, выдай всем защитную снарягу. Завтра, после завтрака, этих двух, если выживут, отправляешь к Пиеню и Ившину. Задача кафедральных — выяснить их потенциал. Послезавтра их же на растерзание Черепу. Если к вечеру с ума не сойдут, то в четверг я их заберу.

Ченом оказался Ченгизов Марат, тренер по кекушинкай карате-до, наш одноклассник, а Иваннычем, которому было под полтинник, Александр Иванович Кузнецов, тренер по вольной борьбе. Как потом выяснилось, не только по вольной. Эти двое до конца дня вили из нас веревки, пытались отбить нам максимальное количество органов и сломать максимальное количество костей. Если бы не защита — отбили и сломали бы точно.

Вечером, когда мы еле стояли на ногах, к нам зашел Зимин:

— Как они?

— Сунгатова бить бесполезно, — ответил Чен, — держит почти все удары, а если попасть под его удар, то будет нокаут, в лучшем случае. Он стопроцентный панчер. Правда, медлителен и предсказуем. У Трофимова удар не такой сильный, но отличная скорость и реакция. Плюс его качественно научили ломать людям кости. Как только он со мной переходил в партер, мне ничего не светило. И он все время пытается использовать запрещенные приемы. Что такое «спортивное поведение», он не знает.

— Значит, подленький, говоришь? — расплылся в довольной улыбке Зимин.

— Не то слово, — подтвердил Чен.

— А как он удары держит?

— Не знаю, — хмыкнул он, — я в него толком ни разу не попал. Говорю же, реакция отличная.

— Иванныч, чего ты скажешь? — обратился Зимин к борцу.

— Хорошие парни, — вздохнул тот. — Марселька очень силен. Очень. Если бы не подножки и зацепы, я бы его уронить не смог. А Сашку вообще хоть инструктором по СамБО ставь. И еще, Петрович, они в паре натасканы биться.

— С чего ты взял?

— Фингал у Маратки видишь?

— Вижу.

— Это они его на двоих развели. Он их в паре «прокатывал», так эти паразиты встали один за другим: малой — спереди, длинный — сзади. Сашок дал команду, Марселька «показал», что бросается в ноги, Маратка повелся. Марселька «прилег», недопрыгнув до него чуток. И пока Маратка соображал, Сашка ему маваша гери и зарядил. Он увернулся, но не до конца. И со мной они четко сработали: малой по корпусу метелил, а длинный в голову, и все ногами, засранец.

— Значит, с рукопашкой проблем нет, — удовлетворенно резюмировал Зимин и потрогал свой затылок.

— Нет, — улыбаясь, глядя на Зимина, подтвердил Иванныч. — У себя научите убивать — и все.

— А сами? — хитро спросил Зимин.

— Ты же знаешь, Барону не нравится наша техника, — все так же неспешно отвечал

Иваныч. — На его просвещенный взгляд, слишком много крови и лишних движений. Поэтому сами, господин полковник, сами. Пусть Кочергин потеет. Ему за это деньги и платят.

— Ну, сами, так сами, — согласился Зимин. — Вам, мужики, спасибо большое. С меня причитается, — обратился он к инструкторам. — А вы, «мясо», — кивок в нашу сторону, — мыться, жрать и спать. Завтра яйцеголовые вас проверять будут.

— Опять психиатры? — рискнул спросить я.

— Нет, психиатр — послезавтра. А завтра два ведущих препода по тактике и стратегии, если так можно выразиться, прочтут вам за полдня курс лекций, который остальным читают три месяца; вторые полдня они будут устраивать вам экзамены по пройденному материалу. И не дай Бог, они вас забракуют, — пригрозил Зимин, — рядовыми в пехоту отправлю!

Мы были настолько уставшие, что не стали ни возражать, ни возмущаться, а тупо потопали в душ. После мытья усталость чуть спала, но начали болеть отбитые инструкторами части организма. У меня левая рука была одним сплошным синяком от бесконечных блоков и сильно ныло левое бедро, которое Чен пару раз все-таки пробил лоу-киком. Остальное болело не так сильно и, в основном, в районе ребер. Ребра мне намял Иваныч. У Марси дело обстояло хуже. Удары он почти не блокировал, не считал нужным, поэтому Чен отбил ему обе ноги и ребра слева. Марся двигался медленно, все время поминая каратиста недобрым словом. В столовую мы пришкрябали, когда все уже отужинали и дежурные заканчивали уборку. Несмотря на это, нас не только пустили и усадили за стол, но и принесли еду, хотя по правилам за ней ходили сами на раздачу.

— Ну, как вы, сынки? — голосом, полным сочувствия, спросил пожилой повар, присевший к нам за стол. Остальные или расположились по соседству, или курсировали в зоне слышимости.

— Спасибо, отец, мерзопакостно, — ответил я.

— Меня дядей Сережей зовут, — представился он. — А как вас звать, я и так знаю. Все знают, — и усмехнулся, после чего с жалостью переспросил: — Очень плохо?

— Меня, дядя Сережа, так в годы дурной молодости не дубасили, — пожаловался Марся, — а годы были очень дурные. Да, Санек?

Я кивнул, соглашаясь с другом.

— Сколько раз Чен вас вырубал? — поинтересовался сзади рыжий поваренок.

— Ни разу, — чуть удивленно ответил я. — А он мог это сделать? Ему разрешено?

— Инструкторам можно все, — ответил за подчиненного дядя Сережа и злым жестом показал, чтобы любопытный поваренок продолжал драить пол. — Последнего... как его... а! Богданова, Чен четыре раза укладывал, один раз даже врача приводили. А вы-то как не легли?!

— Мы слишком быстро бегаем, — отшутился Марся.

— Бегаете быстро... — протянул он. — От Чена не убежишь... Не зря, значит, Святогор на вас обзарился. Вам же еще кафедральных и Черепа проходить?

— Завтра и послезавтра, — подтвердил я. — Можете чего про них рассказать?

— Пимень и Ившин — это заведующие двух местных кафедр. Полковники. Мужики классные, но как преподавы — зверье. Преподают очень хорошо, но спрашивают еще лучше. Процентом тридцать отчисленных на их совести.

— А предшественник наш, Богданов, да? Как он их прошел?

— Со второго раза.

— Почему? — вяло поинтересовался Марсель. От плотного ужина его начало клонить в сон.

— Я ж вам говорил: Чен его четыре раза вырубал. Он на теории как зомби сидел. Одна оболочка без признаков ума. В первый день они и до середины лекций не дошли. А на второй день ничего, на троечку вытянул.

— А были случаи, кто не вытягивал? — спросил я.

— Как не быть, были! Я же сказал: до войны тридцать процентов по их милости вылетало. Но больше всех, конечно, Череп валит.

— А это кто такой? И почему Череп? — продолжал я пытаться собеседника. Марся уже вовсю кемарил.

— Полковник Черепанов, психиатр, доктор медицинских наук, бывший сослуживец Зимина, как и Ольховский.

— Так из-за этого Зимин панибратствует с начальником?

— И из-за этого тоже. Они по молодости лет десять в одной группе ходили. Зимин у них за старшего был.

— А почему Ольховский генерал, а эти полканами бегают?

— Зимин воюет до сих пор, ему никто генерала не даст. Черепу звания до фонаря, он в профессора метит, а Ольховский как после ранения из их группы ушел, так в преподы и подался. А там академия подошла, и сослуживцы бывшие помогли.

— Понятно. А что еще про Черепа скажете?

— Ну, что сказать... мужик он хороший, но со странностями. Хотя, при его профессии, любой странным станет. Года два назад у курсанта родители погибли в автокатастрофе, так он с горя чуть умом тронулся. Его уже списать хотели, но Череп не дал. Три недели с ним возился и вправил пацану «крышу». До войны он к нему приезжал, подарки привозил, капитан уже.

— А что он с нами делать-то будет? Нам и так уже все мозги перерыли.

— Он, говорят, гипнотизер! — подал голос все тот же рыжий поваренок, который, заслушавшись своего начальника, перестал тереть пол.

— Ты, дармоед, если работать не будешь, я тебя с кухни мигом прогоню, — рыкнул на него дядя Сережа. — Знал бы еще, что мелешь, бестолочь!

— Действительно гипнотизер?! — переспросил я.

— А черт его знает, — честно признался он. — Но к нему очень боятся попадать. Он, говорят, душу выворачивает.

— Как так?

— Не знаю, сынок, ей-богу, не знаю. Но вас специально выматывают перед тем, как к нему отправить. Я краем уха слышал, как он Зимину говорил, что с Богдановым они перестарались. Дескать, не нужно до такого состояния доводить, что он, ну, Череп, в такой помощи не нуждается.

— Понял, дядя Сережа. Спасибо за ужин! Марся, подъем, мать твою!!

Тот, недовольно ворча, начал подниматься.

— Тебе помочь?

— Давай, ноги вообще не держат. Ну, Чен, ну, сука!!!

— Не ругайся. Сам виноват! Сколько раз тебе говорил: ставь блоки, ставь блоки. Так ить нет! Встанет как столб, и ждет.

Я закинул руку Марси себе на плечи и поднял его. Таким тандемом мы и вышли из

столовки. Как только двери за нами закрылись, Марся тут же поинтересовался:

— Как ты считаешь, все, что напел нам дядя Сережа, — это правда?

— Так ты, хитрая татарская морда, не спал?!

— Уснешь тут! У меня ноги болят, как будто по ним битами били. Так что скажешь?

— Думается мне, друг мой колченогий, что все, что нам наплел добрый дядя Сережа, — это часть экзамена, в который нас втравил Зимин.

— А цель какая?

— Простая, — охотно пояснил я. — Не знаю, как ты, но я этого Черепа уже не люблю, а кое в чем и опасуюсь. И опасуюсь благодаря доброму повару. То есть к Черепу на растерзание я попаду не только вымотанным умственно и физически, но и с «играющим очком», что Черепу, психиатру, гипнотизеру и чернокнижнику, на руку! Мы уже будем эмоционально расшатаны.

— Чернокнижнику? — встрепенулся Марся.

— Не грузись, это я для антуража добавил.

— А почему ты думаешь, что повар в сговоре?

— Мы с тобой не в ПТУ поступаем на сантехников. Мы в армии, мать ее, война идет, ес мать, и готовят нас к переводу из обычной офицерской разведшколы в какую-то супер-гипер-пупер-сверхсекретную. Как ты думаешь, персонал тут сильно болтливый? А если бы и был таковым, то долго бы он тут продержался? Дядя Сережа, по сути, ничего секретного нам не рассказал, а вот соответствующий настрой задал. Ты как?

— Ноги вообще отваливаются.

— А башка?

— Чему там болеть, — усмехнулся он, — там же кость.

— Ладно, костлявый, давай двигаться к кроватям, а завтра, чуёт мое сердце, потащу я тебя утречком в лазарет. Говорил же идиоту: ставь блоки!

— Ой, Санек, не выноси мне мозг, он и так болит.

В спальне нашей учебной группы не спал никто. Ждали нас. К такому выводу я пришел, когда мы туда вползли (по-другому не назовешь). Все разговоры моментально стихли.

— Привет честной компании, — поприветствовал я присутствующих.

— Как вы? — спросил старшина группы, чернявый здоровяк Вова.

— Мужики, без обид, но расскажу кратко. Нас Чен с Иванычем так отмудохали, что не представляю, как завтра вставать будем.

— Да, — посочувствовал Вова, — обработали вас качественно. И еще. Приказано вам передать, что сразу после завтрака вы должны явиться на кафедру к Пивеню. Ну, рассказывай.

Я положил Марсю на кровать, разделся, залез на второй ярус и начал:

— Проверку по рукопашке мы прошли. Так, по крайней мере, сказали и Чен, и Иваныч. Для тех, кто не знает: Чен — каратист, Иваныч — борец. При этом Иваныч хорошо владеет и вольной, и дзюдо, и самбо. Месили они нас в защите, но приятного все равно мало. Завтра нас тестируют по теории, а послезавтра из нас будет душу вынимать Череп. Местный психиатр. Говорят, жуткий человек.

— И что вы будете делать? — спросил Вова.

— Спать, Вова. Мы будем спать.

Утро началось с ругани Марси. Как и вчера, он в три этажа крыл Чена.

— Ты ходить можешь? — Я свесился с кровати и посмотрел вниз на сидящего Марсея.

— Нет, — хмуро выдал он, рассматривая свои распухшие, посиневшие ноги, — но не это самое страшное.

— Развивай мысль.

— Если в течение пяти минут в сортир не попаду — обделаюсь.

— Едрить твою! — Я спустился и стал изучать его ноги. Выше колен не было ни одного живого места — сплошной синяк, что с наружной стороны, что с внутренней.

— Так, бревно, ты стоять вообще можешь?

— Стоять могу.

— А ходить?

— Только под себя, — попытался пошутить Марсель.

— Кончай дурить. Я тебя сейчас в сортир оттащу, а потом в лазарет пойдем.

— Не хочу я в лазарет.

— Ну, извини, родной, борделя тут нет.

— Санек, могу я ходить, но без поддержки очень медленно. Так что не выноси мне мозг, тащи в сортир, а потом завтракать. Нам еще на экзамен идти.

Я внимательно посмотрел на него и по его взгляду исподлобья сделал вывод, что спорить бесполезно. Марся включил режим «быка».

— Пошли, чучело упертое. Вспомним молодость. — Как и вчера, тандемом пошкрябали в туалет.

— Эх, — ударился в воспоминания Марся, — где же наш Дворец культуры, с его дискотекой, волшебная колонка с водой и мамкин самогон...

— Не трави душу, — заткнул я его. — Ты еще девок наших вспомни и сеновал Таракана...

На завтрак мы опоздали, но сердобольный дядя Сережа предвидел такой сценарий: в углу нас ждал накрытый стол. Мы очень быстро все смели и с максимальной черепашьей скоростью пошли на растерзание к двум хорошим мужикам — Пивеню и Ившину...

Занятия начались в 8.10. В 15.42 в кабинет вошел хохочущий Зимин.

— Зачем звали, теоретики? — спросил он у двух хороших мужиков.

Хорошие мужики мною и Марсей были доведены до бешенства и накинулись на Зимина, как бультерьеры на кусок мяса:

— Зимин, сука, забирай этих засранцев и учи у себя в «Валгалле».

— Так, — строго рыкнул на них Зимин, — слюни подтерли, дышим глубоко и ровно и рассказываем, как два гражданских оболтуса умудрились вас обоих довести до кипения.

Ившин молчал, а Пивень действительно сделал два глубоких вдоха и начал:

— Пока шла начитка, все было хорошо. Трофимов даже конспектировать пытался и вопросы умные задавал.

— А Сунгатов?

— Сидел молча и делал вид, что слушает. Петрович, — Пивень забавно потер нос, — его бы в лазарет. Судя по походке, Чен ему ноги отбил, к нехорошей маме. И все мысли курсанта — о болящих ногах и, судя по глазам, как бы Чену голову оторвать. Мы ему обезболивающего дали из своих запасов, но скоро оно закончит действие.

— Перебьется без лазарета, — строго ответил Зимин. — В следующий раз будет думать, прежде чем кекушинкаевцу подставляться. Дальше?

— После начитки начали мы с простого. Трофимов задачи быстро щелкал, Сунгатов с большой задержкой, у него все мысли об отбитых ногах. А потом мы перешли к сложному. — На слове «сложному» голос Пивеня начал срываться на крик.

— Развивай мысль, развивай, — с улыбкой потребовал Петрович.

— Развиваю! — шумно выдохнул Пивень, пытаюсь успокоиться. — Сунгатов отвечал на трочку, но в рамках стандарта.

— А Трофимов? — вкрадчиво поинтересовался Зимин.

— А твой Трофимов, мать его, — вместо Пивеня зарычал Ившин, — задачи решал, но через жопу!

— Поясни, — улыбаясь, попросил Зимин.

— Чего пояснять?! Дается задача: расписать порядок действий разведгруппы в случае обнаружения противником на марше. Так он вместо стандартных ответов вынес нам мозг уточняющими вопросами, а потом предложил такое решение, что у нас волосы дыбом встали. Петрович, он не разведчик! Он — каратель! Мясник! Таких фокусов даже Коваль не откалывал!

— Так, Андрей, успокойся, — попросил Ившина Зимин. — Скажи для начала: ответил он правильно?

— Правильно, — хмуро бросил тот.

— Тогда что вас смущает?

— Так он, гаденьш мелкий, на все задачи предлагал нестандартные решения. Спорил с нами. Ты не знаешь, как он, оказывается, умеет спорить! Доказывал с пеной у рта!

— Стоп! — обрубил Зимин преподав. — Выводы готовы?

— Да!

— Давайте устно, заключения напишете позже. Первым — Сунгатов.

— Годен, — ответил Пивень, — на лейтенанта тянет. Умен, в меру инициативен. Предсказуем и управляем. К лидерству не склонен, но в случае необходимости может взять командование на себя. К решению поставленных задач подходит стандартно. К потерям среди личного состава относится как к неизбежному злу. В бою с противником будет чрезмерно жесток.

— Хорошо, — удовлетворенно заметил Зимин. — Теперь ваш любимый Трофимов!

— Этот, — зарычал Пивень, — годен, мать его! Хоть завтра капитана давай! Но, Петрович, он непредсказуем. Абсолютно!

— Управляем? — перебил тот.

— Управляем, но только в рамках поставленной задачи. Способ и пути выполнения задачи он будет выбирать сам, несмотря на полученные приказы!

— Я так мыслю, что противнику просчитать его действия будет сложно? — уточнил Зимин.

— Именно.

— Дальше!

— Очень хороший аналитик, без сомнений. По натуре лидер, но не рвется командовать, предпочитая быть «серым кардиналом». При решении задачи руководствуется, в первую очередь, соображениями о сбережении личного состава. Понимаешь, Петрович, он готов решить поставленную задачу, но вывернет все так, чтобы его подчиненные были в максимальной безопасности. В отступлении и даже бегстве не видит ничего страшного. Готов сделать несколько попыток для выполнения задачи. При этом крайне осторожен, я бы

сказал, маниакально.

— А чего вы там про карателя и мясника визжали?

— Ему плевать на средства и методы, необходимые для получения информации и выполнения поставленной задачи. При этом без зазрения совести он говорит о таком, что Коваль, ты слышишь, Петрович, Коваль не предлагал. пытки рассматривает как один из первостепенных и надежных способов получения информации. Он даже про акции устрашения говорил! И это человек, который про международное гуманитарное право знает не понаслышке! Правовой нигилизм у него выражен в патологической форме.

— Какой нигилизм? — наморщив лоб, переспросил Зимин.

— Правовой, — ответил Ившин и, глядя на недоумевающего полковника, добавил: — У него и спроси. Он юрист, он знает. И еще: готовься к многочисленным претензиям со стороны вышестоящих офицеров. Эти двое, — он красноречиво ткнул пальцем в нашу сторону, — будут не только гадить. Они и отмазываться будут на раз.

— Ну и нагородили, — подвел итог Зимин. — С такими характеристиками мне их проще к «стенке» поставить.

— Ой, Петрович, — махнул рукой Пивень, — чего ты нам-то сказки рассказываешь?! У них на лбу, как у Вовы Шарапова про его десять классов, написано: «выпускник „Валгаллы“». Так что пусть Череп завтра их по «малому кругу» прогонит, и забирай их к чертям собачьим.

— С такими характеристиками, — возразил он. — Череп их как раз «по большому» прогонит. Он любит, когда мыслят нестандартно.

— Пусть, пусть «по большому»! — ехидненько согласился Ившин. — Может, и у Черепы череп закипит!

— Вот завтра и проверим. Так, бойцы, на сегодня свободны. Завтра к восьми утра в кабинет к полковнику Черепанову. И помните: на вас смотрит все прогрессивное человечество!

* * *

— Как, как? Случайно, Ильдар, случайно. — Я вернулся в суровую реальность.

— Так это про вас легенды ходят? — не унимался Ильдар.

— Не факт. Да выкинь ты это из головы. У нас сейчас проблема гораздо серьезнее, чем боевая подготовка вышестоящих командиров. Что у нас вырисовывается: к моменту, как мы форсируем болото, итальянцы и румыны должны найти Наемника. Следовательно, после того, как мы тут все подготовим к встрече, можно давать пеленг. Ильдар, твоя задача — рассчитать площадь пожара на том берегу болота. С этим берегом и так все ясно.

— Что будем ставить?

— У меня есть четыре термитовских самопала, дистанционных. Два поставим тут, два — на том берегу.

— А сигнал на сколько бьет?

— Термит говорил, на пять километров.

— Это хорошо! — одобрил Ильдар.

— Так, болтливый друг мой, вы с Петюней первыми валите на тот берег. Свою задачу ты знаешь. А Петюня... Петюня, ты меня слышишь?

— Слышу, — отозвался тот.

— Ходь сюды. Слушай приказ: с Ильдаром валите первыми на тот берег, там ты готовишь шифровку. Пиши текст.

— Говори, я запомню.

— «„Первый“ — „Осколку“». Движение прекратить. Спрятаться максимально глубоко. Из-за дождя хвост потеряет след. Готовим засаду в точке пеленга. Если к двенадцати часам текущего дня не выйдем к месту лежки, уходить на базу. Возможен поиск противником, а также движение противника на блокирование путей отхода. Целую, Лелик».

— Про Лелика тоже передавать? — уточнил Петюня.

— Обязательно. Иначе ни Марся, ни Коваль не поверят.

— Ты серьезно?

— Не задавай глупых вопросов. Передавай. И передавай не по «Библии», а общим шифром, чтобы и Коваль смог понять.

Петюня и Ильдар отправились форсировать болото, а я отослал двоих ставить взрывчатку. Если все правильно рассчитал, то вспыхнувший газ должен накрыть десант по обоим берегам болота. Вот только как их к болоту подманить? Та группа, что высадится на этом берегу, к болоту подойдет, а вот поисковики на противоположном берегу могут к топи и не приближаться, а просто подождать, когда коллеги закончат прочесывание и переберутся к ним. Значит... значит... значит... нужно чем-то их подманить. Чем? Что можно засунуть в болото, которое окажется в центре пожара? Какой предмет привлечет внимание и в то же время не отпугнет преследователей?

Так, что у меня есть интересного, но ненужного? У меня есть инфракрасные маяки с дистанционным управлением для подачи сигнала вертолету. Второй год таскаю комплект и ни разу им не воспользовался. Вертолеты категорически не хотят нас забирать. Наземная техника, кстати, тоже. Только один раз на бэтэрах доехали. И то наша колонна случайно мимо шла. А во всех остальных случаях и уходили, и приходили на своих двух. Вот этим маяком и попробуем привлечь противника с нашего берега. Десант его не заметит, оборудования у них нет, а пилоты вертолетов — обязательно. Соответственно, нужно взять маяк и установить его так, чтобы пучок лучей от него бил в сторону берега, на котором мы сидим. Чтобы десант именно с нашего берега пошел на него посмотреть. Шансов на это, конечно, не много, но не попробовать я не мог.

Ко мне подошла пара бойцов.

— Командир, взрывчатку поставили, — доложились они.

— Добро.

— Как ты думаешь, они вертушки постараются посадить или на тросах спустятся?

— Скорее всего, на тросах. Для вертушки тут места почти нет.

— Так, может, в этот момент из буров по вертушкам и жажнуть?! — поступило предложение.

Я промолчал, но скорчил такую злобную рожу, что парни не стали переспрашивать и поспешили к месту форсирования.

— Командир, — позвал меня Макс. — Ильдар и Петюня уже на том берегу, парни пересекают болото, пора и нам.

— Пошли.

У самого берега я сразу провалился по самую задницу. Снаряга моментально не промокнет, но пребывание в воде более пяти минут исправит этот «недочет». Хорошо, хоть

она быстросохнувшая.

Мы с Максом двигались замыкающими. Когда преодолели две трети пути, я нашел подходящую кочку и воткнул туда маяк. Проверил угол наклона, включил. Чем ближе мы подбирались к берегу, тем мельче становилось болото. Леший не обманул: кикимор действительно выбрал оптимальный путь через свое «хозяйство».

Почти добравшись до берега, я остановился и резко обернулся назад. Оглядевшись, не увидел никого, кто мог бы на меня смотреть. А остановился я именно из-за ощущения, что кто-то смотрит мне в спину. Потоптавшись на месте, уже собрался выходить на берег, но заметил сидящую в трех метрах от меня большую лягушку. Или жабу? Плохо я в них разбираюсь. Пробурчал ей: «Вали отсюда, дуреха. Скоро тут будет ад». Пробурчал и замер. Леший попросил кикимора обеспечить нас дорогой, а мы вместо благодарности драку затеваем. С другой стороны, выхода у меня нет. Еще раз обернувшись, я взглянул в том направлении, откуда, на мой взгляд, на меня кто-то смотрит, и сообщил в никуда: «Кикимор, спасибо большое за дорогу. Без тебя бы не прошли. И извини, ради всех святых, но на твоей земле мы вынуждены устроить засаду. Скоро тут будет большой пожар, не говоря уже о возможном обстреле с воздуха. Если это в твоей власти, уходи и уводи своих». Жаба или лягушка громко квакнула и, вопреки здравому смыслу, стартовала в сторону берега.

Я тоже выбрался на берег, а Макс, выдернув предпоследнюю вешку, выкинул всю охалку подальше в трясину. С последней вешкой он поступил так же.

— Хорошо, что лето, — высказался он, выйдя на берег, — зимой через болото я бы не пошел.

— Куда бы ты делся? — не согласился я. — Полез бы с песнями и пионерским задором!

— Может быть... Но все равно хорошо, что лето.

— Хорошо, хорошо. Двигай давай. Вон Петюня нам семафорит.

Подожли к радисту.

— Командир, шифровка готова.

— Ильдар, зону возгорания высчитал?

— Высчитал, парни там уже окапываются вкруговую.

— Молодцы. Теперь слово за тобой.

— Понял.

Петюня разложил рацию, присобачил к ней ключ, выдал в эфир предупреждение о передаче, засек на часах тридцать секунд и мгновенно выдал в эфир шифровку.

— А нас засечь-то успели? — поинтересовался Макс, замороженно глядя на радиста. Работа Петюни с вверенным оборудованием всегда нас завораживала. Очень четко и быстро он все делал.

— Не дрейфь, толмач, пеленг на болото они точно возьмут, — заверил радист.

— Скоро узнаем, — прокомментировал я ситуацию. — А пока пошли готовиться к встрече.

Лежки парни приготовили хорошие, впрочем, как всегда. Залегли и стали ждать.

— Командир, как ты думаешь, когда ждать гостей? — поинтересовался Петюня.

— В течение часа. Это если поисковые группы были высажены. Или в течение двадцати минут, если группы еще были в вертушках.

— Есть контакт! — сообщил Макс, который сидел рядом с радистом и постоянно слушал эфир.

— Конкретнее, — попросил я.

— Твои худшие опасения подтвердились: нас запеленговали, когда вертушки еще были в воздухе, — Макс замолчал, продолжая слушать румын. — Короче, нас ищут пять групп, по вертушке на каждую группу. Две сейчас сядут у входа в долину искать Наемника, а три стартовали в нашу сторону.

— Добро, ждем.

Потянулись минуты ожидания. Ненавижу ждать. У нас только Мамелюк и Олег равнодушны к этому процессу, но их специально натаскивали.

— Командир, — зашептал Мамелюк, — интересно, кто подорвется на нашем сюрпризе?

— Если вообще подорвутся, — засомневался я.

— Должны! — убежденно прошептал Мамелюк.

— Саня, — зашептал справа от меня Ильдар, — а как вы Черепа прошли?

— Какого Черепа? — не сообразил я.

— Психиатра, в школе Ольховского.

— О Господи, нашел время вспомнить!

— Да ладно. До прилета вертушек еще есть время. Не молча же сидеть...

Я усмехнулся, вспоминая события «давно минувших дней»...

* * *

— Запомните, салаги, — рядом с нами перед дверьми кабинета Черепанова стоял Зимин. — Череп из вас душу вынет. И, может быть, засунет ее обратно. Сунгатов, заканчивай уже ляжки себе наглаживать! Извращенец недобитый!

— Так болят, спасу нет! — пожаловался Марсель.

— А нечего было под удары Чена подставляться! Он мне однажды случайно лоу-кик пробил, так у меня даже волосы на затылке вспотели. А ты, дурак, все на себя принимал! Блоки надо ставить, блоки! Вон кореш твой хорошо увертывался, так и выглядит молодцом.

— Да хрен с ним, с Ченом, — огрызнулся Марся, — поймаю где-нибудь в темном коридоре и отмудохаю.

— Ну-ну, мудохальщик, — усмехнулся Зимин. — Смотри, сам в этом темном коридоре не останься...

— А что он сделает против ковша обварного кипятка? — задал Марся свой любимый вопрос, озвучиваемый им каждый раз, когда речь идет о рукопашной подготовке соперника.

Зимин от удивления даже рот открыл. Видимо, такой нестандартный подход к нападению на инструктора ему никто не предлагал.

— Надо запомнить... — только и сказал он.

— Товарищ полковник, — встрял я, — может, про Черепа еще что-нибудь расскажете?

— Ах, да, — встрепенулся он, — если Череп даст положительное заключение, поедете со мной в «Валгаллу».

— А это что такое?

— Это билет в другой мир.

— На тот свет что ли? — спросил Марся.

— Если будете кончеными идиотами, то на тот свет. А если не будете, то шансов выжить на этой, да и на любой другой войне у вас будет в десять раз больше, чем у любого другого офицера спецназа.

— Да пес с ней, с «Валгаллой», — перебил я Зимина, — возвращаемся к Черепу. Как получить положительное заключение?

— И главное, — добавил Марся, — нужно ли оно нам? Нас и тут неплохо кормят...

Зимин очень внимательно посмотрел на Марсю. Тот как-то сразу стушевался и замолчал.

— Значит, так, недоумки, — с нажимом сказал Зимин, — если не пройдете Черепа по собственной инициативе, поедете рядовыми на передовую. Сегодня же!

— А если он забракует? — кисло поинтересовался я.

— Если он, то останетесь здесь и будете до конца жизни жалеть.

— Ладно, убедили, — согласился я. — Подробности про Черепа будут или нет?

— С вами будет обычный разговор, что называется «за жизнь». В процессе беседы он и «заглянет вам в душу», посмотрит, пощупает и «отпустит».

— А нам-то что говорить? — робко поинтересовался Марся.

— Правду, сынок! Обмануть его еще никому не удавалось. — Зимин замолчал, а потом, что-то вспомнив, добавил: — Запугать, кстати, тоже.

— А были прецеденты?! — удивился я.

— Была пара полудурков, — усмехнулся Зимин. — У него же вид совсем не боевой. В жизни не подумаешь, что он «Героя» в свое время получил за то, что в рукопашной одиннадцать человек положил за пять минут.

— И что стало с теми полудурками?

Ответить Зимин не успел. Электронный замок на двери кабинета Черепа щелкнул, дверь открылась, и из глубины кабинета послышался голос:

— Святогор, радость моя, ты долго там курсантов мурыжить будешь?

— Вот паразит, — выругался Зимин и громко спросил: — У тебя камера в дверях?

— И не только в дверях, — «порадовал» нас Череп. — Короче, Петрович, курсантов ко мне, а сам иди на узел связи. Там тебя, скорее всего, уже ждут.

Зимин в очередной раз матюгнулся и подтолкнул нас в кабинет. Мы вошли. Кабинет был очень интересным. Я бы сказал, безумно.

Во-первых, в комнате не было окон. Вообще. Во-вторых, первое впечатление, которое складывалось при входе: мы попали или в музей, или в магазин, торгующей антикварной мебелью. Все было старинно и красиво, добротно и функционально. И запах был особенный. У меня обоняние очень острое; аромат полыни, который примешивался к запаху старой мебели, заставил меня осмотреться в поисках веток этого горького и неуместного здесь растения.

Поиски прекратились быстро, едва взгляд наткнулся на картины, заменяющие обои.

Даже не картины, а огромные мозаики. И не простые мозаики, а очень качественные и тематические. Левая от входа стена была полностью посвящена судебной медицине, а точнее той ее части, что касалась тяжелых телесных повреждений, а также предметам, которые эти повреждения наносят. Кусочек криминалистического музея, так сказать. У нас на факультете первое время был такой. Первокурсникам было жутковато.

Бегло осмотрев разновидности колотых, резаных и рубленых ран (в основном лица и головы), я повернул голову к правой стене. На этой мозаике взгляд задержался подольше. Картина была смесью анатомического атласа, а точнее — его раздела, посвященного мочеполовой системе обоих полов рода людского, — и выжимки из двух великих трактатов — «Камасутры» и «Цветов персика». Основные позы, изображенные на миниатюрах, были выполнены очень качественно и во всех подробностях. Даже стоя у двери, я мог рассмотреть черты лица (и не только лица) мужчин и женщин.

Хмыкнув, я повернулся к двери. На мозаике, оказывающейся за спинами вошедших, был изображен ад. Все в красно-багровых тонах, кругом котлы и черти, однако душ грешников не наблюдалось. Поискав хоть кого-нибудь из «посетителей» ада, я заметил на одном из котлов табличку с надписью «Санитарный день».

Рассмеявшись, повернулся к стене, расположенной напротив двери. Предчувствие меня не обмануло. На ней красовался рай, также без посетителей и обслуживающего персонала. В центре громоздились белые и очень пушистые облака, из которых, благодаря правильно поставленному свету в кабинете, выплывал белый стол и сидящий за ним человек в белом халате. Сообразив, что этот человек и есть полковник Черепанов, я вытянулся по стойке смирно, но, увидев, что Марся никак не реагирует на хозяина кабинета (он был поглощен прелестями «развратной» стены), я отвесил ему подзатыльник и кивком указал на улыбающегося врача. Марся перевел взгляд на хозяина, охнул и тоже замер.

— Ничего, молодые люди, я могу подождать, — с улыбкой заговорил с нами хозяин кабинета, — это обычная реакция людей, впервые тут бывающих.

Голос полковника лился ручьем (другого слова не подобрать). Лился, журчал и проникал прямиком в мозг. К обладателю такого голоса сразу возникала симпатия и желание делать все, что он говорит. Подобное ощущение было и у Марсея: он даже подошел к «развратной» мозаике, чтобы получше все рассмотреть. Однако через минуту я вышел из оцепенения и зашипел на Марсю:

— Марся, ты тут еще онанизмом займись, извращенец-переросток.

Марся очнулся, помотал головой и встал рядом.

— Присаживайтесь, молодые люди, — полковник указал на кресла возле стола.

Мы послушно сели, и я наконец смог рассмотреть его. Рассмотреть и едва сдержать смех. Более тщедушного и смешного человека я еще не видел. Неудивительно, что у полудурков, о которых говорил Зимин, возникла мысль запугать доктора. Голова его была абсолютно лысой. Заостренные уши плотно прижаты к черепу. Лицо без морщин, но с множеством шрамов. Тонкие губы, тонкий нос, а глаза... Таких глаз я еще не видел. Миндалевидные и пронзительно синие. Его взгляд проникал внутрь и заставлял не только не делать резких движений, но и дышать через раз.

Введя в транс меня, полковник перевел внимание на Марсю. Марся уставился на него и «поплыл». Зря он так. Меня нельзя надолго оставлять без внимания. У меня есть две особенности, о которых мало кто знает. Первое — это реакция на наркоз и вообще любые обезболивающие. Наркоз очень медленно на меня действует. Раза в три медленнее, чем на

других. В этом я убедился, когда попал к стоматологу. Вторая моя особенность — высокий порог внушаемости. В состояние гипноза я впадал крайне медленно, а если впадал, то без должной «поддержки» быстро из него выходил. Была у моего приятеля подруга, практикующий психиатр: столкнувшись с моей особенностью, она долго ставила на мне эксперименты.

Череп уже открыл рот, чтобы задать Марсе первый вопрос, когда я «очнулся» и прокашлялся. От неожиданности доктор вздрогнул и удивленно уставился на меня. Я, в свою очередь, уставился на него, но смотрел не в глаза, а в точку между бровями. Этому трюку меня тоже научила подруга друга. У собеседника создавалась иллюзия, будто мы смотрим друг другу в глаза, и он при должном умении может меня загипнотизировать.

С минуту Череп играл со мной в гляделки, но быстро сообразил, что я оказываю сопротивление. И тогда он попытался «подключить» голос. Попытался, но не успел. Я ткнул Марсю в бедро, а бедро у него было отбито... Марся охнул и очнулся. Череп снова переместил свой взгляд на него, но и с Марсей его ждал облом. Тот весь сосредоточился на вновь заболевшей конечности, поэтому поймать его взгляд было нереально. Не дожидаясь, пока доктор «поймает» Марсю «на голос», я обратился к нему шепотом:

— Товарищ полковник, зря стараетесь, — я придал своему голосу как можно больше язвительности, — меня гипноз цепляет плохо, а у Марси ноги отбиты. И если я перемещу его внимание на отбитые «копыта», то хрен вы его «поймаете».

В доказательство своих слов я еще раз ткнул Марсю в бедро. Марся взвыл, разрушив волшебную тишину, и замахнулся на меня.

— Ты что, козел, обалдел!!

— Говори, Марся, говори, и не поднимай глаза на полковника. Не поднимай, тебе говорю! — Я отвесил ему очередной подзатыльник, заставивший его не смотреть на Черепу.

— Чего вы хотите, молодой человек? — спросил Череп обычным, не гипнотизирующим голосом.

— Давайте начнем с того, чего я не хочу!

— Извольте, — легко согласился он.

— Я не хочу, чтобы вы нас вводили в состояние гипноза.

— Вам есть что скрывать?

— Не в этом дело.

— Вы не любите, когда вами манипулируют?

— Именно. Я не хочу быть марионеткой. Вы же можете получить требуемый результат и без гипноза.

— Конечно, так будет еще интереснее.

— Тогда, прежде чем начинать, разрешите вопрос?

— Конечно.

— Что означают «иероглифы» на наших личных делах, проставленных по результатам собеседования с вашими коллегами?

— По большому счету, ничего не значат, — ответил Черепанов. — Это отметка о том, что вы обладаете необходимым набором характеристик для получения офицерского звания.

— А почему у других курсантов нет таких отметок?

— Потому, молодой человек, что ваши показатели выше среднего. Это показатель или хороших задатков, или сумасшествия.

— То есть? — не понял я.

— Что «то есть»?

— Почему сумасшествия?

— Потому что ваши результаты могут означать или одно, или другое. Как говорится, от гениальности до безумия один шаг.

— В нас есть гениальность?! — обрадовался я.

— В вас есть нужные Зимину задатки.

— Ладно, более-менее понятно.

— Тогда и к вам, молодой человек, у меня есть вопрос, не относящийся к основной теме. Не возражаете?

— Нет, конечно, — чуть удивленно ответил я.

— Видите ли, юноша, у меня есть маленькая слабость, хобби так сказать, — чуть смущаясь, признался полковник.

— Голубой что ли?! — с опаской спросил Марся.

— Нет, — едва сдержав смех, ответил тот. — Бог миловал. Вернемся к хобби. Я собираю, если так можно выразиться, ассоциации.

— Ассоциации чего и с чем?

— Не «чего и с чем», а «кого и с чем», а еще лучше — «кого и с кем».

— Вы можете сказать прямо? Меня ваше хождение кругами начинает настораживать.

— Хорошо, — согласился он. — Меня интересует, о ком из существующих или вымышленных персонажей вы подумали в первое мгновение, увидев меня.

— Опаньки! — не удержавшись, вякнул я. — Да у вас страхи и комплексы!

— Хобби у меня, молодой человек. Всего лишь хобби, — уже в открытую смеясь, пояснил полковник.

— Саня, мать вашу, о чем вы там все говорите? — не выдержал Марся.

— Кореш, мать твою, ты чего тупишь?! Ты когда полковника увидел, кого он тебе в первый момент напомнил?

— Только честно! — попросил Черепанов.

— Честно, — протянул Марся и спросил почему-то у меня: — А он меня потом не порвет?

Я вопросительно глянул на полковника.

— Ничего не будет. Обещаю. Если будет что-то новое, сделаю для себя отметку — и все.

— Ладно, — согласился Марся. — На первый раз поверим. Кошечка Бессмертного он мне напомнил.

— И все?! — разочарованно спросил доктор.

— Все, — подтвердил Марся.

— Печально, — резюмировал Череп.

— Что? Слишком часто вам это говорят? — сочувственно поинтересовался я.

— Даже слишком, — вздохнул он. — В восьми случаях из десяти. А вы, молодой человек, чем меня порадуете?

— «Моя фамилия Мышьякович. Я специализируюсь на нечеловеческих опытах на людях в области стоматологии. И запомните, капитан, больше трех опытов еще никто не выдерживал!» — выдал я цитату из мультфильма «Капитан Пронин: Внук майора Пронина».

— Так-так-так, — заинтересовался Черепанов. Он даже наклонился вперед. — Что-то новенькое. Порадуйте старика, кто такой? Почему не знаю?

Я за три минуты объяснил, «кто такой и откуда взялся». Череп так заинтересовался, что

забыл про нас с Марсей. Он достал ноутбук и полез в сеть искать мультфильм. Просмотрев указанный мною отрезок, он довольно потер руки и, сделав соответствующую запись в своем блокноте, заявил:

— Замечательно. Можно сказать, что сегодняшний день прожит не зря. Спасибо, юноша, уважили. Не ошибся в вас Зимин. Но вернемся к делам нашим прискорбным. Вы не возражаете, если я сменю освещение?

— Нет, — чуть удивленно согласились мы.

Череп пощелкал настольной лампой, но, не удовлетворившись результатом, встал и пошел к двери, где были основные выключатели.

— В нашем деле, — комментировал он свои манипуляции, — освещение играет огромную роль. Что-то можно скрыть, а чему-то придать остроту. А иногда с помощью освещения можно получить очень ценные сведения, вне зависимости от воли собеседника.

Интонации полковника, шастающего за нашими спинами, начали меня напрягать. Появилась в них какая-то холодная уверенность. И уверенность не в выбранном уровне освещения, а в том, что его замысел удался.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался я, повернувшись к нему, и получил рубящий удар ладонью в шею.

Последнее, что я запомнил, прежде чем потерял сознание, возглас Марси: «Ты что, сука, делаешь?!» и руку полковника, схватившую моего друга за шею.

Как потом выяснилось, без сознания мы пробыли около трех часов. Но это было потом. Так нам Зимин сказал. А на момент прихода в сознание я услышал (я всегда после подобных отключек сначала слышу, а потом вижу) недовольное бурчание Зимина:

— Ты, козел старый, что наделал?! Я тебя сейчас самого в транс введу при помощи ведерной клизмы с патефонными иглками. Отдал тебе, мудаку, двух нормальных парней, а что получаю обратно?! Это ж не солдаты и тем более не офицеры. Это дрянь какая-то!

— Петрович, заткнись, Христа ради! Я ж тебе говорю: ничего плохого с ними не произошло. Скоро очнутся.

— Скоро очнутся, скоро очнутся, — передразнил его Зимин. — Ты мне об этом уже двадцать минут поешь. А они как лежали пластом, так и лежат. На кой черт ты их вырубил?! Не мог старыми методами обойтись?!

— Зимин, мать твою, — начал заводиться Череп, — я тебе еще раз, дуболому, повторяю: не смог я с ними по старинке. У Трофимова мало того, что внушаемость никакая (он через минуту сам в себя приходил), так его, засранца, кто-то контрдействиям научил. На уровне обывателя, но научил.

— И чего?

— И того, — огрызнулся психиатр. — Он и сам для «работы» не годился, и друга своего все время «обратно возвращал». Что мне с ними делать было?!

— А вколлот ты им что? Этот, как его, тиотентал?

— Во-первых, бестолочь, тиопентал. Во-вторых, не верь импортным книжкам, враки там все. В-третьих, обижаешь, начальник, — выпалил Череп. — Я так грубо давно не работаю. Есть более безопасные и более надежные препараты.

— Ты хоть добился, чего хотел?

— Добился!

— И что скажешь?

— Годны. Оба.

— И все?

— Тебе хватит.

— А с мордой у тебя что?

— Лень сгубила.

— Не понял?

— Я не стал читать заключение Чена и Иваныча. А там черным по-русски написано, что Сунгатов почти непробиваем.

— И?

— Трофимова-то, как наиболее опасного, я первым вырубил. А Сунгатова на потом оставил. А он, поганец, не только не отключился с первого раза, а еще и по морде мне навернуть успел.

— Долго ждать еще? — отсмеявшись над историей Черепа, поинтересовался Зимин.

— Нет, Трофимов почти очухался.

— Может, им нашатыря?

— А может, тебе йоду в глаза? Я за их реакцию после прихода в сознание не ручаюсь. Запросто накинутся на первого, кого увидят.

— А я бы и стрельнул, если бы было из чего, — подтвердил я опасения Черепанова.

— Вот видишь!

— Сашок, ты как? — спросил Зимин.

— Шея болит и тошнит сильно.

— Это от лекарства, — пояснил психиатр, — скоро пройдет.

— Зачем понадобилось нас вырубать? — спросил я у Черепа.

— Сам виноват, — пояснил тот, — если бы ты впал в гипнотический сон и не «будил» своего друга, все обошлось бы без мордобоя и лекарств.

— А предупредить и попросить по-хорошему?

— Вы не должны понимать, что с вами делают.

— А так я, можно подумать, не понимаю!

— А так ты знаешь, что был в отключке, но что именно с тобой делали, ты понятия не имеешь.

— Трофимов, — вмешался Зимин, — буди своего кореша, и марш во двор. Там стоит «Тигр» с номером три ноля семь. На нем и поедем. Выезд через десять минут.

— А шмотки наши?

— Не переживай. Все соберут и принесут. Буди эту «спящую красавицу»...

* * *

— И все?! — разочарованно протянул Ильдар.

— Все, — подтвердил я.

— Саня, по-моему, ты чего-то недоговариваешь.

— А смысл? — удивился я.

— Подписка о неразглашении.

— О неразглашении чего? Я бы рад «разгласить», но, во-первых, ничего не помню, во-вторых, не может быть никакой подписки, так как все, что с нами делал Череп, незаконно, а

следовательно, не оговорено никакими правилами.

— Как ты думаешь, — не успокаивался Ильдар, — что он с вами делал?

— Не имею ни малейшего представления.

— А если предположить?

— Блин, татарин, не знаю я. Жопа, по крайней мере, у меня осталась цела!

От столь «продуктивного» диалога нас отвлек Макс, который одним ухом слушал мой рассказ, а другим — переговоры румын.

— Мамелюк, тебе надо было с командиром на пузырь спорить!

— Ты о чем? — встрепенулся тот.

— Подорвались, придурки!!! — почти заржал Макс.

— И каков результат?

— Судя по всему, шестьдесят процентов поисковых групп двух вертушек, что приземлились на выходе из долины, легли плотно.

— Продолжай, — потребовал я.

— На наши поиски брошено пять вертушек. В долине приземлились две. К нам, в болото, полетело три машины. После подрыва одна вернулась в долину. Так что гостей у нас будет немного, но они будут крайне осторожны.

— Макс, подкрепление они запросили?

— Запросили. Но командование их послало.

— С чего бы это?

— В эфире какой-то полковник все время визжал, что «из-за тебя» (судя по всему, он это про Луиджи), «и так все заняты поимкой каких-то призраков, так еще и егеря на ровном месте полегли». В общем, дырку ему от бублика, а не подкрепление.

— Что подкрепления не будет — это хорошо. Что егеря по нашу душу — это плохо. Макс, из перехвата можешь понять, где именно находится итальянец?

— Судя по всему, он в той вертушке, что возвращается к месту подрыва у выхода из долины.

— Замечательно! — обрадовался я. — Гости можно валить, не опасаясь за провал операции. Скоро они придут?

— Минут через двадцать, — ответил Макс и снова засмеялся.

— Ты чего?

— Командир, даже если Коваль Роджера не спеленает или не грохнет, то его карьере, судя по всему, и так конец.

— Поясни.

— В эфире еще какой-то румын появился. Грозный такой. Он Роджеру сообщил, что условия их сотрудничества будут пересмотрены, что он, этот румын, сразу говорил командованию о недопустимости привлечения наемников. Короче, «трон» Роджера «зашатался».

— М-да, — протянул я. — Солдаты у всех разные, а командиры везде одинаковые. У румын сейчас подкованная борьба полным ходом идет, и, к счастью для нас, их генералам в ближайшее время будет абсолютно покласть на то, поймают нас Роджер или нет. И, с большой долей вероятности, большинству очень хочется, чтобы не поймал.

— А еще лучше — героически погиб в неравном бою с нами, — добавил Ильдар.

— Это точно! — согласился я.

— Прямо как с «Высоткинским котлом», мать его, — выругался Макс.

«Высоткинским котлом» называли недавнюю грандиозную заварушку. Все началось с разведки боем, которую провели румыны. Наши отреагировали адекватно, надавали им по сопатке, забили фуфайками и закидали шапками. Тут бы всем и успокоиться, но, как всегда, и с той, и с другой стороны нашлась парочка инициативных идиотов. Какой-то «гений военной мысли» отечественного засола решил использовать полученную инициативу и прорвать линию обороны противника. А то, что за линией фронта румынских войск как грязи, что линия обороны глубокая и широкая, он во внимание не принял.

Самое удивительное — прорыв удался. Румыны не ожидали такой наглости и позволили нашим проникнуть в глубину своей обороны на полтора километра. Ширина прорыва составила около пяти километров. Противник, когда очухался, сразу бросил в бой резервы. Наши запросили подкрепление. Подкрепление было выделено. И выделено так удачно, что глубина прорыва увеличилась еще на километр. Румыны решили, что наши их, как всегда, «обманули», начали стягивать подкрепление с флангов, и рубка пошла нешуточная. А тот «гений военной мысли» так увлекся атакой, что прозевал момент, когда румыны, подтянув подкрепление, ударили во фланги и не только отрезали наши передовые части от основных сил, замкнув кольцо, но и прорвали нашу оборону.

Когда «гений военной мысли» осознал всю серьезность положения и представил, куда ему это самое положение затолкает вышестоящее начальство, он ломанулся в ставку — спихивать вину на других. А в ставке, как всегда, шла подковерная борьба двух противоборствующих лагерей. И одному из них инициатива «гения», а также последующий провал пришлись как нельзя кстати. И завертелось, закрутилось. О солдатах, оказавшихся в «котле», никто и не думал. Командиры искали виноватых.

Нас эта заваруха напрямую не коснулась. Накануне мы пришли с выхода. Но когда на третьей сутки румыны замкнули кольцо, выяснилось, что Коваль, который тащил домой «языка», не успел вернуться. Леха завис там. Барон, метнувшись в ставку, пришел к однозначному выводу: в ближайшее время операции по разблокированию окруженных войск не будет. А Ковалю нужно вытаскивать. Он разбудил нас среди ночи и сказал три фразы: «Парни, Ковалю придется вытаскивать вам», «„Языка“ можете потерять», «Приказываю вернуться всем. Если пропадете, трибунала я ждать не буду». И мы в очередной раз поняли, что Барон, несмотря на свирепость и тиранство, не только дорожит нами, но и нашу гибель воспримет как личную трагедию и позор. И пулю он себе в голову пустит, не задумываясь.

И мы просочились сквозь румын, нашли Ковалю и его головорезов и вернулись обратно, не потеряв «языка». Благодаря этой заварухе мы, кстати, познакомились с третьей группой Барона, которую он только что закончил формировать. Зимин лично обеспечивал нам прикрытие, а «салаги», которых он выдернул из «Валгаллы», ему помогали. Но это все меркло по сравнению с тем, что произошло в наше отсутствие.

Лагерь генералов, что начал проигрывать оппонентам в подковерной борьбе, старательно искал, на кого бы свалить все грехи. Первым на ум пришла, естественно, разведка, которая, как известно, ни хрена не умеет, а то, что умеет, — не делает. В общем, «большие звезды» постановили: виновата разведка. Оставалось только выяснить, кто именно из разведки виноват.

Начали шакалить по всем направлениям и выяснили у «хорошего парня полковника Жеребенкова», что у Барона одна группа застряла в котле, а вторая, в нарушение всех приказов, уперлась вытаскивать первых. И что, по мнению «хорошего парня полковника

Жеребенкова», первая группа, из-за своей неподготовленности, а также некомпетентности командира, то есть Барона, вовремя не привела очень «ценного языка». А этот «ценный язык» лично ему, «хорошему парню полковнику Жеребенкову», столько бы ценной информации передал, что мы бы не только в котел не попали, но и вообще войну бы выиграли. А глупый и старый Барон теперь замечает следы собственной некомпетентности. Для чего послал группу «Урал» в котел, чтобы те нашли группу «Закат», убили бы «ценного языка» и договорились о показаниях, которые «Закат» должен давать.

Генералы сразу за эту мысль зацепились и попытались «ухватить» Барона за какую-нибудь часть организма. Но Барон и в обычной-то ситуации страшен, грозен и зубаст, а тут у него две группы под смертью ходят... В общем, побоялись они его «брать» и доложили «наверх», что виноват Барон и очень скоро они представят доказательства его вины. А сами начали думу думать, «как и Барона повязать, и самим до наград дожить». Ибо Ивлев зело мудр, силен и дюже злобен... а уж человека убить ему как раз плюнуть. И пока они думали, произошел ряд событий, позволивший нам выпутаться из данной передряги. В очередной раз.

Первым событием было прибытие (я бы сказал, снисхождение) заместителя верховного главнокомандующего. Ему сразу наябедничали на Барона. Но ябедники не учли одного маленького обстоятельства: прибывший заместитель лично знал генерал-майора Ивлева. Знал и ценил. Услышав бред, который они несли, он лично отправился в наше расположение, чтобы на месте пообщаться с «военным преступником». В штабе и так все ходили с видом смертников. Барон пообещал, что, если мы не вернемся, под «вышку» пойдут все, кто в звании старше капитана. А уж когда Зимин привез из «Валгаллы» третью группу «Север», все обделались уже по-настоящему. Ибо прибывшие были в масках (Барон до поры запретил светить лица «Северян») и вооружены до зубов. В общем, «Северян» приняли за расстрельную команду. А тут... а тут... сам заместитель... со свитой... штабные помыслились и приготовили чистое белье... А замверховного оставил всех во дворе и лично пошел общаться с Бароном.

Через полтора часа, выкушав хорошую порцию коньячка, он оповестил «весь честной люд», что «сегодня будет либо казнь, либо праздник, поэтому никому не расходиться». Вторым событием, спасшим нас и Барона, было наше явление в штаб. В лучших традициях белорусских партизан мы прошли мимо всех дозоров, в том числе и охраны заместителя, и, как подводная лодка, «всплыли» во дворе штаба, чем всех дико перепугали. Зимин все быстро выяснил, и нас построили для «торжественной встречи» (ладно, хоть не парада). Заместитель в сопровождении Барона вышел из штаба, облобызал Зимина (ибо и его знал лично) и пошел вдоль строя. Первыми стояли бойцы Ковалея, потом мы, а потом — «Северяне» в масках. Пройдя мимо Ковалея и меня, он «споткнулся» возле «Северян».

— Ивлев, — прокашлявшись, удивленно спросил он, — а это кто такие?

— Третья специальная группа «Север». А в масках потому, что еще не закончили обучение в «Валгалле». В связи с этим светить их лица считаю преждевременным.

— А здесь они что делают?

— Обеспечивали прорыв «Заката» и «Урала». Специально для этого их и привезли.

— Вон оно что... — протянул заместитель и обратился к Зимину: — Петрович, с тобой ходили?

— Так точно, — ответил Зимин.

— Про «Закат» и «Урал» я много слышал, а эти как?

— Они дожили до формирования группы, — ответил тот, — а следовательно, плохо быть не может. Крещение они прошли успешно.

— Ну, добро! — сдержанно похвалил заместитель. — Слушать сюда: «языка», переводчиков и командиров всех групп в кабинет к Ивлеву.

Мы начали движение в сторону штаба, а заместитель обернулся и чуть удивленно гаркнул:

— «Северяне», мать вашу, а вы чего стоите? Я что велел делать: переводчика и командира к Ивлеву!

Наблюдая, как сорвались с места командир и переводяга «Северян», он усмехнулся и прокомментировал: «Салаги!» В кабинете у Барона он оперативно и грамотно допросил «языка», пообщался с Ковалем и со мной, после чего что-то прошептал своему адъютанту, тяпнул рюмку коньяка, расцеловался с Бароном и Зиминым и уехал. Барон налил всем присутствующим, мы выпили, после чего он обозвал нас всех «засранцами, не жалеющими старого больного человека», обнял и расцеловал всех и велел идти отдыхать.

Выйдя на улицу, мы ощутили себя любимцами публики: штабные радовались нашему возвращению сильнее, чем мы, вместе взятые. Только представители штаба, которые пытались свалить вину за свои просчеты на Барона, были грустны. Я бы сказал, опечалены дальше некуда. Адъютант заместителя перед отбытием высокого начальства сообщил им, что их обвинения беспочвенны и будут рассмотрены как попытка оклеветать одного из самых честных и грамотных специалистов. Соответственно, автору идеи с прорывом и автору идеи о виновности Барона он настоятельно рекомендует сушить сухари — как минимум. А как максимум — писать завещание. В итоге автору «прорыва» трибунал присудил расстрел, а автора «виновности Барона» понизили с полковника до майора и выслали на передовую. Самое смешное, что «хороший парень полковник Жеребенков» из данной передряги вышел абсолютно сухим. А на Барона и его гвардию проигравшая коалиция затаила зуб. Вскоре выяснилось, что они совместно с конкурентами Барона начали большую игру против него. А мы разгребали последствия этой игры...

— Я же говорю — начальство везде одинаковое, — еще раз напомнил я Максу.

Через пятнадцать минут послышался шум винтов вертушек. Я дал парням знак спрятаться. Вскоре над нами прошло два вертолета. В вертолетах я понимаю еще меньше, чем в земноводных, поэтому обозвал их про себя Сикорскими. Вертушки сделали над болотом пять кругов; потом одна зависла, а вторая начала нарезать круги, постепенно увеличивая радиус. Таким образом румынские егеря пытались обнаружить хоть что-нибудь или кого-нибудь.

Десять минут они рыскали и «водили носом», но ничего примечательного не обнаружили. В конце концов, вертолет, нарезавший круги, завис на противоположной стороне болота; боковые створки открылись, егеря сбросили вниз четыре троса, и поисковая группа начала десантирование. Высадку они начали достаточно далеко от зоны поражения, которая должна возникнуть после взрыва газа. Однако десантирование заняло у егерей гораздо больше времени, чем требовалось по нормативам. Даже по румынским. На это, конечно, были причины, но причины вызвали у нас лишь смех, который мы старательно пытались подавить.

Первая пара румын бодро выпрыгнула из вертушки. Естественно, перед началом спуска им необходимо было погасить раскачивание, возникающее при выходе из вертолета. Нас учили нескольким способам гашения. Румын, судя по всему, тоже. Егеря выбрали один из самых сложных: синхронное выпрыгивание, разворот и гашение раскачки друг о друга. Иными словами, под днищем вертолета они «встречались» и, упершись в ступни друг друга, гасили раскачку. Но что-то пошло не так. То ли пилот вертолета не смог его ровно удержать, то ли вышли они не синхронно — в общем, под вертушкой они не встретились. Вращаясь вокруг своей оси, они пролетели мимо друг друга, а на обратном пути столкнулись, закрутились еще сильнее — в результате их тросы перепутались. Десантирование было приостановлено. Из вертолета, свесив вниз голову, один из пилотов, судя по жестикуляции, давал егерям советы по распутыванию.

— Вот клоуны! — раздалось мерзкое хихиканье кого-то из моих.

Между тем советы пилота не принесли успеха. Видимо, егеря зацепились какими-то элементами своей амуниции. Из вертушки очень медленно и осторожно и, что особо примечательно — без оружия, спустился еще один егерь. Повиснув на одной высоте с коллегами, он аккуратно раскачался, приблизился к «сладкой парочке» и, ухватившись за одного из них, начал их распутывать. С распутыванием возникли проблемы, поэтому спасатель достал нож. Дальше произошло то, о чем мы даже не мечтали. Манипуляции спасателя привели к определенному успеху — егеря расцепились. Но один из них тут же камнем рухнул вниз. Рухнул, скользя по тросу. Его коллеги ошарашенно уставились вниз, а со стороны моих разгильдяев послышались сдавленные стоны счастья.

— Командир, — хрюкая от смеха, зашептал Макс, — не нужно их взрывать. С их умениями они сами в болоте утонут, а если «летун» из той же серии, то и вертолет туда же уронит.

Я показал Максиму кулак и продолжил наблюдать. Повисев под днищем вертолета с минуту, егеря решили спуститься вниз. Вслед за ними медленно поползло устройство для подъема раненых. Оптимисты. Надеяться, что наверх выживет с такой высоты солдат, могут только редкостные идиоты. В итоге через шесть минут «корзина» начала

подниматься вверх. Все облегченно вздохнули.

«Ну, слава Богу», — подумал я и, видимо, сглазил. Вертолет сильно качнулся, летчик начал судорожно выравнять машину, «корзина» начала раскачиваться, и тело «первопроходца» вывалилось. Со стороны моих слышалось уже рыдание. К счастью, тело зацепилось ногой за одно из креплений «корзины» и повисло вниз головой.

— Камеру мне, камеру!!! — рыдал Макс. — Какой сюжет пропадает!!!

Бойцы в вертолете наконец приняли решение, и «корзина» с дважды покойником продолжила подъем. Остаток пути она преодолела без происшествий.

— Если при загрузке жмура кто-нибудь выпадет из вертолета, — простонал Макс, — я на них в суд подам. За использование пыток.

— Макс, заткнись. Остальные тоже. Засветимся.

— Не говори ерунды. На доблестных егерей сейчас даже лягушки смотрят!

Когда тело поднялось на уровень двери, к нему протянулось несколько рук. Очередного «чуда» не произошло, покойного благополучно втянули внутрь. Десантирование продолжилось. Но выглядело оно не как высадка матерых профессионалов, а как первая тренировка вчерашних новобранцев: все медленно и коряво. В общем, высадились они.

Вертушка уже начала отваливаться, но замерла, и из нее на тросе «поехал» вниз автомат спасателя, оставленный им при распутовывании первой пары.

— Сейчас вторая часть комедии начнется, — прокомментировал Макс, — высадка второй поисковой группы.

— Макс, твою мать, заткнись!!!

Вторая вертушка сместилась к берегу и начала высадку. У этих, к счастью, все прошло без эксцессов. Вертолет начал двигаться обратно к болоту, и я активировал поисковый маяк. Луч маяка вертушка заметила почти сразу. Об этом свидетельствовал резкий поворот и кружение вокруг предполагаемого местонахождения маяка.

— Маяк замечен, группа на нашем берегу оповещена и начинает движение к болоту, — сообщил мне Макс, слушающий переговоры румын. И почти сразу он добавил: — Вертушка Роджера начала движение к нам. Будет через двадцать минут!

— Хреново, — ответил я, но мысль развить не успел, так как Ильдар сообщил:

— Командир, обе группы в зоне поражения. Пора поджигать!

— Ну, пора, так пора, — согласился я и нажал кнопку на пульте.

Послышались четыре негромких взрыва, а потом... Потом вспыхнуло, как в мартеновской печи!!! Во все стороны метнулась огненная стена, в том числе и в нашу сторону. Долбанные вертолеты своими винтами сместили газ дальше от болота, поэтому мы оказались не на безопасном удалении, а на краю зоны возгорания. Прячась от стены огня, мы дружно уткнулись лицами в сырую землю. Над нами, к счастью, полыхало недолго, и через полминуты я услышал команду Ильдара:

— Можно поднимать головы.

Команда прозвучала как нельзя вовремя, и мы не пропустили величественную и радостную нашему глазу картину: падение вертолета. Как потом объяснил Термит, вертушка, зависшая над болотом, создав винтами восходящие потоки, подняла вверх сероводород — невысоко, но достаточно для того, чтобы попасть в пламя пожара. А когда я подорвал заряд, пламя метнулось в том числе и вверх. Метнулось и зацепило вертолет. И обошлось бы все опалинами на борту, но румынским солдатам сегодня везло как утопленникам: боковые створки оказались открыты, и пламя проникло внутрь машины. А дальше, как предположил

Термит, произошло одно из двух: или дверь в кабину пилотов была открыта и пламя ворвалось и туда, или пилоты оказались новичками, запаниковали и умудрились уронить вертушку в болото. В общем, вертушка упала, довершив хаос.

— Саня, мы — монстры!!! — сообщил присутствующим Макс. — Вертушку мы еще ни разу не сбивали! Кстати, какие награды за нее дают?!

— Заткнись, чучело, и слушай эфир! Остальные, внимательно изучаем берега. Меня интересуют потери.

— А чего его слушать? — все еще обалдевая от собственной кругости, ответил Макс. — Пилоты оставшегося вертолета сообщили о произошедшем пожаре на борт Роджера и запросили помощи. Тот им сообщил, что помощи не будет и придется разгребать своими силами. А пока — подняться на безопасную высоту и наблюдать.

— Командир, движения на том берегу нет, — доложил Мамелюк.

— На этом тоже, — добавил Ильдар.

— Макс, с уцелевшей вертушки как сообщили о произошедшем: как о пожаре или подрыве?

— Сказали: над болотом неожиданно вспыхнул какой-то газ. Они же над лесом барражировали и, судя по всему, взрывов наших мин не видели.

— А Роджер версии о случившемся озвучивал?

— Нет. Сказал ждать и никуда не соваться.

— Добро. Подождем и мы.

Через десять минут показался вертолет с третьей поисковой группой. Сделал круг над болотом, рассматривая упавшую вертушку. После этого отлетел гораздо дальше, чем высаживалась первая группа, и завис. Прошло почти три минуты, когда румыны начали высаживать третью группу. Высадка прибывших прошла четко и без несчастных случаев. Скорее всего, часть группы составляли «пираты» Роджера. После высадки пилоты закрыли все люки и отлетели на безопасное расстояние.

Я приник к биноклю и стал ждать. К болоту они выходили долго. Дольше ожидаемого. Судя по всему, они осматривали найденных товарищей. Часть группы осталась на берегу, а вторая, к моему безмерному удивлению, вытасила две надувные лодки и осторожно поплыла к дымящемуся вертолету. Из вертушки они извлекли три тела без признаков жизни, и отвезли к своим. Посовещавшись, егеря медленно поплыли в нашу сторону, а вертушка, их доставившая, по широкому кругу также начала смещение к нам.

Через десять минут они стояли на берегу. Осторожно, прикрывая друг друга, егеря начали поиск поджарившихся товарищей. Нашли практически сразу. И самое замечательное — почти все оказались живы. Обгоревшие, но живые. Замечательное — не потому, что мне жаль румынских егерей, а потому, что с таким грузом наземный, да и любой поиск становился невозможен.

Выставив некое подобие охранения, румыны начали стаскивать раненых к лодкам и перевозить на противоположный берег. Через полчаса всех раненых — а среди них, судя по крикам, были и пришедшие в себя — перевезли и утащили в лес. И что же будет дальше? Ответ на этот вопрос обозначился почти сразу. Вертушка, принимавшая участие в высадке первого десанта, начала отдаляться от болота, а потом исчезла между деревьев. После того как она приземлилась, второй вертолет улетел в том же направлении и тоже приземлился. Судя по всему, румыны нашли подходящее для посадки место и там будут грузить раненых в вертолет.

Ко мне подполз Мамелюк:

— Командир, — зашептал он, — на десять часов посмотри. На нашем берегу.

Внимательно изучив указанное направление, я обнаружил егеря, рассматривающего почву на предмет наших следов. Он, конечно, пытался все делать скрытно, но на этом участке местности качественно замаскироваться очень сложно. Найдя искомое (хотя там только слепой не нашел бы след), егерь проследил направление нашего движения, которое четко указывало на север, и осторожно попятился назад. Сейчас он доложит командиру о найденном следе, и Роджер стартует к месту перехвата, где его, скорее всего, уже ждет Коваль. Румын дошел до берега и, вопреки моим ожиданиям, начал что-то показывать руками своим бойцам на противоположном берегу. Через три минуты оттуда стартовала лодка с тремя пассажирами. Выскочив на берег, они с ожидавшим их егерем поспешили к месту, где он нашел наши следы. Следопыт показал на следы и рукой обозначил направление нашего предполагаемого бегства: на север.

«Ай, молодец! — мысленно похвалил я румына. — Продолжай, красавец! Будь убедительным! Пусть твой командир согласится с твоими доводами, садится в вертушку и валит на север. Коваль его заждался».

Пришедшие еще раз осмотрели следы и устроили небольшое совещание.

«Роджер, мать твою, что ты телишься? — вертелось у меня в голове. — Что ты можешь сделать? На что у тебя есть время? Тебе нужно валить на север. На север!!!»

Хотя с чего я взял, что среди присутствующих есть Роджер? Интуиция? Ладно, «будем посмотреть», что они придумают. А что на их месте придумал бы я? Несмотря на такие дикие, на мой взгляд, потери, я бы «закусил удила» и гнал бы противника до последнего. Терять уже нечего, а так сохраняется вероятность поимки виновника всех бед. И пустил бы по следу пару опытных следопытов, а сам сорвался бы к точке перехвата. Так, один опытный следопыт уже есть. Осталось найти ему компаньона.

Тот, кто отдавал приказы из прибывших румын, судя по всему, рассуждал так же. Два егеря остались на этой стороне болота, а двое поплыли на другой берег. Мамелюк потрогал меня за рукав, привлекая к себе внимание. Я повернул к нему голову, а он знаками поинтересовался: «Что будем делать?» Так же, знаками, я приказал ждать. Он помедлил, а потом предложил уничтожить цель, имея в виду оставшихся следопытов, но я снова повторил: «Ждать». Оставшиеся егеря уселись на берегу и тоже начали чего-то ждать. Мы, соответственно, стали ждать того же самого.

Минут через десять из-за леса поднялись две вертушки. Одна сразу стартовала на юг, откуда прилетела. В ней, видимо, были все румыны, которых накрыло пламенем. А вторая вертушка, пролетев над двумя следопытами, умчалась на север. Следопыты, не спеша, поднялись, проверили амуницию и пошли по следу. Через сорок метров они его, естественно, потеряли. Долго топтались на месте, ничего не нашли, но, или следуя полученным инструкциям, или своим собственным соображениям, потопали на север. Когда они скрылись из поля зрения, я знаками дал команду Мамелюку и Ильдару следовать за ними. А Мамелюку дважды еще и повторил, что требуется только наблюдение. Предупредил обоих, что мы выдвигаемся за ними через час.

Парни плавно «потекли» вслед за румынами. Петюня, увидавший, что я обозначил разницу в начале движения в один час, поинтересовался причиной задержки. Жестами я приказал ему не высовываться и наблюдать за противоположным берегом. Моя идея была проста: мы не видели, сколько егерей погрузилось в вертолет, мы не знаем информации,

полученной Роджером от раненых румын. Следовательно, если у него хватило ума или безумия отправить за нами пешую команду, то отправить еще одну команду вслед за первой, он мог запросто. Тем более если «жженые» егеря смогли ему сообщить, что пожару предшествовали четыре взрыва, а пилоты упавшей вертушки оповестили другой экипаж о заработавшем маяке. Если вся эта информация дошла до него, то мысль о близко расположенной засаде должна была прийти ему в голову. Соответственно, нам оставалось только ждать. Если в течение часа вторая поисковая команда не покажется из леса, мы тоже уйдем на север.

Часа ждать не пришлось. Через сорок минут на том берегу возникли восемь егерей. Вытащив две лодки, они переправились через болото и осторожно пошли по тому же маршруту, что и два их товарища. Товарищ Роджер оказался не только недоверчивым, так еще и продуманным. Хорошо, что его продуманность была ограничена опытом войны с чужими партизанами. И, поставив себя на место противника, он не смог просчитать наши шаги.

Как только егеря скрылись из виду, я подзвал своих бойцов и поставил задачу:

— Петюня, ты остаешься тут еще на полчаса. Маловероятно, конечно, что румыны пойдут тремя эшелонами, но лучше подстраховаться. Если через полчаса после нашего ухода ты не заметишь ничего подозрительного, то догонишь нас. Если что-то тебе не понравится или покажется подозрительным, ждешь еще тридцать минут. Все понял? Молодец. Остальные выдвигаемся вслед за егерями. Встаем на дистанции пятидесяти метров и ползем за ними до упора.

— А когда наступит этот упор? — поинтересовались парни.

— Как когда?! В шестнадцать часов сегодняшнего дня. Поэтому запасайтесь терпением. И еще один момент. Братцы мои, мы плотно садимся на хвост итальянцам. Это очень серьезно. Это даже не румынские егеря. Это гораздо опаснее. Поэтому любая ошибка при преследовании, как минимум, приведет к провалу операции, а как максимум — к нашим потерям. Ни первого, ни тем более второго мне не нужно. Поэтому прошу еще раз: будьте предельно внимательны.

— Командир, мы с «Зелеными беретами» справились. Эти не должны быть опаснее.

— Забудьте про «Беретов». Это было давно и неправда. Повторяю еще раз: максимум внимательности и осторожности. Если к шестнадцати часам Коваль их не «приберет» или еще чего-нибудь не случится, валим всех к чертовой матери. И еще: если преследование растянется на долгий срок, мы выйдем к лежке Марси и компании. Не прозевайте этот момент. Все понятно? Ну, с Богом!!!

Мы поползли вслед за итальянцами. Довольно быстро встали на их след. Как они ни старались, но скрыть свои следы не сумели. Следы их пары следопытов, ушедших первыми, тоже неплохо читались. А следы Ильдара и Мамелюка я обнаружил с трудом. Точнее, нашел часть следа Ильдара, следов Мамелюка так и не видел на всем протяжении пути. Сократив дистанцию до пятидесяти метров, мы повисли на хвосте Роджера и его бойцов. Если, конечно, Роджер был в составе впереди идущей группы. И началась самая сложная (даже сложнее проникновения на чужой объект) операция: преследование группы противника на максимально короткой дистанции. И не просто противника, а противника, прошедшего такую же школу, что и мы: так же, как мы, умеющего бесшумно и подкрадываться, и преследовать. Короче говоря, началось соревнование нервов, смекалки и, главное, двух диверсионных школ.

* * *

В «Валгалле» меня и Марсю целый месяц учили этой науке. Количество синяков и ожогов, полученных при обучении, не поддавалось подсчету. Учили нас просто, но надежно. Вывели в лес, рассказали, показали, добились правильного выполнения — и вперед, преследовать инструкторов. А инструкторы были полбеды, что сильно грамотными, так еще и очень злыми. На пути следования нас ждали и растяжки, и мины, и обычные ловушки. Мины и растяжки были сделаны из взрывпакетов, доработанных поражающими элементами в виде резиновых шариков. Эти шарики при попадании в человека могли не только контузить, они еще и обжигали незащищенные участки кожи. В первый день тренировки мы собрали «урожай» из восьмидесяти процентов всех взрывных устройств. В обычные ловушки, если их так можно назвать, мы, слава Богу, не попадались. Но не подрывы были самым страшным. И не то, что после подрыва следовал кросс на один километр в полной выкладке. А то, что «полосу» приходилось проходить сначала. И пока мы бегали, «добрые» инструкторы минировали все по новой. Такая система обучения быстро принесла положительные результаты: на девятый день мы проползли, ни разу не подорвавшись. Довольные собой и жизнью, мы подошли к инструктору и доложили об успешном прохождении полосы в три километра. Он посмотрел на нас, как солдат на вошь, и сказал:

— А теперь все то же самое. Только так, чтобы те, кого вы преследуете, вас не видели. При обнаружении по вам будет открыт огонь на поражение. Пули, конечно, не боевые, но при попадании резиновой пули приятного тоже мало.

Мы удивились, но поползли. Через двадцать метров Марся поймал пулю в слишком высоко поднятый зад, а я по касательной, в каску. И снова кросс, и снова все сначала. На пятый день в нас не выстрелили ни разу. Инструктор нас похвалил и вывел на новую полосу. Это был участок леса длиной десять и шириной три километра. Именно на этом куске леса нам приказали найти след, установить количество преследуемых, найти их и «довести» до финиша, ни разу не засветившись. Кросс мы побежали через четыре минуты. И бегали еще десять дней. На одиннадцатый, проявив инициативу, мы незаметно подобрались к преследуемым и попытались взять их «в плен». Драка была грандиозной. Инструкторы не

только не ожидали, что мы подберемся незаметно, но и не предполагали, что два раздолбая попытаются их захватить. Когда они сообразили, что их «берут в плен» (а сообразили они быстро), нам вломили таких звездюлей, что «фонари» под глазами освещали нам путь еще неделю. Но мы смогли отомстить и за ожоги от взрывпакетов, и за синяки от резиновых пуль. Вечером, до кучи, нас еще и «высекли» перед строем курсантов. Но нам было уже наплевать. Нас «согревали» воспоминания об одном нокаутированном инструкторе и сломанном носе начальника факультета.

Еще три дня мы ползали по лесу, закрепляя достигнутый результат. А потом начальник «Валгаллы» (полковник Одинцов), естественно, по кличке «Один», сообщил нам, что индивидуальный курс подготовки закончен, вручил нам офицерские погоны и привел в архив. Там нам была поставлена задача: из пятисот личных дел солдат и офицеров, воюющих в разных родах войск, набрать себе группу, которая впоследствии и стала группой «Урал». На ознакомление с делами он выделил нам трое суток, предупредив, что личные дела уже прошли предварительный отбор. Наша задача заключается в правильном подборе состава группы. Указанных нами лиц отзовут с фронта, доставят в «Валгаллу», и мы продолжим уже совместное обучение.

Мы с Марсей с тоской оглядели архив, после чего я метнулся за кофейником, а Марся — за раскладушками. И началась «процедура фильтрации». Первым, кто был одобрен для зачисления, оказался Микола. И дело было не в габаритах нашего хохла, а в его опыте. Микола на тот момент уже десять лет служил в армии и имел хороший боевой «стаж». Потом в группе появились два друга-раздолбая: Олег и Димка. Снайперы. Затем я наткнулся на зайку-сапера Леньку, а Марся предложил радиста-дзюдоиста Вартанчика. Я нашел Ильдара и Петюню. Марся предложил Фича, Андрюху и Пашку. За Пашкой сам собок прицепился Рафа, служивший вместе с ним. Макса мы нашли в последний момент, изучая личное дело Рафы. Таким образом, группа была сформирована за двое суток и мы, довольные собой, доложили об этом Одину. Один отдал наш список аналитикам и через двадцать минут уже читал их справку.

— Парни, вы уверены в своем выборе? — поинтересовался он, закончив читать заключение аналитиков. — Из всех лиц, указанных вами, реальный боевой опыт имеет только прапорщик. Остальные воюют не больше полугода, да и офицеров вы набрали только двоих. И то это два «пиджака»: переводяга и врач. А теперь самое главное: все вами выбранные — это остатки уничтоженных разведгрупп. «Осколки», которые никто не хочет брать к себе. Они все деморализованы. У вас есть время изменить решение.

— Мы не будем ничего менять, товарищ полковник, — ответил я.

— Обоснуйте, молодой человек, — потребовал Один.

— Все они новички. Следовательно, их можно учить, а не переучивать. Они не будут давить своим опытом. Они будут только поглощать знания. Это во-первых. Во-вторых, сейчас они ощущают собственную ненужность, а это для разведчика, даже с небольшим опытом, как серпом по яйцам. Включив их в состав группы, мы поднимем их самооценку и покажем, что они, как и прежде, спецы, что они нужны, и не просто нужны, а нужны на очень высоком уровне. А это будет очень большим стимулом для хорошей учебы теперь и для работы в дальнейшем.

— Однако! — только и смог сказать Один. — А вы, молодой человек, неплохой психолог. Будь по-вашему. В течение недели все указанные вами люди будут доставлены в школу. Если, конечно, они живы и здоровы. А вы не расслабляйтесь. Ваш учебный день до

прибытия последнего из членов группы не меняется. На сегодня — отдыхать, а завтра — подъем вместе со всеми. И помните, — он остановил нас в дверях, — теперь вы — командиры. Вы отвечаете за жизни своих подчиненных, а также за их поступки. И спрашивать и за то, и за другое я буду с вас.

Два последующих дня мы занимались тем же, что и три последних месяца. День начинался и заканчивался одинаково: кросс десять километров в полной выкладке. В перерывах между кроссами — теория, огневая подготовка, рукопашный и ножевой бой, гири. Хорошие двухпудовые гири, при виде которых в первый день мне стало плохо. На третий день привезли Ильдара, Олега с Димкой и Леньку. И если Ильдар к своему переводу отнесся философски, то снайперы и сапер были возбуждены и напуганы одновременно. Привезли их утром, когда мы еще бежали разминку. Соответственно, знакомство с ними состоялось за завтраком. Мы вкратце обрисовали ситуацию. Ильдар усмехнулся, снайперы испуганно затихли, а Термит, к нашему удивлению, обрадовался и тут же поинтересовался: «К-к-когда д-д-дадут пластит?» Ответить на его вопрос мы не смогли, но пообещали, что скоро.

После завтрака пошли проверять, на что способны новенькие. Результаты превзошли все ожидания — и лучшие, и худшие. Ильдар так «загрузил» местного инструктора, что тот ходил остаток дня с открытым ртом. Термит практически из мусора собрал взрывное устройство и установил его на неизвлекаемость прямо в учебном классе. Извлекаемость подтвердили все присутствующие препода. На вопрос старшего: «И как мы будем дальше?» Ленька, мерзко хихикая, сломал мину руками. Взрыва не последовало. Термит вместо пластита затолкал в мину кусок мыла, обернув его фольгой. Мы с Марсей огребли первых бздюлей как командиры, а Ленька получил от нас в ухо.

После сольного выступления Термита «на арену цирка» вышли снайперы. Предчувствие о приближающемся «северном пушном зверьке», возникшее во время Ленькиного соло, усилилось от обычного «пушного зверька» до «зверька повышенной упитанности». В тире эти клоуны отстрелялись на «отлично». На стрельбище — тоже. А когда инструктор предложил им попробовать «охоту» (так именовалась дуэль одной пары снайперов с другой в лесу), мой организм потребовал, именно потребовал, ни в коем случае не допустить этого. Предложив и парням, и инструктору не делать этого сегодня, получил категорический отказ и был вынужден пойти в зрители.

Они согласовали периметр «дуэли», количество патронов (пули в которых, к счастью, были резиновыми) и время «дуэли». Через полторы минуты ведущий в паре инструкторов словил пулю в голову и был вынесен с поля боя, сразу же попав в волшебные руки Ильдара. «Мои» предложили оставшемуся инструктору сдаться, но тот гордо заявил, что «гвардия умирает, но не сдается». Лучше бы он сдался. Крикнув ему в ответ: «Будет мокрота! Будет!!!», эти паразиты взяли инструктора в «клещи», ведя плотный огонь (если это так можно сказать про огонь из СВДэшек). Прикрывая друг друга, Олег и Димка очень быстро добрались до места, где лежал, боясь поднять голову, второй инструктор. В общем, когда у них осталось по магазину патронов, Олег уже стоял над лежащим инструктором и размышлял о дальнейших действиях. Выглядело это так:

— Мамелюк, хорош палить, патроны экономь, животное, — ствол его винтовки уткнулся в голову инструктора.

— Сам ты животное, — отвечал на ходу Димка. — Зачем их экономить? Мы на полигоне.

— Дима, вы расточительны, — продолжал стыдить напарника Олег. — А если «завтра

война, если завтра в поход»?

— Вот завтра и буду думать, — ответил добравшийся до Олега Мамелюк. — Ты, экономный наш, лучше скажи, что с пленным делать будем?

— Как что? — удивился Олег. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы снайперов в плен брали? Нет?! И я тоже не слышал. Пристрелим его — и все.

— Слышь, экономист, — не согласился Димка, — кто тут битый час визжал, что патроны нужно беречь?

— Точно! — согласился тот. — Глупость сморозил. Виноват. Давай его просто запинаем.

Зрители, с натянутыми улыбками наблюдающие за развернувшимся спектаклем, начали напряженно подниматься с мест, а когда Олег сделал замах ногой, с криками протеста ломанулись на «сцену». Пинать инструктора Олег не стал, он только напугал и его, и нас. А дальше были разборки с хватанием за грудки, угрозами и трехэтажным матом. На претензии инструктора о недопустимости подобного поведения неразумных отроков в отношении преподавателей школы Мамелюк ответил, что уважаемому инструктору, прежде чем учить других, необходимо улучшить свои показатели по стрельбе, маскировке и взаимодействию в паре. Так диалог высоких переговаривающихся сторон звучал в переводе на литературный язык. В действительности это выглядело так:

— Вы чего, сучата охреневшие, совсем страх потеряли? — вопрошал инструктор.

— Ты бы, дядечка, — отвечивал один из неразумных отроков, — язык бы прикусил. А то, я гляжу, понтов у вас много, а ни стрелять, ни шхериться вы не умеете. Были бы в стволе боевые, по вам уже панихиду справляли бы. И не тратили бы мы столько времени. Первый бы «пораскинул мозгами», а из задницы второго мы бы решето сделали. Профессионалы доморощенные.

— Так, щенки, — присоединился к беседе первый инструктор, которого привел в себя Ильдар. — Сейчас выходите на полосу препятствий всей группой, а там мы посмотрим, у кого яйца круче. Лейтенанты, первыми пусть идут эти умники. Объясните им их задачу. И запомните: в случае «смерти» одного кросс бегут все!

Перед постановкой задачи мы с Марсей наворачивали в ухо и снайперам. Объяснили, что требуется от новичков, и повели к полосе препятствий.

— Санек, — грустно обратился ко мне Марсель, пока мы топали к полосе, — чуется мое сердце, вечером нас Один порвет на британский флаг. Про фокусы нашего зайки ему уже наверняка настучали. А вести про то, как курсанты инструкторов чуть не отпинали, долетят до него со скоростью свиста.

— Да, дружище, сегодня отымеют нас по полной. Кто ж знал, что такие циркачи приедут?

— Меня терзают смутные сомнения, что те, кто прибудут позже, окажутся не лучше.

— Ты думаешь?

— Есть такой грех. И что-то мне резко расхотелось быть не только офицером, но и командиром вообще.

— Поздно пить боржоми, когда почки отказали, — вклинился в наш разговор нетактичный Ильдар, который самым наглым образом подслушал наши размышления. — Не переживайте, командиры. Прорвемся. Кстати, вы по какому принципу группу набирали?

— Слышь, пилюлькин, ты про субординацию-то не забывай, — попытался проявить командирский дух Марсель.

— Марся, не гони волну, — остановил я его. — Ильдар, мы собрали осколки разведгрупп.

— То есть не я один из «отбросов»? — удивился он. — Смелые вы парни! Хотя из вашей затеи должен получиться толк! Вон как снайперы и сапер из кожи лезут! Вы, главное, их энергию в мирное русло направьте.

— Сейчас на полосе нам всем энергию направят! — угрюмо пообещал Марся.

На полосе мы еще раз объяснили задачу: пройти полосу, ни разу не подорвавшись. В нарушение приказа, первым отправили сапера. Ленька набрал полные карманы мелких камешков, которыми отмечал места закладки мин. Так быстро по этой полосе мы не передвигались ни разу. Прошли чисто, Ленька даже ловушки замечал. От показанного результата офонарели даже инструкторы. Нас снова отправили на старт, предупредив, что теперь будут стрелять.

— А нам отстреливаться можно? — поинтересовался Олег.

— Вам-то? Можно! — снисходительно ответил один из инструкторов. — Только будет ли толк?

— На эту тему мы подискутируем после, — беспечно ответил Олег, — ты пока патроны давай и каску надеть не забудь. А то один тут уже довыпендривался...

Инструктор нахмурился, но каску надел. На старте снайпера предупредили:

— Леня, ты двигаешься только по нашей команде. Сказали «стоп» — уткнулся мордой в землю и не шевелишься. Сказали «пошел» — делаешь свою работу, но максимально близко к земле. И еще один момент: ты же понимаешь, что не узкую тропу «чистишь», а коридор для группы?

Ленька кивнул в знак согласия.

— Остальные, двигаетесь только по нашей команде. Саня, Марсель, вы двигаетесь после нас по центру. Ильдар, ты замыкающий. Если будет возможность и, главное, будете видеть цель, тоже стреляйте.

— Парни, я очень надеюсь, что вы знаете, что делаете, — ответил я снайперам.

— Сейчас и узнаем, командир, — с улыбкой ответил Димка. — Все готовы? С Богом! Леня, пошел!

Ленька нырнул на полосу, обозначил закладки, за ним двинули снайперы, потом мы, замыкающим шел Ильдар. Через две минуты раздалась команда Олега:

— Леня, стоп. Димка, я начинаю, ты подхватываешь.

Олег сделал выстрел и кувыркнулся назад, тут же выстрелил Димка. Ответного огня не последовало.

— Минус один, — порадовал всех Олег. — Продолжаем движение.

Еще через минуту раздалась команда Димки:

— Леня, стоп. Командир, сломанная ель на двенадцать часов. В два ствола короткими очередями в корни. Долбите, пока не остановим. Леня, пока они стреляют, ты «чистишь» передо мной. Ильдар, ты смотришь на два часа: если что-то не понравится, долбанешь длинной. В момент перезарядки занимаешь место командира или Марси. Все всё поняли? Олег, готов?

— Работаем. Командир, огонь.

Мы начали обстреливать безобидную, на мой взгляд, ель. Снайпера куда-то целились, но не стреляли, Ленька быстро «чистил» тропу перед Димкой.

— Перезаряжаю, — крикнул Марсель, и из-за наших спин пошли короткие очереди

Ильдара.

Очень скоро начал перезаряжаться и я. Илдар «заменял» и меня. Димка пополз за сапером. Выдвинувшись по «тропе» на полтора метра, он вскинул винтовку и выстрелил. Потом еще раз. К тому моменту мы еще раз сменили по магазину. Тут выстрелил Олег. Один раз.

— Прекратить огонь. Минус один, — отчитался он. — Дальше чисто. Леня, до того бревна, что лежит поперек маршрута, можешь чистить быстро.

Два раза Леньку просить не пришлось. Олег подполз к кочке, которая была обстреляна первой, заглянул за нее и, усмехнувшись, позвал Ильдара:

— Медик, ползи сюда, тут тебя клиент дожидается.

Илдар очень быстро дополз до кочки, заглянул за нее, выругался и начал снимать рюкзак с аптечкой.

— Илдар, чего там? — спросил Марсель.

— Инструктор, — коротко ответил он.

— Живой? — напряженно спросил я.

— Да, только без сознания. Вы, мокрушники, по каким частям стреляете? — поинтересовался Илдар у снайперов.

— Какие части торчат, по тем и стреляем, — ответил Димка.

— Стараемся в голову, чтобы наверняка, — добавил Олег.

— Мать вашу, — пробурчал Илдар. — За сломанной елью, которую мы обстреливали, еще один лежит?

— Если свои не утащили, то лежит, — подтвердил Олег.

— И что мне делать? — с иронией спросил Илдар. — Полосу проходить или спасателем для инструкторов работать?!

— Пока работай, кем получится, а там посмотрим, — распорядился я.

Илдар достаточно быстро привел контуженного в себя.

— Допрашивать будем? — спросил он.

— А это идея! — радостно воскликнул Марся.

— Вы его еще пытаться начните, — хмуро посоветовал им я.

— А можно? — с надеждой спросил Марся.

— Слышь, чучело, ты представляешь, что с нами сделают после полосы?!

— Так терять все равно уже нечего, — возразил Марся.

— Забудь! — рывкнул я и достал рацию. Поковырялся в ее настройках и связался со «старшим по полосе»: — «База», это «Ползун». У нас ваш «трехсотый». Предположительно, еще один «трехсотый» лежит в зоне нашей досягаемости. Забирать будете?

Рация молчала почти минуту. Потом донеслось:

— «База» — «Ползуну». Движение прекратить. Стволы вниз. Медики уже вышли.

— Все слышали? Ждем.

— Курить можно? — спросил Олег.

— Кури, кури.

Через пять минут прибежали медики и старший по полосе. Говорил он долго, без повторов и очень красочно. В итоге проходить полосу дальше нам запретили, Ильдара и Леньку отправили в казарму, снайперов послали на разбор к заведующему кафедрой, а нас — к Одину. Один выслушал доклад пришедшего с нами инструктора, помолчал, хмыкнул и спросил:

— Скажите честно, вы не знали выбранных вами бойцов раньше?

— Никак нет, — ответили мы хором.

— Тогда откуда такая слаженность в действиях?

— Глупо спорить с людьми, знающими больше, чем мы. Первые действия показали их компетентность, в дальнейшем они ее подтвердили. А то, что малость перестарались, тут целиком наша вина.

— Малость? — с усмешкой переспросил Один. — Лейтенант, вы в курсе, что ваши стрелки трех инструкторов на неделю вывели из строя? Вы в курсе, что саперы жаждут крови вашего подрывника за цирк, устроенный им в учебном классе? А если вспомнить, что кое-кто все еще хочет намылить шею лично вам, то печальная картина вырисовывается. Значит, так, командиры! Со вновь прибывшими проводите подробный инструктаж по поводу их поведения как в учебных классах, так и на полигоне. У вас еще пулеметчики с гранатометчиками не прибыли. Так вот, чтобы они не разнесли мне тут все, к нехорошей маме, приказываю: держать свою банду в узде. Сейчас берете своих отморозков и топаете проходить полосу на скрытность. Без оружия. Все. Свободны.

Перед учебным корпусом нас ждали бойцы. У снайперов вид был потрепанный. Бить их не били, но морально, судя по всему, поимели знатно.

— Ну, что, опричники, довыеживались? Всем задницы развальцевали?

— Нет, у меня все цело, — смеясь, ответил Ильдар.

— Хоть кто-то сохранил девственность. Слушайте сюда, юмористы. Выпендрож заканчиваем, нас слушаем внимательно, приказы выполняем четко и быстро. Скоро должны прибыть пулеметчики и гранатометчики, и Одину...

— Кому? — не понял Мамелюк.

— Одину, начальнику местного, очень не хочется командовать руинами.

— Неужели должны прибыть такие же циркачи? — поинтересовался Ильдар.

— Не знаю, — ответил я, — но тенденция уже прослеживается.

— Командир, — влез Димка, — а правда, что вы на полосе инструкторов повязали?

— Частично. Мы попытались это сделать. Все закончилось мордобоем. Еще вопросы есть? Нет? Замечательно. Сейчас в полной выкладке выдвигаемся в лес. Наша задача — сесть на хвост партизан на дистанции пятидесяти метров и, не меняя этой дистанции, незамеченными дойти до финиша. Мины будут, но немного. По нам будут стрелять. Оружием нам пользоваться запрещено. Выстрел по нам, подрыв или замечание инструктора о том, что нас засекли, означает почетный марафон в один километр и прохождение полосы с самого начала. Снайпера, вы тащите сапера, а мы с Марсей — Ильдара. Двинули.

На полосе нас встретили не только все препода кафедры в полном составе, но и масса курсантов, свободных по тем или иным причинам.

— Лейтенант, — обратился ко мне заведующий кафедрой и потрогал сломанный нос, — шеф приказал на каждые тридцать холостых патронов ставить один боевой. Мы их только в автоматы будем ставить, но все равно будьте осторожны.

— Спасибо за предупреждение, товарищ майор, — ответил я, — но думаю, что до стрельбы дело долго не дойдет.

— Вот и посмотрим.

Я оказался прав. Выйти на заданную дистанцию мы не успели. Партизаны сразу же заметили Олега, и мы побежали круг почета. Потом «спалился» Димка, потом Марся, показывающий Ильдару, как именно переползать через поваленные бревна. К вечеру мы так

и не вышли на установленную дистанцию, зато отмахали двадцать один километр и еле стояли на ногах. Особенно тяжело было снайперам. К десяти часам вечера мы еле доковыляли до казармы. Димка и Олег передвигались кое-как, пришлось их поклажу нести мне и Марсе. Ильдар и Леня справились сами, но тоже с трудом переставляли ноги. У казармы нас ждали четыре человека: дежурный офицер и три курсанта (Макс, Рафа и Фич).

— Саша, принимай пополнение, — сообщил дежурный и расхохотался.

— Принимаю, — выдохнул я. Вид у меня, судя по всему, был очень кровожадный, поэтому новенькие замерли по стойке смирно. Я подождал, пока дежурный зайдет в корпус, и обратился к ним: — Парни, кончайте маяться ерундой. Не на параде. Лучше помогите.

Те сорвались с места и приняли у нас снаряжение. Пока дошли до нашего блока, пока чистили снарягу, успели познакомиться. Я подробно рассказал обо всем, ответив на кучу вопросов. Как и у снайперов, у новеньких глаза загорелись нехорошим светом. Сообразив, что завтра нас ожидает продолжение цирка, я предупредил новичков:

— Так, хлопчики, слушайте сюда: завтра вас будут проверять на знание специальностей. Вы, как бойцы, которым выпала великая честь служить в нашем подразделении, выполняете все упражнения на «отлично». При этом ведете себя вежливо, до поноса. Старшим не хамим, приколов не откальваем, знаниями не хвастаемся. После показательных выступлений ваших сослуживцев, которые уже дрыхнут без задних ног, завтра за вами преподады будут следить, как санитары за пациентами психушки.

Парни заулыбались, услышав про «показательные выступления».

— Нам уже рассказали, — сообщил Макс, — и про ваши с Марселем «выступления» тоже. Но, командир, если мы завтра не проявим командный дух, согласись, будет неинтересно. Потеряется, так сказать, изюминка нашей команды. Можно, мы чуть-чуть пошутим — и все?

— Санек, — Марся толкнул меня в плечо, — а переводяга прав! Нужно держать марку!

— Марся, ты уже привык к бздюлям начальства?

— Одними бздюлями больше, одними меньше; ни я, ни Аллах не заметит.

— Аминь, — поддержал Марсю Рафа. — Командир, мы не сильно.

— Рафа, ты только по людям не шмальни, — сдался я. — Остальные также не допускают человеческих жертв...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Утром новенькие пошли проявлять себя и шутить, а мы направились «повышать квалификацию легкоатлетов», как выразился Ильдар. Пробежав за утро восемь километров, мы тем не менее смогли не только выйти на требуемую дистанцию для слежки за партизанами, но и продвинуться за ними на полтора километра. Во время девятой попытки Ильдар, который шел замыкающим, отсемафорил, что нас кто-то нагоняет. Народ развернулся к гостю, забив на слежку. Две минуты мы старательно изучали лес в поисках хвоста, но ничего не заметили. Парни уже начали косо поглядывать на Ильдара, но тут Олег зашептал:

— Есть движение! Прямо перед нами в сорока метрах. Сейчас он вынырнет возле поваленных деревьев.

И действительно: из ниоткуда возник огромный боец с очень большим пулеметом, за мгновение преодолел препятствие и снова исчез в траве.

— Вот это класс! — похвалил преследователя Димка. — Интересно, кто это?

— Санек, судя по габаритам, Микола, — предположил Марся.

— Очень может быть, — согласился я. — Будем подождать.

Ждали мы около трех минут. А потом я услышал шорох за спиной, неведомая сила ухватила меня за рюкзак и, с невероятной скоростью протащив пять метров, мягко посадила на землю.

— Привет, командир! — сообщил мне неизвестный с ярко выраженным южнорусским говором. Парни удивленно таращились за мою спину. Сложив увиденное сегодня и прочитанное в личном деле Микола, я тоже с ним поздоровался:

— Здоровеньки булы, Микола!

— Ох ты, какой сообразительный! — опять раздалось сзади.

Та же неведомая сила опять меня приподняла и развернула на сто восемьдесят градусов. Передо мной сидел Богатырь. Именно с большой буквы «Б». В высоту и в ширину он был одинаковый, но при этом исполинских размеров. На нем был поношенный, но добротный маскхалат, а в руках, точнее на руке, на левом предплечье, у него лежал пулемет. Ну, казалось бы, лежал бы и лежал, если бы не одно «но». Пулеметом был отечественный крупнокалиберник «Корд» на легком станке!!! Эта картина повергла в шок не только меня, но и всех остальных. Мы тупо пялились на Миколу, а он с прищуром разглядывал нас. Затянувшуюся паузу прервал Мамелюк:

— Микола, привет. Меня Дмитрием звать. Позывной «Мамелюк».

— Привет, Мамелюк, — пробасил Микола.

— Микола, я снайпер, — продолжил Димка.

— Та я вижу, — улыбнулся он.

— Микола, — Мамелюк судорожно сглотнул, — у тебя в руках пулемет?

— А ты наблюдательный, — похвалил Микола, — сразу видать, что снайпер.

— Микола, — продолжал Димка, — но это же «Корд»?

— «Корд», — не стал спорить Микола.

Их дальнейший диалог напоминал разговор психиатра и человека, сильно отстающего в развитии:

— Крупнокалиберный?

— Правильно.

— Со станком?

— Со станком.

— Настоящий?

— Настоящий.

— И лента с патронами настоящая?

— И она настоящая.

— А потрогать можно? — вклинился в разговор Ильдар.

— Ну, потрогай, извращенец великовозрастный, — захохотал Микола, и все тоже расхохотались.

— Так, курсанты, — из-за дерева показался инструктор, — ваше время вышло. Кросс вам обеспечен. Какого лешего вы тут расселись?

— Это кто такой наглый? — вальяжно поинтересовался Микола и, развернувшись, начал вставать.

Опешив от появления в наших рядах нового бойца, к тому же таких габаритов, инструктор уперся взглядом в «Корд» и завис окончательно.

— Командир, может, нам Миколу в полный рост впереди нас вести? — подал идею

Олег.

— Зачем? — не понял я.

— Чтобы все внимание уходило на него и его оружие. Ты только глянь, как инструктор подвис. А ведь он человек бывалый!

Инструктор, наконец, вышел из ступора и, не сводя глаз с пулемета, спросил:

— Кто такой? Откуда взялся?

— Прапорщик Микола Ничипоренко, зачислен в группу «Урал», прибыл для прохождения учебы.

В дальнейшем диалог инструктора с Миколой был очень похож на диалог с Мамелюком. Начался он так же:

— Микола, а у тебя в руках «Корд»?

Когда инструктор спросил про ленту, мы не смогли сдержаться и захохотали. Наш смех вывел его из очередного ступора, и он приказал:

— Для подготовки к летним олимпийским играм на пробежку шагом марш!

Мы выматерились и пошли к беговой трассе. Ко мне подошел Микола:

— Командир, ты извини, что напугал. И извини, что из-за меня всех наказали. Просто, когда я пришел к месту старта, меня инструкторы отправили вас догонять.

— Не извиняйся. Напугал ты меня не сильно. Сильно только удивил. И насчет наказания не переживай. Сегодня не первый километр бежим. И не последний. Ты, кстати, других новичков не видел?

— На стрельбище пулеметчика видел. Фич, кажется, его звать. Он из крупнокалиберника на мишени восьмерки рисовал. Судя по пачкам сигарет и хмурым мордам инструкторов, сделал он это на спор.

— А гранатометчика не видал? — спросил Марсель.

— Нет, не видал. А переводчика видел. Ему руки перевязывали.

— Перевязывали или связывали?! — насторожился я.

— Перевязывали, — подтвердил Микола.

— А что у него с руками?!

— Я толком не понял. Судя по всему, они с кем-то из местных в тамишивари соревновались.

— И кто победил?

— Не знаю.

— Микола, — я решился задать мучающий меня вопрос, — а тебе не тяжело с такой «дурой» бегать? Он же вместе со станком и лентой больше сорока килограмм весит.

— Нет, не тяжело, — усмехнулся Микола, — не переживай, командир. Который год я с ним хожу. Он уже часть меня.

— Так ты со своим пулеметом приехал?!

— У меня все свое, — подтвердил Микола. — А пулемет мой, никому не нужен. Он специально под меня доработан.

— А стреляешь ты из него как? — поинтересовался Марся.

— Восьмерку на мишени нарисовать могу, — успокоил он нас.

К этому времени мы подошли к беговой трассе и «начали повышать квалификацию». Микола, несмотря на мои опасения, от нас не отставал, бежал спокойно, дышал ровно. На финише нас ждали Макс, Рафа и Фич. У Макса действительно были перебинтованы обе кисти рук. И все трое впали в ступор, увидав Миколу. Фич вообще от восхищения и легкой

зависти чуть ли не слюной начал капать.

К переводяге подошел Ильдар и начал разматывать бинты.

— Макс, что с руками?

— Об кирпичи разбил, — пояснил Макс. — А на кой ты разматываешь? Меня нормально перевязали.

Ильдар, несмотря на возмущения Макса, разбинтовал обе кисти, внимательно их осмотрел, прощупал все кости и суставы, после чего достал свою аптечку.

— Слушайте сюда все, — обратился он к группе, начиная перевязку. Голос и интонации при этом у него стали другие. С нами теперь говорил не офицер и не веселый человек, а профессионал своего дела, врач с большой буквы. Этот тон впоследствии моментально заставлял замолкнуть любого из бойцов. — Любая ваша царапина или прыщ должны быть осмотрены мною. Любая простуда, кашель или насморк должны лечиться мною. Любые ранения или порезы должны зашиваться мною. Только на таких условиях я гарантирую вам, что вы выживите. О квалификации врачей, находящихся на передовой, вы скоро узнаете. Если уже не узнали. Всем все понятно? Молодцы.

Я представил Миколу и парней друг другу. Фич тут же попросил у Миколы пулемет «поносить».

— Макс, чем тебе кирпичи не понравились? — спросил я у переводчика.

— Не мне. Инструктору по огневой. Местный переводяга погонял меня пять минут и отправил дальше, — начал рассказывать Макс. — Когда пришел в тир, тамошний абориген начал толкать речь о беспомощности переводчиков на войне. По морде, как ты просил, я бить не стал, а предложил доски поразбивать. Он согласился. По доскам у нас ничья вышла. Он предложил кирпичи. Вот о них я руки и разбил.

— Ты хоть победил?

— Отказ соперника от продолжения соревнования считается победой?

— Считается. Он кости себе сломал?

— Скорее всего.

— Ты каким видом карате занимался?

— Кекушином.

— Вопросов больше не имею. Так, братцы мои, — обратился я к своему воинству, — в нашем полку прибыло. Теперь у нас есть настоящий профессионал, который не так давно доказал это. Такого класса в скрытном перемещении на местности я даже у местных не видел. Микола, назначаю тебя инструктором по скрытному ползанию по пересеченной местности. Вопросы, возражения есть? Нет?! Вот и замечательно!

И Микола начал нас учить. Его объяснения и примеры были настолько просты и понятны, что через неделю, когда группа уже была в полном составе, с нами ползали молодые инструкторы «Валгаллы». Они учились у Миколы. Они учились учить. Всего месяц понадобился группе, чтобы постичь эту тяжкую науку. Через месяц мы прошли полосу за рекордный срок. На следующий день Микола снова выгнал нас на полосу. Партизан изображали молодые инструкторы, которые до этого ползали с нами. В нашу задачу входило в процессе движения бесшумно повязать всех партизан. С задачей мы справились с первого раза.

Через два месяца был выпуск. Из «Валгаллы» мы были выпущены с такими характеристиками, что сразу попали в прямое подчинение к Зимину, а в скобках читалось — к Барону. Нас не «обкатывали» в прифронтовой полосе, не ставили на прикрытие Ковалю и

его бойцов. Нас сразу загнали в тыл к противнику, где мы совершили свой первый подвиг и обратили на себя внимание не только Барона, но и «широкой общественности».

* * *

А сегодня мы крались по следу итальянцев. Крались в пределах прямой видимости. Мы в очередной раз должны доказать и себе, и врагу (и что самое печальное, нашему командованию) свой высокий класс, свою репутацию, свою стоимость, в конце концов.

За румынами мы шли уже четыре часа. Двигались они хорошо: темп максимальный, перемещения слажены и бесшумны, систематическая проверка на предмет хвоста и закладка растяжек с сигналками. Но наша школа была лучше, поэтому нас они не замечали, а их сигналки становились нашими трофеями. Следы ведущей пары румын читались отчетливо, а вот мои прохиндеи «свели» редко. В основном для того, чтобы основная группа румын не теряла уверенности, что они все делают правильно.

В очередной раз переждав проверку и пополнив свой арсенал очередным трофеем, мы «потекли» за преследуемыми. Дождь к этому времени уже прекратился, но трава и земля были настолько сырыми, что с расстояния трех метров моих бойцов можно было принять за кучи грязи — так мы вывозились. Андрияха показал, что позади нас есть движение. Я жестом приказал ему остаться и встретить гостя. Скорее всего, нас нагонял Петюня. И действительно, через десять минут нашу троицу пополнил радист. Он отчитался, что за нами все чисто, и поинтересовался «планами на будущее». Как и прежде, я скомандовал: «Преследовать».

Показалась огромная поляна, местами поросшая молодым хвойником. Идущий впереди Макс подал сигнал остановиться. Все замерли. Он перевернулся на спину и, отыскав меня взглядом, позвал к себе. Добравшись до Макса, я кивком головы поинтересовался причиной остановки. Мое удивление было вызвано в большей степени тем, что румыны или итальянцы, в общем преследуемые, уже в полном составе крались по поляне. «Засада», — жестом показал Макс. «Чья?» — спросил я жестом. Макс вместо ответа пожал плечами, показывая, что не знает.

— Макс, — очень тихим шепотом поинтересовался я, — где засада?

— На поляне.

— Чья?

— Не знаю, но она точно есть.

— С чего ты взял?

— На поляне что-то неправильное!

— Хорошее объяснение. Румыны делали паузу, прежде чем выйти на нее?

— Нет, прут как носороги.

— Так что тебе не нравится?

— Она слишком подозрительная, — «порадовал» меня переводяга очередным железным аргументом.

— Подозрительная, говоришь, — пробормотал я и начал рассматривать «неправильную» поляну.

С первого взгляда, поляна была самая обычная. Со второго — тоже. А с третьего появилось ощущение, что на меня кто-то смотрит. И смотрит именно с поляны.

— На нас кто-то смотрит, — прошептал я Макс.

— Точно! — радостно согласился он. — А я понять не мог, что меня тормозит. А кто смотрит?

— Вопрос на десять баллов! Лучше давай прикинем, откуда смотрят!

Макс очередной раз уставился на «нехорошую» поляну. Я тоже. В голове побежали цепочки мыслей: «Предположим, я солдат. Мне нужно найти и, допустим, уничтожить

некую группу хорошо подготовленных спецов. Я знаю или вычислил их маршрут и нашел удобное для засады место. Как бы я выставил засаду? Микола и Коваль учили ставить засаду в два кольца. Внешнее осуществляет наблюдение и прикрытие, внутреннее уничтожает или захватывает. Поляна большая и местами очень открытая. Молодая хвойная поросль растет крайне редко. И одно из этих мест как раз на маршруте румын. Там бы я обязательно кого-нибудь посадил из внутреннего кольца. Но румыны тоже не вчера воевать начали и гарантированно обойдут это место по безопасной дуге. И именно на этой дуге я или Коваль на них бы и напали. Или расстреляли. Просчитать месторасположение бойцов внутреннего круга я не смогу. А с внешним можно попробовать. Те, кто осуществляет прикрытие, должны иметь обзор во все стороны. Следовательно, по их лежкам попробуем их просчитать».

— Макс, ищи внешнее кольцо, — подсказал я.

— Легко сказать, — пробубнил он. — С какого места искать?

— Где бы ты залег?

— В хвойнике.

— Я тебе про внешнее говорю, чучело.

Макс минуту разглядывал поляну, а потом сообщил результат:

— Обрубок чего-то лиственного на час видишь?

— Да.

— Вот там бы я точно залег. Обзор во все стороны, а торчащие корни позволяют крутить головой, не засвечивая позицию.

— Молодец, — похвалил я его.

— Взять с полки пирожок? — поддакнул он мне одной из моих любимых присказок.

— Можешь даже два. Если румыны пройдут чисто, берешь Андрюху и проверяете это деревце. А я с Петькой пощупаю еще пару мест, которые очень мне не нравятся. Макс, «щупать» из леса и с глушителем. Понял? Ждем.

Но ждать нам не пришлось. Румыны, которые почему-то двигались пятиугольником (в середине шли трое), как раз обходили по широкой дуге тот заманчивый хвойник. И когда они начали возвращаться на прямую, произошло нечто!!! Возле каждого из егерей вынырнуло по два человека. Вынырнули из земли. Вынырнули и скрутили всех. На захват восьми хорошо обученных егерей ушло три секунды. Ни единого выстрела, ни единого вскрика.

— Это кто был? — ошарашенно поинтересовался Макс.

— Не суетись. Скоро узнаем.

Я повернулся к Андрюхе и Петюне, лежащих в десяти метрах позади нас. Жестом обозначил «готовность к бою» и наш любимый сигнал «готовность к радостному и храброму бегству». Бежать и воевать, к счастью, не пришлось. В том месте, где были захвачены румыны, материализовался боец внушительной комплекции. Он посмотрел на заросли молодняка, а потом, повернувшись в нашу сторону, начал звать кого-то, махая рукой. Я уже собрался приступить к храброму отступлению, когда Макс зашептал:

— Коваль, сука! Командир, это Коваль!

Я отобрал у Макса бинокль. Действительно, в нашу сторону, не спеша, брел Леха с крайне довольной рожей лица.

— Чего разлеглись? — обратился я к своим. — Пошли сдаваться!

Как только мы вышли на поляну, из своих укрытий начали выбираться бойцы Ковалья. Те, кто был рядом с нами, подбегали, здоровались, обнимались и бежали к захваченным

румынам.

— Здравствуй, Бармалеище, — крепко обнял меня Леха. — Ты даже не представляешь, как я рад, что ты живой!

— Привет, Леха, — ответил я. — А уж я-то как рад!!! Кстати, где мои прохиндеи?

— Ты про которых? — с усмешкой спросил Коваль. — Про утренних или про дневных?

— Для начала, где Марся и компания?

— Вон там, — он показал рукой в хвойник, — сидят.

— А Ильдар и Мамелюк?

— На той стороне поляны.

— Замечательно! А теперь рассказывай.

Коваль ухмыльнулся и ответил:

— Сейчас в лес свалим — и расскажу. Принимай командование над своими головорезами.

— Как будто ты до этого нами командовал! — вылез из кустов Марсель.

— Марся, заглохни. Помогай парням и рысью на ту сторону поляны.

— Зачем им помогать? — удивился он. — Они сами все без нас сделали.

Через три минуты спецгруппа «Урал» успешно собралась воедино и совместно со спецгруппой «Закат» залегла в лесу.

— Леха, среди пойманных тобою румын Роджер есть?

— Среди пойманных мною румын румын нет. Среди них одни итальянцы.

— А Роджер?

— И Роджер.

— А ну явите мне его немедленно, а то гневаться буду, — заверещал я противным голосом.

— Слушаюсь, ваше высочество, — склонился в шутливом поклоне Леха. — Пошли, познакомлю тебя с легендой итальянской разведки.

Под охраной четырех Лехиных бойцов лежали лицом вниз восемь человек. Семеро были в форме румынских егерей, а восьмой — без нее. Точнее, он был вообще без одежды, не считая ручных и ножных кандалов и кляпа во рту. Коваль подошел к раздетому человеку и перевернул его на спину.

— А кто это у нас тут такой волосатенький лежит? — голосом, полным умиления, обратился я к пленному.

Легенда итальянской разведки представляла собой полненького мужичка небольшого роста, с кучерявой головой и повышенной шерстистостью на теле. У него были густые, «брежневские» брови, глубоко посаженные глаза, очень курносый нос и тонкие губы. «Легенда» имела вид крайне жалкий, была перемазана грязью и, судя по «гусиной» коже, уже начала замерзать от лежаний на сырой земле.

— Бонжорно, синьор Луиджи, — блеснул я знанием итальянского языка. — Как же ты мне надоел за прошедшие сутки, мафиози долбаный!

— Санек, — Марся тоже подошел посмотреть на «легенду», — ты думаешь, он тебя понимает?

— Не переживай, Марся, — успокоил его Коваль, — он замечательно говорит и пишет по-русски.

— А раздели вы его на кой? Еще простудится, лаять не сможет? — поинтересовался Марсель.

— Так у него в одежде маячки могут быть. Вот и подстраховываемся.

— А если он его проглотил? Или он вживлен? — не сдавался Марся.

— Чистый он. Проверили, — успокоил Коваль.

— Вы его голым потащите?

— Не переживай, гуманист. Оденем. Парни сейчас снарягу в порядок приведут. И оденем.

— А рот на кой заткнули?

— Вот, сразу видно, что вы, «Уральцы», тати и душегубы. Вам бы только взрывать и убивать. А у нас специализация тонкая, ювелирная, я бы сказал: найти, аккуратно спеленать и целым и невредимым дотащить до заказчика. Шарик в пасть ему засунули, чтобы он себе язык не откусил и не помер от потери крови. Эх ты, салага. Учишь вас, учишь. А толку?!

— Ладно, не зуди, ювелир, — проворчал Марся. — А остальные почему без кляпов?

— А остальные нам без надобности, — «обрадовал» «остальных» Коваль. — Они могут себе хоть яйца откусить. Я только им помогу.

— Леха, заканчивай свой ликбез и давай уже рассказывай.

Из рассказа Лехи выяснилось следующее. Два месяца назад, после ряда крупных диверсий, румынское командование задумалось о привлечении специалиста со стороны. Своих мозгов уже не хватало. Самой оптимальной кандидатурой оказался Луиджи, так как обладал необходимым опытом, был известен своим умом, и у него была сформирована хорошая команда. Вытащив его из юго-восточной Азии, где он охранял чьи-то плантации наркоты, они поручили исправить сложившуюся ситуацию и переловить всех русских, шастающих по тылам румын, как у себя дома.

О прибытии в расположение румын итальянского специалиста Барон узнал за неделю до приезда Роджера. Такой пакости от коллег из лагеря противника он не ожидал, поэтому был неприятно удивлен. Ему не хотелось, чтобы на его группы охотился кто-то опытный. Отказавшись от идеи подкупа, Барон принял решение: выкрасть итальянца и у себя в застенках выведать у него все секреты секретные, а потом зверски и прилюдно его растерзать. Чтоб другим неповадно было... На этот подвиг, естественно, был подписан Коваль и его банда. Оставался лишь один маленький вопрос: как вытащить товарища итальянца из теплого кабинета в чисто поле?!

Разработав очень хитрый план, он приступил к его реализации. Высокая честь быть наживкой выпала мне и моим раздолбаям, но «гениальный» план «хорошего парня полковника Жеребенкова» спутал все карты Барона. Ему пришлось импровизировать. Убедившись, что секретный тоннель, который мы отправились взрывать, находится в зоне ответственности Роджера, Барон изменил и маршрут движения, и способы захвата гадкого итальянца. Барон все рассчитал правильно: уничтожение тоннеля Роджер воспринял как личное оскорбление и отправился разбираться на место событий. Убедившись по косвенным признакам, что тоннель уничтожен в результате диверсии, итальянец начал рыть носом землю и принуждать к этому румын. Румыны, естественно, не поверили чужаку и выполняли его приказы спустя рукава. Соответственно, Роджеру пришлось лично заняться поиском. Он правильно рассчитал направление нашего отхода. Он правильно отправил поисковиков. Он правильно не поверил результатам поиска, которые принесли ему румыны, не найдя нас возле «зеркала». И абсолютно верно он расставил своих людей на выходе из долины. К счастью для нас и к большому сожалению итальянца, он не смог просчитать ни безумную гениальность Барона, ни оперативность Ковалья, ни мою вредность и упорство. Соответственно, ловя диверсантов, он не подозревал, что ловят его. Для него стало

неожиданностью наше скрытное бегство от «зеркала» и уничтожение пары наблюдателей. Подрыв егерей возле безвременно усопшего Наемника стал для него началом трагедии, а уничтожение поисковиков возле болота ее довершило. И Роджер лично выдвинулся в лес. Выдвинулся и подписал себе приговор.

— Леха, а где вы ждали Роджера?

— Севернее. Мы надеялись, что он на вертушке прибудет. И там его повяжем. Кто ж знал, что вы так все испохабите!

— Извини, родной, но если бы не дождь, все прошло бы по плану. Пришлось импровизировать. А вы как тут оказались, да еще и с Марсей?

— Благодаря тебе. Когда Петюня от болота выдал в эфир сообщение для Марси, мы, естественно, его тоже расшифровали. Потом из радиоперехватов переговоров румын мы узнали и про массовый подрыв у выхода в долину, и про уничтожение поисковиков возле болота. А сбитая вертушка убедила и меня, и командование, что Роджер лично пойдет тебя ловить. Вендетта, мать ее. Мы сразу и сорвались вам навстречу. На марше вышли на Марсю.

— Вышли они, — пробурчал Марся. — Так и скажи: протопали по головам и, не заметив, пошли дальше.

— Ты их не заметил? — спросил я Ковалю.

— Нет, — улыбнулся он, — но и они нас не заметили.

— В смысле?

— Они вас ждали, ну и «закопались». А «закапываться» вы умеете. Обнаружить мы их не смогли и потопали прямо по ним. А они, соответственно, проспали нас.

— Марся, это правда?

— Конечно, правда, — с некоторой обидой на Ковалю ответил он. — Ты же знаешь, как они подкрадываться умеют! Когда я понял, что по нам кто-то топчется, они уже к лежкам дозорным подходили. Ладно, хоть Леха повернулся и Микола его узнал.

— Напугали?

— Напугали, — ответил Коваль и расхохотался. — Чувствую — смотрит на меня кто-то. Повернулся, а из земли ствол торчит, и голос оттуда же: «Тра-та-та. Коваль, падай, ты убит». Я с перепуга чуть гранату не кинул. Потом ствол узнал, а потом и голос.

— А дальше?

— А что дальше? За десять минут прикинули все расклады. Я поделился информацией от Барона, и мы ломанулись тебя встречать. «Закопались», лежим, ждем. Смотрим: два румына крадутся. Мы их в лес пропустили, чтобы поляну не пачкать, там Микола их и приголубил. Только румын встретили, как Ильдар и Мамелюк к поляне вышли. Только вышли, Мамелюк Ильдара за шкварник и обратно в лес потащил. Учужал, убийца, что засада тут. Залег и давай стволом землю «нюхать».

— «Унюхал»?

— Не успел. Олег из лежки ему средний палец показал. У меня такое ощущение, что они друг друга по запаху чувствуют. Тот, как палец увидел, опять Ильдара за шкварник и на поляну, а сам громко бубнит: «Куда бежать? Куда бежать?» Микола из леса ему просемафорил, они к нему и проскакали. А потом Роджер вышел. Спец, блин, хренов. А за ним и вы приползли. Макс — молодец! Увидеть не увидел, но учужал!

— Понятно. Дальше-то что делать будем?

— Барон приказал расходиться. Мы через ближайший перевал пойдем, а вы, по ранее утвержденному плану, топаете на север.

— Думаешь, будет хвост?

— Скорее всего, нет, но нас прикрыть все равно нужно. Мы же с трофеем пойдем.

— С трофеем? Почему в единственном числе?

— Барону нужен только Роджер, остальных в расход.

С земли послышалось протестующее мычание. Мы посмотрели на лежащего Роджера.

— Замерз что ли, болезный? — с притворным участием спросил Леха.

Роджер отрицательно замотал головой.

— Тогда лежи и не дергайся. Я ж могу тебя и без сознания нести.

Итальянец, несмотря на угрозу Ковалья, продолжил активно мычать.

— Лех, — спросил я Ковалья, — может, послушаем, что скажет представитель мафии?

Коваль задумался, а потом обратился к Роджеру:

— Слышь, макаронник, если я кляп вытащу, ты глупостей не наделаешь?

Итальянец отрицательно замотал головой. Леха наклонился к нему, подумал, а потом выдал:

— А ну тебя в баню! Ты себе язык откусишь, а мне Барон потом яйца оторвет. Так посидишь. Не исповедавшись! Парни, оденьте его, в конце концов. Заболеет еще. А мы пока послушаем вторую скрипку в вашем оркестре. Товарищи итальянцы, — обратился он к остальным пленным, — кто из вас говорит по-русски?

— Я говорю, — сообщил крайний из них.

По команде Ковалья один из сторожей перевернул говорившего на спину, а потом помог сесть.

— Как звать? — спросил Коваль.

— Пабло.

— Пабло, ты догадываешься, о чем с нами жаждет поговорить твой командир?

— Скорее всего, он хочет выторговать нам жизнь.

— Всем? — поинтересовался я.

— Нет. Из «пиратов» тут только трое вместе со мной. Те двое, что шли впереди, — это местные румыны, а остальные четверо — обычные наемники.

— Однако! Несмотря на статус наемников, Луиджи оказался хорошим командиром! Роджер, ты действительно за своих людей попросить хотел? — спросил Коваль итальянца.

Тот утвердительно качнул головой. Леха задумался.

— Пабло, — вклинился я в беседу, — что именно твой командир может предложить за ваши жизни?

— Только информацию. Полное раскрытие информации, которой он владеет.

— А вы?

— Мы знаем меньше, чем он, но можем рассказать о других операциях. Это может быть очень интересным для вас.

— Это может быть интересно для нас? — спросил я у Ковалья.

— Саня, мне лично по барабану, что они творили на чужих войнах. Но Великий и Ужасный может заинтересоваться.

— Потацишь всех «пиратов»?

— Надо подумать. Скорее всего, только тех, кто по-русски говорит.

— Мы все говорим по-русски, — моментально ответил Пабло.

— Значит, тех, кто больше знает, — с иронией предложил Коваль.

— Мы все знаем одинаково, — не сдавался «пират».

— Хорошо. Тех, кто больше воевал, — продолжил подтрунивать над пленным Леха.

— Мы все одного возраста и везде воевали вместе, — парировал он.

— Ну, тогда... — задумался Коваль, уже не зная, что предложить.

— Мы все рядовые, мы все итальянцы, мы все католики, — затараторил Пабло, отсекая любые признаки, по которым Коваль мог выбрать жертву.

— Все женаты? — решил подыграть ему я.

— Да.

— У всех есть дети?

— Да!

— У всех тещи?!

— Да!!

— У всех есть любовницы?!!

— Да!!! — на автомате выпалил он, а потом, спохватившись, поспешил сообщить: — Нет! Только у командира.

— Сколько их? — продолжал издеваться я.

— Две, — удивленно протянул он. — А откуда вы знаете, что не одна?

Мы расхохотались. До Пабло дошло, что мы шутим, и он напряженно улыбнулся.

— Коваль, — отсмеявшись, обратился я к Алексею, — парень убедительно бился за свою жизнь и жизнь товарищей. Будет нехорошо порешить их тут. Ты четверых сможешь довести?

— Смогу, — подтвердил он, — но у меня есть условие: Пабло, я сохраню тебе и твоим сослуживцам жизнь, если ты сампустишь в расход оставшихся бойцов.

— Что я должен сделать? — не понял Леху Пабло.

— Ты лично убьешь оставшихся бойцов. Я дам тебе пистолет и четыре патрона, и ты сам их убьешь. Как тебе такой вариант?

— А вы точно нас возьмете с собой?

— Слово офицера, — заверил Коваль.

Пабло посмотрел в сторону Роджера и спросил:

— Командир, слову этого русского можно верить?

Роджер в ответ утвердительно закивал.

— Хорошо. Давайте пистолет.

— Не спеши, — осадил его Коваль и крикнул в сторону своих бойцов: — Лавруха!

— Уже несущу, — отозвался второй радист Ковалья и подошел к нам, держа в руках маленькую цифровую видеокамеру.

— Значит так, Пабло, слушай порядок действий: сейчас ты на камеру рассказываешь собственные анкетные данные. Потом все то же самое о каждом из своих сослуживцев. После чего получаешь револьвер с одним патроном и так же, на камеру, убиваешь одного из своих. После этого я вставляю в револьвер второй патрон, и ты делаешь то же самое. И так до тех пор, пока ты не убьешь четверых. Мы договорились?

— Да, — быстро и очень спокойно ответил тот.

Лавруха огляделся, попросил двух парней из своей группы сместиться в сторону, чтобы не попали в кадр, и включил камеру. Пабло прокашлялся и коротко рассказал о себе. Пока он рассказывал, бойцы Лехи поставили всех пленных, кроме Роджера, на колени. Как только Пабло закончил рассказывать о себе, Лавр повернул камеру на остальных пленных. В это время Коваль освободил Пабло правую руку и подтащил его к сослуживцам. Пабло быстро

рассказал о каждом из них. После чего Леха приставил к его горлу нож, а в руку вложил револьвер. Раздался выстрел, потом второй, потом третий и четвертый. В итоге — четыре трупа с простреленными головами. И ни разу никто из нас не попал в кадр. Лавр выключил камеру и сообщил:

— Стоп. Снято. Всем спасибо, все свободны, а Пабло был бесподобен!

Итальянец никак не выдал своих чувств. Только сигарету попросил.

— Саня, — задумчиво почесывая затылок, обратился ко мне Леха, — а ты бы смог так поступить ради своих парней или меня и моих головорезов?

— Я бы в плен не попался.

— А ты гипотетически предположи, — попросил Коваль.

— Гипотетически, — задумался я. — Если бы был на службе Родины, то нет. «Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти», — процитировал я «Слово о полку Игореве». — А если бы был наемником — то легко.

— Вот такие сволочи и отморозки служат в подразделении «Урал»! — резюмировал Коваль. — Так, слушать сюда всем: пленных переодеть и просканировать. Лавруха, копию с «подвигом» итальянца можешь оставить?

— Могу.

— Выполнять! Чистим все за собой и готовимся. Через десять минут разбегаемся. Саня иди сюда, маршруты согласуем.

Через десять минут Коваль со своими бойцами растворились в лесу. Вместе с ними растворились четыре итальянца, трое из которых несли четвертого на импровизированных носилках. Мы выждали положенный час и пошуршали в заданном направлении. Шуршали очень быстро, потому что впереди нас ждала неделя отпуска.

Ночь провели на марше, поэтому утром уже спустились с гор, и я решил сделать привал. Выставили дозоры и разлеглись. Кто-то начал кемарить, кто-то решил перекусить.

— Димон, ты что первым делом в отпуске сделаешь? — поинтересовался Марсель у Мамелюка.

— В баню пойду.

— С бабами? — оживился Марсель.

— Нет. Отмокать. На сутки засяду...

— А ну тебя, — махнул рукой Марсель. — Ильдар, а ты чего? — продолжил он приставать к бойцам.

— Набью морду и руки переломаю той паскуде, которая аптечки комплектует. Опять просроченные таблетки подсовывать начали...

— Да, вашу мать! — выругался Марсель. — Кто-нибудь пойдет по бабам?

— Олег пойдет, — кивнул в сторону второго снайпера Рафа, — у подполковника Громыко дочка приезжает.

— Олег обломается, — резюмировал Марсель. — На эту кралю, кроме него, два штабных майора глаз положили. А Олег на их фоне теряется.

— Может, на их фоне он и теряется, но слово, а точнее — дело, за дочкой Громыко, — заступился за него Андрей.

— И чего? — прищурился Марсель.

— И ничего. Пока тыловики перья чистили и марафет наводили, он ее у нас в палатке два раза оприходовал. И хорошо оприходовал. Визг стоял такой, что я ментов от лагеря отгонял прикладом.

Бойцы восхищенно, а некоторые и с завистью посмотрели на Олега. Олег скромно помалкивал.

— И ты, донжуан китайский, мне не сказал... — наехал на него Марсель.

Намечающиеся разборки по поводу информационного голода были прерваны появлением двух бойцов, которые тащили бездыханное тело в форме войск Румынии.

— Командир, мы тебе подарок приготовили! — сообщил Макс. — Сам на нас напоролся. Думали, мимо пройдет, а он прямо на Вартанчика наступил.

— Судя по тому, что он без сознания, Вартанчик за это на него обиделся...

— На кой вы его приперли? — вмешался Марсель. — Прирезали бы, и делов!

— Ты чего, опух? — окрысился на него Макс. — Целого полковника просто так резать?!

Мы подошли к пленному. Действительно полковник. Лет пятьдесят или пятьдесят пять. Но странный какой-то. Не похож на кадрового военного. И кого-то он мне напоминает...

— Тьфу на вас, — скуксился Марся. — Или тыловик, или, еще хуже, — ополченец.

— Ильдар, приведи его в чувство. Разговоры разговаривать будем.

Через три минуты пленный ошалело таращился на нас.

— Макс, — позвал я переводчика.

— Чего орешь? Тут я, — раздалось из-за спины.

— Так вы русские?! — порадовал нас знанием родной речи пленный. — Слава Богу!

— Ой, как интересно... — Я присел возле полкана. — И кто мы такие образованные будем?

— Я вам все объясню, только не убивайте...

В течение пяти минут румын на хорошем русском поведал нам, что он ополченец, у него семья и дочки не замужем, что до войны он был преподавателем в университете, читал историю, что он дезертировал из части, так как одна из дочерей заболела. В начале рассказа дочерей было три, к концу их стало четыре. Более ценную для нас информацию пришлось вытягивать самим, так как румын все время скатывался на скулеж вокруг своей семьи. Через двадцать минут данных появилось больше, но они никак не вязались с «легендой» полкана. Пришлось вносить ясность:

— Уважаемый Мацал Курочек...

— Я не Мацал...

— Ша! Сейчас я буду говорить. Судя по вашему рассказу, ваш дом и больные незамужние дочки находятся на удалении в девяносто километров от линии фронта, притом строго ей перпендикулярно. Это во-первых. Во-вторых, ваша часть, из которой вы якобы дезертировали, находится в пятнадцати километрах от линии фронта. Так скажите мне, родной, какого лешего вы, вместо того чтобы драпать на запад, «до дому, до хаты», второй день ломитесь в обратном направлении, да еще со смещением на север? Заблудились, абориген хренов?!

— Я... я... — заблеял румын. — Я все расскажу, только не убивайте. Янки, которые находятся еще севернее, в старом замке в горах, хотят поднять графа Влада Дракона и заключить с ним сделку. Чтобы он напал на ваших солдат, чтобы вы испугались и ушли с этой земли. Я могу сделать так, что Дракон не поднимется.

«Америкосы... старый замок... Влад Дракон, он же Влад Цепеш, он же Влад Дракула... преподаватель истории в университете... человек, похожий на Евгения Леонова! Ну, здравствуй, Доцент!» — такие мысли пронеслись в моей голове.

А Доцент тем временем замолчал и с видом побитой собаки смотрел на нас.

— Ильдар, будь другом, проверь: он не обдолбанный ли часом?

Ильдар осторожно подошел к румыну, пощупал пульс, посмотрел зрачки, задал несколько вопросов.

— Командир, я, конечно, не психиатр и не нарколог...

— Знаем, знаем, ты гинеколог...

— ...но на торчка он не тянет, — не обратив внимания на подколку, закончил Ильдар.

— Ильдарище, — я укоризненно посмотрел на него, — тогда как ты объяснишь сказку, которую мы слышали? Он же на полном серьезе нам про Дракулу рассказывает!

— Санек, а граф Дракон и граф Дракула — это одно лицо? — встрял в разговор Марся.

— Если верить легендам, то да.

— А где он у них жил? — не унимался Марся.

— В Трансильвании.

— Так мы же в ней и находимся!

— Слышь, ты, любитель легенд, — обратился я к нему, — ты себя со стороны послушай.

Пока я не стал сообщать парням о том, что знаю, кто попал нам в руки. Не стал говорить и про шифровку с аналогичной информацией, полученную Бароном за день до нашего выхода. Мне была интересна реакция моих парней: как отреагирует группа трезвых, вменяемых бойцов на возможность оживления старого вампира?

— Вы мне не верите, господин капитан? — грустно спросил румын. — Напрасно.

— Саш, а ты вспомни про наши «тени» и про подсказки лешего... — начал было

Ильдар, но его перебил Петюня:

— Саня, тебя штаб хочет. — И протянул мне спутниковый телефон. Я обалдело уставился на радиста: использовать такой вид связи в тылу противника было очень рискованно. — Не переживай, канал закрытый, — зашептал Петюня, — плюс штаб заверил, что нас, если даже и засекут, то ловить не будут. Некогда им!

На том конце оказался аж генерал-майор Ивлев.

— Сашок, — печально начал он, — можешь на меня обижаться, можешь даже отmaterить, но, кроме твоих бойцов, один черт, мне послать некого. Точнее, есть кого, но ты с своими головорезами справишься лучше всех.

— Ибииииическая сила... — вырвалось у меня.

— Во-во, и я о том же, — грустно подтвердил Ивлев.

— Товарищ генерал-майор, — заканючил я, — который день ползаем, задолбались в доску. У меня уже ноги до самой жопы стерлись. Ну пожалейте...

— Сашок, ну не плачь. Мне, думаешь, тебя не жалко? Ну пойми меня, старика, — судя по голосу, Ивлев понял, что долго уламывать меня не придется, и перешел на деловой тон. — Тебе нужно маленький кружок сделать — и все.

— Маленький — это сколько? — настороженно поинтересовался я.

— Дык, всего-то километров двадцать, — выдал тот и напряженно затих.

— Еперный театр...

— Ну а какой же еще! Там делов-то: посмотреть, что внутри. И домой! А я вам за это еще две недели отпуска накину.

— И талоны на усиленное питание...

— Точно! И бесплатный абонемент на месяц в бордель. Ну, уважь старика.

— Я, кстати, «языка» тащу, — попытался отмазаться я. — Куда его девать?

— Какой «язык»? Откуда? — не понял Ивлев. — Саша, мы не план пятилетки выполняем, нам трудовые рекорды не нужны. Откуда он взялся?

Я вкратце объяснил ему, откуда взялся румын, упомянув про его «легенду». Барон натужно засопел и очень вкрадчиво спросил:

— Только не говори мне, милый друг, что вы Доцента повязали.

— Его родимого, — грустно подтвердил я.

— Это ж надо! — воскликнул генерал. — Мы этого старого козла который день выловить не можем, а он уже пойман. И так удачно! Короче, тебе повезло дважды! Теперь сам Бог велел именно тебе проверять этот гребаный замок. Ты этого румына оберегай как зеницу ока. Ты слышишь?! Что хочешь делай, но румын должен быть жив!

— Товарищ генерал, так, может, мы румына в штаб припррем, а потом до замка? — я все пытался хитрить.

— Сашенька, — в голосе Ивлева появились нехорошие интонации, — ты мне мозги не пудри. Это, во-первых. Во-вторых, этот румын и так должен был быть доставлен к замку. И потащили бы его туда ты и твои головорезы. Так что — не упирайся. Раньше начнешь — раньше кончишь.

— А вампиры, ну, то есть Дракула? — тупил я.

— Так, радость моя, — расвирепел Ивлев, — единственный вампир на этой войне — это ты! А, нет! Еще Коваль! Вы мне уже всю кровь, гады, выпили. Знаете, что вы лучшие, и пьете мою кровь, пье-е-е-те... Кто, твою мать, на машине зампотыла мишень нарисовал? Кто?! Кто на тропинке к блиндажу особиста коровьего дерма наложил? А?! Кто

инструкторов по рукопашному бою поломал? Кто, сволочь ты эдакая? Уважаемые люди, один из них майор, чемпион Европы...

Да-а-а, с инструкторами неудобно получилось... В тот день два моих засранца отмечали день рождения третьего, не меньшего засранца. В общем, интернациональное трио, а именно — Марся, Зяма и Микола — решили отметить день рождения Миколы. По какому именно календарю они его отмечали, я не знаю, но судя по наличию в составе Зямы — по иудейскому. Поводом к сабантую послужила посылка от родных нашего першого хохла. Что могли прислать родственники Миколы? Правильно: сало. Нет, не так. САЛО!!! К нему в придачу грелка первача и прочих вкусностей.

Посылки бойцам моей группы приходили на имя сотрудника «Военторга», имеющего неприличную фамилию Ворхмакер. Абрам Соломонович Ворхмакер приходился очень дальним родственником нашему Зяме и по родству, а также за небольшую мзду передавал посылки любимому племяннику. Такая схема была выбрана из-за тотального досмотра проходящей почты особистами. А почту военторговцев они почему-то не досматривали.

Получив в тот день «привет с Родины», трое раздолбаев попытались скрытно проникнуть в расположение. Но на подходе, как и полагается разведчикам, ими было обнаружено, что все свободные от нарядов сослуживцы, в том числе и я, стоят на плацу по стойке смирно, а перед ними ходят два незнакомых мудака с офицерскими погонами и что-то вещают. Дабы не попасть под раздачу и сберечь посылку, ими было принято решение «уйти в партизаны». «Пропартизанив» полчаса, залив слюной окрестные кусты, они, «во избежание порчи продовольственных запасов, а также возможной конфискации», немного отпили и чуть-чуть закусили. Короче, за следующий час они выжрали весь самогон и «пиднакусывали» все, что смогли.

С чувством выполненного долга веселое трио тайными тропами поперлось «до дому, до хаты». И надо же было такому случиться, что именно в это время, именно в этой же точке Вселенной они столкнулись с теми самыми «незнакомыми мудаками с офицерскими погонами», бредущими встречным курсом. Это были инструкторы по рукопашному бою, хромающие до госпиталя после учебы с нами... Рукопашников к нам прислали из самой Москвы. «Добрый» Зимин их сразу отправил ко мне. Видимо, очень надеялся, что о моих костоломов они сразу «сломают зубы» и побыстрее отвалят домой.

Шансы «слопать зубы» у москвичей были большими. Я бы сказал, огромными. Я натаскивал своих пацанов очень серьезно, делая упор не на спорт, а на эффективность. Вместе с Вартанчиком, который был классным дзюдоистом, каждому из парней мы поставили по две хороших связки. Поставили и вбили в них на уровне рефлексов. Одна связка работала на захват, вторая — на уничтожение. При этом использовались только «грязные» и запрещенные приемы. А Зимин москвичей предупреждал... Они приказали построить всех моих бойцов, свободных от нарядов, и больше часа читали нам лекцию о пользе спорта на войне. После чего решили от теории перейти к практике. Роль «жертвы» выпала мне. Идея мне не понравилась. Но понравилась моим бойцам, а также бойцам Коваля, которые тоже были на отдыхе и маялись от скуки. Короче, зрителей было много.

Младшенький из инструкторов приказал мне ударить его. На всякий случай я спросил: «Чем?» — «А чем хочешь», — обрадовал меня москвич и тут же словил лоу-кик в бедро опорной ноги. Поймав — упал. Упав — схватился за поврежденную ногу и минуты три, громко скуля на одной ноте, катался по земле, ласково обнимая отнявшуюся конечность.

Старший, сделав страшное лицо, занял место раненого товарища. Для себя он сделал неправильный вывод, что я кулачник, посему — атаковал меня в стойке. Он два раза махнул конечностями, а на третий я поймал его в захват, поднял, раскрутил и приложил «со второго этажа» мордой о землю. Ростом я удался, поэтому, хряпнувшись с высоты метр девяносто, москвич затих...

Когда благодарные зрители проржались, инструкторов силами медиков обоих подразделений привели в чувство. Инструкторы обиделись, построили нас по стойке смирно и десять минут орали. Точнее, орал только младшенький; старший после приземления на морду изображал из себя Кису Воробьянинова на заседании союза «Меча и орала»... Когда красноречие иссякло, они, не спеша, отправились в лазарет. Лучше бы они еще раз со мной подрались... Поняв, что вид имеют «не товарный», до лазарета они решили идти огородами и свернули в кусты, где почти сразу нарвались на моих «партизан». Старший наткнулся на Миколу, младший — на Марсю. И может быть, они бы мирно разошлись, но паникер и перестраховщик Зяма крикнул: «Мочи шпионов». Старший получил от Миколы в грудь, младший — от Марси в голову. А Зяма вытащил у них документы и сигареты.

Итог: у старшего — перелом шести ребер, у младшего — тяжелейшее сотрясение мозга. У обоих — большие проблемы с особистами за утерю документов. Особисты долго вели следствие, все «пытали» и моих, и бойцов Ковалю, которые тоже попали под подозрение, но никто ничего «не знал». Оpozнание тоже ничего не дало, так как все произошло очень быстро, и они не смогли никого запомнить. Я своим, конечно, навставлял бузюлей, особенно за самогон, но в опале они были недолго. Как потом выяснилось, пострадавшие были не рукопашниками, а кикбоккерами. Пригнали их на войну для получения очередных званий, инициативу с обучением они проявили сами, в результате вместо очередных звездочек — госпиталь и списание на гражданку...

— ...Долго ты еще мне кровь портить будешь? — продолжал разоряться Зимин. — Они все мне жалобы пишут! Не Петровичу, который тебя даже от верховного защищать будет, а мне! Заканчивай будить во мне суслика. Ноги в руки и марш до замка! Зачищаешь его полностью, румын все осмотрит. И его, живого и в сознании, ты должен притащить на базу.

— Куда хоть ползти-то?

На согласование деталей ушло пять минут. В конце беседы Барон заверил меня, что Доценту можно верить на сто процентов, благословил нас и дал отбой. Я с самым сумрачным видом повернулся к своим головорезам. Головорезы напряглись.

— Папуасы, — обратился я к ним, — у меня две новости: одна хорошая, другая плохая. Начну с хорошей. Нам накинули еще две недели отпуска!

Бурного восторга не выразил никто. У некоторых даже морды скисли.

— И что мы должны сделать? — грустно поинтересовался Марсель.

Я вкратце обрисовал картину. Общественность отозвалась дружным матом.

— Кончай орать! Это Барон приказал.

Общественность затихла. Марсель подытожил общее мнение:

— Ну, Михалыч, ну, старый пердун, придем — весь штаб его отмудохаю.

— Договорились.

— Теперь о самом веселом, — продолжил я. — Наш «язык» идет с нами, и ценность его жизни и здоровья, судя по тону Ивлева, превышает наши, вместе взятые. Так что бережем его как любимую девушку и пылинки сдуваем. Микола, ты персонально за него отвечаешь.

— Добро, — подал голос Микола и глянул на румына очень недобрый взглядом. Во взгляде явственно читалось: «Когда мне будет можно, я тебя на ремни порву».

— Так, — я повернулся к полковнику, — а вы, товарищ Доцент, как уже слышали, идете с нами. Только что мое командование поручило мне доставить вас в замок в двадцати километрах отсюда. Вас, оказывается, вся разведка фронта ловит...

Бойцы удивленно уставились на румына, а Макс, внимательно рассмотрев лицо пленного, подтвердил:

— Командир, а ведь похож он на Доцента! Очень похож. — Повернулся к румыну и потребовал: — Слышь, писатель-фантаст, а ну, оскалься и скажи: «Сарделька, сосиска, редиска».

— Макс, отстань от него. Что скажете, Доцент?

— Вы служите под началом Ивлева?

— Именно, — подтвердил я.

— Тогда многое становится понятно. — Доцент пожевал губами, а потом спросил: — Господин капитан, а зачем вы идете в замок? Или это военная тайна?

— Нет. Нам нужно проверить старый замок и зачистить его, если там кто-нибудь есть.

— Зачистить... — проямлил румын. — Там янки, много янки. Там могила Дракона. Мы все погибнем...

— Эх, полкан, — обратился к нему Марсель, — знал бы ты, сколько народу нам говорило, что мы уже покойники, что нас даже в нашем тылу выловят... И где теперь те, кто нам это говорил? Правильно, червей кормят. Так что не хорони себя раньше времени.

Насчет «выловить в нашем тылу» Марся не преувеличивал. После ряда «подвигов», когда командование противника по достоинству оценило наши «успехи», за мою голову и головы моих бойцов назначили хорошее вознаграждение, и была предпринята попытка устрашения: в наш тыл закинули группу наемников с целью уничтожить нас именно в нашем тылу. Ивлев, когда об этом узнал, отправил именно нас их отлавливать. Не позволил уйти в рейд и со словами: «Один нужен живой» дал три дня на отлов.

«Вскрытие показало», что наемники были солдатами армии США. Какими-то супер-гипер-пупер-спецами, которых Микола из своего любимого крупнокалиберника положил почти всех одной очередью. Живыми мы взяли двоих, но одного грохнули сами. В назидание второму. Бедный, несчастный пиндос так обделался, наблюдая за безвременной, но медленной кончиной сослуживца, что рассказал Ивлеву все. Сам. Тот не успел ничего толком спросить.

— Мы все погибнем, — опять прошептал румын и с тоской посмотрел на запад, где, видимо, все-таки остался его дом с неустановленным количеством незамужних дочерей.

Прибрали за собой, дождались часовых и двинули.

До места добрались к вечеру. Взяв с собой троих, я полез посмотреть место предстоящей бойни. Странноватое оказалось место. Старый полуразрушенный замок с большой дверью, открывающейся, как ворота средневековых замков: она опускалась и, вероятно, служила одновременно мостом через ров. Но рва не было, а, судя по тому, что от земли она висела в полуметре, под ней находились минные заграждения или еще какая-нибудь дрянь. У входа два хороших дзота, пулеметное гнездо внутри и четыре вышки со стороны парадного входа. Но самое интересное: солдатня — действительно не румыны, а американцы. Гости из далеких США вели себя уверенно и не скрывали свой американский английский.

— Так, двое остаются и пасут замок, через два часа сменим. Марся, пошли.

Через два часа, когда Рафа и Андрюха вернулись с дежурства, Рафа доложил:

— Минут сорок назад пригнали грузовик с людьми. В основном, женщины и подростки.

Человек пять мужиков, но уже старики. Их перед мостом выгрузили и загнали внутрь. Всего набралось двадцать семь человек. По одежде — гражданские и местные. Все в кандалах. И еще, командир. Андрюха ползал к замку посмотреть на америкосов. У них в экипировку входят кольчуги. Под куртками.

— Не понял? — насторожился я. — А броники нет?

— Броники есть, — продолжал «радовать» Рафа, — но еще и кольчуги. С капюшонами.

Общественность задумалась.

— Ну, и как этих собак резать? — поинтересовался Олег.

— Только глаза и рот остаются, — подытожил Рафа.

— Короче, — скомандовал я, — поглядим, что покажет ночь. А с утра, часа в четыре, пойдем их резать. А пока — отдыхать.

Отдыхать не пришлось. Через двадцать минут со стороны замка послышался дикий человеческий вопль. Кричали несколько женщин. Мы все вскочили.

— Ешкин кот, у них там что, концлагерь? — воскликнул кто-то.

— Они начали поднимать Дракона! Нам нужно срочно в замок! — начал агитировать присутствующих румын.

— Папаша, — подал голос Микола, — заткнись, Христа ради.

Тут со стороны замка три раза ухнул филин. Димка дважды ухнул в ответ. Раздался еще один «ух», к нам подбежал Пашка, который был одним из наблюдающих за замком.

— Командир, там какая-то хрень творится. Во внутреннем дворе горит здоровенный костер. Верхушка пламени видна даже из-за стен. Часовые напялили капюшоны от кольчуг, морды прикрыли какими-то металлическими забралами, а вокруг своих позиций посыпали какой-то белый порошок. Причем, сыпали полосой, как бы круг нарисовали. А потом этот крик.

— Командир, — подал голос Рафа, — ты «Вия» Гоголя читал или смотрел?

— Рафа, заткнись.

— Что делать-то? — приставал ко мне Пашка.

— Подъем. Собираемся и пойдем в замок.

Бойцы быстро собрались. Когда подошли к наблюдательному посту, нас ждали еще более интересные новости. Ильдар сидел и в бинокль изучал предрассветное небо.

— Командир, епа-мать, что-то тут не так. Когда Пашка ушел, из внутреннего двора взлетела какая-то здоровая птица. Сделала пару кругов над замком и вернулась во двор. А минуты три назад полет повторился.

— Это точно птица? — спросил я.

— Ну, не человек, точно.

— Саня, — позвал меня Марсель, — глянь сам в бинокль.

— Смотри на вышки.

Я начал изучать вышки, и волосы у меня встали дыбом. От замка к ним стелился не то дым, не то туман. Он подлетал к вышкам, но, дойдя до полосы белого порошка, останавливался и продолжал свое движение вдоль нее. В это время в замке взметнулся столб пламени, и туман, как по команде, резво потянулся в замок. И почти сразу раздался еще один женский крик.

— Саня, — Ильдар оторвался от бинокля, — не сочти меня психом, но у меня очень нехорошее ощущение, что наш Доцент не бредил, когда рассказывал свою «легенду»...

Бойцы смотрели на меня очень внимательно. Я молчал долго.

— Так, ребята. У нас дилемма: мы не понимаем, что тут происходит, но должны все проверить.

— А вампиры? — поинтересовался кто-то. Я опять замолчал.

— Ильдар, как счетчик Гейгера?

— В норме, — ответил он, — химический детектор тоже молчит. Чисто.

— Господин капитан, — опять влез румын, но, получив от Миколы подзатыльник, оглушенно сел на задницу.

— Ну, и как мы попадем в замок? — поинтересовался Марсель.

Я старательно прикидывал варианты. Предположим, только предположим, что в замке пробуждают Влада Дракулу. Господи, что я несу?! Тогда кольчуги у часовых должны быть серебряными. Да, дороговатые доспехи. А порошок, который они посыпали вокруг дзотов, — это соль. Так, нужна разведка.

— Ильдар, Марсель и Пашка, аккуратненько ползете к наблюдательной вышке, тихонько стаскиваете оттуда часового и тащите сюда. Один из вас остается на вышке. Да, и порошка белого прихватите, который вокруг вышки насыпан. Если это соль, то мы, господа, в глубокой жопе... Ну, с Богом.

В прибор ночного видения было видно, как мои парни двигались к вышке. «Хорошо ползут — эта группа в „полосатых купальниках“», — мелькнула у меня мысль. К счастью для нас, америкосы или по собственному разгильдяйству, или от излишней самоуверенности прожектора на вышках установили так, что те освещали только внутренний периметр охранения. Что происходило вне периметра, они не видели, хотя сами часовые идеально просматривались на фоне яркого света прожекторов. Просто мечта снайпера...

Через пятнадцать минут парни оказались под вышкой. Часовой, хоть и добросовестно исполнял свои обязанности, заметить их не смог. Марся начал забираться по лестнице на вышку, Ильдар и Пашка страховали его снизу и готовились принимать «парашютиста». «Парашютистами» Марся называл своих жертв на наблюдательных вышках. Обычно происходило так: он добирался до будки наблюдателя; висая на руках, пробирался под полом будки к стороне, противоположной входу, делал раскачку и по команде снизу, ногами вперед запрыгивал в будку, ногами выбивал часового из будки, где его уже ловили страхующие. За всю войну осечка у него была всего одна. Он промахнулся мимо румынского солдата. Со скошенной от злости рожой, шепча матерщину, пролетая мимо обалдевшего часового, он успел схватить солдатика за шкурку. В общем «десантировались» они вместе. Страхующие внизу так удивились, что даже ловить их не стали. Марся заработал ушиб всего организма, так как приложился от души. Часовой еще в полете потерял сознание и, может быть, поэтому, а может, потому, что приземлился на Марсю, отделался вывихом плеча.

Марся начал раскачку на руках, команда от страхующих, видимо, прошла, потому что он взметнулся вверх и, как обычно, пошел ногами в будку. Осечки, к моей радости, не произошло. Часовой вылетел с вышки. Вылетел молча, конечностями не махал: видать, Марся попал точно в голову. Приземлился в руки страхующих. Марся поднялся с пола будки и отсемафорил, что все в норме. Через двадцать минут вернулись бойцы. Притащили часового.

— Командир, — Ильдар сплюнул, — это точно соль.

— Ты ее пробовал, что ли? — возмутился я.

— Да, соль как соль.

— Ну, ты баран, — с чувством выдал я.

— Фигня, — отмахнулся Ильдар.

— «Языка» не зашибли?

— Нет, Марся его нежно приложил.

— Тогда сними с него снарягу и приведи в чувство.

Ильдар довольно быстро разукомплектовал «языка» и привел его в чувство. Как только тот попытался заорать, поймал от Ильдара ногой в солнечное сплетение, а в рот — кляп. Через минуты три, когда америкос восстановил дыхание, я жестами объяснил ему, что попытки поднять тревогу могут пагубно отразиться на его здоровье. Тот вроде понял.

— Так, Микола, румын очухался?

— Ага, — раздался шепот Миколы, — вот он.

К нам подошел полковник. Выглядел он обиженно и держался за затылок.

— Ну, что, полкан, — обратился я к нему, — спрашивайте. На английском говорите или вам за переводчика помочь?

— Говорю, не переживайте. — И обратился к америкосу: — Гробницу вскрыли вчера?

Утвердительный кивок.

— Саркофаг вскрыли?

Утвердительный кивок.

— Саркофаг вскрывал профессор Шнайдер?

Америкос мимикой и плечами начал подавать сигналы, что не знает, про кого его спрашивают.

— Господин капитан, это очень важно узнать — кто вскрывал саркофаг? Вы можете его стукнуть, чтобы он вспомнил?

Я удивленно уставился на румына.

— Экий, вы, батенька, кровожадный. А кто такой Шнайдер?

— Это американский ученый, профессор, главный специалист по легендам и мифам Восточной Европы, особенно по части демонологии и прочей нечисти. Ко всему прочему, он и в жизни то ли оккультист, то ли вообще сатанист. Только он может сделать все правильно.

— У него есть армейское звание?

— Нет, но по своему положению он должен быть, как минимум, полковником.

— Среди офицеров, находящихся в замке, — спросил я америкоса, — есть офицеры не из твоего подразделения?

Утвердительный кивок.

— Его звание выше полковника?

Утвердительный кивок.

— Ты знаешь его имя или фамилию?

Отрицательный кивок.

— У этого офицера есть левая рука? — вклинился румын.

Отрицательный кивок.

— Это точно Шнайдер!!! Грузовик привозил женщин и детей один раз?

Отрицательный кивок.

— Больше?

Утвердительный кивок.

— Мы опоздали, — Румын устало осел на землю. — Для того чтобы поднять Дракона, хватит и двух жертв...

— А остальные для чего? — спросил я.

— После пробуждения Дракон превратил их в своих слуг.

— То есть в замке сейчас толпа вампиров?! — ошарашенно поинтересовался я.

Румын грустно закивал головой. В этот момент со стороны замка раздался почти волчий вой.

— Капитан, — румын был совершенно подавлен, — у них еще и оборотни есть... Это они воют...

Приплыли... Мне все больше казалось, что я сплю и вижу сон. Вампиры... оборотни... Я проверил, на месте ли нательный крест. На месте. И цепочка, на которой он висит, не только серебряная, но и освященная вместе с крестом... Немного полегчало... СТОП! Но это не может быть правдой!!!

— Полковник, а оборотни-то там откуда?

— Согласно местным легендам, Дракула является родственником главного оборотня. Звать его Вильгельм...

— Это как в «Другом мире», что ли? — влез Олег.

— Где?! — не понял румын.

— Полковник, это он про кино. Не обращайтесь внимания. Продолжайте.

— Так вот. Согласно легенде, в последний раз их поймали и усыпили вместе.

— Я так понимаю, легенда оказалась верна?

— Да, — кивнул румын, — усыпили их вместе и пробудили вместе. Это были оборотни, которых создал Вильгельм.

— А если убить старшего оборотня, остальные погибнут?

— Нет. У них будет временная дезориентация, а потом они перейдут, так сказать, в подчинение к Дракуле.

— То есть для того, чтобы уничтожить эту банду, необходимо ликвидировать старших?

— Именно.

— Командир, — подал голос один из наблюдателей, — там Марся на вышке семафорит.

Я глянул в бинокль. Марся осторожными жестами, чтобы не засветиться перед врагом, призывал нас обратить внимание на вход в замок. Что-то очень интересное он там увидел. Жаль, угол обзора не позволяет увидеть этого нам. Тут со стороны замка раздалась пулеметная очередь. Притом америкосы стреляли внутрь замка. Очередь повторилась, а потом кто-то очень нехорошо закричал. Судя по приближающемуся крику, этот кто-то бежал к выходу. Часовые на вышках напряженно смотрели на вход, начисто забыв про все остальное. Наконец, орущий выбежал на мост. Америкос был без оружия и без каски. И все время оглядывался назад. Что-то или кто-то, так напугавшее его, находилось именно в замке. Он пробежал мимо дзотов и ломанулся к ближайшей вышке. Видать, с его точки зрения, — чем выше, тем безопаснее... Тут на мост выскочило нечто, напоминающее волка, но огромного. Взревев, оно побежало вслед за солдатом. Часовой на вышке, к которой бежал его сослуживец, заметался. С одной стороны, он хотел помочь товарищу, с другой — понимал, что тот притащит эту тварь к нему.

— Снайперы, — обратился я к своим стрелкам, — держать под прицелом часовых на крайних вышках. Если что — валить.

— В волка стрелять?

— Пока не надо. Он про нас еще не знает. Может, слопает америкоса и свалит.

Наконец часовой принял решение и дал длинную очередь по волку. Тот отреагировал рычанием и подергиванием тела. Скорость его не снизилась. С другой вышки также раздалась очередь. Но стрельба длилась недолго и не достигла цели. Марсина вышка закрыла обзор. Тем временем беглец добежал до вышки и начал карабкаться вверх, но не успел. Волк добежал до вышки и, подпрыгнув, схватил его. Америкос заорал, но почти сразу заткнулся. Часовой на вышке, перегнувшись через край, начал лупить в волка длинными очередями, но тот встал под вышку, перекусил свою жертву и поднял голову к будке. Видать, задумался: что делать с часовым...

— Странно, что дзоты молчат, — выдал кто-то из моих.

Волк тем временем принял решение и осторожно выглянул из-под будки.

— Вы гляньте, какая сука осторожная, — опять послышалось со стороны моих.

Какое именно решение принял волк, мы так и не узнали. Марся долбанул по нему из подствольника. Сразу же послышались два хлопка «Винторезов» — парни сняли часовых на вышках. Марся жажнул из подствольника еще раз. Пока пыль под вышкой оседала, он успел перезарядить подствольник и замер, готовый стрелять снова. Тут ожил солдат на

злополучной вышке и что-то начал орать Марсе. Диалога не получилось. Во-первых, мой друг в школе учил немецкий, во-вторых, еще раз хлопнул «Винторез», и часовой, «пораскинув мозгами», свалился с вышки. А под вышкой началось шевеление. Какая живучая тварь!

— Так, приготовили два бура, — скомандовал я своим. И уже в рацию приказал Марсе: — Сейчас пацаны долбанут под вышку из двух буров. Она, скорее всего, упадет. Как только станет ясно, куда именно она падает, ты мчишься на полных парах к нам.

Пыль почти осела. Шевеление под вышкой усилилось.

— Готовы!

— Огонь!!!

Хорошая штука — гранатомет, но громкая очень. Две гранаты ушли под вышку. Как я и предполагал, она начала заваливаться. К счастью, не в сторону Марси. А он тем временем в открытую бежал со всех ног к нам. Он не оглядывался. Он знал, что его и предупредят, и прикроют.

— Странно, что дзоты молчат, — опять услышал я. Оглянулся. Ильдар, который это бормотал, в бинокль изучал дзоты.

— Командир, — он оторвался от бинокля, — там, видимо, никого нет.

Прибежал запыхавшийся Марся:

— Санек, я звездец как пересрался!!! Такого я еще не видел!!!

— На кой ты по нему стрелять начал?

— Так это тварюга меня заметила!!!

— Как ты это понял?

— Я с ним взглядом встретился... И это, по ходу соль на него не действует. Он сквозь нее пробежал без труда. Кстати, он подох?

— Как там дела? — спросил я наблюдателей.

— Тишина. Судя по всему, попали точно в цель. И если я ничего не путаю, то его башка валяется в стороне от кусков тела.

— Один ноль в нашу пользу, — выдал Марся.

— Да, начало хорошее, но громкое. Микола, где наш профессор?

Микола привел румына. Грусть его увеличилась многократно.

— Так, уважаемый, хотите вы этого или нет, но внутрь нам придется идти. В связи с чем подскажите: от нечисти, засевшей в замке, колья осиновые, соль, серебро и кресты помогают?

— Конечно! Сказки не на пустом месте рождаются! А зачем вы туда пойдете? Вам же понятно, что и кто там находится! Не разумнее вызвать подкрепление или авиацию?

— И что я своим скажу в прямом эфире?! Что в полуразрушенном замке толпа вампиров пополам с оборотнями, которых нужно закатать бомбами, начиненными святой водой, смешанной с осиновыми кольями?! Меня не только пошлют, но и по приходу в дурку сдадут, если сразу не усыпят для подстраховки... А почему пойду — приказ он и в Африке приказ...

— Санек, — Марся уже отдышался, — и не в такие дыры лазали — и ничего! Прорвемся!!! Вон как волка двумя бурами порвало. И остальных порвем!!!

— Слышь, безумец храбрый, этот волк — случайная победа. Он же не ожидал от тебя подянки в виде двух выстрелов из подствольника. Бурами мы в него палили, когда он контуженный был. А был бы он в сознании — хрен бы мы в него попали. Да и выстрелов к бурам у нас не так много.

— Так что делать?

— Что, что, осину искать. С серебром и святой водой у нас напряг полный. Кстати, собратья мусульмане, в ваших сказках как с нечистью борются?

— Хороший вопрос, — «порадовал» меня Марся.

— Коран читать нужно, — сообщил Ильдар. — И тот, кто его читает, должен быть душою чист. То есть все наши отпадают.

— Господин капитан, — вклинился румын, — с вампирами можно бороться только способами, описанными в христианских источниках. Средства мусульман, иудеев или буддистов тут не подойдут. Это не их нечисть.

— Какая дискриминация! — возмутился я. — А то вон Ильдара, Марсю и Рафу посадили бы на вершине холма и к-а-а-а-к начали бы с нечистью бороться.

— Ты чего, Санек? — удивленно уставился на меня Марсель. — Я ни одной молитвы не знаю. А Рафа знает еще меньше меня. Мы даже не обрезанные.

— Я тоже, — уточнил Ильдар.

— Эх вы, правоверные... — возмутился я.

— Плохо, что Зяма с аппендицитом в госпитале, — продолжил Ильдар, — он бы, может, что-нибудь придумал...

* * *

Борька Зеймович, наш второй врач, был законченным сионистом, алкашом, бабником и поклонником свиного шашлыка. Борька вообще был редкий кадр. Уехав с родной Израильщины, где два года провоевал с арабами, на историческую родину — в Екатеринбург, он сразу был призван в ряды «легендарной и непобедимой» в связи с началом войны. Да, врачом он был от Бога. Вот только, к сожалению, положительные качества на этом и заканчивались. Матом он не ругался — матом он разговаривал. На начальство, на любое, он плевал с Вавилонской башни, в связи с чем, начав с крупного тылового госпиталя, он оказался на передовой. Он ругался со всеми и по любому поводу, так как все кругом были «гоями, а потому таки тупее его». В итоге он попался на жене какого-то начальника. Попался на жене — в прямом смысле. Во время возвратно-поступательных движений... И был скандал... И драка... И множественные телесные повреждения, и немногочисленные переломы костей рога носца... И были особисты... И был бы трибунал, но мы выиграли Зяму в карты. У особистов. Мне как раз нужен был второй врач в группу, и Ильдар мне про него рассказал.

Пришли. Договорились. На кон поставили годовое денежное довольствие всей группы — и понеслась. Игра шла до десяти побед одной из сторон... От нас играли Термит и Макс. Особисты так и не поняли, что сапер-заика и ботаник-переводчик были шулерами высокого класса. После выигрыша Зяму из камеры забирали Марся и Микола, так они по дороге зашугали его до дрожи в коленях, и Зяма «осознал свою вину»! А когда узнал, куда и как он попал, то поклялся в вечной любви ко всем бойцам группы. Любовь свою он доказывал не раз. В основном, как медик. А вот остальных он стал гнобить еще больше. Исключение составляли бойцы Лехи Коваля. Они были почти братья...

— Ильдар, тебе же сказали, шо евреи тут не прокатят.

— Ага, а как же аксиома: «В мире зверя нет страшней, чем напуганный еврей»?!

— Зверя-то, может, и нет, но ты забыл, что Зяму отлучили от синагоги, или как там у них это называется?

— А за что еврея могут отлучить? — робко поинтересовался румын.

Парни дружно заржали, вспомнив недавний случай с Зямой. Предыстория этого судьбоносного события была неординарной и состояла из трех частей. В первой части у соседей под обстрел попала колонна. Убитых не было, но было много раненых. Среди них оказался буддистский монах, которого буддистское руководство послало служить в войска. За какие грехи ему выпала такая честь, мы так и не узнали, но морпеховские попы этим фактом были сильно заинтересованы. В общем, когда они узнали, что их коллега по цеху получил ранения, прошел, так сказать обряд крещения огнем и кровью, то сделали все возможное и невозможное, чтобы его оперировали именно Ильдар и Зяма в нашем госпитале. Врачи соседей с удовольствием спихнули монаха к нам, присовокупив к нему еще десять человек. Перед операцией поп и мулла совершили соответствующие молебны в операционной, за что потом получили капитального нагоняя от главврача. Раненый монах наблюдал за этой комедией с выпученными глазами, но не проронил ни слова. По окончании молебна два клоуна подошли к нему, пожелали всего самого наилучшего, а Алексей даже поинтересовался:

— Причаститься не желаешь?! — и показал фляжку, в которой у него был спирт вместо кагора.

Монах ничего ответить не успел, так как местные были выкинуты (в прямом смысле этого слова) из операционной озверевшим главврачом. Операция прошла штатно, как потом сказал Зяма: «Если пациент хочет жить, то медицина тут бессильна». В общем, монах лежал в нашем госпитале, заживлял раны и с ужасом размышлял о перспективе службы совместно с двумя алкашами от религии, которую ему обрисовал Булатка.

Вторая часть судьбоносного события началась задолго до начала войны: после упразднения института политработников представители разных конфессий попытались заполнить образовавшуюся пустоту. Армия этому особо не помогала, но и не ставила палки в колеса. Какие извращенные формы приобрел этот синтез, мы с удовольствием наблюдали на протяжении всей войны, в лице морпеховских попов.

Но если есть рядовой состав, должны быть и командиры. И вот в один ненастный день «генералы» продавцов опиума для народа решили нагреть с проверкой в глушь, в войска. Согласовали этот визит с армейским руководством, выбили себе чуть ли не полк солдат в охрану и поехали. В состав высокой комиссии вошли по пять представителей православных, мусульман, иудеев, буддистов, протестантов, лютеран, католиков и даже два сектанта от «Свидетелей Иеговы». «Свидетелей», кстати сказать, православные попы, при молчаливой поддержке мусульман, так отдубасили на второй день пути, что «Свидетели» реорганизовались в новую секту «Потерпевшие Иеговы» и выбыли из дальнейшего «автопробега».

Третья часть стартовала с момента, когда участники «автопробега» узнали об «архиважном и судьбоносном деянии, которое произошло благодаря двум достойным служителям Всевышнего». Короче, до проверяющих дошла богоугодная весть, что поп и мулла проявили завидное рвение в деле излечения буддистского монаха. А также о том, что лечили «пострадавшего за веру» представители двух крупнейших конфессий: мусульманин и иудей. Незамедлительно в расположение нашей части была выдвинута сборная из попа, муллы, раввина и двух буддистских монахов. Монахи сразу направились в госпиталь к

коллеге по цеху, а остальные для начала решили отыскать и осыпать «медом и пряниками» местных попов. Наткнувшись в штабе морпехов на Комарницкого, которого и так тошнило от священнослужителей, благодаря стараниям Алексея и Булатки, они потребовали явить пред их очи двух достойных сынов, которые, не жалея живота своего, сеют среди защитников Отечества разумное, доброе и светлое. Барин долго не мог понять, кого именно хочет увидеть явившаяся «банда пустобрехов». А понять он не мог потому, что характеристика, выданная явившимися, не соответствовала суровой действительности, о которой прибывшие знать не могли. В конце концов, после короткого допроса Барин протянул:

— Так вы за моими алкашами приехали? Забирать будете?! Нет?!! Ах, наградить хотите...

После чего «прогнал» прибывших по Малому Петровскому кругу и посоветовал поискать «этих синяков» в расположении разведчиков Бармалея, «где они, скорее всего, бухают». Естественно, прибывшие «генералы» не поверили Барину. Оскорбленные и оплеванные, они направили свои стопы в госпиталь, где ожидали найти и собратьев-буддистов, и Зяму с Ильдаром. До госпиталя они, к счастью, не дошли и не видели того душераздирающего спектакля, в котором единственным актером был раненый монах. Все выступление его сводилось к мольбе избавить от двух «сумасшедших алкоголиков». Не верить своему собрату буддисты не могли, поэтому отправились на поиски вышеупомянутых «сумасшедших алкоголиков».

Где-то посередине они встретились, обменялись полученной информацией и пришли к выводу, что нужно искать врачей. Поймав первого встречного, которым, как на грех, оказался Барон, шастающий по расположению в летной техничке без знаков различия поверх генеральского мундира, они узнали от него, где именно располагаются врачи. В свою очередь, Барон, только что прибывший от своего друга детства, командира истребительного полка, и не знавший о неожиданном визите священнослужителей, с присущей ему скоростью и хитростью выведаль цели и маршруты прибытия. Сообразил, что предстоящий цирк он пропустить не может. Он предложил свои услуги проводника, которые те с радостью приняли.

Направляясь в нашу сторону прогулочным шагом, этот паразит всю дорогу распинался о положительных качествах морпеховских попов, об их набожности и смирении, воздержанности и скромности, а также о неоценимом вкладе в деле духовного развития солдат, который делают «слуги Господа». Выслушав жалобы на Барина, он заверил их, что не нужно обижаться на контуженого полковника, который давно выпал из лона церкви. Что лично он, как ярый христианин, постарается затолкать обратно заблудшего брата своего. За «выкидыша из лона» Барин впоследствии стряс с Ивлева пузырь самогона, который с ним же и выпил, гогоча над рассказом о визите «поповской проверки». В общем, загипнотизированные сладостными речами Барона, попы дошли до нас. А у нас...

Стоял погожий летний день,
От солнца нас спасала тень.
Вдруг эта гёрл шагает
С бюстом на «ура».
Я онемел, с «трамвая» встал,
А Леха с краю вдруг упал,

Андрюха с перепугу крикнул «мусора!» —

неслась из палатки медиков песня Михаила Круга в исполнении Булатки под аккомпанемент своей же гитары. И пел, и играл он замечательно, поэтому слушали все. Мы седьмой день уже торчали на базе в ожидании очередного задания от Барона. Поэтому нирвана достигла своего апогея — бездельничали и квасили, по-тихому, все. Я сидел спиной к палатке медиков и точил нож. Марся дремал в метре от меня, остальные бойцы или спали, или расположились в зоне слышимости «артиста». В палатке медиков поправляли здоровье Алексей, Булатка, Ильдар и Зяма. Периодически к ним заходил кто-нибудь из наших, чтобы «подлечиться». На внешние раздражители мы реагировали слабо, поэтому голос Барона, тем более обращаясь не к нам, а к третьим лицам, заставил меня оторваться от процедуры заточки ножа не сразу.

— И наконец, дорогие друзья, — заливался сладкоголосым соловьем Ивлев, — мы и пришли в расположение замечательных воинов, заступников Веры и Отечества, прошу любить и жаловать. — Он широким жестом окинул мое подвыпившее воинство. — Особая разведывательная группа «Урал»...

Обычно, я по-хамски лез —
Знакомлюсь — руку под разрез,
И виновато «документы» проверял,—

в подтверждении нашей особенности продолжал душевно выводить Булатка.

— ...и их командир, капитан Трофимов, — не обращая внимания на неуставную песню, продолжил экскурсию Барон.

Увидав любимого командира, которого ожидали только к завтрашнему вечеру, тем более в сопровождении незнакомых мне священников, я подвис. Но быстро придя в себя, поправил бандану, встал, приложил «лапу к уху» и уже набрал воздух в грудь, чтобы рявкнуть «смирно!». Однако Барон опередил меня, жестом приказав мне молчать, а остальным оставаться на своих местах. Мы, как кролики на удава, уставились на Ивлева и сопровождающих его лиц в ожидании развязки. А из палатки неслось окончание песни:

Какой-нибудь педальный конь
К груди примеривал ладонь.
И напоследок по цене
Сменил ей масть.

Барон с удовольствием дослушал разухабистую песню и кивнул в знак согласия с последующей репликой Алексея:

— Маладца, татарин!! Давай мою любимую, про фонарики!!

Барон жестом попросил новоприбывших попов оставаться на месте и сохранять тишину, а сам в лучших традициях спецназа, очень быстро и бесшумно, переместился к входу палатки медиков, откуда послышалось пожелание Ильдара:

— Булатка, подожди, не играй. Я сейчас до ветра сбегаяю, а потом продолжим.

Полог отодвинулся в сторону, и на улицу вышел Ильдар. Увидев Барона, он замер, ошалело похлопал глазами, протер их кулаками и уже собрался обратиться к стоящему перед ним генералу по всей форме, но Барон неуловимым движением дернул его к себе и закрыл ладонью ему рот.

— Только вякни... — шепотом пригрозил Ильдару Барон, не позволив предупредить собутыльников о приближающемся «северном пушном зверке повышенной упитанности», — на клизмы порежу...

Ильдар покорно замотал головой, давая понять генералу, что будет молчать. Ивлев убрал руку и шагнул в сторону.

— Ох, мать ети... — только и прошептал Ильдар, сам закрывая себе рот рукой, чтобы не заржать. Он увидел представителей конфессий, стоящих ошалевшим гуртом недалеко от них, сложил увиденное с положением дел в их палатке и приготовился к цирку. А Ивлев жестами подозвал попов к себе, жестами же попросил их сохранять тишину и вошел в палатку к врачам.

— Привет святому воинству! — поприветствовал он присутствующих и тут же добавил: — Сидеть всем!!! Куда ты ломанулся, святой отец? Тебе что, с прихожанином выпить сложно?!

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор, — послышался офонаревший голос Зямы, — а мы тут...

— Плюшками балуемся, — закончил за него Барон.

— Так точно, — все еще находясь в оцепенении, ответил Зяма.

— Так и я бы плюшками побаловался. В компании попа и муллы еще ни разу квасить не доводилось, — сдал он с потрохами Алексея и Булатку невидимым для них «командирам».

— Вам спиртику плеснуть или самогону? — заискивающе поинтересовался Зяма.

— Спиртику, Зяма. Он полезнее вашей сивухи. А закусываете чем? Свининой!!! Хорошо живете, господа капелланы.

— Это не наше, — ожил, наконец, Алексей.

— А чьё? — продолжил допрос Барон.

— Это Зяме в госпитале дали.

— За вредность, — начал шутить отошедший от шока Зяма.

— Зяма, тебе за вредность уже пора «Героя» давать. Посмертно, — мрачно пошутил Барон. — Чего замер-то? Наливай!

Послышалось бульканье разливаемой жидкости.

— Ну, что, друзья мои, — взяв руководство пьянки в свои руки, начал Ивлев, — давайте выпьем за победу, за здоровье друзей и за единение великих религиозных конфессий: православных, мусульман и евреев!

— Иудеев, — заржав, поправил Зяма.

— И за них тоже, — согласился Барон, — ну, вздрогнули...

— ...и ошетинились!!! — рявкнули все трое, закончив наш стандартный тост.

Я посмотрел на приехавших попов и едва сдержался, чтобы не расхохотаться: на лице православного была решимость набить своему собрату морду; мусульманин молился, но очень печально; буддисты пребывали в глубокой растерянности, и только раввин ехидненько улыбался, делая вид, что находящийся внутри еврей не делает ничего предосудительного.

— Зяма, — с набитым ртом обратился к Борьке Барон, — а ты не боишься свинку-то жевать?

— А чего мне бояться?! — удивился Зяма.

— Говорят, если вовремя обрезанный еврей регулярно ест свинину, у него крайняя плоть снова отрастает!

Палатка затряслась от хохота.

— Мне не страшно, — ответил Зяма. — Если отрастет, съезжу на Израильщину, а там или отрежут лишнее, или отгрызут...

Палатка снова затряслась от смеха, а раввин стал мрачнее тучи.

— Булатка, а ты-то чего ржешь? — не унимался Ивлев. — Ты ж мусульманин!

— Я на войне, — с усмешкой ответил тот.

— И что? — не зная тонкостей ислама, продолжил допрос Ивлев.

— Раз я на войне, то свинину мне можно. Это не считается грехом, — пояснил мула.

— А спирт жрать и по бабам шляться?! — не унимался Барон.

— Что вы ко мне пристали, товарищ генерал-майор? — испугался Булатка. — Вон, Алексей не только в пост свинину с самогоном трескает. Он и по бабам шляется чаще меня.

— Если бабы кошерные, — подлил масла в огонь Зяма, — то можно и в пост.

Ивлев заржал, Зяма тоже. Алексей и Булатка молчали.

— Зяма, давай еще по одной, — потребовал Барон. — Булатка, а ты бы спел, что ли?!

— Про фонарики, — попросил Алексей.

— Падре, — вмешался в составление «плей-листа» Зяма, — задрал ты уже со своими фонариками.

— Ты, еврейская морда, мне не указывай! — отгрызнулся Алексей.

— Чего?! — угрожающе протянул Зяма. — Ты сейчас договоришься и завтра в качестве опохмелки ты у меня клизму получишь. И кореш твой тоже!

Угроза возымела действие, и Алексей замолчал. Поняв, что победа осталась за ним, Зяма потребовал:

— Маэстро, любимую!

— Ильдара дождаться нужно. Он отлить вышел, — ответил певец.

— Да черт с ним, — не согласился Барон. — Хотя, Алексей, слетай на разведку. Узнай, где наш писькин доктор шляется, — привычно обозвал Ильдара Барон, памятуя о его гинекологическом прошлом. — А ты, Булатка, жги!

По улице жмуром несут Абрама,
В тоске идет за ящиком семья,
Вдова кричит сильнее, чем пилорама,
И нет при нем ни денег, ни «рыжья»,—

душевно затянул Булатка, а из палатки с сигаретой в зубах вышел в поисках Ильдара обиженный Алексей. Закурив, он поднял глаза и... поперхнувшись, попытался запрыгнуть обратно. Но был пойман прибывшим попом за грудки, получил хорошего подзатыльника и был оттащен подальше от палатки. Алексей очень напоминал глубоководного краба, который таки увидел, как кит согрешил с камбалой, и от увиденного зрелища выскочил на берег. Он вытаращил глаза и усиленно хватал ртом воздух... Мы все валялись от смеха, но очень старались не спугнуть своим ржанием Булатку и Зяму.

Идут шикарные поминки.
Родные мечут колбасу.
Покойный ежится в простынке
Перед дверями в Страшный суд,—

закончило исполнение песни Александра Новикова трио, состоящее из генерал-майора разведчиков, капитана медицинской службы (по совместительству разведчика) и муллы (по совместительству морпеха).

— Эх, Булатка, душевно ты все же поешь! — похвалил Барон муллу.

— Талант не пропьешь! — похвастался тот.

— Кстати, насчет «пропьешь»! Зяма, ты чего халтуришь? Наливай давай!

Опять послышалось бульканье разливаемой огненной воды. Мы уже более-менее успокоились и ждали (некоторые — с открытыми ртами) продолжения комедии.

— Ну, за баб! — выдал тост Барон. Послышался звон стаканов и матюки одобрения после принятия очередной дозы алкоголя.

— Так, а куда Алексей-то запропастился?! — «забеспокоился» Барон. — Как и Ильдар, в сортире, что ли, потонул?

Я метнулся к Ильдару, который сидел недалеко от входа в палатку и тихо смеялся над Алексием, поставил его на ноги и подтолкнул к входу.

— Запомни, Барона ты еще не видел! — зашептал я ему. — И не ржи, а то всю «малину» засветишь! И, как только сможешь, выпроводи Булатку на улицу.

Ильдар выдохнул, сделал серьезное лицо и шагнул в палатку.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор! — послышалось его бодрое приветствие. — Разрешите войти?

— Так ты уже вошел. И не ори, не на параде, — ответил Барон. — Спирт будешь? Хотя, чего я у медика-то спрашиваю. Зяма, работай давай!

Снова послышалось бульканье. Меня кто-то дергал за рукав. Я повернул голову.

— Молодой человек, — шепотом обратился ко мне раввин, — а кого они все время генерал-майором называют?

— Того мужика, который вас сюда привел, — так же шепотом ответил я.

— Летчика?! — опешил он.

— Он такой же летчик, как вы подводник, — продолжил я разрушать психику раввина. — Это генерал-майор Ивлев.

— Барон?! — в ужасе прошептал раввин. У него задергался левый глаз, и чуть подогнулись колени.

— Не переживайте, — поспешил я его успокоить. — Судя по настроению Барона, казней сегодня не будет. Кстати, а откуда вы про него знаете?

— Нам руководитель три раза повторил, чтобы ни в коем случае не попадались Барону на глаза! Иначе умрем лютой смертью!

— Хороший у вас руководитель! — похвалил я. — Заботится о своих подчиненных!

— Господи, что же будет?! — Он начал заламывать руки.

— Скоро узнаем, — сообщил я. — Если начнется заварушка, вы сразу под стол прячьтесь.

— Спасибо, молодой человек, — искренне поблагодарил меня раввин.

— Выпьем за хороших людей. Нас так мало осталось! — произнес очередной тост Барон. Народ чокнулся, выпил и закусил.

— Ильдар, — послышался голос Булатки. — Ты Алексия там не видел? Он тебя искать ушел и потерялся... чего? Чего ты ржешь?!

— Он... он... он, — задыхался от смеха Ильдар, — сказал, что за бабами пошел.

— За бабами?! — притворно заинтересовался Барон. — Это хорошо!

— Да, — поддержал его Булатка, — неплохо. А за которыми?

— Не... не... не знаю, — не мог остановить рвущийся из него смех Ильдар.

— Татарин, — не выдержал Зяма, — ты чего ржешь, как конь?!

— Молчи, неверный, — заткнул его Ильдар. Он, судя по звукам, сделал глубокий вздох и выпалил: — Булатка, совсем забыл, там тебя гонец от Барина дожидается...

— О, Аллах, — испуганно воскликнул тот. — И ты, свинья, молчал. Он же меня порвет на британский флаг... Товарищ генерал-майор, я побегу?

— Беги, беги, — с усмешкой разрешил Ивлев, — голову только береги...

— Господи, Боже мой!!! — только и смог сказать мулла, выскочив на улицу и столкнувшись нос к носу с прибывшим проверяющим.

Мизансцена с хватанием за грудки, подзатыльником и утаскиванием со «сцены» повторилась. Зрители в очередной раз покатались от смеха. А Барон, судя по всему, понял, что мулла уже «попал в плен», начал завершающий этап своего спектакля:

— Зяма, у меня к тебе вопрос интимного плана, — начал Барон издалека.

— Я от триппера лечить не умею. Езжайте в госпиталь, — отрезал Зяма.

Ильдар заржал. Барон, судя по всему, обалдев от наглости врача, замолк.

— Вы спирт еще будете? — как ни в чем не бывало, продолжил Зяма.

— Слышь, ты, трубка клистирная, — обиженно засопел Барон, — себя от триппера лечи.

— Евреи триппером не болеют, — заверил его Зяма. — Так вы спирт-то будете?!

— Буду, — насупился Барон, но любопытство победило, и он поинтересовался: — А чем они болеют?

— У нас, у избранных, — важно отвечал Зяма, разливая спирт, — есть только одно сугубо национальное заболевание.

— Это какое? — не выдержал Барон.

— А такое, — тоном лектора продолжал Зяма, — на которое бывает положительная реакция Вассермана!

Ильдар захохотал опять, к нему присоединился Зяма, а потом и Барон.

— Ох, пилюлькины, весело с вами, — отсмеявшись, похвалил их Барон.

— Да, у нас вся группа — сборная клоунов, — подтвердил Ильдар, — один командир чего стоит!

— Да, — согласился Барон, — командир у вас — сволочь редкостная, патентованная, я бы сказал!

— Ну, за командира, — хихикнув, предложил тост Ильдар.

— Прогиб засчитан, — согласился Зяма, — за командира.

— Бармалей!!! — гаркнул Барон. — За тебя, поганец мелкий!!!

— Я сейчас описаюсь от восторга, — ответил я. — Товарищ генерал-майор, вы долго еще моих бойцов спаивать будете? Мне же потом от вас еще и влетит!

— Не бзди, Сашок, сегодня им можно. Как там погода, кстати? — поинтересовался

Барон, и я сообразил, что он намекает, что пора в «бой» вводить раввина.

— Погода хорошая. А если Зяма еще до чертей не допился, то передайте ему, что тут его человек ожидает, у которого реакция Вассермана тоже положительная.

Я поглядел на раввина. Тот испуганно заморгал глазами и попытался ретироваться, но я схватил его за руку и поднес к его носу кулак.

— Только дернитесь, уважаемый, — пригрозил ему я, — я вам припомню и Христа, и тридцать серебряников, и Иуду...

— Зяма, ты слышал? — поинтересовался Барон. — К тебе такой же сифилитик, как ты пришел. Куда его?

— Введите, — вальяжно распорядился он.

— Ребе, — я подтолкнул раввина к входу, — ваш выход. И не нужно бояться. Могилку с красной звездой я вам обеспечу...

Раввин от моего толчка практически влетел в палатку.

— Добрый день, уважаемые, — жалобно протянул он.

— Вот это сифилитик!! — воскликнул Ильдар.

— Вот и встретились два одиночества! — прокомментировал Барон.

— Растурдыть-тебя-по-голове-восемь-раз-нехорошо!!! — выпалил Зяма. — Вот только раввина для полного счастья мне и не хватало. Давно вы под дверьми торчите?

— Да, — проблеял он.

— Еще хуже... — резюмировал Зяма. — Командир, поднятый за тебя тост прошу считать недействительным.

— Чейта?! — притворно огорчился я.

— Нехорошо так подчиненных подставлять!

— Ты еще про судьбу Алексия и Булатки не знаешь...

— Все так же плохо?

— Все еще хуже, — заверил я его. — Ты думаешь, наш любимый и до дрожи в коленях обожаемый генерал-майор просто так ваш спирт глушит?!

— Мда-а-а... Беру свои слова обратно, — резко передумал Зяма. — Готов еще раз выпить за тебя. Наливать всем? Ребе, ну, что вы таки молчите?!

— Я не пью, — проямлил тот.

— Так какого рожна вы в армию поперлись?! Тут не пить нельзя!!!

Очередной раз раздалась «бульки».

— За командира! — оповестил присутствующих Зяма.

— Саня, за тебя, — поддержал Ильдар.

— Бармалей, не кашляй, — не остался в стороне Барон.

После того как все закусили, Барон скомандовал Ильдару:

— Слышь, писькин доктор, пошли на улицу, покурим.

Ильдар, не проронив ни слова, быстро вышел на улицу.

За ним с раскрасневшимся лицом, в расстегнутой техничке вышел Барон. В руках он держал бутылку со спиртом и три стакана. Ильдар прикурил две сигареты. Одну оставил себе, вторую аккуратно вставил в рот Барона, так как руки последнего были заняты. Барон благодарно кивнул и развернулся в сторону оставшихся и совершенно очумевших буддистских монахов. А те, узрев под расстегнутой техничкой генеральские погоны и целый «иконостас» орденских планок, аж присели от испуга.

— Так, монахи, — обратился к ним Барон, — а ну, идите сюда.

Монахи очень медленно приблизились к Барону. Он рассмотрел обоих с ног до головы, чем еще больше ввел их в смятение, вручил каждому по стакану, после чего налил в каждый стакан, не забыв и себя, солидную порцию спирта.

— Ну, что, ловцы человеческих душ, давайте выпьем за победу и единение родов войск. — И добавил чуть тише: — Только вякните, что не пьете, порву обоих!

Он чокнулся с монахами, выпил и глубоко затянулся сигаретой. А монахи выпили и забыли, что нужно дышать. И не помнили с минуту.

А в палатке разворачивалась своя пьеса. Точнее трагедия. Как только Ильдар и Барон вышли из палатки, раввин о чем-то тихо, но убедительно заговорил с Зямой. Марся, сунувшись подслушивать, почти сразу жестами позвал Макса. Макс, прислушавшись, с горечью «поставил диагноз»:

— Иврит.

К Барону подошел «проверяющий» от православных и, не обращая внимания на его генеральские регалии, жестом потребовал стакан. Монахи еще не пришли в себя, поэтому Барон аккуратно вытащил из рук у одного из них стакан, налил туда на два пальца и вопросительно посмотрел на попа. Тот приподнял недоуменно бровь и недовольно зыркнул на Барона. Барон налил до половины. Поп довольно кивнул, спрятал под рясу крест, принял стакан, перекрестился, одним махом его выпил, выдернул у Барона изо рта сигарету, сделал два затяга, вставил сигарету обратно и со словами «пойду, предам анафеме» хрустнул костяшками пальцев и направился в сторону Алексия. Алексий стоял на коленях в пяти метрах от палатки медиков, где его оставил «проверяющий». Вид у него был очень жалостливый.

— После такого, — щурясь от табачного дыма, довольно заметил Барон, — я горжусь, что я православный!

— Кто гои?! — раздался возглас Зямы из палатки. — Ильдар?! Саня?! Или парни из нашей группы?! Ребе, ты базар-то фильтруй!!!

Раввин что-то успокаивающе зашептал на иврите.

— Слушай, ты, — еще громче взревел Зяма, — дряни кусок. Или ты сейчас извинишься, или я тебе обрезание сделаю. И не крайней плоти, а твоего поганого языка!

Тот еще что-то попытался объяснить Зяме, но попытка оказалась неудачной, потому что Зяма взревел. Потом послышался испуганный вопль, и через мгновение из двери выскочил перепуганный раввин, а вслед за ним (с комментарием Зямы: «Кесарю — кесарево») вылетела табуретка. Уклоняясь от воздушной угрозы, раввин споткнулся, упал. Пропахав носом землю, остановился в метре от удивленного Барона и затих.

— Саня, — обратился ко мне Барон, — ты в курсе, что твои бойцы беспредельщики?!

— Раньше сомневался, — обалдело ответил я, — но теперь уверовал...

В дверном проеме показался взбешенный Зяма.

— Где этот поц?! — поинтересовался он.

— Боренька, — Ивлев попытался отвлечь внимание врача на себя, — только свиной его не корми!

Попытка удалась, так как Борька остановился, обдумал услышанное и, хмыкнув, ответил:

— Стану я на такого козла продукты переводить! — Зяма подошел к лежащему без признаков жизни раввину и (со словами «Гребаная клятва Гиппократата») начал приводить его в чувство. Тот упорно не хотел приходить в себя.

— Зяма, — отвлек я внимание Борьки от раввина, — глянь на Алексия. Там такая трагедия разыгрывается — Шекспир рядом не валялся.

Зяма, как и все присутствующие, повернули головы в сторону пары православных попов. Алексей, все еще стоявший на коленях, схватил «проверяющего» за ноги и начал о чем-то слезно умолять. Борька оценил картину, насладился «игрой актеров» и обратился к Ильдару:

— Братка, займись этим симулянтom. А я пойду Алексию на помощь.

— Зяма, ты только аккуратно, — улыбаясь, посоветовал Барон, — «проверяющий» мужик боевой, еще за Христа мстить начнет...

— Я бегаяю быстро, — не оборачиваясь, ответил Зяма. Он подошел к «сладкой парочке», прислушался к мольбам Алексия, почесал нос и обратился к Алексю: — Падре, ты чего дурью маешься? Что он тебе сделает? Разжалует? Так тебя только в монахи стричь. Лишит сана? Права не имеет. Чего ты перебздел?! Любое наказание для тебя — это высылка в тыл. О таком наказании тут почти все мечтают. А если тебя выслать, то на твое место кого-то присылать нужно. А кого прислать? Других смертников, кто будет служить у Комарницкого, нет! И не будет! И не факт, что Барин тебя отпустит. Он вас, конечно, любит, как ротвейлер намордник, но уж лучше иметь двух боевых алкашей, чем правильных трутней! Поэтому вставай, «проклятьем заклеяменный». Пойдем Булатку отбивать!

Алексий и «проверяющий» поп обдумали слова Зямы. И если приезжий нахмурился, то Алексей воссиял и поднялся с колен.

— А ить верно глаголешь, сын мой! — радостно воскликнул Алексей, бодрым шагом направляясь в нашу сторону. — Где наш второй воинствующий служитель Всевышнего?!

— Ах ты, хриstopродавец... — зашипел приезжий поп.

— Помолчите, святой отец, — оборвал его Зяма, — посмеялись и будет.

— Да я тебя... — продолжил тот.

— Батюшка, — вмешался я, — сбавьте обороты и заканчивайте этот спектакль. Я тоже могу вам кое-что предъявить!

— Угрожаешь, нечестивец? — набычился он.

— Предупреждаю, — спокойно ответил я. — Если опустить ваше пьянство и курение в присутствии генерал-майора, а также неотдачу ему воинских приветствий. — Барон как бы нечаянно повернулся к попу, показывая свои звезды и награды. Глаза священника начали расширяться от ужаса. — Так вот, — продолжил я. — Если опустить эти два крупнейших греха, о которых мы не сообщим вашему начальству, остается мнение полковника Комарницкого. Вы уже успели с ним познакомиться?

— Успел, — хмуро ответил поп.

— Если преподнести ваши действия как саботаж, направленный на подрыв боеготовности его подчиненных (а в отличие от командиров, рядовой состав морпехов капелланов любит), то за последствия я не ручаюсь. Комарницкий — мужик образованный, и поставить короткую пьесу из цикла «Смерть ранних христиан», с вами в главной роли, он сможет, не поднимая задницу со стула.

Приезжий шумно сопел, но молчал.

— Уважаемый, — поддержал меня Барон, — поверьте, капитан знает, о чем говорит. Поэтому я настоятельно рекомендую вам не поднимать шум. — Усмехнулся и добавил: — И помните: у нас длинные руки...

— Великое отлучение!!! — раздался визг раввина.

— О! Оклемался, болезный! — обрадовался Зяма. — Чего он там орет?

— Великое отлучение!!! — повторно прокричал раввин.

— Что, опять?! — всплеснув руками, вздохнул Зяма. — Ребе, вы уже меня задрали с вашими отлучениями. Вот, ей-богу, в другую веру подамся!

— Зяма, давай к нам, — предложил Марсель, — тем более «лишнее» тебе уже отрезали...

— Не пойду, — ответил он, — у вас пить нельзя...

* * *

— Так, религиозно-националистический диспут закрыли. Дружно ищем осину.

Осина, к счастью, обнаружилась неподалеку. Румын предложил использовать тактику македонской фаланги. Идея понравилась. Около часа строгаля снарягу. В итоге, когда вышли на дорогу к замку, наша группа напоминала пьяного дикобраза, из которого во все стороны торчали колья разной длины, в центре шли два пулеметчика. Буры при таком плотном строе использовать рискованно, но на всякий случай зарядили и их. До моста добрались без приключений. Но как только вступили на мост, из замка раздался вой. Все дружно встали.

— Ну что, Ванхельсинги Блэйдовичи, встали? — поинтересовался я. — Вытряхнули дерьмо из штанин и двигаемся.

Страшно было до жути.

— Саня, — Ильдар смотрел внутрь замка в бинокль, — там, на потолке, что-то шевелится.

— Кто-нибудь, подсветите.

Внутрь влетела сигнальная ракета... а таааааам!!! На потолке и стенах, держась за камни, сидело около десятка тварей и с интересом поглядывало на нас.

— Еще ракету! — взвизгнул я. — Микола, пали.

Пошла ракета. Загрохотал крупнокалиберник Микола.

Двоих разрезало пополам, одному срезало руки, но он не упал. Тут противник понял, что дальше сидеть смысла нет, и стартовал в нашу сторону. Как в лучших голливудских фильмах, кровососы летели быстро, но молча. Микола срезал еще одного, но потом, оценив скорость нападавших, прекратил огонь. Самые шустрые уже долетели до нас и, не приняв во внимание колья, попытались схватить моих бойцов, за что и поплатились. Двое со всей дури напоролись на торчащие колья и (о, чудо!) загорелись. Третий попытался подняться вверх, уходя от опасности, но кто-то из моих парней насадил его на кол. История с возгоранием повторилась. Остальные, сделав пару кругов и оценив нашу подготовку, улетели внутрь замка.

— Видать, за подкреплением пошли, — высказался кто-то.

— Капитан, — заговорил румын, — скорее всего, сейчас придет оборотень. Пулемет для него не страшен, а из гранатомета попасть сложно. Вероятно, он попытается всех раскидать, а потом по одному перегрызть. Так вот, когда он будет почти рядом, нужно расступиться и пропустить его. Он тяжелый. Пока затормозит. Пока развернется. В этот момент в него нужно навтыкать побольше кольев.

— Как на корриде в быка?

— Да.

— Тогда внутрь пока не заходим. Ждем тут. В тесноте у нас не будет пространства для маневра.

Со стороны замка раздался вой, потом тяжелое дыхание, и на мост вылетел волк. Близнец погибшего. У меня сжалось все. Даже то, что, в принципе, не может сжаться. Волк приближался.

— В сторону!!! — заорал полковник.

Парни все выполнили четко, попутно натыкав оборотня кольями. Он страшно взревел, у него подогнулись задние ноги.

— Пулеметом его, — крикнул румын.

Микола начал стрелять. Стрелял он по ногам. Задние ноги отвалились сразу. Волк рухнул на пузо, но продолжал разворачиваться. Правда, очень медленно.

— Слабее, сука!!! — радостно заорал Марся и воткнул волку в бок здоровенный кол. Тот взвыл, выгнулся и замер.

— Он парализован, — заговорил румын, — пробейте ему сердце.

С третьего раза попали. Волк тяжело вздохнул и, в соответствии с традициями жанра, начал уменьшаться, пока не превратился в мертвого, утыканного кольями человека. Покойный при жизни был мужского пола и, судя по наколкам и комплекции, военнослужащим армии США.

— Это... — ошалело промямлил Пашка. — А почему первый в чела не превратился?

— Вы его убили неправильно, — пояснил румын.

— Построили фалангу, — приказал я. — Микола, патроны экономя, крупнокалиберный только у тебя. Полковник, вы знаете план замка?

— Приблизительно. После моста коридор метров тридцать. Потом он распадается на два рукава такой же длины. Потом повороты и выход в центральный двор.

— То есть стена, в которую мы упремся, дойдя до развилки, отделяет нас от центрального двора?

— Да.

— А где сидит Дракула?

— Э-э-э... Не знаю. Надо у американца спросить. А где он?

— Да, — с интонацией шакала Табаки поинтересовался я у своих головорезов, хотя знал ответ и так, — где эта сволочь?

— Так это, — замямлили мои, — мы как за осиной пошли, так его и прирезали. А не надо было?

Румын тяжело вздохнул.

— Я не знаю, где его искать... Но он точно в замке.

— Значит, придется резать всех.

— Видимо, да.

— Печально. Так, ставлю задачу: сейчас гранатометами проламываем стену во двор. После того, как стена рухнет, фигачим туда все выстрелы. Внутри они нам не понадобятся. И пока не утих кипиш, который, я надеюсь, там будет, мы должны добежать до стены. А там по обстановке. Начали.

Стрелки заняли позицию. По привычке глянули по сторонам и назад. Убедившись, что сзади никого нет, жажнули. Громыкнуло знатно. В темноте стало видно, что где-то в глубине горит большой костер. Судя по всему, горел он именно во дворе замка. Тут же туда ушли еще две гранаты, а парни добавили из имеющихся «мух». Все выстрелы ушли во двор. Там началась кутерьма. Послав еще четыре гранаты, парни выкинули РПГ. Гранат к ним больше не было.

— Микола, метров за десять до пролома даешь хорошую очередь внутрь. Двинулись.

Достаточно быстро прошли мост и вошли в коридор. Благодаря сильному сквозняку пыли в нем уже не было. За десять метров до пролома Микола стрельнул, и мы подошли к пролому.

Внутри все выглядело так, как и должно выглядеть после множественных взрывов гранат: небольшой пожар, фрагменты тел, много фрагментов, обрушенные стены и — ни

души.

— Интересно, а Дракулу мы завалили? — поинтересовался кто-то.

— Нет, — хмуро ответил румын, — его так просто не убить. Нужен кол в сердце.

— Командир, что дальше-то? — поинтересовались мои.

— Что дальше? — спросил я румына.

— Что, что, — заворчал он, — ты командир, тебе и решать. Я же предлагал вызвать подмогу...

— «Кац сразу предлагал — сдаться... сдаться... сдаться...» — проявил знание советского кинематографа Олег.

— Ты же сюда поперся, — продолжал румын.

— Санек, можно я его стукну? — спросил Марсель.

— Нельзя. Зашибешь ненароком. Слышь ты, патриот своей страны и престарелый охотник за табуретками, — обратился я к румыну.

— Зачем?! — не понял тот.

— Заткнулся и слушаешь дальше. Ты сейчас договоришься, и я тебя как наживку использовать буду: привяжу к веревке и буду в самые темные коридоры закидывать. И плевать мне на приказы. Заканчивай бубнеж и говори: где теоретически должен сидеть главный кровосос. И главное: во дворе сейчас безопасно?

Румын еще больше насупился, но ответил:

— Тут везде опасно. Из строя лучше не выходить. Здесь могут быть и раненые. Кстати, для начала лучше зачистить двор. А Дракула, скорее всего, ушел в подземные коридоры. Скоро рассвет, а свет для него губителен.

— Хорошо, уговорил. Так, бойцы, сейчас, не нарушая фаланги, гуляем по двору и тыкаем во все, что можно, кольями. А там поглядим.

По двору «гуляли» минут двадцать и кольями, как саперскими шупами в поисках мин, прокалывали все, что попадалось на глаза.

На двадцать первой минуте раздался недоуменный возглас Ильдара:

— Не понял?!

Все замерли.

— Ильдар, что там у тебя?! — зашептал я.

— Командир, тут лежит фрагмент тела, но ранения у него не осколочные.

— А какие? — удивился я.

— Колото-резаные. Я бы даже сказал, рубленые.

— Ты ничего не пугаешь?

— Блин, юрист, иди и сам посмотри, — огрызнулся он.

Я протиснулся к Ильдару. А он продолжал рассматривать часть человеческой руки. Кисть и предплечье были не повреждены, а плечо присутствовало частично. Я подсветил фонарем и убедился, что медик не ошибся: руку именно отрубили. И не просто отрубили, а отсекли одним движением. Срез очень ровный.

— Может, это останки жертвы? — предположил я.

— Тогда в качестве жертвы был «Зеленый берет».

— Почему ты так думаешь?

Вместо ответа Ильдар перевернул останки руки ладонью вниз, и я увидел татуировку «De oppresso liber». «Освобождение от угнетения» — девиз «Зеленых беретов».

— Оригинально! — в очередной раз удивился я. — Может, все-таки кровососы и

америкосов на «мясо» пустили?

— Может быть, — протянул Ильдар. — А расчленять-то зачем? — Он повернулся к румыну: — Полковник, что скажете? Жертвоприношения или э-э-э... принятие пищи у вампиров сопровождается расчленением?

— Насколько мне известно, нет, — огорчил нас румын. — Следов укусов на руке нет?

— Нет, — подтвердил Ильдар.

— Тогда я ничем не могу помочь. Сам первый раз такое встречаю.

Ильдар тем временем ткнул колом в ближайший труп, убедившись в его безвредности, осмотрел и резюмировал:

— А этому башку отрубили. Руки на месте, а головы нет.

— «Берет»? — спросил я.

Ильдар осмотрел руки и отрицательно замотал головой.

— Что же тут было? — спросил я сам себя.

— У нас появились союзники? — предположил Макс.

— Хотелось бы верить. Но кто бы это мог быть?!

Ответа не последовало.

— Ладно, продолжаем зачистку, — скомандовал я бойцам. — Если будете замечать аналогичные повреждения — сообщайте.

В течение последующих десяти минут мы обнаружили еще пятнадцать аналогичных случаев. Либо перед нашим обстрелом, либо во время суматохи, вызванной обстрелом, кто-то здорово поработал холодным оружием, уменьшив число наших врагов. На одиннадцатой минуте с момента обнаружения отрубленной руки «Берета» Рафа негромко сказал «ой», и все дружно остановились, оцетинившись колючими. Ничего не происходило.

— Рафа, сучье вымя, — зашептал Марся, — чего ты разорался, паникер долбаный?

— Я не разорался, — начал оправдываться тот, — я кол уронил.

— Ну, так подними!

— Не могу. Он в дырку упал...

— Порву паразита, — зашипел Марся и начал протискиваться к бойцу, — показывай, извращенец, в какую дырку ты двухметровый дрын затолкал! — Осмотрев место происшествия и посветив фонариком, Марся озвучил результаты исследования: — Санек, по ходу под полом пустота. И довольно глубокая. Видать, гранатами мы тут покоцали все, вот пол и начал разваливаться.

— Полковник, это те самые коридоры, куда ушел Дракула?

— Скорее всего.

— Каковы они по протяженности?

— Не помню, но очень длинные. Там еще и комнат много. Если я не ошибаюсь, то подземная часть замка в два раза больше надземной.

— Попаааали, — выдал я.

— Командир, рассвет начинается! — обрадовал всех Макс.

— Это, конечно, хорошо, но под землей нам это не поможет. Леня, Термит, — позвал я сапера, — сколько у тебя пластита осталось?

— Н-н-немного, в т-т-тоннеле почти в-в-все оставили.

— Командир, ты хочешь пол взорвать?

— Да. Так, парни, слушай вводные: сейчас заканчиваем зачистку, после чего садимся и ждем, когда солнце взойдет. Тогда по поверхности можно ходить спокойно. Полковник,

оборотни солнца бояться?

— Да.

— Очень хорошо. После рассвета Леня минирует пол так, чтобы взрывом обрушило хотя бы половину двора. Взрывчатки хватит?

Леня полез смотреть на отверстие, в котором Рафа потерял свое копьё:

— Т-т-только на это и хва-а-атит, если п-п-пол везде такой.

— И то радость. Дальше раскладываем оставшиеся мины и подрываем следующий уровень. Наша задача: как можно глубже пробиться под землю, чтобы туда проник солнечный свет.

— А если до конца не пробьём?

— А до конца и не получится, — влез румын, — там уровня четыре точно есть.

— А если не получится, — продолжил я, — будем в «Квейк» играть. Код бессмертия кто помнит? Никто? Печально. Короче, зачищаем остатки ручками.

Зачистили остатки двора и сели ждать рассвет. Через сорок минут Ленька, взяв стоматологическое зеркало, пошел еще раз смотреть на дырку в полу. Полторы минуты он сосредоточенно сопел, а потом вскрикнул:

— Ах, ты, сука. Порву!!! — временное исчезновение заикания у нашего сапера — верный признак сильного волнения.

— Ты чего? — трое ломанулось к нему.

— Какая-то зараза у меня зеркало вырвала из рук!!!

— Вырвала? Точно? Или ты его, как Рафа, уронил?

— Да точно говорю, я ж не криворукий! Командир, там кто-то живой!

— Или не живой, но очень голодный, — пробубнил я. — Что скажешь про толщину?

— В данном м-м-месте и г-г-гранаты хватит, — волнение сапера прошло. Термит установил в дыру гранату и, протянув к ней леску, подорвал пол. Внизу раздался вой, как минимум, двух глоток.

— Стоять, — рявкнул я своим. — Пусть солнце делает свое дело. Полковник, сколько солнцу требуется, чтобы убить вампира?

— Не больше минуты.

— А оборотня?

— Минуты две-три.

— Так, через шестьдесят секунд Термит и Марся идут смотреть. Только аккуратно. Не провалитесь вниз.

— К-к-командир, тут п-п-пол крепкий, он н-н-не провалится.

Через минуту парни пошли к воронке.

— Чисто, — доложил Марся. — Судя по всему, троих солнце сожгло!

— М-м-мое зеркало! — сообщил Ленька и собрался прыгать вниз.

— Ты куда полез, камикадзе? — Марся взял его за шкуру и оттащил от воронки.

— Т-т-там же чисто!

— Стой, смертник!!! — одернул его Марся.

Я тоже подошел к воронке. Дыра получилась метра три в диаметре. И, что особо радовало, подорвали мы точно над пересечением коридоров. Покрутив головой, пришел к выводу, что они делят двор на относительно ровные четыре части.

— Леня, если ты поборол в себе желание покончить жизнь самоубийством, скажи мне: сможешь дырок наделать крестом, чтобы двор на секторы разрезать?

— Смогу, — ответил тот. — Еще и н-н-на второй этаж о-о-останется.

— Давай.

Минут десять Ленька что-то высчитывал в блокноте. Потом установил один заряд недалеко от воронки, между несущими стенами, и подорвал. Видать, время, которое прошло со дня постройки, и первоначальный обстрел гранатометами сыграли нам на руку: обрушения оказались гораздо большими, чем я ожидал. Ленька, судя по его довольному лицу, на это и рассчитывал. Однако криков погибающей нечисти не последовало. Первый печальный опыт не прошел для вампиров даром. Ушли «в глубины».

Ленька тем временем начал устанавливать следующий заряд. Через сорок минут у нас уже был Т-образный перекресток, и Ленька прогнал нас на другой конец двора, чтобы не мешали ему доделывать работу. На середине оставшегося пути что-то пошло не по плану. То ли Ленька пластита лишнего заложил, то ли повреждения замка были более серьезными, чем мы предполагали. В общем, после очередного взрыва обрушилась еще и часть стены. Обрушения, Слава Богу, произошли в дальнем от нас углу. После обрушения мы увидели некоторые комнаты первого и второго этажей. Ленька озадаченно таращился на рухнувшую стену.

— Ты, это, отважный непрофессионал, — обратился к Леньке Ильдар. — Смотри, не перехимишь, а то подорвешь нас всех вместе с замком.

— Н-н-не бойсь, э-э-эскулап! Я п-п-профи!

— Ну-ну, — хмуро буркнул Ильдар, — такой же, как и оратор...

— Движение на одиннадцать часов, — раздался крик, и в сторону комнат, что стали видны после обрушения, ушла очередь. Потом кто-то поддержал из пулемета. Остальные стрелять не стали, так как цели не увидели. Но что особо радовало: колья тут же были выставлены в разные стороны.

— Кто стрелял?

— Командир, — отозвался Вартанчик, — второй этаж, первая комната от угла. В глубине, где солнца еще нет, было движение.

— Мамелюк, что-нибудь видишь?

Димка старательно смотрел в оптику.

— Сейчас проверю. Олег, в дальнем углу объект около метра в высоту. Накрыт тканью темного цвета.

— Вижу, — отозвался тот.

Я тоже уставился в бинокль. Да, какая-то непонятная куча. Тут раздался хлопок «Винтореза», куча от попадания дернулась, ткань начала сползать вниз, но тут же была подхвачена чем-то или кем-то и возвращена на прежнее место. Хлопнул «Винторез» Олега. Куча снова дернулась, но ткань уже не сползала.

— Полковник, возьмите бинокль! Куда смотреть — понятно?

— Да, — румын изучал комнату. — А можно еще один выстрел?

— Димка, пали.

Выстрел. Румын изучал результат.

— Капитан, — он протянул мне бинокль обратно, — там, под тканью, сидит вампир. Когда стена рухнула, он оказался в западне. Дверь находится на освещенной части комнаты.

— И что с ним делать?

— Пока там нет солнца, можно пойти пообщаться. Может, чего-нибудь интересного расскажет.

— В смысле?

— В прямом. По разрушенной стене заберемся в комнату и попробуем установить контакт.

— А потом?

— Что потом?

— А потом его в расход?

Румын удивленно уставился на меня.

— Капитан, вы всегда пленных добиваете?

— Это вы на америкоса намекаете?

— И на него в том числе.

— Пленных — нет. Но для того, чтобы солдат армии противника стал военнопленным, необходим ряд условий. Это во-первых. Во-вторых, с США у нас официально войны нет, следовательно, тот америкос — наемник, то есть преступник. А на них статус военнопленных не распространяется. И по закону ему при любом раскладе «вышка».

Полковник задумчиво пожевал губу. И поинтересовался:

— Вы кем были до войны, капитан?

— Юристом.

— Я так и подумал. И много у вас не успевают стать пленными?

— Полковник, мы не эсэсовцы, не американские морпехи и не ваши, кстати, десантники. Вам рассказать, что они творили с нашими пленными? Я про такое читал только в архивах о войне в Афганистане. Так что про гуманитарное право расскажите для начала своим солдатам. И вы живы только благодаря форме. Были бы в форме десантника, мы бы ваши кишки по деревьям развесили... и Михалыч ничего бы не узнал!

— Да, — грустно ответил румын, — я слышал про наших десантников... Но я также слышал, что наши новобранцы категорически не хотят идти в десант. Что в десанте наибольшее число дезертиров потому, что любой солдат вашей армии в первую очередь старается убить именно десантника, а лучше — взять в плен, чтобы...

— Да, да, — перебил его я, — чтобы изрубить его помельче. Не нужно было тем придуркам нападать на санитарную машину, да еще выкладывать видео в сеть. Насколько я помню, двое из той группы еще живы. Но их усиленно ловят... А касательно нас, полковник, мы валим только то количество, которое необходимо нам для выполнения задачи и для собственной безопасности. Куда нам этого америкоса девать было? С собой таскать? И в качестве заключения нашего диспута: вы же историк, вы должны знать — на войне нет правды.

Румын молчал.

— Будем дальше спорить или пойдем кровососа допрашивать?

— Пойдем. И не нужно его убивать. Через три часа солнце его само убьет.

— Термит, передохни. Остальные смотрят по сторонам и прикрывают нас.

С матюками и падениями поднялись по развалинам к комнате. У входа я остановил румына.

— Попробуем поговорить отсюда. Тут и солнце, и, если что, снайпера его тормознут. Вы только на линию огня не выползайте.

Полковник громко обратился в угол комнаты на румынском. Говорил минуты полторы. Реакции не последовало. Поняв, что диалога не получается, вопросительно посмотрел на меня.

— Не хочет. Какие будут предложения?

— Сейчас узнаем. — И на английском обратился в сторону вампира: — Если ты меня слышишь и понимаешь, то подай какой-нибудь знак. Если будешь молчать, то я сейчас возьму что-нибудь длинное, стащу с тебя тряпку и посмотрю, как солнце тебя сожжет.

— Правильно, — зашептал румын, — американцы же тоже стали вампирами.

— Пожалуйста, не стаскивайте ткань, — раздалось из угла на английском. Голос говорящего был слабый и какой-то шипящий. — Чего вы хотите?

— Как тебя зовут?

— Генри.

— Звание и род войск?

— Рядовой, морская пехота.

— Ты понимаешь, что ты вампир?

— Да, понимаю... — Из-под ткани раздался всхлип.

— О, как! — удивился я. — Они и реветь умеют?! — это уже румыну.

— Конечно, первое время они почти люди. Только через неделю он станет чистым животным.

— А оборотни такие же?

— Нет, у них процесс обращения происходит мгновенно.

— Как ты стал вампиром? — спросил румын.

— Шнайдер, этот ублюдок, погубил всех нас.

— Расскажи поподробнее.

— Зачем это вам?

— Для общего развития, — вклинился я. — Слышь, плакса, чем дольше ты говоришь, тем дольше живешь. Это понятно?

— Три дня назад Шнайдер привел нас сюда. Тут уже работала археологическая экспедиция. Вчера мы извлекли два саркофага. Шнайдер почти сутки читал над ними то ли молитвы, то ли заклинания. А сегодня пришла первая машина с гражданскими. Ночью он вскрыл оба саркофага и в каждый положил по две женщины. Одна лежала на мумии, вторая — поверх нее. Тем, что находились сверху, он перерезал горло, а потом... — Вурдалак опять начал всхлипать.

— А потом, — продолжил за него румын, — когда почти вся кровь несчастных вытекла в саркофаг, мумии ожили и впились в тех, кто лежал непосредственно на них.

— Да, — всхлипнул америкос, — откуда вы знаете?

— Поддерживаю собеседника, — вякнул я.

— За прошедшие столетия способ оживления не мог измениться. И этот способ описан во всех известных мне источниках. Шнайдер читал те же книги, что и я. Генри, после того, как мумии высосали кровь жертв и поднялись, что было дальше? Шнайдер тоже стал вампиром, или он принес вассальную присягу?

— Насколько я знаю, вампиром он не стал. Как только Дракула вышел из саркофага, Шнайдер встал на колени и что-то произнес на латыни. Дракула положил руку ему на голову и тоже что-то сказал на латыни.

— Так, капитан, — лицо румына стало очень серьезным, в глазах вспыхнула ненависть, — теперь нужно быть предельно внимательными. Шнайдер, ублюдок, стал вассалом Дракулы. Он остался человеком, но стал сильнее и выносливее. Он не боится солнца и серебра. Скажите это своим людям.

— Сказать — скажу. А как его убить?

— Как и обычного человека, но сделать это сложнее.

— И долго он таким будет?

— Пока жив Дракула. После смерти сеньора вассал сразу гибнет. Так что Шнайдер будет сражаться за Дракулу до последнего.

— Что было дальше? — спросил я американца.

— Дальше начали прибывать грузовики с гражданскими. Мы приковывали их к стене и оставляли. Первых гражданских Дракула и Оборотень просто выпили, а остальных начали обращать.

— Это тоже понятно, — снова перебил полковник. — Как ты стал вампиром?

— После того как они обратили всех гражданских, Шнайдер позвал всех свободных от службы солдат во двор. Там уже стояли и вампиры, и оборотни. Как только мы все собрались, эти твари кинулись на нас... Часть, как я, стала вампирами, а остальные — оборотнями. После этого они начали обращать и тех, кто стоял в карауле. Все было тихо, пока оборотень не вышел в коридор, ведущий к выходу. Там дежурил О'Брайн. Как только он заметил оборотня, он сразу начал стрелять и побежал на улицу. Дальше вы знаете.

— Скажи мне, Генри, а кто из ваших так поработал мечом или саблей?

— У наших нет подобного оружия, — ответил вампир.

— А кто тогда так искусно порубил твоих соплеменников?

— Я не знаю. Перед тем как обрушилась стена, в задних шеренгах появился какой-то воин в рыцарских доспехах и с большим мечом. Он точно не наш. До первого взрыва этот воин успел разрубить нескольких оборотней. И даже после взрыва, воспользовавшись паникой, он продолжил убивать.

— Можешь предположить, кто это мог быть?

— Нет, — ответил Генри. И тут же спросил: — Кстати, а как вы тут оказались?

— Пока спрашиваем мы, — рявкнул румын. — Куда делись Дракула, Оборотень и Шнайдер после начала обстрела?

Помедлив, америкос ответил:

— Они ушли в коридоры, которые в самом низу. А как вы тут оказались?

— Полковник, — шепотом обратился я к румыну, — мне кажется, тональность голоса у вампира изменилась.

Румын ладонью прикрыл мне рот и жестами попросил помолчать.

— Генри, мы пришли сюда за тем же самым, что и Шнайдер, но не успели, — выдал румын и показал мне кулак. Потому что я уже собрался ему возразить.

Из-под покрывала раздался смех. Мы переглянулись.

— Ты лжешь мне, Феликс, — совершенно другим голосом сказал американец. — Сын священника не может служить мне, а тем более — поднять меня из могилы. И эти русские, которые под защитой договора, не смогли бы этого сделать.

— Заткнись, Влад, — вдруг заорал румын, — я сам вобью в тебя кол!!!

— Полковник, — я подергал его за рукав, — что происходит?!

— Через этого вампира с нами разговаривает Дракула!!!

— Офонареть!!! И давно?

— Как только был задан вопрос о том, как мы тут оказались.

— А ты все сразу понял, Феликс, — продолжился монолог из-под покрывала, — молодец. Не зря Шнайдер, этот дохлый трус, о тебе предупреждал. Капитан, — это уже ко

мне, — а вы не желаете стать моим вассалом? Перспективы этого вы должны понимать!

— Он нас видит?

— Нет, но очень хорошо слышит. И обоняние у него как у собаки.

— Слышь, Дракула, а ты понимаешь перспективы, которые тебе светят, когда мы до тебя доберемся?

— Ах, капитан, вы всерьез рассчитываете добраться до меня?! Не смешите. Лучше бегите, пока солнце высоко.

— Не могу, — ответил я, — не умею. Кстати, что такое «договор», и почему Шнайдер — «дохлый трус»?

— А вы умеете слушать, капитан. Про договор вам никогда не узнать — не успеете. А Шнайдер... Чтобы показать мою лояльность к вам, я отвечу: во время обстрела, который вы так грамотно устроили, ему оторвало голову.

— Он врет?

— Возможно, — ответил румын и, не обращая внимания на бубнеж вампира, спросил: — Что будете делать?

— Продолжать начатое. Вариантов больше нет, — ответил я и, видя «нездоровую» активность под покрывалом, потащил румына вниз.

Когда мы почти спустились, сверху раздалось: «Почему вы молчите?», а потом: «Вы все умрете», и на край комнаты выпрыгнул вампир. Правда, его тут же «сдуло» обратно выстрелами Димки и Олега. Сверху слышались стоны и рычание. Вампир снова попробовал атаковать нас, но солнце и тяжелые пули «Винторезов» сделали свое дело.

Я собрал своих парней и подробно обрисовал картину. Прыти и энтузиазма им это не прибавило, но я всегда был честен со своими бойцами.

— Термит, продолжай ломать пол. Двое его прикрывают. Помним про однорукого америкоса и про небольшую, но живучесть кровососов на солнце.

За час Термит взорвал остатки пола, обрушив еще одну стену, и принялся за следующий уровень.

— Леня, прежде чем спускаться вниз, осмотрите все.

— П-п-понятно, — кивнул тот.

Не изобретая велосипед, Термит в центре получившегося перекрестка заложил заряд, подорвал его и... еле успел убежать от случившегося обвала. Когда грохот и вопли внизу стихли, когда осела пыль, мы смогли рассмотреть результаты труда Термита: воронка получилась больше шестнадцати метров в диаметре.

— Он бы так мосты взрывал, стахановец-недоучка, — высказался кто-то из ребят. — А то вечно нагрузит пластита, и таскай его.

— П-п-пошел ты... — начал Термит, но я его заткнул.

— Леня, замолкни. Остальные тоже. Полковник, ваши версии?

— Версия одна: под нами очень большая комната, потолок которой сапер и взорвал. Хорошо, что все не обрушилось.

— Может, гранату вниз кинуть? — предложил Олег.

— Ты еще уровень бензина в баке факелом проверь, — ответил ему я. — Кстати, о факелах: световые шашки остались?

Мы подползли к краю обвала и кинули шашку вниз. Под нами оказалась большая комната. С одной стороны стояло нечто, напоминающее трон, под камнями виднелись остатки столов и стульев, слева и справа от трона чернели проемы дверей. Живых и не очень

живых не наблюдалось.

— Нужно спускаться, — высказался Марся, — взрывать уже не получится.

— Это точно, — вздохнул я. — Парни, готовьте снарягу.

Развернулись, закрепились, сбросили концы веревок вниз. Но, как только Марся подошел к краю, снизу раздались выстрелы. Очередь ушла в небо, но этого хватило, чтобы все залегли.

— Вот это сюрприз! — выдавил Марся. — А могли и попасть...

— Какая сволочь стреляла? — поинтересовался Рафа.

— Скорее всего, бывшие американцы, — ответил румын.

— Пиндосы вспомнили про автоматы?

— А сам-то не видишь?

— Димон, Олег, — позвал я.

— Тута мы, командир. — Снайперы на карачках подползли ко мне и скомандовали: —

Отползли все от края.

Вниз скинули еще одну световую пашку и начали в зеркало изучать обстановку.

— Олег, давай куклу.

— Где я ее возьму?

— Сделай!

— Ты опух?! Из чего?!!

— Тормоз, блин! Камень побольше подтащи и каску на него надень. Шевели мозгами, дубина. Мы на войне. Это тебе не девок в палатке трахать!

— Мамелюк, — окрысился Олег, — что-то ты не в меру болтливый стал. Давно в репу не получал?

Народ с интересом слушал ругань снайперов, но вступать в разборки никто не спешил. Даже Марся сидел молча и улыбался. Для этой пары ругань была нормой. Раз ругаются — значит, работают, а раз работают — мешать себе дороже. Между тем Олег подтащил хороший бульжник.

— Ближе, ближе, — ворчал Мамелюк, — стоп. Давай еще один такой же.

— Дима, в рот тебе потные ноги, я тут вообще-то как снайпер воюю, а не как грузчик!

— Заткнись и тащи еще один. Шевели, шевели колготками.

Олег, перебирая умственные, физические и генетические недостатки напарника, подтащил еще один камень и установил его неподалеку от первого. Потом вытащил из рюкзака старую, не раз прострелянную каску. На эту каску они неоднократно ловили снайперов противника. Если я не ошибаюсь, как минимум, девять снайперов «пораскинули мозгами», купившись на их замануху. Свои каски они в качестве приманки не использовали, так как, в силу специальности, были очень суеверными.

— Броник будем ставить?

— Олег, у тебя есть лишний?

— Откуда?

— Тогда какого лешего ты мне глупые вопросы задаешь? Давай уже, тормоз, начинай.

Олег медленно начал двигать каску по камню в сторону пролома. Когда каска стала видна на две трети, снизу раздалась очередь. Пули прошли рядом с каской.

— Стреляют из одной точки, — повернувшись ко мне, сообщил Димка. — Судя по траектории, из правой от трона двери.

— И как мы попадем вниз? — спросил лежащий рядом Марся.

— Может, в обход, по коридорам? — предложил Мамелюк.

— Нормальные герои, когда идут в поход, нормальные герои пускаются в обход... — задумчиво пробубнил я.

— Командир, — начал Олег, — нужно световых шашек накидать вниз и пулеметчиков тут поставить. Пулеметы никому высунуться не дадут и, пока парни будут стрелять, Марся и Микола на веревках спустятся и там закрепятся, а потом и мы ломанемся.

— А чего сразу Марся?! — поинтересовался Марся капризным тоном, хотя и так понимал, что первым пойдет именно он. Он всегда и везде пер первым. — Давайте Олега первым вниз скинем. Как инициатора.

— Марся, заткнись, — посоветовал я. — Придется идти вниз, и первым пойдешь ты. Судьба такая. Микола, Фич, Андрей, ползите сюда.

Я объяснил пулеметчикам замысел. Марся и Рафа пристегнулись к веревкам. Скинули пять световух, четыре длинных дырна и открыли огонь. Парни спускались быстро. На середине кто-то из «встречающей стороны» попытался высунуться. Пулеметами и снайперками его загнали внутрь, и тут же пошла вторая пара. Когда третья пара зависла над краем, Марся и Рафа достигли дна и заняли позиции. Четвертой парой вниз ушли Микола и Олег. Как только они закрепились внизу, остальные пошли вниз уже потоком. Противник, к счастью для нас, понял бесперспективность стрельбы, посему парни добивались без проблем.

— Пашка, Андрюха, — тормознул я двух бойцов, — вы остаетесь наверху. Будете нас прикрывать. Не усните только. Внизу также останутся Макс, Микола и румын. Держите их постоянно в поле зрения. Солнце там не везде ярко светит. Какой-нибудь шальной кровосос выползет и перекусает всех. Про америкоса не забывайте... И главное — закат сегодня начнется около двадцати двух часов. Если в двадцать один ноль-ноль из нас никто не выйдет, поднимаете нижних и валите домой...

— Командир... — попытался возразить Пашка.

— Заткнись и слушай дальше, — оборвал его я. — Это не пожелание, это приказ. Так вот, домой валите максимально быстро. По прибытии на базу докладывать лично Ивлеву и только с глазу на глаз. Еще раз повторяю: лично Ивлеву. Остальных посылат в пеший эротический тур. Особенно особистов. Проболтаетесь кому-либо еще — сразу отправят в дурку. Сразу!!!

— А Ивлев не отправит? — спросил Андрюха.

— Нет. Судя по всему, Ивлев прямо или косвенно в курсе происходящего.

— То есть он знал, куда нас отправляет, и не сказал?!

— Во-первых, не знал, а имел оперативную информацию из разряда бреда. Во-вторых, ты бы сам поверил? И, в-третьих, уже не первый раз с подачи Ивлева мы ходим по лезвию ножа и каждый раз возвращаемся все, и живые. Мы — разведка. Вспомни хотя бы про мост-призрак...

Парни, насупившись, молчали. Им не нравились роли, на которые я их определил... А мне были нужны гарантии, что полученные здесь данные не канут в лету, а дойдут до Ивлева.

— Вы меня поняли?

— Да, командир.

— Пашка, не слышу тебя.

— Так точно, командир. Ты... это... Саш... уж постарайся парней всех вернуть...

— Не бзди, Павлуня, — я потрепал его по плечу, — не зря меня прозвали Бармалей Заговоренный! Все. Счастливо оставаться. Не спите только.

Я пристегнулся к веревке и быстро начал спускаться вниз.

Заговоренный... Вторая часть прозвища прилипла ко мне после четвертой вылазки в тыл противника. Барон, к тому времени уже детально изучивший мою группу, отправил нас на убой. Так по крайней мере это выглядело со стороны. А то, что больше трех суток Зимин, я, Ивлев и его зам просчитывали операцию, никто во внимание не принимал. Никто не верил, что мы дойдем до места. Те, кто верил, заявляли, что не справимся с задачей. Кто верил, что справимся, заявляли, что я вернусь, но две трети бойцов оставлю в рейде. Ну, не мог «пиджак», которым являлся и являюсь я, продемонстрировать такие результаты. И группа моя, состоящая из вчерашних пацанов, которые чудом выжили в своих первых выходах, имеющая одного профессионала, старшего прапорщика Миколу, не могла долго жить. Такое «мясо», как мы, просто обязано было героически погибнуть в первый же день... А вот хренушки! Мы жили назло врагам и, как это ни грустно звучит, назло многим своим.

Вернувшись с первого убойного задания Ивлева, выполнив его и в очередной раз не потеряв ни одного бойца, я получил прозвище Заговоренный. И за полтора года войны я уже не раз доказывал, что не зря меня так прозвали. Со своими пацанами я лазил в такие «дыры», куда отказывались соваться профессиональные вояки. И все при этом дружно заявляли, что такие результаты мы показываем только благодаря невероятной удаче, которая нас не покидает. И все ждали, когда же она закончится. Первое время мы пытались объяснить, что дело не в везении, а в детальном анализе и расчете предстоящих действий. Я мог сутками водить группу вокруг объекта. Я просчитывал, просчитывал и еще раз просчитывал. И как итог — сама операция занимала рекордно короткое время. И еще: я очень берег людей. Очень.

Едва я спустился, ко мне подошел Марся.

— Санек, коридорчики, по ходу, идут в разные стороны. Что будем делать?

— Придется разделиться. Ты пойдешь с одной группой, я с другой.

— А румына кому?

— А румына оставим тут. Миколу и Макса тоже. Кому повезет больше, тот его и потащит за собой. Марся, при любом раскладе сбор здесь в девять вечера.

Разделились на две группы, зажгли фонари, оцетинились колами и пошли... В моей группе оказались Олег, Ильдар, Фич и Петюня. Первые пять минут было откровенно страшно, поэтому шли медленно. Коридор постепенно сужался, как вниз, так и по бокам. В итоге выстроились цепью. Впереди Фич с пулеметом, за ним Ильдар, я, Петюня и Олег замыкающим.

Я посмотрел на каждого из своих бойцов: берег я вас, берег, а что в итоге? Где мои принципы? Почему именно в данное время и в данном месте от всех своих принципов пришлось отступить?! Я вел своих людей в неизвестность, которая была опаснее всех наших прежних операций вместе взятых. И выбора у меня не было. Просто вернуться назад я не мог. И дело не в высоком доверии, оказанном мне Бароном. Высокое доверие я уже пару раз оправдывал с отсрочкой. Первый раз мы чуть не нарвались на войсковую операцию противника и еле унесли ноги. А второй был с мостом-призраком. Его мы раздолбали только с третьего раза, дважды вернувшись ни с чем. Но не так давно ситуевина (иначе не скажешь) сильно изменилась: под Ивлева стали «копать» злопыхатели в штабах и при больших звездах. Самого Михалыча они снять не могли. Таких, как он, так просто не свалить, а вот

ослабить его позицию, проредив ряды его верных «янычар», — это запросто. Поэтому нам было популярно разъяснено, что любые наши «залеты» на территории базы и за ней будут рассматриваться как преступления, вне зависимости от тяжести и вины. А уж за невыполнение боевой задачи — «измена Родине», трибунал и, в лучшем случае, штрафбат... Поэтому дома мы дальше столовой и сортира не ходили. Поэтому Олег «любил» дочку подполковника в палатке, а все задания Родины выполнялись на сто процентов. За это проверяющие (они же «могильщики»), скрипя зубами, вешали нам медальки, ордена и внеочередные звания, тем самым еще больше укрепляя позицию Ивлева. И если бы не этот гребаный румын и не менее гребаный Дракула, я бы уже сегодня примерял майорские погоны, которые Михалыч мне «выбил» за предыдущий подвиг. А Марся получил бы капитана... Поэтому моя группа и группа «Закат» Лехи Ковалья уже пять месяцев практически не вылезала с заданий. Наши группы считались Ивлевскими. Нами он осуществлял свои самые успешные операции, и именно под нас и под бойцов Ковалья копали очень серьезно. Но пока безуспешно. Ибо Коваль был профессиональным военным, подполковником и знал все приемы проверяющих. А я в силу врожденной вредности, осторожности и полученной на гражданке специальности не давал повода зацепиться за что-либо.

— Командир, — зашептал Петюня, — тут связи нет. Те, кто рядом, в зоне доступа, а остальных уже не слышно. Стены сильно экранируют.

Еще через пять минут мы более-менее успокоились, но скорость не увеличили. Ильдар, который контролировал потолок, обнаружил опасность первым.

— Воздух, — рывкнул он и ткнул колом в потолок, где сидел вампир. Точнее, вампирша. Она вспыхнула, заверещала дурным голосом и попыталась слезть с кола, но Ильдар упер конец дрына в потолок, и тетка так и сгорела.

— Интересно, сколько их? — пробормотал Ильдар.

— Одно я могу сказать тебе точно, — ответил я, — до хрена и больше...

— Оборотень, — заорал дурным голосом Фич и лупанул вперед очередью.

Фонарь освещал приличный участок коридора, и было видно, что выстрелы притормаживают, а иногда и останавливают оборотня. И был он не крупный, не такой, что были наверху. Видимо, в детстве болел... Я схватил дрын помощнее и выставил перед Фичем, мой почин поддержал Петюня.

— Фич, отходи.

Фич попятился. Оборотень был близко, но скорость из-за плотного пулеметного огня у него была маленькой. Не насадится он на колья...

— Фич, — заговорил я в гарнитуру, — как только скомандую — прекращай огонь. Стрелять начнешь, только когда волк напорется на колья. И стреляй только в голову.

— А если не напорется?

— Тогда стреляй сразу.

— Понял.

— Стоп.

Пулемет замолк. Оборотню стало легче, он взревел и начал набирать скорость. Фич опять начал стрелять, но лупил не в оборотня, а выше и дальше. По потолку к нам ползли вампиры. Я насчитал пять штук.

— Фич, не трать на них патроны.

И тут на наши колья напоролся оборотень. Напоролся качественно. Ни слезть с кольев,

ни нас опрокинуть. Тем более, он все время терял силы.

— Слабенький какой-то, — сквозь зубы проговорил Петюня, уперевшись всем весом в дрын, — подросток, видать...

Фич стрельнул волку в голову. Голова разлетелась. И практически сразу произошло превращение оборотня в человека. Петюня оказался прав: до того как стань оборотнем, человек был подростком, притом женского пола.

Кое-как выдернув колья, мы выставили их в сторону приближающихся вампиров. А те не спешили. Спрыгнув на пол, они остановились в пяти метрах от нас, вне зоны досягаемости кольев, и мы наконец смогли их рассмотреть. Все прибывшие были женского рода, некоторые даже симпатичные. Лица не обезображены метаморфозами, как изображают в кино. На данный момент мы видели лишь то, что пальцы рук намного толще человеческих и заканчиваются внушительными когтями.

— Командир, нам стрелять?

— Ждать. Они чего-то от нас хотят.

— Чего-чего, — пробурчал Олег, — отпить они от нас хотят...

Тут заговорила одна из вампирш. Заговорила она быстро и по-румынски, и стало видно, что на верхней челюсти клыки у нее были сантиметра три в длину.

— За Максом бежать? — спросил Олег.

— Нет, — ответил я, — попробуем так понять. — И, обратившись к вампирам, рявкнул: — Стоп! — Универсальное слово, понятное на всех языках.

Вампирша заткнулась.

— English or Russian? — спросил я вампиршу. Она молча на меня смотрела.

— Чего уставилась, сука кровососущая, — раздался сзади голос Ильдара, — не понимаем мы. Переводчика у нас нет.

Вампирша снова посмотрела на нас и выдала на румынском четко и медленно несколько слов. Из них я понял только «идти» и «безопасность».

— Парни, — сообщил я своим, — по-моему, нас приглашают в гости и гарантируют безопасность.

— Ты уверен?

— Ну, это все, что я понял.

Я задумался и обратился к вампирам на английском:

— Дракула, ты должен меня слышать и понимать. Поэтому пришли кого-нибудь, кто говорит на русском или на английском.

Некоторое время вампирши стояли молча. Потом та, что вела переговоры, поклонилась и что-то буркнула своим. Те в свою очередь сделали четыре шага назад.

— Куда это они? — заволновались мои. — И чего ждем?

— Надеюсь, что переговорщика, — ответил я. За спиной хлопнул выстрел «Винтореза». Вампирши дружно зашипели, парни сделали упреждающие движения кольями. — Ты чего палишь? — спросил я Олега.

— Там движение.

— Попал?

— А то!

— Зря. Надеюсь, ты не в переговорщика стрельнул...

Наконец появился еще один вампир. Бывший америкос, судя по форме. В области рта у него все было разворочено от попадания снайперской пули.

— Олег, мать твою, — выдавил я, едва сдерживая смех. — Ну, и как он теперь говорить будет?

Америкос утирал голову рукавом, убирая кровь, которой было немного, и пытался нам что-то сказать, но у него, естественно, не получалось.

— Дракула, — я снова заговорил по-английски, — мы твоего переговорщика немного подпортили. Можешь еще одного прислать? — И уже Олегу: — Не стреляй только.

— Да понял я, — проворчал тот.

— Парни, — зашептал я в гарнитуру, — нам, скорее всего, предложат либо стать такими же кровососами, либо вассалами, что не намного лучше. Поэтому, когда я скажу: «Пошел ты», всех присутствующих — на колья. Все понятно?

Мои ответили, что понятно. Олег сообщил, что в глубине коридора снова движение. К нам вышел еще один америкос. На этот раз офицер. За спиной у него висел автомат. Видимо, именно он «встречал» нас при спуске вниз. Посмотрев на предыдущего переговорщика, он ухмыльнулся (так, по крайней мере, мне показалось) и, отдав честь, обратился ко мне:

— Господин капитан, я восхищен вашим мужеством, настойчивостью и военной хитростью. Я понимаю, что человек вашего сорта не перейдет добровольно на сторону врага, но тем не менее для спасения ваших людей я хочу предложить вам сделку: вы встаете под мои знамена, но я оставляю вас людьми. Вассальной присяги не потребуется. Мне нужны такие охранники, как вы: умные, хорошо обученные и не боящиеся солнца. В награду вы получите жизнь и золото, которое хранится в потайной комнате.

— А каковы гарантии того, что твои прихвостни или собаки не перекусают нас, когда захотят жрать?

— Ну, что вы, капитан!!! Мое слово для них закон!!!

— С этим разобрались, — резюмировал я, — а какова твоя цель лично? Для чего тебе армия? Кого из воюющих ты поддержишь?

— Никого не поддерживаю, — ответил Дракула, — я сам по себе, люди сами по себе. Наивные американцы надеялись, что, разбудив меня, они получают мощного союзника, но они ошиблись. А что касается моих целей, то они просты: восстановить мои прежние владения. Восстановить и просто жить.

— А когда ты и твое войско слопаете всех людей на твоей территории, куда ты расширишь свои границы?

— Во-первых, они не кончатся, во-вторых, даже если такое произойдет, то Румыния большая...

— И долго тебе служить, если что? — продолжил расспрашивать я.

— Всю жизнь, — ответил тот.

— Тогда на кой черт нам твое золото, если мы все время будем рядом с тобой?

— Ну, иногда я буду отпускать вас к семьям, если они у вас есть. Или просто давать вам выходные. Ну, так как?

— Ну, что тебе сказать, кровосос... Ты был прав, когда сказал, что «такие, как мы» не сдаются. Так что пошел ты!!!

И два здоровых дрына воткнулись в американцев. Те вспыхнули. По вампиршам парни жажнули из автоматов, а потом атаковали их кольями. Трех закололи, две сбежали.

Когда отдышались, я спросил у своих:

— У кого сколько патронов осталось?

Проведенная ревизия показала, что количество боезапаса приближается к отметке

пятьдесят процентов. Скверно.

— И куда мы такие «вооруженные»? — поинтересовался Ильдар.

— Хороший вопрос, Ильдарище...

— Может, назад?

— Нельзя назад. Так, братцы, патроны экономим. Работаем преимущественно кольями.

Вперед, охотники на вампиров!

И охотники пошли. Еще десять минут мы топали в гордом одиночестве по тому же самому коридору, не встречая никакого сопротивления.

— Выстрелы, — вдруг выдал Олег.

— Где? — засуетились мои.

— Впереди, не так далеко.

Все затихли. Вдалеке действительно слышались выстрелы. Стреляли два или три автомата и один пулемет.

— По ходу, наши нарвались! — пришел я к выводу. — Оружие к бою, вперед, бегом!!!

Вскоре показались отблески света, и звуки выстрелов стали громче.

Ожила моя гарнитура:

— Санек, Санек, ответь, — у Марси был очень сосредоточенный голос. — Санек...

— Тут я!

— Твою мать, я уж думал, тебя сожрали! Вы где?

— Бежим на звуки выстрелов. Это ты работаешь?

— Да. Тут офигенный зал, и в нем до хренища вампиров. Оборотни тоже есть. И самое паскудное, что нет света. Только фонари и световухи помогают. Давайте быстрее: у нас с патронами начинается напряженка.

Мы подбежали к выходу. Коридор закончился огромным залом, погруженным в темноту. Периодически его освещали вспышки автоматных выстрелов, что помогло нам получить представление о том, куда мы вляпались. А вляпались мы по самое не балуйся: перед входом в зал стояли шеренги вампиров. Я выстрелил из ракетницы, чем, естественно, привлек внимание кровососов, но смог разглядеть, что основная масса вампиров и оборотней смотрит в противоположном направлении. И лишь малая их часть атаковала группу Марси. Они то и дело кидались в коридор, но оттуда их выносило выстрелами или они отскакивали сами, уходя от ударов кольями. Как только мы выглянули в зал, часть вампиров, атакующих Марсю, направилась к нам.

— Вернуться в коридор, — рявкнул я, — колья выставить. Фич, сдерживай их, если понадобится.

— Долго? — поинтересовался тот.

— Пока не знаю. Мне нужно время.

Время, время, время. Мне нужно время, так как построение вампиров натолкнуло меня на мысль, что основная опасность для них исходит не от нас, а от некой третьей силы, которая, судя по боевым порядкам кровососов, или уже «вышла на сцену», или это случится с минуты на минуту. Кроме того, меня удивило поведение оборотней. Оборотни стояли по флангам, но атаковать нас не пытались. Они вообще как будто спали. Нужно понять, что происходит. Мое пожелание тут же было подкреплено прилетевшим с противоположной стороны зала вампиром. Он не сам прилетел. Некая сила отправила его в неуправляемый полет, который закончился ударом о стену, расположенную на нашей стороне зала. Кровосос долбанулся и молча сполз по стене.

— Что это было? — поинтересовался Ильдар, отгоняя дрыном очередного вампира.

— Нашел у кого спрашивать, — огрызнулся я, пытаюсь хоть что-то разглядеть в слабом свете фонарей.

Над входом в наш тоннель в стену воткнулся еще один вампир, прилетевший аналогичным образом. Он упал прямо перед нами, и я увидел, что он прилетел не полностью, а частично. А именно — верхняя часть туловища. Нижняя отсутствовала, как класс. «При жизни» тело было рассечено чем-то очень острым.

— Саня, — Ильдар тоже сумел рассмотреть фрагмент тела, — меня терзают смутные сомнения: некто, кто кромсал кровососов наверху, продолжает делать то же самое на другом конце зала. Да отстань ты! — крикнул он кому-то из атакующих и насадил его на кол.

— Поддерживаю, — согласился я и дал очередь из автомата. — Сейчас поглядим.

Отойдя за спины своих парней, я зарядил ракетницу и выстрелил в противоположный конец зала. Чтобы ракета осветила наибольшую площадь, пустил ее по максимально высокой дуге. Задумка хорошая, но расчет оказался неверным: ракета взмыла под самый потолок, врезалась в какое-то препятствие и вместе с этим препятствием рухнула вниз. Падение препятствия сопровождалось резким звуком, очень похожим на мяуканье кота, которому дверью прижали яйца. Очень большого кота.

— Санек, — заговорил в гарнитуру Марсель, — у меня сейчас глюк был, или кто-то из вас с потолка кошака сбил?

— Ты про звук?

— Я про изображение.

— Не понял?!

— Ослепли вы там, что ли? — раздраженно воскликнул он. — На потолке сидел кошак, двухцветный. Здоровенный, размером с рысь. В него ракета и прилетела.

— Точно? — не поверил я.

— Да, гадом буду, — подтвердил Марся. — Кстати, около вас куски вампиров не приземляются?

— Два раза уже.

— Возле нас уже раз пять. Кто-то на той стороне зала рубит кровососов в капусту.

— Сейчас попробуем проверить. Готовьтесь, я две ракеты подряд запущу.

— Готовы, давай, — ответил он.

Я предупредил парней, чтобы по возможности присмотрелись к противоположной стороне, и пустил ракету. Будь тут наш инструктор по огневой подготовке, который муштровал нас в «Валгалле», забывенный Тунгус, получил бы я «два балла» и, скорее всего, в ухо. Ракета пошла почти по той же траектории и, дойдя до верхней точки, встретила с тем же самым препятствием. Только на этот раз не врезалась в него, а опалила шерсть и пролетела дальше. Препятствием действительно оказался черно-белый кот исполинских размеров. Мяуканье повторилось, и кошак повторно рухнул вниз. «Гнездо у него там, что ли?» — мелькнула у меня мысль, пока я заряжал вторую ракету.

— Санек, — Марся почти ржал, — «Гринписа» на тебя нет.

— Ты, остряк, лучше заткнись и смотри: сейчас вторая ракета пойдет.

Выстрелив, я взял бинокль и уставился в противоположный конец зала. Ракета все еще ярко горела, когда начала снижение. И перед нами высветилась необычная, удивительная, но радостная глазу картина: второй фронт. Второй фронт был представлен тремя персонажами, расположившимися на другом конце огромнейшего зала, на равном друг от друга отдалении.

Судя по большому количеству трупов позади них, три воина медленно, но верно двигались в нашу сторону, расчищая себе дорогу среди кровососов. В центре сражался высокий воин в черных доспехах, который с невероятной скоростью и мастерством орудовал большим мечом. Справа от него, размахивая чем-то, напоминающим деревянные дубинки, бился лохматый мужик в белой, но грязной и рваной косоворотке. Слева от рыцаря (так я для себя окрестил воина в черных доспехах) сражался карликовый циклоп. Циклоп, потому что одноглазый, а карликовый, потому что был выше рыцаря лишь на метр. Был он голым, по крайней мере, по пояс, оружия у него не было, но его кулаки работали, как паровозные поршни.

Когда моя первая ракета начала снижаться прямо над ними, циклопу это не понравилось: он одной рукой прикрыл глаз и недовольно оскалился. Упав за их спинами, ракета погасла, и на мгновение стало темно. А когда вторая ракета осветила их позицию, я успел заметить лишь окончание движения циклопа, а потом мне показалось, он погрозил мне кулаком. Его движение натолкнуло меня на мысль, что он что-то кинул в нашу сторону. Это что-то оказалось вампиром, который с дичайшей скоростью влетел в нашу позицию и, как шар для игры в боулинг, смел нас, как кегли. Нам повезло дважды: во-первых, вампир качественно насадился на колья, а во-вторых, нас «сдуло» внутрь тоннеля, а не отбросило в ряды кровососов.

— Санек, вы живы? — с тревогой поинтересовался Марся.

— Вроде да, — ответил я, пытаясь быстрее встать на ноги.

— Ты тоже видел этих трех? — судя по тону, Марся уже не верил своим глазам.

— И этих трех, и кошака этого долбаного...

Вампиры, воспользовавшись нашим замешательством, проникли в тоннель.

— Гранаты, — заорал я.

В толпу вампиров тут же полетели четыре последних гранаты, мы нырнули глубже в тоннель. Вслед за нами устремилась часть вампиров, но мы автоматным огнем выкинули их обратно в зал. Грохнуло четыре взрыва, пол под нами содрогнулся, а потом и потолок. И позади нас, метрах в пяти, он обрушился.

— Все. Пишите письма мелким почерком, — сообщил Олег, — назад дороги нет, нужно пробиваться к Марсе.

— Марся, — заорал я в гарнитуру, — у нас потолок обрушился, прохода нет, идем к тебе, поддержи огнем, как сможешь.

— Добро, — ответил тот.

Фич, зарядив последнюю коробку, стреляя короткими очередями, смог отогнать кровососов от выхода. Мы выставили колья и вдоль стены стали пробираться к Марсе. Нас постоянно атаковали, но автоматный огонь и колья позволяли нам продолжать движение. И тут произошло нечто: два бывших америкоса, схватив третьего, швырнули его со всей силы в нас. Большого ущерба не причинили, не считая потери длинного дрына, на который наткнулся брошенный. Дрын пришлось оставить. Движение продолжилось, но в нас прилетел еще один вампир. Еще один кол пришлось оставить. Краем глаза я заметил, что вампиры готовят еще один «снаряд».

— Санек, давайте быстрее, кажись, оборотни очухались, — сообщил «радостную» новость Марсель.

— Куда уж быстрее? — пробормотал я.

В наш редкий частокол влетел еще один вампир. Еще один длинный кол пришлось

бросить. И тут на нас навалились оборотни. Ударом лапы волчара сломал кол в моей руке и уже собрался прыгнуть, но Ильдар дал очередь из автомата, и он замер.

— Саня-а-а-а-а, — заголосил Олег, — мы сейчас тут ля-а-а-а-а-ж-е-э-э-э-м. — И двумя выстрелами обозначил направление опасности. Хотя где тут безопасно?! Из-за спины волка, ослепленного огнем Ильдара, в нашу сторону, не спеша, двигались три здоровенных особи из породы оборотней. Повинуясь их рыку, вампиры отскочили назад.

— Саня-а-а-а, — продолжал вопить Олег, — придумай что-нибудь!!!

— «Варяга» тебе спеть?! — крикнул я срывающимся голосом.

— Наверх вы, товарищи! Все по местам... — вместо меня затянул Фич.

Оборотни прыгнули, я дал длинную очередь, а дальше... С противоположного конца зала в нашу сторону прилетел длинный тонкий кусок металла, на поверку оказавшийся мечом. Этот самый меч рассек трех оборотней. Рассек в горизонтальной плоскости, когда они были в прыжке. Шесть относительно ровных кусков, бывших до этого оборотнями, рухнули на ближайших к нам вампиров. А прилетевший меч воткнулся в каменную стену над нами. От такого сюрприза замерли и мы, и атакующая нас нечисть.

— Господи, что это?! — попутав религиозные луга, прошептал Ильдар и поднял голову. Я тоже рискнул отвлечься от вампиров. Меч оказался длинным, обоюдоострым и двуручным. На клинке были выведены руны.

— Баюн, меч!!! — раздался громopodobный голос, от которого присели и мы, и вампиры.

Возле нас, спрыгнув с потолка, приземлился большой черно-белый кот с ожогом на боку и подпаленной спиной. «Видимо, из гнезда спустился», — мелькнула у меня абсолютно дикая и неуместная мысль. Кот посмотрел на меня злым взглядом и мяукнул. Вот только мяуканье очень сильно походило на слово «козел». После чего подпрыгнул к мечу, ухватился за него передними лапами, уперся задними в стену, поднапрягся и выдернул меч из стены, попутно обрушив нам на головы часть каменной кладки. Потом взял меч в зубы и быстро, как обычный кот по шторам, унесся вверх по стене.

— Не спать!!! — вывел нас из ступора крик Марси. В подтверждение его слов раздалась автоматные выстрелы.

— Командир, что это было?! — обалдело крикнул Петюня, отмахиваясь от очередного вампира.

— Внеочередной выпуск программы «В мире животных», — кряхтя от натуги, ответил я и вытащил дрын из зазевавшегося вампира.

В нас очередной раз прилетел «живой привет» от кровососов. Еще один кол был потерян навсегда. До Марси осталось немного, но мы потеряли почти все длинные колья. Еще немного — и придется вступать в ближний бой, чего, собственно, они и добиваются. Снова раздался рык оборотней, и вампиры отступили назад.

— Опять «Варяга» петь?! — осипшим голосом спросил Фич. — В прошлый раз сработало!

— Да хоть «Чебурашку» пой, Карузо, — пробормотал Олег, — лишь бы помогло...

Я ничего не успел сказать.

— Баюн, прикрой это шнаранье, — прогремел тот же голос, что требовал меч.

Нечисть, услышав команду обладателя меча, перестала нас атаковать и начала судорожно вертеть головой, пытаясь предугадать направление атаки Кота Баюна. Кота Баюна? Кота Баюна?! Кота Баюна!!! Это же персонаж народных сказок! И в это же

мгновение персонаж народных сказок приземлился на спину самого крупного оборотня, вцепился в него когтями, сделал раскачивающее движение корпусом, и оборотень начал заваливаться на бок. Еще один рывок, и скорость заваливания увеличилась.

«Как будто борцовский прием проводит», — мелькнула у меня мысль. В подтверждение моей догадки Баюн, уронив оборотня, начал перебрасывающее движение, заваливая его на себя. В тот момент, когда он оказался спиной на полу, а оборотень, соответственно, над ним, Кот начал делать «жим оборотнем», приподняв его на полусогнутых лапах. А когда инерция, которую он придал оборотню, переместила того над Котом, с усилием выпрямил лапы и отпустил противника. Гигантским шаром оборотень влетел в ряды своих соплеменников и смел их на отрезке в пять метров, расчистив нам дорогу к коридору, в котором билась группа Марси.

А Баюн, потратив на проведение этого великолепного броска не больше пяти секунд, уже вскочил на задние лапы, за три коротких шага набрал скорость, поднял передние лапы параллельно полу и, закрутившись вокруг своей оси, нанес следующему оборотню четыре скользящих удара в голову. От головы волка отлетело три приличных куска, а Кот, не дожидаясь, пока тот упадет, сиганул к выходу из коридора, где сражался Марся и компания. Двоих вампиров он разрубил когтями пополам еще в прыжке, третьему снес голову и приземлился на спину четвертого, легко сбив его с ног. Сбив, он был вынужден высоко подпрыгнуть, чтобы не угодить под автоматную очередь кого-то из моих.

— В Кота не стрелять!!! — бешено заорал я, перекрывая грохот выстрелов. Выстрелы смолкли, а Кот приземлился на того же вампира, сжал его голову одной лапой и повернулся ко мне.

— Вы чего ждете, придурки малахольные?! — на чистом русском языке поинтересовался он. — Бегом в тоннель, и валите отсюда к нехорошей матери!!! Как вы вообще сюда попали, жертвы пьяного акушера?!!

— Э-э-э-э... О-о-о-о-о... Во-о-о-о-т... — мой лаконичный и красноречивый ответ.

— Тупорылое стадо!!! — взревел Кот. — Я сказал: бегом в тоннель!!! Мне вас тут вечно прикрывать?! — И, видимо для усиления эффекта, сжал лапой череп притихшего вампира. Череп затрещал, мы ломанулись в тоннель. — Рысью, рысью, — подгонял нас Кот. Кстати, Баюн оказался мстительным товарищем. Я бежал последним, чем это Животное и воспользовалось. Махнув длинным толстым хвостом, он вlepил мне им по заднице такого пенделя, что я ускорился раза в три и снес всех своих парней. Отомстил, мешок с блохами, за подпорченную шкуру... — Подъем, молокососы! Подъем!!! — продолжал стимулировать нас Баюн. Я готов был поклясться, что наше падение его развеселило, так как интонации стали другими. — И задницы свои прикрыть не забудьте, — посоветовал он нам в... спины.

Вбежав в тоннель, я обернулся и увидел, что Кота уже нет, а к выходу неуверенно подбирается нечисть. Осмотрелся. Все на месте, все целы. Повезло!!!

— Санек, если бы мне было чем, я бы навалил полные штаны, — поделился со мной сокровенным Марся.

— Не расстраивайся, мой ненаваливший друг, — поспешил успокоить его я, — думается мне, не ты один страдаешь подобным недугом. И самое мерзопакостное, что шансы исправить эту оплошность тебе еще представляются.

— Командир, — спросил Олег, — а почему ты этого зверя Котом назвал?

— Олег, ты в детстве сказки читал?

— Ну, не так, чтобы очень, — замялся он.

— Так, если бы «очень», то знал бы, что Баюном в сказках звали Кота.

— Так мы в сказку попали? — ошалело спросил Петюня.

— Я тебе скажу, куда мы попали, — ответил вместо меня Марсель, — потом... если захочешь...

— Что будем делать, командир? — спросил Фич и дал короткую очередь из пулемета в самого шустрого вампира. — Патронов почти нет.

— Что кошак велел, то и будем!

— А приказ? — невесело поинтересовался Марся.

— Выберемся на солнце, подумаем. Если выберемся, конечно. Так, в темпе вальса, начинаем отходить. Рафа, Вартанчик, отдайте свои патроны и бегом к нашим. Обрисуйте им картину, отправьте к нам Миколу, а сами вместе с румыном и Максом поднимайтесь вверх. Пошли.

Сдав патроны, бойцы ушуршали. Мы продолжили движение.

— Марся, в тебя кровососы не стреляли?

— Шмальнул один придуток, но потом куда-то делся.

— Видимо, к нам ушел. Дракула нам предлагал к нему перейти. Золото предлагал.

— И что с тем америкосом?

— Сгорел...

— Это правильно, — злобно хмыкнул Марся. — А ты знаешь, почему первое время оборотни не атаковали? Ну, когда вы в зал вошли?

— Надеялись на вампиров? — ответил я первое, что пришло на ум.

— Хрена лысого!!! Мы главного оборотня завалили, так они после этого как будто зависли.

— А как вы его завалили?!! — ошарашенно спросил я.

— Мы, когда сюда перли, нашли труп америкоса. Его солнце сильно обожгло, видимо, когда Термит пол обрушил. Вот он в коридоре ласты и завернул. А при нем М-16 и два магазина с дум-думами. Так, когда главный оборотень к нам в коридор ломанулся, мы его из М-16 и встретили. А пулям со смещенным центром тяжести ить фиолетово, кого на куски рвать. Первый магазин его остановил, вырвав у него практически всю задницу, а после того как он второй словил, так вообще начал назад отползать. Тут мы его кольями и наштиговали. И, прикинь, после смерти он тоже в человека превратился.

— А куда он делся потом?

— Его вампиры к себе оттащили. Саня, а ты заметил, что от ранений Кота оборотни и вампиры дохли, но не загорались и не превращались в людей?

— Заметил.

— Что думаешь?

— Не знаю, дружище. У меня в башке сейчас такой раздрай...

— Командир, это я. Не стрельните, — прозвучал в гарнитуре голос Миколы.

— Парни, Микола подходит.

— Микола, стой на месте, мы до тебя сейчас допятимся, обогнем тебя, и ты пойдешь замыкающим.

— Добро.

Дошли до Миколы. Вампиры продолжали вяло атаковать, но узкий коридор не позволял им добраться до нас. Попытка кинуть в нас еще кого-нибудь из своих у них не прошла. Я отправил еще двоих на выход. А сами все пятились и пятились. Наконец добрались до зала с

проломленным потолком. Добрались вовремя — патронов почти не осталось. Никогда в жизни я так не радовался солнцу.

— Осторожно отходим на освещенный участок. Микола, прикрой. Поднимаемся по одному.

Микола короткими очередями сдерживал кровососов, а Мамелюк уже начал карабкаться наверх.

— Следующий, пошел, — крикнул Пашка сверху.

— Микола, ползи сюда, — скомандовал я. — Термит, наверх.

Микола в четыре прыжка добрался до нас, а Термит начал подниматься. Вампиры из коридора не вылезали, солнце освещало почти все пространство перед нами.

— Следующий, пошел, — проорали сверху.

— Микола, давай.

Микола медленно, но верно начал карабкаться наверх.

— Капитан, — закричал сверху румын, — справа от вас есть еще один проход и позади вас тоже. Следите за ними, особенно за тем, что сзади, он в тени.

— Спасибо, понял. Олег, пошел.

Но подняться он не успел. Из коридора справа от нас выскочил оборотень. Мгновение он постоял, а потом, взревев, кинулся в нашу сторону. Я выстрелил в него, но после четырех выстрелов автомат замолчал: патронов у меня не осталось. Парни тоже попытались отстреливаться, но безуспешно. Загоревшись от солнечных лучей, вампир прыгнул вверх и уцепился за веревку. Из того же коридора выскочил еще один оборотень и так же, обернувшись факелом, вцепился в ту же веревку. Сверху начали стрелять, но безрезультатно. Пламя от оборотней перекинулось на веревку.

— Санек, они нас хотят отрезать, — заорал Марся.

Это я уже и сам понял. Но что делать? Пока мы думали, из коридора выскочили еще два оборотня и повторили тот же трюк, но со второй веревкой. В итоге через две минуты возле нас догорало четыре оборотня, а путь наверх нам был отрезан.

— Капитан, — снова заорал румын, — уходите оттуда в оставшийся коридор. Он должен вывести вас наверх. Не стойте тут. Если оборотни бросятся на вас, солнце не успеет их сжечь.

— Колья кидайте. Микола, уводи пацанов.

Вниз посыпались колья. Мы их сгребли и бодренько побежали к коридору, указанному румыном. Я заходил последним и увидел, как сбоку ко мне бежит факел размером с оборотня. Заскочив в коридор на два метра, я упер дрын в пол и стал ждать. Почти сразу горящий оборотень ввалился в коридор и напоролся на дрын. Раздался рык. Он попытался дотянуться до меня, но был слишком слаб от ожогов и торчащего в груди кола.

— Хороший факел, — выдал позади меня Марся, — хоть не так темно будет.

— Ходу, Марся, ходу, — обернулся я к нему.

— Уже, — отозвался он и ломанулся вперед.

Показалась лестница, которая уходила наверх. Судя по топоту, доносящемуся сверху, по ней неслись мои бойцы. Пробежав два пролета, мы выскочили на площадку. На ней нас ждал Ильдар.

— Чего ты ждешь, почему стоишь?

— Вас жду, чтобы в боковой коридор не убежали. — Он показал на темный проем.

— Не бойсь, не заблудимся.

И мы втроем побежали дальше. Пробежав еще три пролета, я услышал, что Олег бежавший впереди и выше нас, ломится обратно.

— Стоять, — скомандовал я своим.

И тут к нам выбежал Олег.

— Командир, звездец, путь наверх отрезан. Там коридор, длинный и широкий, по нему мне навстречу шло пять оборотней, а по потолку вампиры ползли.

Сверху раздался рев оборотней.

— Вниз, — скомандовал я. Марся припустил первым. Добежав до площадки, где нас встречал Ильдар, он резко тормознул.

— Санек, снизу тоже кто-то ломится, и точно — не наши!!!

— В свободный коридор, — рывкнул я, и мы дружно ломанулись туда.

Позади нас слышалось рычание нечисти.

По выбранному коридору мы неслись уже две минуты. В сложившейся ситуации было всего два положительных момента: мы были до сих пор живы, и на стенах начали попадаться горящие факелы. Я бежал последним, постоянно оглядываясь.

— Командир, — крикнул бегущий впереди Олег, — тут перекресток. Куда направимся? Я задумался.

— Видимо, прямо, — сделал вывод Олег, так как с обеих сторон перпендикулярного коридора раздалось рычание и топот ног.

Проскочив обнаруженный Олегом перекресток, мы очень скоро уперлись в огромную дверь, обитую металлом, с окном, зарешеченным толстыми металлическими прутьями, закрытую с нашей стороны на массивный засов.

— Открывать будем? — поинтересовался Олег.

— Лучше не надо, — посоветовал Марся, — черт его знает, что там может быть.

— Тогда нужно поспешить к перекрестку, — посоветовал Ильдар.

— Поддерживаю, — согласился я с врачом и развернулся в обратном направлении.

А в обратном направлении нас поджидал неприятный сюрприз: из обоих боковых коридоров медленно вышли оборотни.

— Валим!!! — дурным голосом взревел я.

— Куда? — поинтересовался Марся.

— Олег, к черту дверь!!! — рявкнул Ильдар.

— Засов заело, — простонал Олег.

Я схватил факел со стены и кинул его в приближающихся оборотней. Не докинул. Олег и Ильдар кряхтели, пытаюсь открыть засов.

— Марся, помоги им, — скомандовал я.

— А ты? — напрягся он.

— Выполнять, твою мать, — рассвирепел я. А сам схватил два оставшихся длинных дрына, прижал их к туловищу и начал медленный разбег. Хотя бы двух оборотней положу, а не положу, так хоть придержу, чем выиграю своим парням время. Время, чтобы укрыться за дверью, хотя за этой дверью может поджидать еще большая опасность.

— Командир, если ты не хочешь героически погибнуть в неравной схватке с превосходящими силами противника, беги обратно. Мы открыли дверь, — раздался взволнованный и чуть насмешливый голос Олега. Без единого возгласа я запустил кольями в оборотней и, мгновенно развернувшись, стартовал к своим. Олег и Ильдар были уже за дверью, Марся стоял в проеме.

— Беги, Форест. Беги!!! — заорал он.

Я на всякий случай прибавил газу и проорал:

— Догоню, всех уволю!!!

Буквально пролетев мимо Марси, затормозить я сумел, только врезавшись в Ильдара. Марся захлопнул дверь и лязгнул чем-то железным.

— Все. Писец! Приплыли!! — резюмировал Олег, разглядывая помещение, в котором мы оказались. — Можно курить в отсеках!!!

Я проследил за лучом его фонаря и так же, как он, пришел к печальному выводу: мы оказались в западне. За дверкой, в которую мы так ломились, оказался длинный склад,

заставленный какими-то ящиками вдоль стен. И склад имел только один выход. Он же был входом.

— Марся, что с дверью? — вспомнил я про оборотней.

— Все хорошо, — заверил он, — с этой стороны тоже засов. Я его уже закрыл. Сейчас еще ящиков наложим, и хрен кто пройдет.

— А оборотни?

— А оборотни, — Марся осторожно глянул в зарешеченное окно, — сидят метрах в пяти от двери. Ждут чего-то.

Я подошел к двери и тоже выглянул в окошко. Три здоровенных оборотня спокойно сидели и тупо пялились на нашу дверь. Попыток взломать ее они не предпринимали.

— Так, братцы мои, давайте осмотримся. Может быть, выход какой найдем. Марся, ты на шухере, а остальные осторожно все осматривают.

Вооружившись ножами и короткими кольями, мы начали осмотр склада. Первое, что бросилось в глаза, — ящики, точнее их состояние. Судя по облупившейся краске, лежат они тут давно. Очень давно.

— Командир, — позвал Ильдар, — глянь сюда.

В свете его фонаря, направленного на один из ящиков, прорисовался почти выцветший знак, представляющий собой вписанный в овал обоюдосторонний меч. Вокруг меча обвивалась лента. Присутствовали на символе и руны.

— Вот это да!!! — воскликнул я.

— Знакомый символ? — спросил Ильдар.

— Если я не ошибаюсь, это символ «Аненербе».

— Это гитлеровская контора? — уточнил Ильдар.

— Она самая.

— А что может быть в ящиках? И откуда они тут вообще взялись?

— У меня только одна версия: в годы Великой Отечественной эта территория была оккупирована немцами. Не узнать, что тут, возможно, захоронен Дракула, они не могли. А если узнали, то эта архиважнейшая весть не могла не дойти до той сволочной конторы. Тут, скорее всего, ребятишки Гимmlера тоже ковырялись. Ковырялись, но ничего не нашли. А архивы остались.

— И где теперь архивы? — спросил Ильдар.

— Вопрос на миллион, — задумчиво ответил я. — Наши предполагали, что они или спрятаны хорошо, или достались американцам. Присутствие тут последних, во главе с профессором с очень американской фамилией Шнайдер, косвенно подтверждает последнюю версию.

— А ты откуда так хорошо про эту контору знаешь?

— Интересовался в свое время «Новой Швабией», а она с «Аненербе» тесно связана. Вот и запомнил.

— Ладно, что такое «Новая Швабия», я у тебя потом спрошу. Ты, историк, лучше скажи, что в ящиках?

— Что угодно. От археологических инструментов до какой-нибудь оккультной ерунды.

— Может, проверим?

— Давай.

Совместными усилиями мы сняли со стеллажа один ящик, сбили крышку, а там...

— Господи, — взмолился подошедший Олег, — сделай так, чтобы тут же лежали

патроны к этой милой игрушке!!!

В раскрытом нами ящике, в толстом слое оружейной смазки, лежал немецкий! единый!! пулемёт MG-42!!!

— Что там? — спросил стоящий на стреме у двери Марся.

— Сейчас увидишь! — пообещал Олег и вынул из ящика находку.

— Опа!!! — радостно воскликнул Марся. — Рабочий?

— А что с ним будет! Он же как швейцарские часы!!!

— Олег, проверить его можешь?

— Обижаешь, командир! Тунгус нас с кремниевыми ружьями учил работать, а эту прелесть я знаю, как свой «Винторез»!!!

— Добро! Ильдар, шмонаем все подряд, ищем патроны!

И мы загрохотали ящиками. Через пять минут, обыскав всю правую часть склада, мы стали обладателями десяти MG-42, двух ящиков автоматов МП-40, незаслуженно именуемыми «Шмайсер», одного ящика пистолетов «Вальтер», саперными лопатками, пустыми фляжками, немецкими касками, штык-ножами и одним патефоном без пластинок. Олег, убедившись в исправности пулеметов, приступил к осмотру автоматов.

— Так, переходим к левой части склада, — не теряя надежды на обнаружение патронов, скомандовал я. И надежда моя оправдалась! В первом же ящике лежали снаряженные ленты для MG-42.

— Интересно, — восторженно попискивая, озадачился Ильдар, — а патроны не отсырели?

— Сейчас узнаем! — обнадежил его Олег и начал заряжать ленту в пулемет. — Так, Марся, отойди. — Он подошел к двери, выставил ствол в окно, перекрестился и с криком: «Смерть фашистским оккупантам!» нажал на гашетку. По ушам долбанул грохот пулемета. — Эх, хорошо!!! — крякнул довольный Олег, потом посмотрел в окно и радостно заявил: — Остались от козлика рожки да ножки!

— Попал? — поинтересовался Марсель, подходя к двери.

— Получите и распишитесь, — ответил Олег.

— Вот это мощь! — восхитился тот. — Санек, одного пополам разрезало.

— Сдох?

— Вроде да.

— А остальные?

— Удрали в боковые коридоры.

— Соображают, гады. Так, Олег, ты теперь на стреме. Марся, помогай нам.

Результат поиска превзошел все наши самые смелые ожидания: патронов было много. Очень много. И для пулеметов, и для автоматов, даже для «Вальтеров». Я отыскал в карманах сигареты; закурив, мы начали раскладывать боеприпасы по карманам.

— Интересно, — сделав затяжку, поинтересовался Ильдар, — сколько патронов нам нужно взять с собой, чтобы добраться до солнца?

— Меня вот что интересует, — озадачился я другим вопросом. — Кто те три мужика, что с таким профессионализмом валили вампиров и помогли нам сбежать?

— Хороший вопрос, — согласился Марся.

Данную тему мы не успели развить, так как подал голос стоящий на стреме Олег:

— Мужики, там какое-то движение.

Мы соскочили и попытались хоть что-нибудь разглядеть. Вроде все спокойно.

— Олег, с чего ты взял, что там движение? — хмуро осведомился Марся.

— С того, что видел, как слева направо кто-то или что-то пересекло наш коридорчик.

— Русские, сдавайтесь! — раздался голос на русском языке, с диким английским акцентом.

— Русские не сдаются!!! — заорал Марся неведомому собеседнику в ответ.

— Вот насчет русских это ты, татарин, подметил верно, — с издевкой протянул Ильдар. Марся недоуменно поглядел на Ильдара, потом на меня и на расплывшегося в улыбке Олега, а потом он сообразил, что именно нас развеселило, и быстро добавил:

— Татары, кстати, тоже!!!

Я не стал дожидаться ответа на Марсины лозунги и поинтересовался:

— Кто это там гавкает?

— Русские, сдавайтесь! — раздалось прежнее требование.

— А татары? — поинтересовался я.

— Татары, сдавайтесь! — прозвучало в ответ.

— Ну, хвала всем богам, — прокомментировал я, — дискриминацию по национальному признаку устранили, теперь можно и по существу поговорить.

Я прокашлялся и заорал на английском:

— Кто ты и чего от нас хочешь?

— Кто со мной говорит? — прилетело в ответ на английском.

— Командир, — зашептал Ильдар, который лучше, чем я, говорил на английском. — Если бы не английский язык, то я бы подумал, что там стоит Зяма или кто-то из его родственников. Согласись, еврейская манера у собеседника.

— Еврейская, — согласился я, — или манера человека, привыкшего командовать.

— Думаешь, это кто-то из командного состава америкосов?

— Сейчас проверим, — пообещал я и заорал: — Шнайдер, ты еврей?

— Нет, я не еврей! Я — немец!!! — моментально раздалось в ответ.

— Вот и познакомились, — сообщил я своим. — Вот и верь после этого Дракулам. И чего тебе, фашисту, нужно?

— Русские, сдавайтесь! — проигнорировав «фашиста», снова потребовал Шнайдер.

— Ты другие слова знаешь? — не выдержав, крикнул Ильдар.

— А это кто?

— Тебе, покойнику, какая разница? — ответил Ильдар.

— Шнайдер, чего ты хочешь? — решил я вернуть разговор в рабочее русло. — Про «сдачу» мы уже поняли.

— Русские... — начал он, но закончить не успел.

Взревели два оборотня, а потом закричал сам Шнайдер.

Точнее, завизжал от страха.

Мы приникли к окну. Из левого рукава послышался визг собаки, которой кто-то, сильный и страшный, делает больно. Из правого — приглушенный рык (который начал заканчиваться хрипом), наталкивающий на мысль об удушении. Шнайдер закричал снова и метнулся из правой части в левую.

— Дэв, принимай гостя, — послышался насмешливый голос из правого рукава. Голос был нам знаком.

— Командир, — зашептал Олег, — кажется, опять Кот.

Шнайдер закричал снова и выбежал в наш коридор. Выбежал и встал к нам спиной.

Встал и начал вглядываться в другой конец коридора. Видимо, опасность, которая исходила оттуда, была страшнее наших пулеметов.

— Иди ко мне, радость моя, — раздался незнакомый нам голос из левого рукава. Голос был низким и хриплым.

Шнайдер начал пятиться в нашу сторону. Когда он оказался на равном отдалении от нас и перекрестка, из правого коридора нам крикнул Кот:

— «Уральцы», вы сдаваться не надумали?

— Нет, — ответил я за всех.

— Хорошо. Капитан, слушай сюда: я сейчас выйду в коридор, не стреляйте только. Мне нужен Шнайдер. И нужен живым.

— Давай, — ответил я Баюну, — только для начала башку свою покажи.

Из-за угла выглянул Баюн. Убедившись, что идентификация произошла, он медленно, как обычный домашний кот, потерся мордой об угол, не спеша вышел, обтираясь шкуркой об угол и стену, задрал хвост палкой и замер, видимо, наслаждаясь произведенным на Шнайдера эффектом. Эффект был выражен в намокающих штанах америкоса.

— Я бы тоже обделался, если бы на меня такая «машина» вышла, — прошептал Марся.

Когда «эффект» достиг пола и начал растекаться, Баюн отвел уши назад и прыгнул. Но прыгнул не прямо на Шнайдера. Оттолкнувшись от пола, он прыгнул на правую стену. Оттуда перескочил на левую, а со стены соскочил на пол, приземлившись за спиной америкоса.

— Я ж тебе говорил, дурачок, — Баюн встал на задние лапы и положил Шнайдеру на плечо переднюю левую, — вешайся сам. Не повесился? Зря. Старших нужно...

Договорить Баюн не успел: Шнайдер упал в обморок, растянувшись в собственной луже. Баюн посмотрел на бесчувственного американца, вздохнул, пробормотал: «Хлипковат нынче враг пошел», наклонился, взял Шнайдера зубами за ворот куртки и, как кошка котенка, поволок к перекрестку. Затащив его за угол, Кот, судя по бормотанию, передал бесчувственное тело кому-то из своих. После чего он развернулся и направился в нашу сторону. Баюн медленно шел к нам, а мы молча смотрели на него, как кролики на удава. Когда до двери осталась пара метров, он сел, поправив усы, вопросительно посмотрел на нас и спросил:

— Вы, четыре идиота, почему до сих пор здесь?

— А куда нам? — робко поинтересовался я.

— Я не о том спрашиваю, — пояснил он. — Меня интересует, почему вы не ушли наверх?

— Не успели, — объяснил я, — нас оборотни от своих отрезали, пришлось срочно сваливать. Вот и заныкались тут.

Баюн помолчал, потом посмотрел на останки оборотня за спиной и снова спросил:

— Волка вы завалили?

— Мы.

— Чем?

— Пулеметом.

— Так, я вижу, что не руками. Где патроны взяли?

— В камерке нашли. — Увидев его прищурившиеся глаза, я тотчас пояснил: — Тут склад немецкого оружия и боеприпасов. Все рабочее. На оборотне и проверили.

— Ну-ка, ну-ка, — будто вспомнив что-то, приподнялся на лапы Кот, — отойдите от

двери.

Мы послушно отошли назад. Баюн приблизился к двери, приподнялся на задних лапах, заглянул в окошко и пробурчал:

— Точно. Помню. Так, олухи царя небесного, посидите пока тут, мне со старшим посоветоваться нужно, — сообщил Баюн и моментально скрылся в коридоре, из которого пришел.

— Санек, ты ему веришь? — тихо спросил Марся.

— Я ему доверяю. Если бы не он, мы бы еще в подвале легли.

— Интересно, — начал рассуждать Олег, — почему он нам помогает?

— Судя по всему, у Кота и неизвестной нам группы какие-то личные разборки с Дракулой. И пока Кот против Дракулы, он наш союзник.

— Враг моего врага — мой друг, — философски заметил Ильдар.

— А тебя не удивляет, что он кот?! — хмуро спросил Марся.

— Марся, после того, как я повоевал с вампирами и оборотнями, я уже ничему не удивлюсь!

Из-за угла бесшумно появился Баюн.

— Тут они, — крикнул он кому-то в глубь коридора, а сам быстро направился к нам. — Так, шпана, сейчас берете по пулемету каждый и все «Вальтеры». Там, в глубине, под нижним ящиком, должны быть две тележки. На них грузите максимальное количество патронов и скорым шагом двигаетесь за мной. За четыре ходки мы должны перетащить все патроны к пулеметам и пистолетам. Чего встали? Шевелимся!

— Баюн, — неуверенно протянул я, — мы очень ценим твои поступки, особенно там, в подвале. Но не мог бы ты пояснить: куда именно мы должны выдвигаться? И главное: что будет, если мы тебя пошлем?

— Капитан, — все так же миролюбиво ответил Кот, — если ты, поганец мелкий, будешь выпендриваться не по делу, я вас сам кончу, чем существенно облегчу своим задачу.

После такого многообещающего ответа он подошел к двери и приложил лапу в районе засова. Звякнул металл, проскрипело дерево. Из двери, с нашей стороны, появился коготь Кота. Коготь был стального цвета. Мы зачарованно наблюдали за когтем, который, как бумагу, разрезал обитое металлом дерево и на данный момент двигался по дуге, отделяя часть, на которой крепился засов, от основного полотна. С грохотом упал на пол кусок двери с засовом. Мы вышли из оцепенения. А Баюн толкнул ничем не удерживаемую дверь и, когда она открылась, скомандовал:

— Дубль два: в глубине, под нижним ящиком слева, берем две тележки и грузим на них патроны. Патроны только к пулеметам и пистолетам. Сами стволы тоже не забываем. Бегом!!!

Мы сорвались с места. В кратчайшие сроки были обнаружены требуемые тележки, поставлены на колеса, и пошел процесс погрузки боеприпасов. Через три минуты караван, состоящий из четырех бойцов элитного, как мне думалось до сегодняшнего дня, специального подразделения, кряхтя и тихо матерясь, двигался в неизвестном направлении. Возглавлял процессию Кот. Проплутав больше десяти минут по множеству коридоров, мы вышли к огромной железной двери. Дверь была приоткрыта. А возле двери сидел тот самый карликовый циклоп, который сражался с нечистью в подвале и кидался в нас вампирами. Увидав его, мы встали, а он, не успев ничего сказать, вдруг начал увеличиваться в размерах.

— Господаспецназеры, — быстро заговорил Баюн, — разрешите представить, перед

вами один из наших воинов, Дэв. И не нужно его бояться. А то он весь проход загородит. Ильдар! — рявкнул Кот. — Отвлекись от него!!!

Ильдар вздрогнул и часто заморгал, а Дэв начал плавно возвращаться к первоначальным размерам.

— Эти что ли? — спросил он Кота.

— Они, раздолбай. Куда разгружать?

— А там, прямо за дверью, и ставьте.

Выгрузив патроны, мы, сопровождаемые Котом, пошли за очередной партией. В итоге через полчаса все патроны были перевезены под охрану Дэва, а мы, уставшие и потные, были построены Котом в шеренгу.

— Значит, так, — Баюн задрал хвост и прошелся вдоль нашего короткого строя. — Сейчас вы познакомитесь с массой интересных персонажей. Хочу предупредить сразу: пальцем не показывать, не ржать, в обморок не падать. Именно у одного из этих персонажей вы получите ответы на все ваши вопросы. Но!!! Без разрешения рот не открывать. Считайте, что стоите перед генералом армии. Все понятно, недоумки? Не слышу?!

— Так точно, — вразнобой ответили мы.

— Что-о?! — раздраженно, как наш инструктор в «Валгалле», протянул Баюн.

Повторного ответа он не дождался. Подняв на нас глаза, наткнулся на удивленные, в лучшем случае, а в худшем — очень злые взгляды.

— Слышь, ты, мешок с блохами, — сквозь зубы обратился к нему Марся, — я из тебя сейчас воротник сделаю. И мне фиолетово, что я тут лягу...

Кот помолчал, а потом весело сообщил:

— Шучу, шучу. Пошли знакомиться.

И мы пошли.

Пройдя от ящиков с патронами по короткому коридору, мы вышли в широкий зал, освещенный не только факелами, но и множеством свечей. У правой стены стоял большой стол, за которым сидели озвученные Баюном персонажи. Ближе всех к нам на деревянной лавке сидел некто в восточном халате и с тибетейкой на голове. Из особенностей гостя из солнечного Узбекистана в глаза бросались ноги, заканчивающиеся копытами, как у лошади, и рожки на голове, немного возвышающиеся над тибетейкой.

Следующим сидел лохматый мужик в грязной и рваной косоворотке, который бился в подвалах с вампирами. Он хмуро посмотрел на нас единственным глазом, хмуро кивнул и продолжил хлебать что-то из деревянной миски. На столе, рядом с ним, лежали две дубинки, очень похожие на деревянные.

После одноглазого мужика восседал тот самый рыцарь в черных доспехах. Сейчас он был без шлема и занимался тем, что странным точильным камнем правил клинок своего меча. Меча, которым он разрубил трех оборотней, метнув меч с другого конца зала. Рыцарю на вид было чуть больше сорока, длинные светлые волосы были стянуты кожаным ремешком, лицо не вызывало неприязни, но было незапоминающимся... пока он не поднял на нас глаза. Глаза оказались красными и без зрачков. На доспехах, точнее на нагрудной пластине, была изображена какая-то красная птица.

— Командир, — зашептал Ильдар, — вот тот товарищ из средней Азии мне сильно напоминает Шурале.

— Это который герой башкирских сказок? — наморщив мозг, вспомнил я.

— Именно, — подтвердил Ильдар. — А тот одноглазый товарищ, который сторожит входную дверь, судя по внешнему виду и способности за счет страха окружающих увеличиваться, это Дэв.

— Ты тоже эту сказку ребенку читал? — зашептал в ответ я. Ильдар кивнул.

Я внимательно пригляделся к присутствующим: так, Кот Баюн опознан, нужно разбираться с остальными. Я вспомнил все сказки, которые читал дочери и которые читали мне родители. Оpozнание лохматого одноглазого мужика произошло мгновенно — Лихо Одноглазое. А рыцарь, особенно глаза, не вписывался ни в одну из них. Сидящие за столом хозяева замка молча, с улыбками глядели на нас. В конце концов, Лихо не выдержал и заявил рыцарю:

— Кощей, тебя они не узнали!

— Кто?! — хором выпалили мы.

Рыцарь, он же, как выяснилось, Кощей Бессмертный, усмехнулся и велел:

— Капитан, прошу тебя и твоих воинов за стол. Хлеб-соль откусать.

Мы переглянулись и неуверенно уселись напротив хозяев.

— Если это Кощей, то какая же баба Яга? — пробормотал Олег. Словно услышав шепот Олега, Кощей крикнул:

— Яга, неси на стол. Негоже гостей заставлять ждать.

— Иду, иду, — послышался позади нас молодой звонкий голос.

Мы, как один, обернулись и зависли. А Олег вообще забыл, как дышать. Из глубины зала в нашу сторону шла женщина, даже девушка. Высокая, не меньше метра семидесяти пяти. Грива белых волос, как и у Кощея, перехвачена ремешком, что позволяло оценить высокий

лоб и очень красивое лицо. Огромные зеленые глаза, тонкий прямой нос и пухлые губы заставили шумно задыхаться даже Ильдара. Тонкую талию подчеркивал широкий темный пояс, что вкупе с плотными бедрами и пышной грудью являло картину из цикла «Мечта эротомана». Одежда Яги соответствовала ее внешним данным: короткая белая блузка с расстегнутыми верхними пуговицами «на грани приличия», темные брюки, обтягивающие стройные ноги, и высокие черные сапоги без каблуков, но с металлическими носками и шпорами.

Мы дружно сглотнули, Олег тихо и протяжно простонал. Насладившись произведенным эффектом, Яга поставила на стол четыре деревянные миски и четыре ложки, разлила в миски какую-то вкусно пахнущую похлебку. Почувствовав запах похлебки, я осознал, насколько я голоден.

— Кушайте, гости дорогие, — промурлыкала Яга и села за стол со стороны Кошея, оказавшись точно напротив Олега.

— Яга, — неуверенно прокашлялся я, — нам бы...

— Кому Яга, а кому и Ядвига, — перебила она меня, не отрывая заинтересованного взгляда от Олега.

— Прошу прощения, Ядвига, — исправился я, — нам бы хлеба.

— Пожалуйста. — Она толкнула в мою сторону корзину с крупными ломтями хлеба.

При этом она наклонилась, и сидящий напротив Олег, успевший оценить, что именно скрывает блузка, выронил ложку.

Я поглядел на Кошея, который с насмешкой наблюдал за реакцией Олега, и скомандовал:

— Марся, пока наш половой террорист тут все слюной не залил, дай ему по башке, и пусть он уже жрет.

Но Яга опередила Марсея и, быстро подняв ложку, протянула:

— Олежек, кушай. Остынет.

Олег на автомате начал есть. Насыпь она ему в тарелку песка вперемешку с гвоздями, он бы и это съел, да еще и добавки бы попросил.

Я быстро расправился со своей порцией и выжидательно посмотрел на Кошея.

— Говори, капитан, — позволил он.

— Во-первых, — я прокашлялся, — хочу поблагодарить вас всех за спасение жизни моих парней. Во-вторых, скажите мне, герои сказок: мы с ума сошли, или у нас глюки такие навороченные?

— Не переживай, капитан, — успокоил меня Кошей. (Как хорошо звучит: «успокоил Кошей», прямо диагноз психиатра.) — Вы не сошли с ума, и у вас не глюки. Просто вы оказались не в том месте и не в то время.

— Какова наша судьба? — перебил я его.

— Если сегодняшней бой закончится в нашу пользу, то мы выведем вас наверх, и вы отправитесь на базу.

— Бой? — переспросил я.

— А ты умеешь ухватить суть, — похвалил меня Кошей. — Но давай по порядку. Очень давно, очень, между такими, как мы. — Кошей кивнул в сторону своих сторонников, — был заключен договор. Он поделил, выражаясь современным языком, территории влияния, а также правила поведения в отношении друг друга и в отношении вас, простых смертных. Чтобы не вдаваться в подробности, озвучу лишь те, которые касаются сегодняшних событий.

Первое: нельзя захватывать земли других. Второе: нельзя уничтожать смертных, обитающих на чужих территориях.

— А если смертные сами приперлись на твою землю? — перебил я Кощя.

— Не имеет значения. Чужих смертных требуется отогнать, напугать или обмануть. Но нельзя их трогать. Тем более солдат. Относительно недавно, по нашим меркам, Цепеш нарушил все, что мог. Он начал, как вы выражаетесь, творить беспредел. Он и его покойный брат. Уже покойный, — усмехнулся Кощей и посмотрел на Марселя. — Так вот, за свое поведение Цепеш был усыплен и помещен по месту жительства, так сказать.

— А почему вы его не убили? — поинтересовался Ильдар.

— Нас осталось слишком мало, и убивать себе подобных неразумно.

— Пока, более-менее, понятно, — высказался я. — Что произошло в период с тридцать девятого по сорок пятый год прошлого века?

— Ты про немцев?

— Именно.

— Немчура, точнее их глупая организация, выяснила место захоронения Дракулы и прибыла сюда, чтобы его воскресить. Их попытка не увенчалась успехом, но записи о данной операции остались. После войны они попали в руки американцам, а те, воспользовавшись моментом, смогли осуществить задуманное.

— А почему вы не перебили всех еще на подходе?

— Не забывай про договор, — ответил Кощей. — Чужих, да еще на чужой территории, мы трогать не имеем права. Но мы попытались исправить положение, подкинув сведения об экспедиции вашему румыну. Жаль, что твой начальник не придавал им должного значения.

— Вы знаете про Барона? — удивился я.

— И про Святогора тоже, — улыбнулся он. — Нам оставалось только ждать. И как только Шнайдер воскресил Дракулу и его брата, мы атаковали его.

— А мы? — хмуро спросил я.

— А вы появились неожиданно для всех. И появились очень эффектно. Ни мы, ни Дракула не ожидали такого нестандартного подхода, как сочетание огнестрельного оружия и осинового колья. И, тем более, никто не верил, что вы пойдете вниз.

— Тут неувязочка есть.

— Какая?

— Леший. Он и его родственники. Зачем он помогал нам?

— Чтобы вы выжили.

— А договор?

— А мы ничего не нарушили.

— А зачем тебе или твоим соратникам нужно, чтобы мы выжили?

Кощей посмотрел в сторону Шурале. Тот развел руками, как бы давая понять, что ему нечего сказать.

— Скажем так, капитан. Меня очень сильно попросили, чтобы я вам немного помог.

— Мы нужны были тут, в замке?

— Да, вы нужны были в замке. Но вы не должны были вступать в бой. Если бы ваша операция началась после рассвета, вы бы обнаружили останки американцев, и ваша задача была бы выполнена. Своей безумной атакой вы спутали и нас, и Дракуле все карты, не говоря о том, что поставили свои жизни под угрозу.

— Кто тебя попросил нам помочь?

— На этот вопрос у меня нет ответа, — спокойно ответил Кощей.

— Хорошо, проехали, — я тряхнул головой, — почему сейчас вы не можете вывести нас наверх?

— Потому что мы поставили магический колпак. Объясню суть: из замка сейчас никто не может выйти: ни мы, ни он, ни вы. Внутрь попасть можно, а выйти нет. Баюн для того и гнал вас из подвалов. И когда мы ставили колпак, то были уверены, что вы все вышли.

— И долго мы тут будем сидеть?

— Пока одна из сторон не победит другую. Поэтому должен быть бой.

— А мы не можем переждать, пока вы друг друга крошите?

— К сожалению, нет. Вы должны сражаться против проигравшего, в противном случае заклинание сочтет вас союзниками побежденной стороны и просто уничтожит.

— Веселая перспектива, — протянул я.

— А почему Дракула предлагал нам сдаться? — подал голос Ильдар.

— Его, как и нас, удивили и восхитили ваши боевые навыки. Сражаясь на его стороне, вы несущественно, но усилили бы его позиции.

— Даже так?

— Именно.

— Кощей, а каковы условия этого финального боя? Это будет штурм позиции Дракулы или, как в старину, в чистом поле, стенка на стенку?

— Не совсем в чистом поле, но стенка на стенку — это точно.

— А почему бы не атаковать его здесь, в подземелье?

— Заклинание четко регламентирует время начала боя. Если к этому часу мы не выйдем на позиции, оно перенесет нас само. Каково будет наше расположение — не знает никто. Поэтому ни мы, ни Дракула не будем рассредоточивать силы. Все ждут часа «икс».

— Тогда у нас, — хмуро продолжил я, — шансов на выживание практически нет. В подвалах мы использовали ограниченное пространство, а в чистом поле они нас порвут как Тузик грелку. И пулеметы не помогут.

— Кощей, — в разговор вмешался Шурале, — давай капитана себе оставим. Парень моментально просчитывает ситуацию. Такой аналитик нам пригодится.

— Он, друг мой, не согласится, — с явным сожалением ответил Кощей. — Ты прав, капитан, — он снова перевел взгляд на меня, — в обычных условиях, вы — пушечное мясо. Но у нас есть пара козырей в запасе.

— Каких? — с надеждой спросил я.

— Вы проигрываете вампирам и оборотням только в скорости и реакции.

— И всего-то?! — не удержался я от сарказма. — А я-то начал переживать...

— Помолчи и дослушай до конца. Если увеличить вашу скорость и реакцию в три раза, то при наличии огнестрельного оружия вы будете представлять очень грозного противника.

— Но наше оружие не причиняет вампирам особого вреда. Оно их только останавливает. Да, попадание из крупного калибра уничтожает их, но при наличии пространства для маневра шансы точного поражения сводятся к нулю.

— Нет, Кощей, его нужно оставить, — поддержал Лихо недавнюю идею Шурале.

Однако Кощей не обратил на его реплику никакого внимания и продолжил разговор со мной.

— Капитан, от вас и не требуется уничтожать вампиров. Это наша работа. Ваша задача будет сводиться к ослеплению противника. При попадании пули в глаза

оборотня, ему для регенерации требуется почти пять минут. У вампиров этот процесс занимает еще больше времени. Соответственно, если правильно использовать ваши навыки, то ни у вампиров, ни у оборотней не будет этих самых минут.

— Звучит обнадеживающе, — с сомнением протянул я. — Только есть маленькая загвоздка: попасть из пистолета в глаз оборотня, да еще и в движении, может, наверное, только Олег. Остальные, в лучшем случае, попадут в корпус.

— Согласен, — кивнул Кощей, — но я не зря оговорился про скорость и реакцию. Мы сможем увеличить оба этих показателя, не причиняя вреда вашему организму. — Я подался корпусом в сторону Кощей, а он, выдержав многозначительную паузу, продолжил: — Действие зелья длится восемь часов. В этот временной период все, кто будет вас окружать, в том числе и мы, будут двигаться со скоростью беременных черепах.

— А потом?

— А потом почти все станет на свои места.

— Почти?

— Почти. Действие зелья оставит небольшой отпечаток.

— Импотентами, что ли, станем? — съязвил Ильдар.

— Нет, — расхохотался Кощей, — в вашем организме навсегда останется часть зелья. Она безвредна.

— В чем тогда подвох? — не сдавался медик.

— В следующий раз, если он, конечно, наступит, для достижения подобного результата вам необходимо будет принять только часть зелья. Эту часть вы можете получить от нас, а можете и случайно собрать в организме все компоненты.

— А если случайно соберем, нас потом «отпустит»?

— Естественно.

— Ладно, шаман, давай свое зелье отворотное, — сдался Ильдар.

— Стоять, — вклинился я. — Кощей, а толку от нашей скорости, если в ближнем бою у нас все равно не будет шансов.

— Ты недослушал. Мы, то есть мы и вы, будем биться в парах. Впереди идет нежить, позади, в полуметре, кто-то из твоих бойцов. Капитан, ты умеешь «качать маятник»?

— Естественно.

— А стрелять «по-македонски»?

— Тоже умею. Я бы экзамены не сдал, если бы не умел.

— Замечательно. Диспозиция такова, — Кощей поднялся и вышел на свободное пространство, — подойди ко мне. Встань позади меня, поближе. Теперь все делаем медленно: я делаю рубящий удар влево, соответственно, для тебя открывается правый фланг в секторе от двух до двенадцати часов. Именно в тот момент, когда я нанес удар, ты отклоняешься корпусом вправо и производишь максимальное количество выстрелов по глазам нечисти в указанных секторах. Как только я начинаю смещаться корпусом вправо, аналогичным образом ты действуешь по левому флангу. Мы с тобой качаем маятники, но в разные стороны. Не забывай прикрывать мне ноги. Давай попробуем.

Кощей показал рубящий удар влево, медленно сместившись и открыв мне сектор для обстрела, я сместился вправо и изобразил несколько выстрелов. Потом он сместился корпусом вправо, я все повторил.

— У меня вопрос.

— Давай.

— Неужели ты все время будешь двигаться в этом алгоритме?

— Нет, мой прозорливый друг. Для этого нам и нужно увеличить вам не только скорость, но и реакцию. Ваша задача: создать и поддерживать максимальную плотность огня во всех свободных секторах. Будет возможность выстрелить хотя бы раз — вы должны ею воспользоваться.

— Теперь понятно, — кивнул я, — теперь давай свое зелье.

— Яга, — позвал Кощей. Реакции не последовало. — Яга! — еще раз, чуть повысив голос, окликнул он красавицу. Посмотрел в сторону стола, где сидели Яга и остальные, и, округлив глаза, пробормотал: — Твою мать, капитан, что твой снайпер сделал с моей сестрой?!

Я обернулся, ожидая увидеть что-то страшное, но, к счастью, увидел знакомую картину: «Старый солдат, не знающий слов любви, узрел (очередную) нежную фиалку». Побед на любовном фронте у Олега немногим меньше, чем побед на войне реальной.

— Это нормально, — успокоил я Кощея.

— Какое «нормально»?! — усмехнулся он. — Это твой прохиндей должен забыть про все на свете!

— И на старуху бывает проруха, — с толикой гордости ответил я и позвал: — Олег!

Реакции никакой!

— Олег!!! — рявкнул я.

Результат тот же. Кощей похлопал меня по плечу и жестом предложил подойти к «сладкой парочке». Подойдя к столу, мы обнаружили, что Яга, взяв руку Олега и практически поместив ее в вырез блузки, гадает ему по руке. Пальцами она ласково скользила от ладони моего снайпера к локтевому сгибу и что-то шептала. При этом на руки не смотрела ни она, ни он. Они смотрели друг другу в глаза. Я вопросительно глянул на Кощея, он усмехнулся и прошептал: «Давай ты». Я подошел к Олегу, наклонился к его уху и позвал:

— Олежек! Олежек!! Олеженька!!!

После третьего раза он смог оторвать взгляд от колдуньи и соизволил повернуть голову ко мне.

— Чего, командир? — все еще пребывая в стране грез (хотя какая у этого кобеля может быть страна грез?), медленно спросил он.

— Яйца оторву, кобелина!!! — со всей дури заорал я. — Где ты должен быть, Дон Жуан китайский?!!

Олег отреагировал хорошо. Он подлетел на месте, развернулся и вынул нож.

— А?! Что?!! Куда?!!! — И лишь осознав, что все спокойно, а окружающие катаются от смеха, он сказал: — Ну, и гад же ты, командир!!!

— Разговорчики, — ворчливо ответил я и отвесил ему легкий подзатыльник. — Потом будешь любоваться своей зазубой. Если выживем.

Олег потряс головой и уже нормальным голосом спросил:

— Чего, вашу мать, надо?

— От тебя ничего, а от твоей подруги сердечной — много.

— Кому это?! — тоном Отелло поинтересовался Олег.

— Олежек, успокойся, — моментально сообразила Яга, — я вам сейчас буду один интересный эликсирчик делать.

С грацией пантеры она поднялась с лавки, обошла стол. Нарочно прошла мимо Олега,

задев его бедром, и провела пальцами по его щеке и губам. Глаза Олега начали закатываться.

— Вернись на землю, любовничек, — Марся хорошим пинком привел Олега в себя.

— Марсель, зависть — плохой советчик, — потирая ушибленный зад, вяло огрызнулся Олег.

— Зато действенный, — угрюмо ответил Марся. Он поймал мой насмешливый взгляд, и его прорвало: — Нет, Санек, а почему все самые клевые телки всегда достаются ему?!

— Стыдись, Белое Перо, — рассмеялся я. — Своей активной половой жизнью наш снайпер бережет твой организм от нехороших заболеваний.

— Олег, — обратился к нему Ильдар, — насчет «нехороших заболеваний»: будь аккуратнее с этой красоткой. Одному Богу ведомо, какой букет она собрала за прошедшие столетия.

— Какие столетия? — осипшим голосом спросил Олег.

— Ты, что, бестолочь, — поддержал я врача, — сказки не читал? Когда появились первые упоминания о Яге? Очень давно! Вот и прикинь, сколько народу она соблазнила за этот период!

Олег обалдело уставился на Кощя. Тот не выдержал и захохотал.

— Не пугайся, снайпер, — отсмеявшись, успокоил он Олега. — Ядвиге всего сорок лет. Она потомственная Яга, а сказки, которые вы читали, рассказывают о наших предках.

— Кощей, а тебе сколько лет? — не удержался я.

— Сорок пять.

— Но вы не выглядите на свои годы.

— Капитан, мы все-таки нечисть и живем гораздо дольше вас. Для нас сорок лет — это начало молодости.

— А вот и я, — радостно оповестила всех присутствующих Яга. — Так, мальчики, подходим к столу, сдаем кровь на анализы.

— Будем искать следы любовных болезней? — ехидно поинтересовался Ильдар.

— Нет, эскулап, — в тон ему ответила Яга, — будем опытным путем рассчитывать: сколько зелья требуется вашему организму.

Мы недоуменно переглянулись. Яга поставила на стол четыре небольших миски, черный изогнутый нож, клинок которого был покрыт какими-то узорами, и трехлитровую бутылку, наполненную жидкостью подозрительного цвета.

— Олежек, будь первым, — попросила Яга таким тоном, что мне показалось, будто Олег потянулся к ремням разгрузки, но вовремя опомнился и протянул ей руку.

Сделав черным ножом на запястье правой руки небольшой надрез, Яга начала собирать в миску сочащуюся из ранки кровь. Когда уровень крови достиг верхней отметки, она перевернула руку Олега запястьем вверх, что-то прошептала и прижалась губами к надрезу. У Олега подкосились ноги. У нас закапала слюна.

— Посиди, мой стрелок.

— Меня сейчас вырвет, — заворчал завистливый и нетактичный Марся.

Выражение лица молодой колдуньи изменилось за долю секунды: только что это была молодая, сгорающая от желания красавица, и вдруг на ее месте появилась жесткая, стержовная ведьма, в глазах которой можно было увидеть отблески костра, в котором черти будут варить душу глупца, что посмел ей дерзить...

— Иди сюда, смертный, — многообещающим тоном позвала Марсю Яга и с невероятным мастерством начала крутить между пальцев нож.

Марся замер. Спасая товарища от позора, без очереди влез Ильдар.

— Коллега, — обратился он к Яге, — позвольте, я.

Яга быстро повторила свои манипуляции, кроме касания губами запястья. Потом на сдачу крови пошел я, и замкнул очередь Марся. Она ему все-таки отомстила, выцедив из него крови больше, чем из нас.

— Теперь, бойцы, смотрите внимательно, — заговорил молчавший во время сдачи анализов Кощей, — сейчас Яга будет добавлять в миску с кровью каждого из вас то самое зелье, которое должно усилить реакцию и скорость. Добавляя в кровь зелье, она будет высчитывать необходимую концентрацию. Для каждого из вас она разная.

— А как мы узнаем, что получена нужная концентрация? — спросил Ильдар.

— Над миской со смесью начнет подниматься дым, в котором должно появиться изображение какого-либо животного, птицы, рыбы или пресмыкающегося. Как только это изображение станет четким — раствор готов.

— А какое животное появится? — поинтересовался Марся.

— У каждого свое, — терпеливо объяснил Кощей. — Что при вашем рождении заложила Мать-Земля, то и появится.

— А как зелье будет вводиться в организм? — вдруг спросил Ильдар.

— Через надрезы на коже, — ответила Яга.

— А надрезы будут большие?

— Зависит от того, какое животное появится. Я начинаю. Ильдар, ты первый.

Яга зашептала какие-то заклинания и начала подмешивать в миску с его кровью зелье из бутылки. Кровь пошла пузырями и стала как будто закипать. Мы перестали дышать. Наконец, от миски пошел слабый дымок. Ильдар подался вперед. Дым стал плотнее, и мы охнули, увидав голову волка.

— Ильдар, как ты понял, твое животное — Волк.

— Санитар леса? — тихо проговорил он.

— Можно сказать и так.

— Марсель, — скомандовала Яга, — твоя очередь.

У Марси проявился Вепрь. С Олегом Яга возилась очень долго, все время бросая на него томные взгляды. Олег почти не смотрел на дым, он смотрел на нее...

— Орел! — радостно возвестила Яга и добавила: — Зоркий ты мой!

У меня появилась какая-то змея.

— Кощей, — удивленно воскликнула ведьма, — у капитана Полоз!!!

К столу быстро подошел Кощей, и даже индифферентные Лихо и Шурале подошли взглянуть.

— Действительно, Полоз, — задумчиво протянул он.

— Кощей, — толкнул его в бок Шурале, — я тебе еще раз предлагаю: давай оставим капитана с нами.

— Шурале, ты же помнишь наш уговор. Он — не одобрит.

— А кто такой «он», и что за полоз? — поинтересовался я.

Полностью проигнорировав часть моего вопроса про загадочного «него», Кощей ответил лишь на вопрос о полозе.

— У этих знаков, я имею в виду животных, есть своя иерархия. Если знаки, явившиеся твоим друзьям, занимают четвертую ступень, то полоз стоит на третьей.

— А кто занимает первые две? — поинтересовался я.

— На второй ступени стоит дракон, на первой, — он ткнул пальцем на свою нагрудную пластину, на которой расправила крылья странная красная птица — феникс.

— И какая радость от этих ступеней?

— Для вас почти никакой, для посвященных и нечисти — огромная. Ладно, капитан, не забивай мозги. Яга, приступай к нанесению знаков.

— Капитан, ты первый, — скомандовала Яга, — пошли со мной.

— Куда пошли? — заволновался Олег. Яга быстро подошла к нему, что-то прошептала на ухо, и Олег расплылся в довольной улыбке. Яга повела меня в другую комнату, а в спину я услышал: — Да пребудет с тобой дух Маниту, о великий вождь Большой Змей, — проявил Олег остаточные знания Фенимора Купера.

— Парни, — обернулся я, — «пригасите» его.

Марся тотчас злорадно зашептал Олегу:

— Слышь, любимец женщин, а ты в курсе, что до свадьбы наш командир был бабником похлеще тебя?

— Да ладно? — усомнился Олег. — С его-то рожей.

— Я тебе как первый свидетель говорю. На него такие телки западали, по сравнению с которыми твоя зазноба — прыщавый подросток! Ты думаешь, для чего она его в другую комнату повела? Что? Тут она его «оприходовать» не могла?

Я оглянулся. На Олега было жалко смотреть...

Выведя меня в соседнюю комнату, Яга велела мне раздеться по пояс и лечь на живот.

— Куда лечь? — поинтересовался я.

— На пол, капитан.

Усевшись на меня сверху, она растерла мне спину и руки.

— Крест и цепочку сними, — велела Яга.

— Зачем?

— Они будут бороться с моим колдовством.

Я послушно снял цепь с крестом и положил в нагрудный карман куртки.

— Рисунок будет таким большим?

— Да, у тебя полоз. Он захватит всю спину и руки. И учти, капитан, будет очень больно. Когда я перейду на спину, ты, скорее всего, потеряешь сознание. Готов?

— Как пионер! Орать можно?

— Даже нужно.

Яга обмакнула рукоятку черного ножа в смесь моей крови и зелья и нанесла мне на руки и спину контур змея. Когда смесь подсохла, она начала вырезать ножом на коже, не выходя за первоначальный контур, более подробный рисунок. Самое удивительное — крови не было. Я выгнулся и тихо застонал. Яга, не обращая на это внимания, продолжала «рисовать». Когда она закончила с рисунком на руках, я уже вскрикивал.

— Теперь — спина, — пробормотала она. Когда лезвие коснулось правой лопатки, я заорал и вырубился.

— К-а-а-а-а-п-и-и-и-и-т-а-а-а-а-н, — около пяти секунд звал меня некто.

Я открыл глаза и резко поднялся. Напротив меня сидел Кощей. Увидев, что я очухался, он начал расплываться в улыбке. Улыбка появлялась тоже медленно. Он все делал медленно, даже моргал. Я видел, как, не спеша, закрываются и открываются его веки.

— Ты как? — с той же гипертрофированной прибалтийской неторопливостью спросил он и медленно добавил: — Только отвечай очень медленно.

— Нормально, — изображая из себя горячего эстонского парня, медленно, как смог, ответил я.

— Сейчас проверим, — в том же темпе сообщил Кощей.

Плавно, как при начальной отработке приемов, Кощей нанес мне удар в челюсть. Я видел, как чуть повернулся его кулак, видел, как от плеча начался удар, и сразу предугадал его направление. Не мудрствуя лукаво, я просто ухватил его за кисть, дернул вперед, придав ему ускорение, и когда он начал ускоряться, обежал его, зайдя за спину, и незамысловато отвесил несильного пенделя.

Послышались медленные аплодисменты. Оглянувшись, я увидел Шурале.

— Молодец, капитан, — как и Кощей, Шурале говорил в замедленном темпе.

— Хорошо! — подтвердил Кощей. — Пошли к остальным.

«Забег к остальным» у этих двух я выиграл с большим преимуществом, хотя шел медленно.

— О! — раздался голос Марси, слава Богу, говорящего в нормальном темпе. — Большой Змей проснулся. Ты чего так долго?

— Не знаю, меня только подняли. А ты почему нормально говоришь?

— Так все парни разговаривают нормально. Это только местные говорят, как укуренные прибалты, и двигаются, как раненые эстонские борзые. Ох, и разрисовала тебя Олегова зазноба!!! — восхищенно протянул он.

Я посмотрел на свои руки и вздрогнул. Левую кисть обвивал хвост змеи черного цвета с широкой золотистой полосой, идущей вдоль тела. Змея тянулась по левой руке и уходила на спину, откуда переходила на правую руку. На кисти правой руки расположилась ее огромная голова. На месте порезов, нанесенных Ягой, появился рисунок, выполненный с такой точностью, что я мог разглядеть каждую чешуйку на шкуре полоза. Рисунок был объемным, и, когда я слегка подвигал рукой, у меня сложилось ощущение, что полоз двигается по руке. Рассматривая его голову, я поймал себя на мысли, что глаза полоза внимательно следят за мной.

— Повернись, — скомандовал Марся, — ё-ё-ё-ёжики мохнатые!!! Твой полоз занял всю спину, нет ни одного свободного участка. А у меня зацени!

Он повернулся спиной, и я сделал шаг назад.

— Что, Санек, страшно?!! — самодовольно воскликнул он. — Олег с Ильдаром тоже шарахнулись.

Вебрь на спине Марсея был выполнен с тем же пугающим реализмом; создавалось ощущение, будто он не только следит за тобой, но и вот-вот прыгнет и поднимет тебя на клыки.

Подошел Ильдар, поохал над моим полозом, показал своего волка. Волк был как живой,

но не агрессивный. Мудрым был волк Ильдара.

— А где наш пернатый? — поинтересовался я у парней, намекая на орла Олега.

— Репетирует, — сплюнул Марся и показал рукой в другой конец зала.

Там шло «представление», за которым с большим интересом наблюдали Лихо и Баюн. А посмотреть было на что: Олег и Яга отрабатывали ведение боя в паре. Впереди идущая Яга, превосходно работающая шестом, плотно прижималась к Олегу, идущему позади. Ее голова опиралась на левое плечо Олега, спина, и особенно задница, просто вросли в нашего снайпера, их бедра постоянно соприкасались друг с другом, плюс они постоянно меняли уровень атаки. Олег, надо признать, уже не выглядел сомнамбулой. Его руки с двумя «Вальтерами», вытянутые над правым и под левым плечом Яги, имитировали выстрелы и поэтому постоянно меняли как угол, так и высоту. Я присмотрелся и убедился, что стволы пистолетов Олега направляются именно в тот сектор, где нет ни шеста, ни рук его зазнобы. Если забыть, что их движения являлись боевой связкой, все это выглядело ну очень эротично, а местами и развратно.

— А вы чего не тренируетесь? — спросил я у Ильдара и Марси.

— А мы уже отработали, — ответил Ильдар.

— Ты же почти три часа в отключке был, — добавил Марся. — Я с Шурале «откатал», Ильдар — с Лихо. Остались вы с Кощеем. Стволы на столе. Выбирай и начинайте.

Я посмотрел на Кощея, он кивнул. Взяв два «Вальтера», я с тоской вспомнил про свои «макаровы» (к сожалению, пустые).

Как и до этого, Кощей вышел на свободное место, но на этот раз — с мечом.

— Работаем на полной скорости, — сообщил он.

Встав на расстоянии полуметра позади него, я чуть присел, вытянул вперед руки и сообщил:

— Готов!

И Кощей начал двигаться. Первые две минуты мне не составляло труда предугадывать направление его движений. Потом его движения стали быстрее, и появился гул крутящегося самолетного пропеллера. Это гудел его меч. К десятой минуте мы два раза пересекли зал, и наша скорость стала одинаковой. Он менял углы и направления атаки, резко смещался и резко отступал назад. И ни разу у меня не случилось осечки.

Кощей резко замер. Замер и я. Он повернулся, и я вздрогнул. Его глаза были черными, а на лице выступили руны.

— Молодец, капитан! — похвалил он меня. — Теперь я не жалею, что вытащил вас из подвалов.

— А были варианты? — с подозрением осведомился я.

— Были, — кивнул он. — Если бы вы не приперлись в подвал, мы бы там, в подвале, кончили и Дракулу, и его банду. А с вашим появлением не только было разрушено сдерживающее заклинание, но и мы были вынуждены отвлекаться на вас. Этим воспользовался Дракула и выбрался из подвала. Плюнув на вас и ваши жизни, мы могли бы завершить начатое там — в подземелье.

— А почему вы вообще впряглись за нас?

— Ты уже слышал ответ на этот вопрос...

— Ох, уж эти тайны Мадридского двора...

— Тайны, тайны. Так, закончили трепаться. У вас пять минут на сборы, потом — инструктаж, и выдвигаемся на позиции.

Мы скучковались у стола, на котором были разложены пистолеты. Оделись, проверили снарягу и начали нагружаться оружием. Везде, куда можно, натолкали снаряжённые обоймы, а куда нельзя — засунули заряженные пистолеты (благо, последних было предостаточно). Судя по угрюмому молчанию моих бойцов, они, как и я, понимали, что, несмотря на подготовку и наших союзников, возможностей сложить головы у нас было выше крыши. И никто не узнает о нашем подвиге...

Когда мы были «упакованы», к нам со свертком в руках подошел Кощей.

— Олег, у меня для тебя подарок, — сообщил он и развернул сверток. В нем оказалась новенькая, как вчера с завода, винтовка Мосина. — Чего ты морду куксишь? Снайперов у нас больше нет, а этот раритет — то единственное, что мы смогли тут найти. Хорошо, хоть патронов много.

— Радует, что не арбалет, — без энтузиазма пробурчал Олег, беря в руки винтовку. — И что мне с этим оружием Победы в ближнем бою делать? Головы им крошить?

— Доказывать, что Орел у тебя на спине появился не просто так. Если готовы, то пошли на финальный инструктаж.

Вокруг Кощей собрались все, даже Дэв покинул свой пост у двери.

— Значит, так, друзья мои и случайно подвернувшиеся смертные. Сейчас мы поднимаемся наверх, но выйдем мы не под «неба синь», а в сформированное нашим заклинанием поле. Солнца там нет, вместо него красное небо, но видимость будет на десять баллов. Ни кустов, ни деревьев там тоже нет. Просто холмистая местность. Там нас уже ждет Дракула со своей ордой. Как только мы выйдем, обратной дороги у нас не будет. С поля уйдет только одна из сторон. Наше построение выглядит следующим образом. — Кощей взял кусок угля и начал рисовать прямо на столе: — Первая линия: в центре я и капитан, слева — Лихо и Ильдар, справа — Марсель и Шурале. Интервал между нами не более трех метров. Увеличивать его нельзя. Вторая линия: Дэв и Баюн. Третья: Яга и Олег. Олег, твоя задача — отстрел наиболее ретивых. На вампиров патроны не трать, работай по оборотням. При первой же возможности — стреляй по Дракуле. Толку от этого мало, но попадание из «Мосина» кого угодно отвлечет от насущных дел. Кроме того, на вас ложится охрана пулеметов. Их использовать только в крайнем случае. Вам все понятно?

— Да, брат.

— Яснее ясного, — ответил Олег.

Их голоса прозвучали из одного места, и я повернул голову, чтобы установить причину этого явления. В начале инструктажа они стояли по разные стороны стола. Олег оказался на том же месте, что и был, а Яга ухитрилась переместиться к нему. Более того, они стояли обнявшись. Яга навалилась спиной на Олега, а тот придерживал ее обеими руками за талию. Никто не прокомментировал эту картину. Даже Марся.

— Вопросы есть?

— Есть. — Все повернули головы ко мне. — Кто из сторон начинает движение? Кто кого атакует?

— Хороший вопрос, — согласился Кощей. — Из подвала мы выйдем на холм. На нем останутся Олег и Яга, с пулеметами. Было бы разумнее на этом холме их и встретить, но нам нужно обеспечить оперативный простор снайперу и обезопасить его и пулеметы от возможной атаки противника. Поэтому предлагаю максимально быстро выдвинуться в сторону позиций Дракулы, чтобы отдалить линию фронта от нашего тыла.

— Еще вопросы?

— Если мы там «ляжем», куда после смерти мы попадем? — спросил Ильдар.

И мы, и нечисть удивленно уставились на него.

— Тебя на самом деле интересует этот вопрос?! — изумился Кощей.

— Я бы не спрашивал.

— В ад вы попадете.

— Но мы же бьемся против врага, мы за Родину бьемся.

— Ильдар, вы сражаетесь в рядах языческой нечисти, — ответил Шурале, — с языческими символами на теле. Ад вам гарантирован и сегодня, и через сто лет.

— А если символы исчезнут?

— Их не вывести. Они с вами до гробовой доски, — «обрадовал» нас Шурале.

— Если вопросов больше нет, то закончили. Лихо, наливай!

Лихо выудил из штанов бутылку с зеленой жидкостью и разлил по имеющимся на столе стаканам. Кощей поднял стакан, повернулся в сторону выхода к загадочному полю и произнес тост, видимо, адресованный Дракуле и его банде:

— Когда б не состоялся вынос за то, чтоб мы вас, а не вы нас!!! — И немедленно выпил.

И мы выпили. Пойло Лихо оказалось редкостной дрянью, зато я сразу же почувствовал, что мне почти не страшно. Хотя до этого левая нога подрагивала, особенно в колене.

— Все! — шумно выдохнул Кощей. — Грузимся и — на выход.

Смертные взяли по пулемету и по ящику патронов (из расчета один ящик на двоих). А нечисть загрузилась патронами. Даже Баюн внес свою лепту: он встал на задние лапы и нес винтовку, бережно прижимая ее к себе.

«И вот нашли большое поле: Есть разгуляться где на воле!» Жаль, редут не построили, да и не помог бы он. Такие мысли промелькнули в моей голове, как только мы вышли из подземелья. Под красным небом нас ждала армия Дракулы. Их было много. Гораздо больше, чем мы видели в подземелье.

— Да, — вздохнул Ильдар, — мало нам не покажется.

— Никому не покажется, — успокоил его Лихо, — не дрейфь, солдат.

— Командир, — забурчал Олег, — у вас троих хоть дети есть, а у меня...

— Олечка, — чуть слышно зашептала Яга, — ты выживешь, я «читала» твою руку. А детей я тебе нарожаю.

Олег от подобного заявления перестал бояться, а мы с Кощеем ошарашенно переглянулись.

— Она так шутит? — зашептал я ему.

— Да какие, в пень, шутки, — зашептал он в ответ, — ты посмотри на нее. Боюсь, когда она ему Орла резала, они согрешить успели...

— Санек, — Марся задумчиво рассматривал позиции Дракулы, — может, пока мы будем бежать к ним, Олег по Дракуле постреляет. Это его отвлечет и нам форы даст.

— Олег, ты слышал Марсю?

— Да, командир. Сделаю.

— Кощей, у вас в «культурной программе» перед боем поединков нет? — поинтересовался я.

— Желаешь стать первым? — парировал он.

— Нет, спасибо. Я лучше из-за твоей широкой спины постреляю.

— Командир, я готов, — подал голос Олег, припав к прицелу.

— Двинули, — скомандовал Кощей и вынул меч.

Олег выстрелил. Мы побежали. Олег выстрелил еще раз, но бойцы Дракулы продолжали стоять. Еще один выстрел. Еще. После пятого выстрела раздался рев оборотня, и противник, ломая строй, побежал на нас. Но как побежал... Словно в замедленной съемке, к нам двигались оборотни и вампиры. В первых двух рядах, не спеша, топали оборотни, а за ними практически прогулочным шагом ползли вампиры. Олег продолжал стрелять. До них было еще далеко, а я уже видел, как в голову оборотня, что шел прямо на нас, влетела винтовочная пуля, и он споткнулся. А позади бегущий собрат его запнулся о раненого, и они полетели кубарем. Потом два волка лишились по одному глазу перед позицией Марси и Шурале, потом — перед Лихо и Ильдаром. В общем, когда противник приблизился на расстояние эффективного пистолетного выстрела, первая линия Дракулы была полностью рассеяна, а вторая существенно прорежена.

— Стоять, — скомандовал Кощей и сразу же: — Огонь!!!

Защелкали «Вальтеры». Оборотни второй линии начали останавливаться, чем вносили еще большую сумятицу в свои ряды. А как тут не остановишься? Какой ты, в пень, воин без обоих глаз?! В общем, вместо сметающей волны оборотней до наших позиций первыми добежали вампиры, большинство которых нуждались в срочном посещении окулиста. Загудел меч Кощей, посыпались первые безглазые головы. Все-таки адское зелье сварила Яга: я даже не видел, я чувствовал, какой именно вампир в ближайшее время подставит свои глаза под мои пистолеты.

Прошло больше пятнадцати минут боя, а Кощею не попался ни один зрячий противник. На вампиров напала эпидемия слепоты. Позади с одинаково короткими интервалами продолжала бухать винтовка Олега, выискивая оборотней. А мы начали движение вперед.

— Заряжаю, — в очередной раз сообщил я Кощею и моментально сменил магазины.

— Справа оборотень, — подсказал он, — движется к Шурале.

Одним выстрелом я пробил правый глаз оборотня, левый прострелил Марся. От тяжелой винтовочной пули оборотень ткнулся мордой в землю, а тяжелые кривые сабли Шурале лишили его башки. Я взглянул на Ильдара и Лихо. Лихо молотил своими дубинками, а Ильдар, который был выше его на голову, умудрялся стрелять еще и поверх головы напарника. «Кажется, мы побеждаем», — мелькнула у меня робкая мысль, но тут...

— Воздух!!! — раздался крик Олега, и над полем боя пролетели три черных дракона.

Мне резко захотелось в туалет.

— Это наши? — заикаясь, спросил я у Кощей.

— Хренаши, — в рифму ответил он. — Вызвал-таки, сука! Ну, ничего, мы тоже не пальцем деланы! Олег, — взревел Кощей, — они огнедышащие. Бери пулеметы. Твоя задача — не дать им снизиться для прицельной атаки. Яга, помоги ему!!!

Драконы сделали разворот позади позиций Дракулы. Я обернулся к Олегу. Олечка уже лежал спиной на склоне холма и, уперев приклад пулемета в землю, выискивал первую жертву. Яга со вторым пулеметом устроилась рядом. Драконы начали снижаться. Войско Дракулы рвануло назад, чтобы не попасть под огонь своих. Загрохотал пулемет. Олег стрелял в центрального дракона. Первая очередь пришлась дракону в голову. Полетели брызги. Он замотал головой и тут же словил вторую очередь. Дракона начало мотать из стороны в сторону, а после третьего попадания он свалился в пике и рухнул в отступающие ряды вампиров.

— Убили? — прошептал я.

— Держи карман шире, — ответил Кощей.

В подтверждение его слов с грозным рычанием сбитый дракон поднял голову. Но падение «центрового» и точные выстрелы Олега заставили двух оставшихся драконов уйти в разворот без обстрела наших позиций.

— Кощей, что делать-то?! На втором заходе они нас точно накроют!!!

— Не ссы, Машка, в чашку! — обнадежил меня Кощей. — Я же тебе говорил, что мы не пальцем деланы. Успел, поганец!!! — Видя мой недоуменный взгляд, он подсказал: — Обернись!

Ну, я и обернулся... К настойчивому желанию посетить кусты присоединились икота и дрожь в коленях. На нас с тыла заходил четвертый дракон. Только «новичок» был гораздо крупнее «старожилов» и имел три головы.

— Олег, — закричал Кощей, — бросай пулемет и винтарем не дай Дракуле поднять башку. — Насмешливо посмотрев на меня, он пояснил: — Вот этот — наш! Это — Змей Горыныч!!! — А потом скомандовал: — Смертные, ноги в руки и к позиции Олега. Сейчас начнется хаос. Вы будете только мешать. Пулеметами постарайтесь достать оставшихся оборотней. По драконам не стреляйте. Если попадете в Горыныча, он вас спалит, к нехорошей маме. Чего встали? Выполнять!!!

Нас как ветром сдуло. До Олега мы долетели.

— Саня, — тоном умственно отсталого обратился ко мне Олег, — это, правда, Змей Горыныч?!

— Ты меня спрашиваешь?! — взвизгнул я, устанавливая пулемет. — Забудь. Твоя цель — Дракула. Остальные, работаем по оборотням.

Пока мы храбро драпали, Кощей, Лихо, Дэв и Шурале врубались в ряды неприятеля. Хотя рядами это было сложно назвать. Баюн на большой скорости носился вдоль рядов противника, выцеливая раненых и зазевавшихся. Судя по всему, Горыныч произвел такой же эффект на вампиров, как и на нас. На «клапан прижало» всем. Наши, воспользовавшись всеобщей паникой, ложили чужих пачками!

Но самое интересное происходило со Змеем. Горыныч рванул к драконам с низкого старта. Подлетев на расстояние выстрела, Змей плюнул пламенем из левой и правой голов. Сбитый Олегом дракон сразу вспыхнул, а Змей ушел в вираж. Судя по всему, центральная голова отвечала у него за пилотирование, а крайние работали в качестве орудий. Горыныч взмыл высоко вверх, резко развернулся и свалился в пики, свалился целенаправленно. Драконы противника уже поняли, кто представляет для них главную опасность, но набрать нужной высоты не успели, чем и воспользовался наш «сокол». Набрав приличную скорость, Змей расправил крылья, перешел на бреющий полет и «выстрелил». Очередной «летающий аппарат» противника грохнулся на землю, объятый пламенем. Но третий из драконов Дракулы, воспользовавшись тем, что Горыныч был занят его собратом, развил нужную скорость и начал догонять Змея с тыла.

— Горынычыгыч, — услышал я взволнованный крик Олега, — сзади!!!

Не знаю, услышал ли его Змей, но и с третьим противником он расправился красиво: удерживая приличную скорость, Змей всем видом показывал противнику, что просто пытается от него оторваться. Дракон купился на этот финт. В очередной раз выйдя на прямую, Змей выполнил фигуру высшего пилотажа, именуемую среди летчиков «кобра»: он расправил крылья, чем резко погасил скорость. Сила инерции подкинула его вверх, а хвост вынесла вперед. Сложилось впечатление, что Горыныч завис в воздухе. Противник Змея

отреагировать не успел. Он пролетел под Горынычем и попал под его огонь. На этот раз Горыныч «стрельнул» из всех орудий. Дракон, по-моему, даже взорвался. После чего Змей развернулся и устремился вниз, переqualифицировавшись из «истребителя» в «штурмовика».

Сделав несколько виражей над позициями Дракулы, он пару раз пыхнул огнем, но, увидав, что свои близко, и опасаясь их зацепить, Змей приземлился на правом фланге. Его посадка еще сильнее напугала противника: вампиры и единственный уцелевший оборотень ломанулись к левому флангу, обнажая центр. Дракула никак не мог остановить свое войско, так как был очень занят. В его голову постоянно влетали пули, выпущенные Олегом, от которых он все время падал. Наш снайпер и в обычной-то жизни отличался «повышенной скорострельностью», а после снадобья Яги интервал между его выстрелами составлял доли секунды.

А на поле боя наши, воспользовавшись бегством основных сил, моментально прорвали центр и вышли к ставке Дракулы. Тот величественно вынул меч и тут же снова упал, словив пулю в лоб. Кощей обернулся к нам и гаркнул:

— Олег, заканчивай палить.

Следующий выстрел Олега ушел в голову последнего оборотня. А Дракула, поднявшись на ноги, сцепился с Кощей. Ну, это Дракула так подумал. Как только он поднял меч, ему в лоб прилетела дубинка Лихо, замах у него затянулся. В тот же миг в ноги главному кровососу кувырком бросился Шурале. Два взмаха саблями, и Дракула начал заваливаться на бок. А Кощей вдогонку ударил его в голову плоской стороной клинка.

Все. Мы победили. От вампиров осталось одиннадцать... человек? голов? рыл? особей? А, черт с ними, одиннадцать штук. Они сгрудились в кучу, охраняемые Баюном и Дэвом.

— Сашок, иди сюда, — крикнул мне Кощей.

Обходя стороной сдавшихся вампиров, я подбежал к Кощей. Дракула, связанный арканом Шурале, уже пришел в себя и с ненавистью пялился на нас. Я пригляделся к нему: от персонажа Брэма Стокера в нем ничего не было. Маленький, плешивый, с тонким носом и непропорционально толстыми губами. Глазенки узкие и косые. Чем вызвано косоглазие — плохим здоровьем или ударом Кощей — я так и не понял.

— Ну, что, комар-переросток, — наклонился я к нему, — вот и встретились.

Дракула молчал.

— Кощей, он боль чувствует?

— Друг мой, ты его не пытать ли удумал? — удивился он.

— Нет, садизм не входит в список моих приоритетных грехов. Но пару раз ботинком по ребрам я бы ему навернул!

— Не трать силы. Тебе и так придется его добивать.

— Почему мне?

— Мы не подходим. То, что должен сделать ты, гарантированно его убьет, если это сделает нечисть. Для парализации необходим смертный.

— И ты решил предоставить эту честь мне?

— Почему нет?!

— То есть тебе он нужен живой?

— Правильно.

— А для чего?

— Я его усыплю и обратно в саркофаг засуну, — ответил Кощей.

— Он тебе для чего-то нужен? — сообразил я.

— На данный момент нет, а вот лет через триста-четыреста, может, и понадобится...

— А что будет через триста лет?

— Что нужно, то и будет, — отрезал Кощей, — не забивай голову. Вы до этого времени все равно не доживете...

— А если какой-нибудь Шнайдер его снова выкопает?

— Не выкопает. Я его в своем замке положу. Чтобы под надзором был.

— Ты, наверное, не ответишь, но не спросить не могу: а где у тебя замок?

— Известно где: за тридевять земель, в тридесятом царстве. Еще вопросы есть?

— Нет вопросов. Что нужно делать?

— Сейчас ты забьешь Дракуле в глазницу кол. Ты колья-то не потерял? Нет! Умница. Выжившие вампиры сгорят. Когда забьешь второй, мы переместимся обратно в наше подземелье. А оттуда Лихо вас выведет наверх. Готов? Ну давай, мститель.

Двумя быстрыми движениями я загнал Дракуле в глазницы колья.

Как и обещал Кощей, мы оказались в нашем подвале.

— А где Горыныч? — разочарованно поинтересовался Олег.

— Домой улетел, — ответил Лихо.

— Яга, — распорядился Кощей, — выдай нашим смертным антидот, а то они со своими часа три общаться не смогут.

Яга выдала нам по комочку какой-то растительной смеси и велела, тщательно разжевав, проглотить. Когда наши морды приобрели нормальное выражение (нас всех скрючило от вкуса антидота), движения и речь нечисти перестали быть черепашьими. Кощей с усмешкой поглядел на наши лица, а потом обратился к нам:

— Ну, что, братья по оружию? Пора прощаться. Я рад, что вы оказались достойными воинами. Не оскудела богатырями Мать-Земля. Из данной заварушки все вынесли определенную пользу: вы — редкий боевой опыт и обереги, которые еще спасут вам жизни, а мы убедились, что из жерновов «Валгаллы» выходят достойные спецы.

«Что-то подозрительно много Кощей знает и говорит про „Валгаллу“, Барона и Зимины», — мелькнула у меня мысль. Не к добру это...

— Давайте прощаться, — закончил Кощей.

— Мы больше нигде с вами не пересечемся? — грустно, как мне показалось, спросил Ильдар.

— В этой жизни, скорее всего, — нет, — ответил Шурале, — но когда попадешь на Страшный суд, можешь меня как адвоката привлечь. — Шурале расхохотался, и к его хохоту присоединилась вся нежить.

Нам было не смешно. Но особенно не смешно было Олегу. Он стоял, опустив голову, и слушал успокаивающую его Ягу:

— Олечка, ты чего раскис? — Яга взяла его лицо в ладони и заглянула ему в глаза. — То, что мужики не хотят с вами пересекаться, — это не значит, что я тоже не хочу. Мы же теперь как единое целое. Кровью и боем венчаны. Я в любой момент могу прийти к тебе, и ты всегда будешь под моим присмотром!

Услышав такое многообещающее заявление, Олег испуганно уставился на Ягу:

— В каком смысле?!

— Орел на твоей спине всегда подскажет мне, где ты, — прежним ласковым тоном отвечала Яга. — А его глаза, — тон Яги стал жестким и угрожающим, — всегда покажут — с кем! — Мы покатались от смеха. Лицо Олега стало таким, будто он хлебнул уксуса и ему тут

же сообщили, что он стоит на ящике с динамитом, фитиль которого уже тлеет. — Поэтому, любимый мой, — тон Яги снова стал ласковым, — блюди себя. На других баб не заглядывайся, ты уже нашел свое счастье. А ежели чего... — Она сделала многообещающую паузу и жестко взяла его за волосы. — Я тебе, кобелю шелудивому, слова волшебные скажу — стоять не будет!!! — добила она Олега.

— Вот это попадалово!!! — резюмировал Марся. — Олег, официально прошу у тебя прощения за зависть и нетактичное поведение!

— Ну, все всё сказали, давайте разбежаться.

Еще минут пять ушло на обнимание и взаимные комплименты. Когда Яга прощалась со мной, она взяла меня за правую руку и около минуты рассматривала голову Полоза.

— Капитан, Полоз теперь часть твоего организма. Он не просто оберег. Скоро ты в этом убедишься. И главное — теперь ты можешь надеть нательный Крест. Только перед этим положи Крест перед головой Полоза. Они должны договориться друг с другом.

— Кто? — не понял я.

— Языческий символ и Дух православия.

— А если не договорятся?

— Договорятся, — успокоила она меня, — у них одна цель — твоя защита. И Крест уже понял, что Полоз сегодня спас тебя. Спас в ситуации, в которой Крест был бессилен.

— Но от ада это меня не спасет?

— Только не говори, что рассчитывал на рай изначально?

— Я мало чего понял, но сделаю так, как ты сказала. Теперь давай прощаться.

— С тобой, капитан, прощаться бесполезно. До свидания, Полоз.

— Двинули, смертные, — скомандовал Лихо, стоя в коридоре.

Мы пошли за ним. Лихо повел нас по тому же пути, по которому мы пытались выбраться. Вскоре показался солнечный свет. Лихо первым выбрался на поверхность. Тут же раздалось:

— Движение на шесть часов. — Загрохотал крупнокалиберник Микола, и Лихо унесло к стене.

Марся попытался выскочить следом, чтобы остановить парней, но я не позволил ему и закричал в гарнитуру:

— Это «первый»! Прекратить огонь!!!

Выстрелы смолкли.

— Сашко, ты где?! — поинтересовался Микола.

— Да тут мы. Внизу, — заорал Марся. — Вы только что нашего союзника расстреляли. Я сейчас руку подниму из проема, не шмальните.

Через минуту все уже радостно обнимались, приветствуя друг друга. Я подошел к неподвижно лежащему Лихо. Вся грудь у него была разорвана пулями.

— Лихо, ты живой? — Я осторожно потрепал его по плечу.

В тот же момент раны затянулись. Лихо открыл глаза и сел.

— Какая сволочь стреляла?! — подскочил он.

— Так, Лихо, успокойся. — Я придержал его. — Ты какой реакции от них ожидал?

— Нет, — он продолжал вырываться. — Кто эта падла?!!

— Шо-о-о-о?!! — взревел обиженный Микола. — Ты кого, нехристь немытая, падлой назвал?!! Я тебя сейчас пополам порву...

Микола пошел в нашу сторону, по дороге снимая пулемет и разгрузку. Тот факт, что

Лихо выжил после попадания из крупнокалиберника, Миколу, видимо, не смущал. Лихо вырвался из моего захвата. По ходу — будет драка...

— Лихо, друг мой, а ну марш вниз!!! — Возле выхода из подземелья сидел Баюн и щурился от солнца.

— Не лезь, хвостатый.

— Давай вниз, — не обратив внимания на оскорбление, повторил Баюн, — это приказ Кощея.

Лихо сплюнул и, тихо матерясь, пошел вниз.

— Удачи, капитан, — махнул хвостом Кот и исчез вслед за Одноглазым.

— Это что было?! — прошептал Микола.

— Микола, расслабься. Пошли, все расскажу. Может, мозги на место встанут.

Рассказали парням обо всех приключениях. Особенно подробно выпрашивал нас румын. Перекусили, чем осталось. Бойцы времени не теряли, осмотрели верхнюю часть замка и нашли америкосовский склад с боеприпасами. Так что обратно мы пошли хоть и с пиндосовскими стволами, но патронов у нас было, как у дурака махорки.

А дальше... Дальше было возвращение к Барону... доклад... отчеты... аресты... пытки... особисты... медики...

Докладами и отчетами все могло и завершиться. Но у Барона, что называется, «протекло». И «протекло», как на грех, «наверх». А там все, кто «любил» и «уважал» нашего генерала, с большим интересом ознакомились с нашими опусами. В опусах они поняли главное: задание «партии и правительства» — не выполнено! Румын фактически не осмотрел замок. Мы практически замок не уничтожили. Как такие «враги народа» могут служить в разведке?! Гнать их нужно поганой метлой. Но гнать не далеко, а до бруствера. Чтобы расстрелять в назидание другим. Но перед расстрелом выяснить: а не был ли срыв операции прямым указанием генерал-лейтенанта Ивлева?! Да, точно, был! Нужно только «Уральцев» как следует «расспросить».

На второй день следствия нас «расспрашивало» по три оперативника на одного «врага народа». Вдвоем, как показал день первый, не справлялись. В день первый восемь оперативников были отправлены в госпиталь с тяжкими телесными повреждениями. А не нужно было нам сообщать, что нам при любом раскладе «вышка». Что терять смертникам?!

А Барон делал все возможное, чтобы вытащить нас «с того света». И, кажется, вытащил...

— Капитан Трофимов, я вас в третий раз спрашиваю, вы будете отвечать?

Я вернулся в реальность. Бегемотик наклонился ко мне и внимательно на меня смотрел.

— Извините, Бога ради, — ответил я, — задумался. Повторите, пожалуйста, вопрос.

Бегемотик покряхтел, нахмурился, но вопрос повторил:

— Вы продолжаете утверждать, что невыполнение задания командования было вызвано боестолкновением с вампиром графом Владом Дракулой и его войском, а избежать гибели вам позволило своевременное вмешательство героев народных сказок?

— Ну-у-у-у, как-то так, — промямлил я и посмотрел на Барона. Он чуть кивнул, одобряя мой ответ.

— Значит, продолжаете утверждать, — перебил меня медик.

Я снова глянул на Барона, сидевшего у стены. Он сидел, развалившись, и хитро поглядывал на особиста. А особист, судя по всему, сильно нервничал из-за безмятежного вида Барона. Весь вид Ивлева говорил о том, что он сделал все, что необходимо для достижения нужного ему результата. И этот результат, скорее всего, не соответствовал ожиданиям оппонентов.

— Товарищ генерал-майор, — обратился к Ивлеву председатель комиссии, — у вас есть вопросы?

— Нет, — улыбнулся Барон. — У меня есть дополнение. Во-первых, арест капитана Зеймовича был необоснованным. Его поведение было спровоцировано вами, а если вспомнить про психологическую усталость и недавно перенесенную операцию, это нетрудно было сделать...

Бегемотик после упоминания про Зяму поморщился и потрогал синяк под глазом. Когда особисты по итогам наших «подвигов» совместно с психиатрами начали следствие, на Зяму они навалились особенно сильно. Первое время он только смеялся и посылал их в известном направлении, но на третий день он не выдержал и нанес следственной комиссии «телесные повреждения средней степени тяжести», за что был помещен под арест. Вот только «фонарь» под глазом психиатра на средние телесники не тянет. Максимум — «побои»...

— Во-вторых, — продолжал Ивлев, — я считаю, что обследование моих подчиненных было проведено ненадлежащим образом. Не был рассмотрен вопрос о возможном воздействии на них низкочастотным излучением, которое американцы начали активно практиковать и передавать эти приборы своим союзникам...

— Дмитрий Михайлович, — перебил Барона председатель комиссии, — мы же обо всем договорились...

Услышав про договоренность, особист начал судорожно вертеть головой. Не ожидал, гаденыш, что его обскачат на финише. Небось, и расстрельную команду уже сформировал. А вот хренушки! Дураки неподсудны! Однако и Барон, судя по реакции медиков, начал выходить за рамки «сценария». Ладно, будем посмотреть. Ивлев всегда славился непредсказуемыми ходами.

— Понимаете, уважаемый, — улыбнулся Барон своей самой гнусной улыбкой. Обычно после таких улыбок его собеседнику оставалось жить очень недолго. — Я смог дозвониться до профессора Черепанова и описать ему сложившуюся ситуацию...

«Так, а Череп уже стал профессором! Интересно, а в звании он вырос? Судя по

погрустневшим (а местами и побледневшим) лицам комиссии, появление этого субъекта не только не вписывается в их планы, но и пугает».

— ...и он как профессионал очень заинтересовался этим делом. Тем более, и Трофимову, и Сунгатову допуск давал именно он.

— Вы предлагаете отложить заседание? — с надеждой спросил Бегемотик.

— Нет, — отрезал Барон. Его тон не предвещал ничего хорошего. — Я предлагаю пригласить сюда генерал-лейтенанта медицинской службы профессора Черепанова, дабы он озвучил свое заключение. Череп! — рывкнул в сторону двери Барон. — Заходи. Публика у твоих ног!

— Что, в конце концов, происходит? — наконец-то поинтересовался особист.

— Следствие, суд и казнь, — тоном людоеда ответил Барон. — Забейся в угол, гнида, и не отсвечивай.

— Но я попросил бы... — договорить особист не успел: в дверь вошел Череп, и все вытянулись по стойке смирно. Генерал как-никак, хоть и медик.

— Михалыч, что-то нервный ты стал. Пора тебе лечиться электричеством, — тоном удава Каа, зашедшего в гости к бандерлогам, сообщил Череп Барону. Потом оглядел присутствующих и поздоровался: — Мое почтение, коллеги, — это комиссии. — Господа офицеры, — это нам с особистом. — Прошу всех садиться.

— Товарищ генерал-лейтенант... — начал было особист.

— Полковник, — не дав развить мысль, перебил его Череп, — вы, голубчик, про устав забыли? Вам медицинскую карту моими каракулями испоганить?

— Не надо... — прошамкал тот и сел.

— Череп, я закурю? — спросил Барон.

— Валяй, — милостиво разрешил он.

— А мне можно? — набрался я наглости.

— Можно Машку за ляжку, — ответил Череп. Потом улыбнулся (у гадюки улыбка симпатичнее) и разрешил: — Кури, капитан.

Свои сигареты у меня кончились, и я вопросительно посмотрел на Барона. Ивлев кинул мне пачку. Закурив, я обратил все свое внимание на Черепу и комиссию.

— Коллеги, комплексная экспертиза по Трофимову уже готова? Превосходно! Разрешите мне ознакомиться.

Заключение страниц на двадцать моментально было выложено перед психиатром. Боятся они Черепу, ох, боятся! Знать бы, что задумал Барон... Я начал прокатывать в голове всевозможные варианты — от более-менее реальных до самых бредовых. В итоге к середине четвертой сигареты у меня остался только один: Барон смог убедить или надавить на врачей, чтобы те «слепили» из нас невменяемых. Это выполнимо и освобождает нас от любой уголовной ответственности. Чего это стоило Барону, я даже не мог представить. Так, что дальше? Медики слепили диагноз, дело разваливается, но Барон не останавливается на достигнутом. Наличие Черепанова может означать только одно: они будут «ломать» диагноз. И «ломать» так, чтобы нас и в ранг подсудимых не вернули, и в психах не оставили. Какой именно финт ушами могли придумать эти двое, я вычислить не смогу. Заключение одного Черепу, несмотря на все его регалии, будет недостаточно.

От мозгового штурма меня отвлекло легкое щекотание в районе лопаток и тихое шипение. Покрутив головой и не обнаружив источника звука, я уже собрался вернуться к дедукции, но тут Череп дочитал заключение.

— Коллеги, у остальных бойцов тот же диагноз?

— Так точно, — ответил председатель.

— Скверно! Очень скверно! Что ж вы, батенька, так топорно работаете? Третьесортно, я бы сказал. Что ж вы всем «помутненное сознание» лепите?! Это же не понос! Оно массово не случается!

— Но мы... — затянул председатель.

— Я не закончил, — осадил его профессор. — Мою мысль о низкочастотном излучении Ивлев вам озвучивал?

Барон кивком подтвердил его предположение.

— Прелестно. Сейчас, не отходя от кассы, так сказать, мы и рассмотрим эту версию. — Череп поставил на стол потрепанный саквояж, с которым пришел, и вынул из него небольшой прибор. — Перед вами, коллеги, низкочастотный излучатель отечественного производства. Наш ответ американцам. По характеристикам, хочу похвастаться, превосходит их аналог.

Толпа психиатров уставилась на чудо отечественной военной мысли, как папуасы на стеклянные бусы. Лично мне этот излучатель очень напомнил вай-фай роутер, произведенный китайскими умельцами «на колене» с помощью молотка и суперклея. Только произведенный лет десять назад. У меня такой дома стоял. Сбоку еще антенна торчала, которая отломилась через месяц после покупки. Приглядевшись, я увидел, что отечественные низкочастотные излучатели тоже не отличаются качеством сборки — в том месте, где у моего роутера отломилась антенна, у излучателя отсутствовал какой-то наружный элемент.

— Включаем его в сеть, — комментировал свои действия Череп, втыкая вилку в розетку, — и ждем, пока он выйдет на рабочую частоту.

На боковой панели прибора, превосходящего американские аналоги, замигали лампочки. Первая — «сеть», вторая — «подключение кабеля Интернета», третья — «раздача вай-фай сигнала». А четвертая, пятая и шестая, обозначающие «количество приборов, подключенных к роутеру», не загорелись. Потому что кабели в разъемы никто не воткнул. Я удивленно уставился на Барона. А тот, подмигнув мне, кивнул в сторону Череп. Я переключился на врачей.

— А это не опасно? — заинтригованно поинтересовался председатель.

— Не беспокойтесь, друг мой. Это абсолютно безопасно. Иначе меня бы тут не было, — успокоил Череп. Глядя на стадо идиотов в белых халатах, восхищенно и в то же время с опаской вылупившихся на допотопный роутер, я еле сдерживал смех.

— Пока прибор выходит на рабочий режим, давайте определимся: с чем нам поэкспериментировать? — задумчиво пробормотал Черепанов, оглядывая комнату и присутствующих в ней людей. — Капитан, что у вас на правой кисти, — прищурившись, поинтересовался он, — не татуировка ли? Замечательно! Что наколото? Змея! Еще лучше! Вы не могли бы показать татуировку полностью?

— Мне придется раздеться по пояс, — предупредил я.

— Ничего страшного. Раздевайтесь.

Я начал раздеваться.

— Кстати, Михалыч, — воскликнул Череп, — у тебя, ежели мне не изменяет память, тоже татуха есть.

— Это ты, эскулап, сейчас к чему сказал? — с ехидцей спросил Барон.

— Хочу, чтобы и ты в эксперименте поучаствовал! Раздевайся, старый хрыч, — махнул рукой Череп.

— Тебя вырвет от вида моего торса.

— Не бойся, я не обедал.

— Ну, я предупредил, — хмыкнул Барон и начал снимать китель.

К этому моменту я уже стоял по пояс голый.

— Так, повернитесь ко мне спиной, капитан, — скомандовал Череп. Я повернулся.

— Какая красота! — восхитился он. — Вы взгляните, друзья мои! Какое качество рисунка! Какое мастерство! Эх, был бы я моложе, обязательно бы нечто подобное себе сделал. Как живая!

Фальшь! В восхищении Черепа была одна фальшь! Он изначально знал, что у меня есть татуха, и знал ее размеры. Он специально заставил меня раздеться. Меня и Барона.

— Увидь и зарыдай! — обращаясь, видимо, к Черепанову, с усмешкой произнес Барон. Я развернулся, чтобы посмотреть на его татуировку.

ДРАКОН.

На груди генерал-майора Ивлева Дмитрия Михайловича, начальника разведки фронта, кавалера множества государственных наград, БЫЛ ВЫРЕЗАН ДРАКОН.

«Шурале, ты же помнишь наш уговор, ОН — не одобрит...»

«У этих знаков, я имею в виду животных, есть своя ИЕРАРХИЯ...»

«На второй ступени стоит ДРАКОН...»

Колоколом в голове гудели слова, сказанные Кощеем в подземелье. ОН — это Барон. По его просьбе Кощей и его команда помогали нам на маршруте. ОН не одобрил бы мой переход в группу Кощея. И Барон, точнее его ДРАКОН, стоит на втором месте после Красного Феникса Кощея. Так что он за человек?! И человек ли? А Черепанов неординарный и пугающий, блестящий ученый и великолепный боец, кто он? Он знал и про моего Полоза, и про ДРАКОНА Ивлева.

Или совпадение?!

Меня прошиб пот и начало потряхивать.

— Так, господа, — обратился к присутствующим Черепанов, — прибор вышел на рабочий уровень. Можно приступать. Все видели татуировки на телах генерала и капитана? Полковник, вам видно?

Ответа не последовало.

— Полковник, вы меня слышите?

— Он двигается... — раздался сдавленный шепот особиста, к которому я стоял спиной.

— Кто, простите, двигается? — уточнил Череп.

— Змей. На спине капитана, — прошептал полковник.

Я прислушался к своим ощущениям: да, щекотание на спине усилилось. Возникло ощущение, будто по мне ползает кто-то теплый и чуть шероховатый. Аналогичное ощущение появилось в районе кисти правой руки и предплечья. Скосив глаза на руку, я с удивлением обнаружил, что на кисти полоза нет. На предплечье его тоже не было. Не успев как следует задуматься над этим необъяснимым явлением и все еще глядя на свою руку боковым зрением, я заметил движение слева и поднял глаза.

— Здравствуй, Сашка, — поприветствовал меня здоровенный змей, несколько минут назад мирно «лежащий» на моей руке. Его башка находилась на уровне моей головы, а тело опиралось на левое плечо. Большой, однако. До анаконды ему было далековато, но удав из

него получался приличный.

— Здравствуй, Полоз, — улыбнулся я. Страх не было. Было ощущение защищенности. Будто рядом Марся с автоматом стоит.

Не обращая внимания на крики психиатрической комиссии, мы с интересом разглядывали друг друга.

— Похож? — спросил я у него.

— Есть общие черты, — подтвердил он, соглашаясь с тем, что в его морде было что-то неуловимо похожее на меня. — Яга — хороший художник.

— Господи, — зашебетал позади меня особист, — он еще и разговаривает...

— Ты что проснулся? — поинтересовался я, вспомнив слова нечисти о необычности моего рисунка и о его способностях спасти мне жизнь.

— Проследить, чтобы тебе не «прилетело». Плюс старший приказал.

— А кто у нас старший?

— Скоро увидишь, — обыденным тоном ответил змей.

— Позовите кто-нибудь охрану... — заголосил особист.

Полоз повернул голову в его сторону и пообещал полковнику:

— Ты, крыса однозубая, еще раз вякнешь, и я тебе лицо обглодаю...

— От кого мне может «прилететь»?

— От этого дибилоида, с суицидальными наклонностями, который не внял голосу разума моего...

Полоз снова смотрел за мою спину, на полковника, и тут у меня в глазах что-то вспыхнуло. И в следующее мгновение я видел мир уже глазами Полоза. Стоящий позади особист, видимо, вспомнил, что у него есть табельное оружие, вынул пистолет и трясушимися руками направил его мне в голову.

— Полкан, опусти ствол, — порекомендовал я.

— Не опущу, — сдавленно ответил он, — лучше я эту змеюку пристрелю.

— Полкан, — не повышая голоса, продолжил я убалтывать особиста, — ты разве не понял: у нас у всех глюки.

— Глюки? — переспросил он.

— Именно. Вспомни, что Черепанов про излучатель этот долбаный говорил! Не шмальни, галлюцинацию не убьешь, а кого-нибудь из живых — как раз плюнуть.

— А почему ты с глюками разговариваешь?

— Для расширения кругозора, — сказал я первое, что пришло мне в голову. «Череп, Барон, вашу мать, чего молчите? Этот придурок сейчас разнесет мне башку, к нехорошей маме».

— А разве у нас у всех одновременно могут быть одни и те же глюки? — не сдавался особист.

— Полковник, про миражи в пустыне вспомни, — посоветовал я.

— Но мы не в пустыне! — истерично взвизгнул он.

Вспышка в моих глазах повторилась, и я снова видел мир своими глазами.

— Что будем делать, мой чешуйчатый друг? — шепотом спросил я Полоза.

— Подмогу звать, — безмятежно ответил он и крикнул: — Огненный Волк, выходи уже, я знаю, что ты проснулся.

Присутствующие начали испуганно крутить головами в поисках зверя, похожего на волка. Не там мы все искали.

— Генерал, — вдруг заголосоил Бегемотик, — ваш дракон, то есть ваша наколка...

Он громко выдохнул, перекрестился и упал в обморок.

— Хлипковат докторишка... — резюмировал Барон.

Оставшиеся члены комиссии также обратили свои взоры на грудь генерала и остолбенели. Дракон на груди Ивлева несколько раз взмахнул крыльями, потом повернул голову в сторону Полоза, «спрыгнул» с груди Барона на пол и начал медленно увеличиваться в размерах.

Действия дракона на мгновение отвлекли особиста, и Полоз бросился к нему. Я осторожно повернул голову. Закатив от страха глаза и по этой же причине наделав под себя лужу (что-то часто в последнее время мне стали попадаться граждане со слабым мочевым пузырем), особист забавно свел глаза к переносице и наблюдал, как перед его лицом Полоз, выхвативший в броске у него пистолет, этот самый пистолет пережевывает, выплевывая смятые куски железа. Кроме того, Полоз обвился вокруг шеи особиста в два кольца и чуть-чуть его придушил.

А бароновский Дракон «Огненный Волк» вырос до двух с половиной метров, стукнулся головой о потолок, задумчиво ее потер, а потом пустил в сторону комиссии маленький столб пламени. Для остротки, я так понял.

Председатель комиссии, охнув, сел. Тот, что был справа, остался стоять, а левый с криком ломанулся на выход.

— Куда ж ты, болезный, — Барон поймал его на полпути, развернул и начал подталкивать к Дракону. — Смотри, смотри, падла, какие у тебя глюки трехмерные! Хочешь, он тебе башку откусит?!

— Нет!!! — завизжал он.

— Тогда сядь, козел, и не рыпайся, пока профессор тебе не разрешит...

Череп, с интересом наблюдавший за происходящим, усмехнулся, поправил очки в элегантной оправе и обратился к комиссии:

— Господа, я с сожалением вынужден констатировать, что уровень вашей профессиональной подготовки плох. Как можно с вашим доступом к разработкам наших ученых не слышать о низкочастотном излучении?! Отвратительно! Придется доложить об этом руководству. — Череп сделал паузу, давая присутствующим возможность проникнуться ахинеей, которую он нес, и продолжил: — Но не это самое страшное. Сегодня утром я ознакомился с материалами дела...

«Когда ж ты успел?» — мелькнула у меня мысль.

— Вкупе с комплексной экспертизой, которую я только что изучил, у меня сложилось однозначное мнение о надуманности этого дела, а также о сговоре представителей особого отдела, военной прокуратуры и представителей медицинской службы...

«Правильно!» — поддержал я мысленно вывод Черепанова.

— А сговор этот явно тянет на преступные действия, направленные на вывод из строя одной из успешных разведывательных групп. Что вы, голубчик, смотрите на меня, как баран на новые ворота? — поинтересовался он у председателя комиссии.

Дальше Череп начал оперировать такими заумными терминами, что я моментально потерял суть монолога и переключил внимание на Дракона и Полоза.

Огненный Волк (странное имя для дракона) чуть уменьшился в размерах и аккуратно, чтобы не разнести мебель, приблизился к особисту, все еще удерживаемому Полозом. Дракон был уменьшенной копией Горыныча, только с одной головой и красного цвета.

— Волк, — обратился к нему Полоз, — близко не подходит.

— Боишься, что он обделается по-крупному? — усмехнулся он.

— Этот смертный должен быть все время в сознании, — ответил Полоз.

Дракон задумался и оглянулся на Барона:

— Полоз прав, Волк, — подтвердил Барон, — он должен все видеть и слышать.

Дракон сделал пару шагов назад и светским тоном поинтересовался у Полоза:

— Где так долго пропадал? Лет пятьдесят не виделись.

— Ждал, — обыденно ответил Полоз. — Ты сам-то давно в этом мире?

— Почти пятнадцать лет. После того, как Барон и Святогор попытались порешить Черепу, пришлось их вербовать. С тех пор вместе и служим.

— А, — протянул Полоз, — помню, помню тот анекдот! И как тебе Барон?

— Лучше не придумай! А тебе твой капитан?

— Сейчас нормально, а первый час я задолбался с его организмом спорить.

— Чего так?

— Так он же непрофессиональный военный, — кивнул в мою сторону Полоз. — Это у военных все по приказу. А капитан настолько мутировал в рамках своей гражданской специальности, что мне его еще и убеждать пришлось. Пока все положительные стороны симбиоза не расписал, его организм мне все про «насилие над личностью» и «нарушение прав и свобод» зудел. — Дракон рассмеялся. — Полкан, ты там живой? — спросил Полоз у особиста и посмотрел на его белое лицо.

— Чего молчишь, хороняка? — прикрикнул на него Дракон.

— Живой, — судорожно сглотнув, ответил пленный полковник.

— Ай, молодца! — похвалил Дракон.

— Волк, тихо будь. Все внимание на Черепу. Сашка, ты тоже.

— Только что, уважаемые, — продолжал выносить мозг присутствующим Череп, — вы стали участниками эксперимента, показывающего, как малый низкочастотный излучатель может воздействовать на небольшой круг лиц в ограниченном пространстве. Этот успешный опыт доказывает, что вся группа «Урал», попав в замок, подверглась воздействию аналогичного излучателя, но более мощного. И результаты, полученные сегодня, безоговорочно доказывают ошибочность как ваших выводов, коллеги, — он кивнул в сторону врачей, — так и выводов следственных органов. Полковник, вы согласны?

Тишина.

— Ты согласен, кретин? — зло поинтересовался Полоз.

— Согласен, — прошептал он.

— Так вот, коллеги, сейчас председатель комиссии выйдет и сообщит особистам и конвою, что всех бойцов можно отпустить как психически здоровых и абсолютно невиновных. Потом вы напишете соответствующие заключения в картах каждого из бойцов, после чего напишете чистосердечные признания в том, что вы вступили в преступный сговор. Напишите, с кем именно, и передадите свои признания присутствующему тут генерал-майору Ивлеву. А ваши галлюцинации проследят за всем этим. И если что-то пойдет не так, они вас съедят. Давайте приведем в чувство «выбывших из гонки», — усмехнулся Черепанов, показывая на Бегемотика, все еще пребывающего без сознания, — и займемся писаниной.

— Так, эскулапы, — скомандовал Ивлев, видя неподвижность комиссии. — Во-первых, один марш за дверь и отпустить всех бойцов. Во-вторых, приведите в чувство неврастеника

на полу. И, в-третьих, начинаем писать. Мне вас тут до вечера караулить?! Полоз, твоя задача — чистосердечное признание полковника. Можешь ему яйца откусить, но его повинная должна быть через час. Волк, ты надзираешь над комиссией. Погнали, Воины Родной Земли.

Через три с лишним часа, когда с писаниной было почти покончено, дверь открылась и в комнату вошла медсестра неземной красоты. Не обращая внимания на Дракона и Полоза, она обратилась к Черепанову:

— Пап, я Олега на пару часов заберу?

Черепанов строго посмотрел на нее и, вздохнув, ответил:

— Забери, забери. Ядвига, только через два часа он должен быть в расположении!

— Хорошо, папа, — радостно ответила она, повернулась ко мне, легонько щелкнула меня по носу. — Привет, Сашок!

Я присмотрелся и... мать моя! Передо мной стояла Яга! А Череп — ее папа!!! И у него она просила разрешения забрать Олега!!!

— Привет, красавица, — выдавил я, а она уже скрылась за дверью.

— Эх, молодежь... — укоризненно покачал головой Черепанов.

— Да ладно тебе, старый пень, — усмехнулся Барон, — себя вспомни. — Он повернулся ко мне и сообщил: — Вот, попал твой снайпер, Сашок! Взять в жены Ягу, а тестем заполучить Кощея Бессмертного! — После чего громко расхохотался.

Я уже не смеялся. У меня не было сил...

Еще через час мы вышли на крыльцо госпиталя. Я закурил. Рядом стоял Ивлев и довольно щурился, глядя на солнце. В руках у него были наши медицинские карты, признания психиатров и чистосердечное признание особиста. Мой Полоз и его Дракон были на «своих местах».

— Хороший сегодня день, — улыбнулся он. — Сашок, пойдем ко мне. У меня есть замечательный армянский коньяк. Чует мое сердце — нам есть что рассказать друг другу!

— Командир, командир, — прихрамывая, к нам бежал Мамелюк, — я Олега найти не могу. Говорят, его какая-то медсестра забрала...

Мы с Бароном переглянулись и громко захохотали...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ижевск, 2013 год.

От автора

Выражаю огромную благодарность за помощь в создании книги: моей семье, учителю русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 34 г. Ижевска Людмиле Леонидовне Мельниковой и редактору Петру Разуваеву.